9(С)2Т
В 11

В боях ЗА ХАРЬКОВЩИНУ

Воспоминания участников Великой Отечественной войны

Харьковский политехнический ин-т
№ 3
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина

445912

Харьковское книжное издательство

1 9 6 3

ПЕРЕУЧТЕНО
1983 г.

„Не только наши современники, но и грядущие поколения будут всегда свято чтить память героических борцов, которые в смертельных битвах разгромили фашистские полчища, будут чтить память тех, кто спас светлое будущее человечества“.

Н. С. Хрущев

Редакционная коллегия:

И. С. Ганже, С. З. Голиков (ответственный редактор),
Н. А. Михаевич, Ю. А. Скляров, А. П. Шаповал.

Сборник «В боях за Харьковщину» подготовлен Партийным архивом Харьковской области на общественных началах.

В работе над книгой активное участие приняли сотрудники архива Н. К. Калюжная, Л. Ф. Майстренко, В. К. Онищенко, Е. И. Пахнин, а также члены Военно-научного общества при Харьковском гарнизонном Доме офицеров Советской Армии: А. Я. Гуревич, А. Т. Довбня, Д. М. Ковалев, Д. Г. Макаренко, А. И. Мошкович, В. А. Рыбалов.

В создании книги участвовали журналисты Харькова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге собраны воспоминания тех, кто был не только очевидцем, но и участником волнующих, поистине героических дел, которые совершались на Харьковщине два десятилетия тому назад. Эти воспоминания на конкретном фактическом материале показывают, что война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков была всенародной, освободительной войной. Она подвергла тяжелому испытанию морально-политические, экономические и идеологические основы всего советского общества, а блестящая победа наших войск под Курском и Харьковом явилась новым доказательством силы и жизненности социалистического общественного и государственного строя, ознаменовала собой торжество марксистско-ленинской идеологии и политики Коммунистической партии, которая сделала все необходимое для достижения победы. Именно под ее мудрым руководством были разгромлены лучшие части и соединения гитлеровской армии и освобождена наша родная Харьковщина.

Книга рассказывает о том, какую смертельную опасность создало вероломное вторжение гитлеровских полчищ в пределы нашей страны, как поднимались на священную, освободительную борьбу вместе со всеми народами Советского Союза трудящиеся Харьковщины.

По указанию Центрального Комитета ВКП(б) Харьковская областная и городская партийные организации мобилизовали все силы труже-

ников области на отпор врагу. Плодотворная организаторская работа партийных организаций, помноженная на творческую инициативу и патриотизм рабочих и инженерно-технических работников, принесла замечательные плоды. За короткий срок вся харьковская промышленность была перестроена на выпуск военной продукции.

Самоотверженно трудились железнодорожники Южной дороги. Они с первых же дней войны обеспечили бесперебойные перевозки военных грузов, быстрое продвижение на фронт воинских частей. Железнодорожники оборудовали несколько бронепоездов, которые активно участвовали в боях против немецко-фашистских захватчиков.

С чувством огромной ответственности за судьбу Родины трудились на полях колхозники, рабочие совхозов и МТС, внося свой вклад в дело разгрома гитлеровцев.

Десятки тысяч харьковчан ушли сражаться против озверелых разбойничьих полчищ. По призыву и добровольно на фронт отправились 18 692 коммуниста, в том числе свыше ста работников областного и районных комитетов партии. По призыву партии в ряды армии и флота вступили 86 424 комсомольца-харьковчанина.

На фабриках и заводах, в колхозах, совхозах и МТС место мужчин, ушедших на фронт, заняли женщины, подростки, пенсионеры. Они в самоотверженном труде ковали оружие, изготовляли боеприпасы, продовольствие и обмундирование, строили оборонительные сооружения.

Пользуясь внезапностью нападения, противник вклинился в глубь страны, стал развивать наступление на Ленинград, Москву и Киев. Красная Армия вела тяжелые бои.

С приближением немецко-фашистских войск к Харькову обком и горком партии вынесли решение создать корпус народного ополчения. Его командиром был назначен председатель горсовета А. И. Селиванов, а комиссаром — первый секретарь Харьковского обкома и горкома А. А. Епишев.

В корпус вступило до 85 тысяч рабочих, колхозников и служащих. За храбрость и мужество при защите родного города многие из них были удостоены правительственных наград.

Тяжелая обстановка, которая сложилась в первые дни войны, вынуждала советские войска отступать и оставлять свои города и села. В это время Центральный Комитет ВКП(б) исходя из конкретной обстановки дал указания всем партийным организациям союзных республик, краев и областей, над которыми нависла угроза немецко-фашистской оккупации, подготовить кадры для развертывания партизанского движения и организации работы в подполье.

Всенародная партизанская борьба сыграла большую роль в войне против гитлеровских захватчиков. Партизанское движение показало высокий моральный облик советского человека, его любовь к своему социалистиче-

скому Отечеству, безграничную преданность Коммунистической партии. Оно возникло в недрах народа и явилось составной частью Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских поработителей. История войны наглядно подтвердила вывод марксизма-ленинизма, что широкое всенародное партизанское движение возможно только в справедливой освободительной войне.

Организатором и руководителем этого движения явилась Коммунистическая партия. Коммунисты были первыми и самыми храбрыми партизанами. За ними, передовыми борцами за свободу и независимость народа, шли тысячи, десятки тысяч беспартийных рабочих, колхозников, представителей советской интеллигенции

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, Харьковский областной, городской и районные комитеты партии провели большую работу по формированию партизанских отрядов и партийного подполья.

На партийное и комсомольское подполье Центральный Комитет возложил задачу поддерживать постоянную связь с населением оккупированных районов, вселять в сердца советских людей глубокую веру в нашу победу, поднимать рабочих, крестьян и интеллигенцию временно оккупированных районов на всенародную войну против немецко-фашистских захватчиков.

Следует отметить, что работа подпольных организаций в Харьковской области велась в исключительно трудных условиях. В течение пятнадцати месяцев здесь проходил фронт, область была наводнена гитлеровскими войсками.

И все же коммунисты и комсомольцы, участники и руководители подполья, самоотверженно работали в тылу врага, распространяли среди населения листовки, призывали активизировать борьбу с гитлеровскими захватчиками, разоблачать лживую фашистскую пропаганду, содействовать успехам партизанской войны.

Активную борьбу против немецко-фашистских оккупантов вели также партизаны Харьковщины.

Англо-американские и западногерманские фальсификаторы всячески пытаются оклеветать украинский народ. Они пишут, что якобы украинцы дружелюбно встретили гитлеровскую армию. В книге «Коммунистические партизанские действия» английские авторы Диксон и Гейльбрунн клеветнически пишут:

«Когда в 1941 году германские армии вторглись в СССР, они не опасались широкого партизанского движения и действительно в начале кампании с ним не столкнулись. Многие белорусы и украинцы приветствовали их как освободителей» [1].

---

[1] Ч. О. Диксон и О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. Изд. иностр. лит., М., 1957, стр. 29.

Эту фальсификаторскую мысль выражает также гитлеровский генерал Курт Типпельскирх, который заявляет, что якобы в конце 1941 года в тылу группы немецких армий «Юг» все районы, населенные украинцами, были «свободны от партизан» [1].

Другой гитлеровский генерал Бутлер в своих вымыслах пошел еще дальше. Он утверждает, что на Украине вообще не было никакого партизанского движения до начала 1943 года.

Действительные факты опровергают измышления фальсификаторов. На самом деле и белорусы и украинцы «приветствовали» гитлеровских «освободителей» огнем пулеметов и автоматов, взрывами их эшелонов, уничтожением живой силы врага. Украинцы, как и все советские люди, оказавшиеся на территории, захваченной немецко-фашистскими войсками, с первых же дней оккупации пошли в партизанские отряды, чтобы под руководством коммунистов беспощадно громить фашистских извергов.

Харьков был оккупирован врагом 24 октября 1941 года, а уже в конце этого же месяца на Харьковщине действовали партизаны.

Только за семь месяцев, с 1 ноября 1941 года по 1 июня 1942 года, партизаны истребили 2298 немецких солдат, офицеров и фашистских прислужников, ранили 403 человек и захватили в плен 2303 гитлеровцев. За совершенные в эти дни подвиги 52 партизана Харькова и области были удостоены правительственных наград.

В ноябре 1941 года на пригородной станции Новая Бавария был взорван железнодорожный путь, в результате чего погибли десятки гитлеровцев.

В этом же месяце в Харькове взлетел на воздух немецко-фашистский штаб на улице Дзержинского № 17, во главе с генералом Брауном, а затем был взорван военный штаб на площади Руднева и мост, соединяющий центр города с Холодной Горой.

За 23 месяца героической борьбы партизанские отряды, диверсионные и антифашистские группы Харьковской области истребили более 23 тысяч гитлеровских солдат, офицеров и их прислужников, разгромили 4 штаба противника, взорвали 21 железнодорожный эшелон с войсками и техникой врага, вывели из строя 88 паровозов и 777 вагонов, взорвали 24 железнодорожных и шоссейных моста, подбили и взорвали 260 автомашин, 107 подвод с боеприпасами, захватили 1167 винтовок, 62 автомашины, 102 пулемета, 6 030 000 патронов, 26 автоматов, 94 862 гранаты и 2380 снарядов.

О партизанской войне в тылу врага на Харьковщине рассказывают тт. П. Журавлев, И. Кулишов, А. Резник и другие, а о том, как советские

---

[1] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Изд. иностр. лит., М., 1956, стр. 229.

люди помогали попавшим в беду воинам, ведут рассказ тт. К. Седов, Н. Протопопова, А. Мещанинов, В. Труфанова и другие.

Партизаны и партизанки Харьковской области вписали немало ярких страниц в историю борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Их подвиги стали достоянием истории Великой Отечественной войны, сыновья и внуки наши будут с благодарностью и гордостью произносить их славные имена.

В первый и второй периоды войны Харьковщина занимала исключительно важное место в военно-стратегических планах немецко-фашистского командования. В 1941 году, например, гитлеровская группа армий «Юг» рвалась через Харьковщину на Донбасс и Кавказ, а в июне 1942 года значительная часть войск противника с территории Харьковщины начала свое летнее наступление.

В 1943 году Гитлер требовал от своих генералов любой ценой удержать Харьков и тем самым не допустить наступления советских войск с целью освобождения Украины. Но все эти планы в конечном счете потерпели полное крушение.

В ходе войны советские войска трижды предпринимали наступление, чтобы освободить Харьковскую область. Первое наступление провели войска Юго-Западного и Южного фронтов в мае 1942 года. Вначале они прорвали оборону врага и продвинулись на значительное расстояние. Однако сказалась недостаточная подготовка и большое превосходство противника в живой силе и технике. Наступление не достигло поставленной цели. Наши войска понесли большие потери и отступили на левый берег Северного Донца, а в конце июня вся область оказалась под кровавым сапогом захватчиков.

Начало коренному перелому в ходе войны положил разгром немецко-фашистских войск на Волге. Это позволило развернуть наступление на широком фронте, в ходе которого был освобожден почти весь Северный Кавказ, Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск, прорвана блокада Ленинграда. А в феврале 1943 года началось освобождение Харьковской области. В ходе этого наступления оккупанты были изгнаны почти со всей территории Харьковщины. 16 февраля войска Воронежского фронта освободили Харьков и к 26 февраля вышли на рубеж Коренево—Хотень— Гадяч —Опошня.

Однако в конце февраля противник перегруппировал силы, подтянул свежие резервы и перешел в контрнаступление. 15 марта 1943 года наши войска были вынуждены снова оставить Харьков и к 23 марта отошли к реке Северный Донец. На этом рубеже они и вели оборонительные бои до июля 1943 года.

В мартовских боях за Харьков героический подвиг совершили двадцать пять советских гвардейцев-широнинцев. Западнее Харькова после многодневных ожесточенных боев во взводе гвардии лейтенанта П. Н. Широнина осталось 25 человек. Озверевшие гитлеровцы, имея огромное

превосходство в силах, решили любыми средствами сломить сопротивление советских воинов, бросили против них 20 танков, 15 бронемашин и свыше батальона пехоты. У двадцати пяти гвардейцев была единственная противотанковая пушка, из которой широнинцы прямой наводкой расстреливали фашистские танки. Когда пушка была раздавлена тяжелым немецким танком, оставшиеся в живых гвардейцы с гранатами в руках продолжали отбивать натиск врага. Они сражались до последнего дыхания, уничтожив 10 фашистских танков и до сотни гитлеровцев [1]. Двадцать из двадцати пяти советских воинов погибли в неравном бою, но не отступили ни на шаг. За бессмертный подвиг двадцати пяти гвардейцам присвоено высокое и почетное звание Героя Советского Союза.

В жестоких боях за Харьков в марте 1943 года вместе с советскими войсками принимал активное участие батальон чехословаков. Второго марта этот батальон занял оборону в районе Соколово, юго-западнее города Змиева. 8-го марта гитлеровские танки атаковали это село. Первая атака была успешно отбита. В тот же день в 15 часов 30 минут противник бросил против батальона чехословаков 60 танков с десантом автоматчиков и огнеметчиков силою более батальона. После ожесточенных боев немцам удалось захватить Соколово. При этом воины чехословацкого батальона неоднократно переходили в яростные контратаки, навязывали врагу рукопашные схватки. Во время боя за Соколово чехословацкие воины сожгли и подбили 22 немецких танка, 5 бронетранспортеров и истребили более 400 гитлеровцев. Чехословацкие офицеры и рядовые воины героически вели себя в этом неравном бою, многие пали смертью храбрых.

Самоотверженно и умело руководил обороной Соколово надпоручик Ярош. Будучи дважды ранен, он не покинул своего поста и пал смертью храбрых. Чехословацкий воин Черный истребил 37 фашистов, рядовой Видек уничтожил 15 гитлеровских автоматчиков.

Взвод противотанковых ружей, которым командовал надпоручик Крал, подбил три фашистских танка. После ранения Крал был помещен в один из госпиталей Харькова, но когда харьковские госпитали стали эвакуироваться, Крал явился к начальнику обороны тракторного завода и попросил предоставить ему место в обороне объекта. Он был назначен командиром стрелковой роты. Этой ротой чехословацкий офицер Крал командовал во время решающего боя, вывел ее из вражеского кольца и сам уничтожил 15 гитлеровцев.

Отважно и мужественно сражались за Харьков чехословацкие коммунисты. Смело водил в атаку свое отделение Курт Вольф. В бою он был трижды ранен. После третьего смертельного ранения коммунист Вольф упал, но когда товарищи подбежали к нему, чтобы оказать помощь, он

---

[1] Сообщения Совинформбюро, т. IV, стр. 175.

приказал воинам не задерживаться, идти вперед и беспощадно бить проклятых гитлеровцев.

Рядовой чехословацкий воин коммунист Шпигель, участник гражданской войны в Испании, более трех часов оборонял подступы к узлу сопротивления батальона. Огнем своего пулемета он отсекал фашистскую пехоту от танков и срывал атаки гитлеровцев. Весь пулеметный расчет коммуниста Шпигеля погиб, но не отступил ни на шаг.

Командир противотанкового взвода надпоручик Франк, когда вся прислуга одного орудия выпла из строя, сам стал к орудию и повел огонь. Он подбил четыре вражеских машины, сражался с гитлеровцами до последнего снаряда и погиб под гусеницами вражеского танка.

За героические подвиги в боях за Харьков были награждены 252 командира и рядовых воина чехословацкого батальона. Они получили ордена и медали, а Отакар Ярош первым из иностранцев, сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков на советской земле, посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

В этой книге читатель найдет рассказы участников боев за Харьков и о подвигах, которые они совершали.

На развитии событий под Харьковом в феврале — марте 1943 года отрицательно сказались недостатки руководства войсками со стороны Ставки Верховного Главнокомандования. Напряженная обстановка, сложившаяся к моменту перехода гитлеровских войск в контрнаступление под Харьковом, требовала своевременной передачи в распоряжение Юго-Западного и Воронежского фронтов крупных резервов, освободившихся после разгрома гитлеровцев на Волге. Этого не было сделано. Наступление без закрепления достигнутых рубежей, отставание тылов и недооценка сил противника привели к тому, что в марте 1943 года мы потеряли Харьков, Белгород и ряд районов.

Окончательное освобождение Харькова летом 1943 года связано с разгромом фашистских войск под Курском. К тому времени благодаря героическим усилиям тружеников советского тыла было полностью ликвидировано превосходство противника в танках, самолетах и другой боевой технике. Советские воины в жестоких двухлетних боях научились бить врага. Немецко-фашистское командование не захотело считаться с изменившейся обстановкой. 5 июля 1943 года одновременно на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях оно бросило в наступление свои лучшие дивизии. На одном только Белгородско-Курском направлении в наступлении участвовало свыше тысячи танков и большое число самолетов, но под ударами советских войск в первые же дни сражения гитлеровцы потеряли около тысячи танков и несколько сот самолетов. Правда, ценой колоссальных потерь фашистским захватчикам удалось вклиниться в нашу оборону, однако через несколько дней наступление гитлеровской армии захлебнулось. Советские войска перешли в контрнаступление.

В боях за освобождение Харьковщины героически сражались пехотинцы, артиллеристы, летчики, танкисты.

Летчики одного авиационного соединения провели 311 воздушных боев, сбили 350 вражеских самолетов.

20 августа шестерка советских истребителей, ведомая младшим лейтенантом Веселовским, встретилась в воздухе с 36 бомбардировщиками противника и смело атаковала их. Немецкие летчики были вынуждены повернуть обратно. Наши истребители сбили в этом бою семь фашистских самолетов.

Исключительное мужество и отвагу проявили в боях за Харьков танкисты генералов Ротмистрова и Катукова. Дерзкий рейд по тылам врага совершила танковая рота под командованием коммуниста старшего лейтенанта Голованова. Она сходу протаранила оборонительную полосу противника и вырвалась за линию вражеской обороны. Гитлеровцы, оправившись от неожиданного удара, закрыли образовавшуюся брешь. Танки Голованова оказались в огненном кольце. По ним били несколько противотанковых и артиллерийских орудий. Но они подавили 10 огневых точек врага и устремились вперед.

У одного из населенных пунктов путь советским танкам преградили батареи противотанковых орудий гитлеровцев. Старший лейтенант Голованов приказывает не сбавлять скорости и вести огонь из пулеметов и пушек сходу. Умело маневрируя, делая резкие повороты, советские танкисты раздавили немецкие пушки, проскочили через несколько населенных пунктов и достигли важной шоссейной магистрали, по которой тянулись вереницы отступающих обозов неприятеля. Там советские танки врезались в обозы врага и беспощадно давили их. Пять часов продолжался дерзкий рейд по тылам врага. Танкисты во главе со старшим лейтенантом Голованом на невредимых машинах вернулись в свою часть. Это не единственный пример доблести советских воинов. Три танка под командованием тт. Андрощука, Рокоши и Коваленко вступили в бой с шестью тяжелыми машинами врага. Пять из них были подбиты и сожжены. Танковые экипажи тт. Грибанова, Перцева, Брезгина и Лисицкого встретились с 15 фашистскими танками. Завязался короткий бой. В результате тяжелый фашистский танк «тигр» был объят пламенем и уничтожены еще три средних и четыре легких танка.

В середине августа советские войска все ближе подходили к Харькову, сжимая в полукольце мощную группировку немецко-фашистских войск. Гитлеровское командование бросило в бой инженерные подразделения, юнкеров артиллерийских, танковых и военно-технических школ. В бой вводились также и маршевые батальоны, только что прибывшие из Германии. Однако наши воины продолжали победоносно двигаться вперед.

В боях за освобождение Харьковщины вместе с украинцами и рус-

скими участвовали представители многих народов великой Советской страны. Все они дрались с исключительным мужеством. В одном из боев старший сержант казах Ахтай Матаев в штыковой атаке уничтожил пять гитлеровцев, обезоружил и взял в плен трех вражеских солдат. Снайпер узбек Нарудинов истребил вышедших из машины немецких танкистов и захватил исправный танк «тигр». Автоматчик туркмен Курбан Зляев за несколько минут в бою огнем из своего автомата истребил 17 гитлеровцев, а татарин Баширов уничтожил до 20 солдат и офицеров.

Наступление развернулось с огромной силой. Оборона гитлеровцев на окраинах города была прорвана. Бои завязались на улицах и площадях большого города. Это было 23 августа 1943 года. Гитлер в отчаяньи снял часть своих войск, находившихся в Западной Европе, и с помощью самолетов спешно перебросил в район Харькова. Ему удалось сколотить новую крупную группировку на участке юго-западнее Харькова. Здесь разгорелись ожесточенные бои. Противник несколько потеснил наши части, но в это время навстречу гитлеровским войскам вышли советские танки. Танкисты наголову разгромили бронированные гитлеровские полки и дивизии, и исход боя был решен.

23 августа войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов штурмом освободили Харьков. Над городом взвилось алое знамя победы.

За успешные боевые действия по освобождению Харькова десяти стрелковым дивизиям (252-й, 84-й, 299-й, 116-й, 375-й, 183-й и 15-й, 28-й, 89-й и 93-й гвардейским) присвоено наименование «Харьковские».

Сотни советских воинов отдали свою жизнь при освобождении Харькова. Смертью храбрых погиб летчик-лейтенант А. В. Добродецкий. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Это же высокое звание получил младший лейтенант Г. Я. Седов. Тысячи воинов были награждены орденами и медалями.

Освобождение Харьковщины явилось составной частью одной из крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны — битвы под Курском.

Разгром немецко-фашистских захватчиков на Курской дуге и на Харьковщине ознаменовал завершение коренного перелома в ходе войны, начало которому было положено в сражениях под Москвой и в особенности на Волге. Эта историческая победа Советских Вооруженных Сил ускорила развал гитлеровской коалиции, показала со всей очевидностью неосуществимость стратегических планов германского военного командования. Она подорвала моральний дух немецкой армии, вселила народам оккупированных стран уверенность в близком освобождении от фашистского порабощения.

В боях за освобождение Харьковщины ярко проявились высокие морально-боевые качества советских воинов, их безграничная преданность своей социалистической Отчизне.

Замечательные успехи наших войск продемонстрировали превосходство советского военного искусства, силу и мудрость руководства ленинской партии, ее вдохновляющую и организующую роль в мобилизации и сплочении всех сил народа на разгром врага.

Трудящиеся Харьковской области свято хранят в своих сердцах память о замечательных подвигах советских воинов-освободителей, многие из которых отдали самое дорогое, что дано человеку,— свою жизнь — во имя свободы и независимости Родины, во имя спасения всего человечества от коричневой чумы фашизма.

30 августа в честь освобождения Харькова состоялся общегородской митинг, на котором присутствовало более 25 тысяч человек. Тут были рабочие, крестьяне окрестных сел, представители интеллигенции и Красной Армии. Бурными аплодисментами и приветственными возгласами встретили участники митинга появление на трибуне одного из выдающихся организаторов борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков товарища Н. С. Хрущева и командующего войсками Степного фронта генерала армии (ныне Маршала Советского Союза) И. С. Конева.

Секретарь ЦК КП(б)У товарищ Н. С. Хрущев от имени Коммунистической партии и всего украинского народа поблагодарил бойцов, офицеров и генералов за доблесть, проявленную в боях за освобождение Харькова.

С исключительным подъемом участники митинга приняли письмо бойцам — освободителям города. В этом письме говорилось:

«Ваша кровь освятила землю нашего родного Харькова. Ваши самоотверженные подвиги вернули нам свободу, жизнь и честь. Слава вам, орлам советской земли. Слава вам, наши освободители и защитники» [1].

Трудящиеся всей страны восприняли весть об освобождении Харькова с большой радостью, откликнулись на эту знаменательную победу советских войск новыми успехами в труде, выразили готовность оказать освобожденному населению свою помощь. В этом проявилась великая дружба народов Советского Союза, воспитанных Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, братской взаимопомощи.

В ответ на заботу Коммунистической партии и всего советского народа харьковчане брали конкретные обязательства по усилению борьбы против гитлеровских полчищ.

В первые дни после освобождения Харьковской области от фашистских захватчиков партийные организации и лично товарищ Н. С. Хрущев большое внимание уделяли восстановлению разрушенного фашистскими извергами Харькова и народного хозяйства области. 26 августа товарищ Н. С. Хрущев провел совещание секретарей райкомов КП(б)У и председателей исполкомов райсоветов. На этом совещании были обсуждены первые мероприятия по восстановлению города.

---

[1] «Известия», 1943, 1 сентября.

Спустя еще два дня состоялось заседание Совнаркома УССР с участием ответственных партийных и советских работников Харькова, на котором обсуждались вопросы о неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства и организации питания населения города.

Органы партии и Советской власти — ЦК КП(б)У, Совнарком УССР, облисполком, обком КП(б)У, исполком горсовета, горком КП(б)У, райпарткомы и райисполкомы — прибыли в город Харьков вслед за частями Красной Армии. Население города с большой активностью приступило к восстановлению промышленности, учебных и культурных заведений. После освобождения в Харькове развернули плодотворную работу партийные и советские органы, начали выходить областные и республиканские газеты, уже в первые дни приступили к работе 5 кинотеатров, 8 почтовых отделений, 41 магазин, 7 столовых, 16 поликлиник, 25 аптек, 18 пекарен.

20 сентября советские войска завершили освобождение всей территории Харьковской области.

Авторы книги — участники боев за Харьков — в своих воспоминаниях рассказывают об обороне города в первые дни войны, о героической борьбе трудящихся Харьковщины в тылу врага и об освобождении нашей области от гитлеровских захватчиков.

С. З. Голиков,
генерал-майор,
доктор исторических наук, профессор

Please

ОБОРОНА ХАРЬКОВА

445912

ХАРЬКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИН-ТУТ
№ 3
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина

65

А. А. ЕПИШЕВ
Генерал армии

В ОДНОМ СТРОЮ СО ВСЕМ НАРОДОМ

От уже свыше двух десятилетий отделяет нас от суровых июньских дней 1941 года, когда гитлеровская Германия вероломно напала на нашу Родину. И хотя время сглаживает в памяти некоторые подробности событий первых недель и месяцев Великой Отечественной войны, многое осталось незабываемым.

Вспоминая о том суровом времени, хочется прежде всего сказать о самом главном и важном. А самое главное и важное — это великий подвиг советского народа, который был совершен им в борьбе с сильным и коварным врагом, вдохновляющая и организующая роль Коммунистической партии в достижении всемирно-исторической победы над темными силами фашизма.

Под руководством своей родной ленинской партии советский народ поднялся во весь свой исполинский рост, мобилизовал свои духовные и материальные силы, развернулся во всю свою богатырскую мощь и наголову разгромил гитлеровскую армию — самую мощную по тому времени армию капиталистического мира.

В жестоких боях за честь, свободу и независимость своей любимой Отчизны советские люди проявили пламенный патриотизм, высокую

сознательность, железную стойкость, несгибаемую волю к победе, беззаветную любовь к социалистической Родине и жгучую ненависть к ее врагам, беспредельную преданность великим идеям марксизма-ленинизма.

Своим бессмертным подвигом, своими поистине легендарными делами на фронте и в тылу советский народ поверг в изумление весь мир, вызвал искреннее восхищение и глубокую признательность всего прогрессивного человечества. «Не только наши современники,— говорил Н. С. Хрущев,— но и грядущие поколения будут всегда свято чтить память героических борцов, которые в смертельных битвах разгромили фашистские полчища, будут чтить память тех, кто спас светлое будущее человечества».

Всякий раз, как только начинаешь вспоминать о Великой Отечественной войне, в памяти невольно встает ее начальный период. Это было грозное и тяжелое время. Части Красной Армии под ударами превосходящих сил противника были вынуждены отступать, оставляя врагу значительные районы родной земли.

В то время я работал секретарем Харьковского областного и городского комитетов КП(б)У. Как сейчас, помню первый день войны. Это настолько еще живо в памяти, что кажется было совсем недавно.

22 июня 1941 года в 4 часа утра мне на квартиру позвонил командующий войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенант А. К. Смирнов. Он сообщил тяжелую весть о разбойничьем нападении немецко-фашистских захватчиков на мирный советский народ. На рассвете воскресного дня немецкая артиллерия открыла огонь по советской земле. Гитлеровская армия, нарушив государственную границу, начала вероломное вторжение на территорию нашей Родины. Немецко-фашистская авиация совершила зверские налеты на многие города Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и Крыма.

Началась война, потребовавшая от нас огромных усилий и больших жертв. Период мирного развития кончился. Отныне требовалось все вопросы практической деятельности партийной организации рассматривать по-иному, с учетом перехода страны на военное положение. «...Раз дело дошло до войны,— учил В. И. Ленин,— то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо».

Накануне войны первичные партийные организации Харьковщины объединяли в своих рядах свыше 67 тысяч членов и кандидатов партии. Это была огромная сила, тесно связанная с широкими массами трудящихся. Около 160 тысяч человек насчитывала областная комсомольская организация. И надо сказать, что коммунисты, комсомольцы, все трудящиеся Харькова и области, выполняя указания Центрального Комитета ВКП(б) и ЦК КП(б)У с первых же дней войны так же, как и в мирное время,

заняли свое достойное место в едином строю со всем советским народом, со всей партией. Они как один поднялись на священную Отечественную войну против фашистских захватчиков.

Утром 22 июня 1941 года срочно было созвано объединенное заседание бюро областного и городского комитетов партии с участием секретарей райкомов и партийного актива города и области. На повестке был один вопрос: о переходе на военное положение и перестройке всей работы на военный лад с целью оказания максимальной помощи Советским Вооруженным Силам.

В тот же день четко и оперативно начали осуществляться первые мобилизационные мероприятия. По городу и области была быстро создана сеть призывных пунктов. В части Красной Армии направлялись первые тысячи призывников. Были оборудованы агитпункты, в которых имелись радио, газеты, материалы наглядной агитации, работали агитаторы. На предприятиях и учреждениях Харькова, в селах и деревнях партийные организации развернули боевую агитационную работу среди населения.

В первые дни войны десятки тысяч харьковчан влились в ряды воинов. Около 19 тысяч коммунистов и свыше 86 тысяч комсомольцев Харьковской области ушли на фронт.

На военную и политическую работу в армию и в партизанские отряды были направлены десятки ответственных партийных и советских работников. Среди них второй секретарь Харьковского горкома партии В. М. Чураев, секретари райкомов и председатели райисполкомов Т. С. Алешин, Н. М. Миловский, А. Рыжков, В. С. Ульянов, И. П. Прохода, А. В. Коваленко, А. Г. Корабельщиков, И. П. Парнюк, П. А. Журавлев, А. Д. Гончаров, А. Г. Бузныка и многие другие, которые провели большую работу по выполнению боевых заданий командования. Многие товарищи отдали жизнь за честь и свободу нашей Родины. Среди них секретари райкомов партии А. Д. Гончаров, Н. М. Миловский, А. Рыжков, В. С. Ульянов, И. П. Прохода и другие, председатель Облисполкома П. Г. Свинаренко, председатель Алексеевского райисполкома А. Г. Бузныка.

Многие воспитанники Харьковской партийной организации шли в первых рядах при освобождении от гитлеровцев Украины, Белоруссии, Советской Прибалтики и Молдавии, были в первых рядах в тяжелой борьбе за освобождение народов Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, участвовали в штурме Берлина и в разгроме японских милитаристов. Своим личным примером героической борьбы против фашистских захватчиков коммунисты воодушевляли на подвиги всех воинов. За совершенные подвиги в борьбе с сильным и коварным врагом более ста харьковчан удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а двое из них — коммунисты З. К. Слюсаренко и А. К. Недбайло — дважды Героев Советского Союза.

Коммунисты, оставшиеся в тылу, продолжали напряженную работу по обеспечению бесперебойной работы промышленности и сельского хозяйства, поддержанию нормальной жизни городов и сел.

В этой обстановке одна из коренных задач, которую предстояло незамедлительно решать партийным и советским органам, состояла в том, чтобы перевести промышленные предприятия, все народное хозяйство города и области на военные рельсы. И эта сложная задача усилиями коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся Харькова и области была решена успешно.

За годы Советской власти неузнаваемо изменилось лицо Харьковщины. Из когда-то отсталой и аграрной области она превратилась в один из крупнейших индустриальных центров страны. Достаточно сказать, что накануне Великой Отечественной войны в Харьковской области было свыше 1200 крупных промышленных предприятий, а выпуск промышленной продукции с 1917 года по 1940 год увеличился в 12 раз. Количество рабочих и служащих в Харькове в 1940 году превышало 300 тысяч человек.

В Харькове были воздвигнуты такие гиганты советской индустрии, как Харьковский тракторный завод, турбогенераторный, электромеханический, станкостроительный, «Свет шахтера», «Серп и молот» и многие другие. Это были современные промышленные предприятия, оснащенные новейшей техникой и имевшие большую производственную мощность. Харьковский станкостроительный завод, например, только за два года — 1939 и 1940 — выпустил станков больше, чем производила вся станкостроительная промышленность России в 1913 году.

Перед войной экономика Харькова и области была на большом подъеме. Ее развитию исключительно большое внимание уделяли Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство, а также ЦК КП(б)У и правительство Украины. Незадолго до войны в Харьков приезжали Н. С. Хрущев, Д. С. Коротченко, М. А. Бурмистенко. Они побывали на многих заводах и стройках, в совхозах и колхозах, в научно-исследовательских учреждениях и учебных заведениях, живо вникали в вопросы хозяйственного строительства, быта и культуры. В ходе многочисленных бесед с рабочими и колхозниками, деятелями науки и культуры, партийными и советскими работниками Н. С. Хрущев высказал много ценных конкретных советов и пожеланий по дальнейшему развитию народного хозяйства и культуры в Харьковской области.

Выполняя указания партии и правительства, харьковчане самоотверженно трудились, одерживая одну победу за другой на всех участках социалистического строительства. Успешно выполняли производственные планы рабочие коллективы харьковских заводов. С каждым месяцем они наращивали выпуск промышленной продукции. На турбогенераторном

и электромеханическом заводах, на заводе «Серп и молот» и других передовых предприятиях осваивалось производство новых видов промышленной и сельскохозяйственной техники. Продукция харьковской промышленности славилась на всю страну.

Теперь, с началом войны, необходимо было всю промышленность переключить на выпуск военной продукции. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации Харькова предприняли ряд важных мер, обеспечивших перестройку народного хозяйства на военный лад. В очень сжатые сроки коллективы промышленных предприятий освоили выпуск необходимой для фронта боевой техники, а также снаряжения.

В напряженной обстановке рабочие, инженеры и техники, служащие харьковских фабрик и заводов, глубоко сознавая высокую ответственность, проявили исключительное самообладание, инициативу и организованность. Не считаясь ни с временем, ни с затратой сил, они самоотверженно трудились, горя только одним желанием: дать фронту как можно больше военной продукции, приблизить победу над врагом. Помнится, в то время фашистская авиация часто совершала налеты на Харьков, подвергала его варварской бомбардировке. Но какими бы массированными и жестокими не были эти налеты, харьковчане не покидали своих рабочих мест, они дни и ночи трудились для фронта, во имя победы.

Много и напряженно трудились эти месяцы железнодорожники Южной железной дороги. С подлинно военной четкостью и организованностью они осуществляли перевозки народнохозяйственных и военных грузов. Их труд с полным основанием можно назвать героическим.

Сознавая свой патриотический долг перед Родиной, не покладая рук работали в те дни колхозники, рабочие совхозов и машинно-тракторных станций области. Надо сказать, что в предвоенные годы труженики села Харьковской области добились больших успехов. Имея в руках новую сельскохозяйственную технику, они из года в год повышали производство хлеба, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов. В то время успешно была решена проблема обеспечения Харькова продуктами питания благодаря созданию вокруг него картофельно-овощной и животноводческой баз. Харьковская область не только полностью обеспечивала себя продуктами сельского хозяйства, но и была крупной базой снабжения ими других районов нашей страны. И когда грянула война, труженики сельского хозяйства Харьковской области стремились как можно быстрее провести уборку урожая, делали все для того, чтобы помочь Советской Армии, сдерживавшей натиск оголтелого врага.

В первые же недели войны в городах, рабочих поселках и селах были созданы истребительные батальоны, в которые влились лучшие представители заводов, фабрик, учебных заведений, учреждений, колхозов и совхозов.

14 июля 1941 года бюро Харьковского горкома партии приняло решение о создании корпуса народного ополчения в составе девяти дивизий, утвердило командный и политический состав корпуса. Все формирования народного ополчения сводились в роты, батальоны и полки, в соответствии с организационной структурой частей Красной Армии. Фундаментом, цементирующей силой частей и подразделений народного ополчения были коммунисты и комсомольцы.

На 7 августа 1941 года среди народных ополченцев были 12 293 коммуниста и 9166 комсомольцев. Вся боевая подготовка народного ополчения проходила в соответствии с указаниями секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева по утвержденной Харьковским горкомом партии программе. Партийные организации проявляли повседневную заботу о всесторонней подготовке бойцов народного ополчения. Созданное и руководимое Харьковской областной партийной организацией народное ополчение оказало серьезную помощь Красной Армии в боях за Харьков.

В конце сентября 1941 года сложилась тяжелая обстановка. Войска Юго-Западного и Южного фронтов после ожесточенных, напряженных оборонительных боев на Левобережной Украине отступали к Харькову, Донбассу и Крыму. Гитлеровские войска все ближе подходили к Харькову. Над ним нависла непосредственная угроза захвата его фашистскими оккупантами.

В этих условиях перед партийными и советскими органами Харькова встала задача обеспечить планомерную эвакуацию промышленности и других материальных и культурных ценностей в восточные районы страны. Эта сложная и трудоемкая задача была выполнена четко и оперативно. В сжатые до предела сроки при непрерывных налетах фашистских воздушных бандитов были отправлены 320 эшелонов заводского оборудования, 275 эшелонов с людьми и 56 санитарных поездов. Сложнейшее оборудование заводов и фабрик вместе с рабочими, инженерами, служащими и их семьями, учебные заведения, театры, музеи были вывезены на восток страны.

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что предприятия, переброшенные в восточные районы страны, быстро развернули там производство и заработали на полную мощь.

Рабочие и инженеры эвакуированных в советский тыл харьковских предприятий на новых местах быстро установили оборудование и в короткие сроки обеспечили высокие темпы выпуска продукции.

Десятки тысяч харьковчан в советском тылу самоотверженно трудились во имя победы над врагом, выполняя задания партии и правительства. Среди них были товарищи В. Н. Титов, Н. А. Соболь, И. А. Кащеев, П. Е. Саблев, П. Е. Шелест, К. А. Трусов, И. С. Савельев и многие другие.

«Все для разгрома врага!» — под этим лозунгом развернулось сорев-

нование фронтовых бригад и смен на харьковском заводе «Серп и молот» и других эвакуированных в советский тыл предприятиях.

Слесари коммунист Александр Сало и комсомолец Дмитрий Панин заменили ручную обработку деталей обработкой на станке. В первый же день тов. Сало выполнил норму на 1931%, а тов. Панин на 2484%. Их примеру последовали многие другие. Так зародилось среди харьковских машиностроителей замечательное движение тысячников.

Самоотверженный труд харьковчан был высоко оценен партией и правительством. За усовершенствование боевой техники, за обеспечение заданий правительства по вооружению советских войск сотни харьковских машиностроителей награждены орденами и медалями.

Но эвакуация этих предприятий на восток не означала прекращения производства в Харькове. Прифронтовой город сражался в одном строю с армией. Оставленные в городе цеха крупнейших заводов с каждым днем наращивали выпуск боевой техники, оружия, боеприпасов и снаряжения.

В связи с продвижением немецко-фашистских войск в глубь страны областной и городской комитеты партии уделили большое внимание созданию военных объектов и оборонительных сооружений. Харьковчане всей душой откликнулись на призыв партийных и советских органов пойти на строительство укреплений. Рабочие и студенты, колхозники и научные работники, железнодорожники и домашние хозяйки участвовали в строительстве противотанковых сооружений, рыли окопы и траншеи, устраивали завалы, устанавливали проволочные заграждения. Для руководства и обеспечения строительства в установленные правительством сроки бюро обкома КП(б)У направило 10 секретарей райкомов партии. По призыву и под руководством партийных организаций на фортификационных работах в Харьковской и Черниговской областях участвовало свыше 300 тысяч харьковчан.

Благодаря героическим усилиям населения Харькова на дальних и ближних подступах к нему была создана система мощных оборонительных укреплений, которые были использованы частями Красной Армии и облегчили им выполнение боевой задачи. На этих оборонительных рубежах на некоторое время было задержано продвижение гитлеровских войск.

В октябре 1941 года развернулись упорные и ожесточенные бои на ближних подступах к Харькову. Несмотря на огромные потери, гитлеровцы рвались вперед. 24 октября части Красной Армии, выполняя приказ командования, оставили Харьков. Дорогой ценой достался он гитлеровцам. В боях под городом они потеряли 120 тысяч человек убитыми и ранеными, более 450 танков, свыше 200 орудий, до 300 автомашин и много другой боевой техники и снаряжения.

Ворвавшись в город, фашистские варвары установили в нем кровавый режим террора, насилий и массовых грабежей. В жизни города на-

ступила черная пора. Но никакие зверства гитлеровских палачей не смогли поколебать мужественного духа советских патриотов. Как и все советские люди, на землях, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, харьковчане не покорились врагу. Они продолжали самоотверженную борьбу против оккупантов.

В период оккупации Харькова и части области обком и горком партии, советские органы были перебазированы в город Купянск. Эти месяцы были тревожными и напряженными. Вся деятельность партийной организации была направлена к тому, чтобы поднимать энергию трудящихся на борьбу против фашистских агрессоров.

Исходя из конкретной тяжелой обстановки, сложившейся в начале войны, по указанию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У Харьковский обком и горком партии проделали большую работу по организации в тылу врага партийного подполья и развертыванию партизанского движения. В подборе кадров для работы в подполье и в формировании партизанских отрядов непосредственное участие принимали секретари обкома, горкома и райкомов партии.

По развертыванию партийного подполья и партизанского движения в ряде районов области действовали группы организаторов. Благодаря усилиям партийных организаций на территории Харьковщины действовали подпольный обком и 37 райкомов партии. На подпольную работу были направлены 32 секретаря райкомов партии. Всего в тылу врага оставалось для подпольной работы 2662 коммуниста. Отобранные для подполья товарищи прошли краткосрочные курсы спецподготовки.

Коммунисты-подпольщики поднимали патриотический дух советских людей и создавали благоприятные условия для роста партизанского движения. Абсолютное большинство товарищей с честью оправдало высокое доверие партии, многие героически погибли от рук фашистских захватчиков.

В Харьковской области, как и на всей Украине, развернулось мощное партизанское движение. Партизаны и партизанки вписали в историю борьбы советского народа против фашистских поработителей немало ярких и славных страниц.

Партизанское движение возникло в недрах народа и явилось выражением его инициативы и революционной энергии. Оно показало высокий моральный облик советского человека, его безграничную любовь к своему социалистическому строю и Коммунистической партии.

История Великой Отечественной войны наглядно подтвердила вывод марксизма-ленинизма, что всенародное партизанское движение возможно только в справедливой, освободительной войне.

«Успехи и широкий размах партизанского движения на Украине, как и в других оккупированных областях Советского Союза,— говорил

Н. С. Хрущев на XVI съезде КП(б)У,— объясняются, прежде всего, тем, что это было поистине всенародное движение; сила партизан состояла в координировании своих действий с операциями Красной Армии, в теснейших связях с народом, который выдвинул из своей среды десятки и сотни тысяч народных мстителей. В небывалом размахе партизанского движения ярко сказался духовный рост нашего народа, глубоко воспринявшего идеи партии».

Активную борьбу против немецко-фашистских оккупантов вели партизаны Харьковщины. К созданию партизанских отрядов Харьковская партийная организация приступила еще до оккупации области немецко-фашистскими захватчиками.

Из харьковчан было сформировано 94 партизанских отряда общей численностью 3310 человек и 66 диверсионных групп численностью в 271 человек. В состав партизанских отрядов и групп вошли рабочие, колхозники и интеллигенция, партийные, советские и комсомольские работники, в том числе 2200 коммунистов.

По указанию ЦК КП(б)У со 2 июля по 2 октября 1941 года из Харьковской области 15 партизанских отрядов общей численностью свыше 450 человек были отправлены в Киевскую, Сумскую, Черниговскую, Днепропетровскую, Полтавскую, Запорожскую и Винницкую области.

Харьковский обком партии принимал меры, чтобы обеспечить партизан вооружением и всем необходимым, а также подготовить соответствующие кадры для партизанского движения. По указанию секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева в Харькове в июле 1941 года ряд предприятий стал изготовлять боевую технику для партизан. Для подготовки партизан к борьбе против фашистских захватчиков создавались специальные школы, в которых изучались оружие, подрывное дело и тактика действий партизанских отрядов в тылу врага. За 23 месяца героической борьбы партизанские отряды и диверсионные группы Харьковской области истребили 23 173 гитлеровских солдат, офицеров и их прислужников, разгромили четыре штаба противника.

Народные мстители пускали под откос вражеские воинские эшелоны, взрывали военные объекты фашистов, уничтожали их автомашины и боевую технику, распространяли листовки, рассказывали населению правду о положении на фронте, несли в массы пламенные призывы ленинской партии. Все это помогало Красной Армии, приближало день освобождения Харькова.

И этот день наступил. 23 августа 1943 года войска Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и освободили наш родной Харьков от немецко-фашистских захватчиков.

В развернувшихся затем крупнейших наступательных операциях 1944—1945 гг. советские войска, активно поддерживаемые всем совет-

ским народом, завершили полный разгром врага, одержали всемирно-историческую победу.

Преимущества советского строя, так наглядно проявившиеся в годы Великой Отечественной войны, с новой силой продемонстрированы в послевоенный период. Под руководством Коммунистической партии советский народ добился выдающихся успехов в развитии экономики, науки, техники и культуры, в подъеме материального и культурного благосостояния трудящихся.

Еще более грандиозные перспективы открыл XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, принявший величественную Программу построения коммунизма в нашей стране. Коммунизм создается трудом миллионов.

Для претворения в жизнь мудрых предначертаний Коммунистической партии нам нужен мир. Уроки истории многому научили советских людей. Они не могут забыть и никогда не забудут начального периода минувшей войны. И один из важнейших уроков говорит о том, что нам необходима высокая бдительность и постоянная готовность к защите любимой социалистической Родины.

Н. Н. ГЛАДКОВ
Гвардии полковник запаса

В УПОРНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ

300-я стрелковая дивизия, входившая в состав 38-й армии, уже более месяца вела непрерывные тяжелые оборонительные бои и к началу октября 1941 года понесла большие потери. По ранению и болезни выбыли командир и начальник штаба дивизии. Однако личный состав частей к тому времени уже накопил некоторый боевой опыт, 5 октября на должность командира дивизии прибыл полковник С. П. Меркулов. Несколькими днями раньше я был назначен начальником штаба.

Части дивизии занимали оборону на Полтавском шоссе. Передний край обороны проходил по северному берегу небольшой речки, которая делила большое украинское село Чутово на две части. Северная его часть была в наших руках, южная — у противника.

С наблюдательного пункта, оборудованного на одном из курганов, восточнее Чутово, хорошо просматривалась вся впереди лежащая местность. В 250—300 метрах от переднего края нашей обороны между домами стояли замаскированные три тяжелых танка — «КВ» и шесть 76-миллиметровых орудий, предназначенные для ведения огня прямой наводкой по танкам противника. Бойцы считали их оплотом всей обороны. Стрелки и пулеметчики с большим уважением относились к расчетам этих орудий

и особенно к танкистам. Когда танковая бригада была отведена в резерв для доукомплектования, эти три танка, которые участвовали во многих боях с начала войны и не имели повреждений, были оставлены для укрепления обороны.

К началу октября удалось создать на Полтавском шоссе довольно сильную противотанковую оборону. Активные действия войск левого крыла нашей 38-й армии не позволили противнику перейти в наступление в первые три дня октября. Утром 4 октября артиллерия противника открыла сильный огонь по всему переднему краю нашей обороны, а его авиация наносила бомбовые удары главным образом вдоль Полтавского шоссе. Вражеские снаряды рвались повсюду. Горели дома на северной окраине села Чутово.

Свыше десяти немецких танков на большой скорости пошли в атаку вдоль шоссе. За ними шла вражеская пехота. Наша артиллерия, находившаяся на закрытых огневых позициях, открыла огонь, но некоторые фашистские танки прорвались сквозь боевые порядки нашей немногочисленной пехоты и устремились на северную окраину села. У крайних домов они были встречены метким огнем трех грозных «КВ» и уничтожены.

Два немецких танка подбила прямой наводкой артиллерия. Остальные остановились, открыв огонь с места. Началась артиллерийская дуэль. В нее включились и наши пулеметчики, уничтожая вражескую пехоту, которая залегла вокруг своих танков и окапывалась.

Бой длился до позднего вечера. Противник четыре раза переходил в атаку. С наступлением темноты вражеские танки отошли в южную часть села Чутово, а пехота осталась на занимаемом рубеже.

В этом бою советские танкисты и артиллеристы показали свое высокое воинское мастерство, мужество и стойкость. На нашем участке противник больше не возобновлял наступления.

Ввиду того, что оборона войск Южного фронта была прорвана и противник глубоко вклинился в нашу оборону на Донбасском направлении, было приказано начать отход. 300-я стрелковая дивизия отходила с боями вдоль Полтавского шоссе на Коломак, Валки, Люботин, обороняясь на наиболее выгодных рубежах. Особенно вспоминается ожесточенный бой, который произошел на западной окраине Люботина — последнем рубеже перед Харьковом. Дивизия заняла его, оторвавшись от противника, и оседлала Полтавское шоссе.

В первой половине дня 18 октября противник большими группами пехоты при поддержке артиллерийского и минометного огня вел активную разведку, пытаясь ворваться на окраину города, но все его атаки были успешно отбиты подразделениями 1051-го и 1053-го стрелковых полков дивизии. Во второй половине дня, примерно в 18 часов, в районе небольшого леса западнее Люботина послышался шум моторов. Он все нарастал.

Наконец на горизонте показалось 20 вражеских танков. Они двигались развернутым фронтом. За ними перебегала пехота. Танки были уже совсем близко, но наши артиллеристы не открывали огня. Наступила зловещая тишина.

Когда вражеские танки находились в 200—300 метрах, раздалась команда «Огонь!». Восемь орудий открыли его с ураганной силой. Застрочили пулеметы и автоматы. Минометчики стреляли по перебегающей пехоте. Запылали вражеские машины, подожженные наводчиками-артиллеристами 822-го артиллерийского полка Домовым, Полищуком, Бородиным. Вражеские танки не выдержали меткого огня и, развернувшись, устремились к небольшому перелеску, но и там натолкнулись на наше сопротивление. Два танка подорвались на минах, установленных саперами до начала боя на опушке леса. Остальные повернули обратно. Увидев это, гитлеровская пехота залегла и открыла ружейно-пулеметный и автоматный огонь. Усилили огонь и наши подразделения.

Метким огнем были отбиты еще две атаки пехоты, уничтожено около 100 вражеских солдат. В этом бою отличились пулеметчики рядовые Игнатенко, Трофимов, Сычев и другие.

С утра 20 октября наши войска завязали упорные оборонительные бои на непосредственных подступах к Харькову. Пять дней и ночей продолжались они на окраинах города, его улицах и площадях.

Главный удар трех полностью укомплектованных немецких пехотных дивизий, усиленных артиллерией, 100—120 танками и поддержанных 150 самолетами, приняли на себя части 216-й стрелковой дивизии, 57-й бригады войск НКВД и Харьковский полк народного ополчения, оборонявшиеся на западной окраине города. Проявляя исключительное мужество и героизм, они упорно отстаивали каждую улицу, каждый квартал, дом родного города.

Наша стрелковая дивизия, имея в каждом своем батальоне не более 50—60 активных штыков, обороняла южную часть Харькова в районе поселка Основы, имея задачей не допустить прорыва немцев вдоль Змиевского шоссе. Чтобы сорвать вражеское наступление, наши войска 22 октября нанесли контрудар по прорвавшейся немецкой группировке и овладели Куряжем, Песочином, отбросили противника на несколько километров. В этом бою особенно отличился батальон 216-й стрелковой дивизии под командованием опытного и решительного командира старшего лейтенанта Сабельникова. Смелой атакой ворвался батальон на железнодорожную станцию Рыжов, уничтожил более 20 вражеских солдат, 75-миллиметровую артиллерийскую батарею и захватил в плен 8 немецких солдат.

Одновременно на левом фланге другие подразделения контратаковали противника и овладели селом Безлюдовка, уничтожив до двух рот противника. В этом коротком, но ожесточенном бою отличились воины-

комсомольцы 1-го батальона и полковой артиллерийской батареи соседней 47-й горно-стрелковой дивизии — Самсонов, Власов, Аронов, Кузнецов, Бугаев, Шаталов и др.

В результате активных действий наших войск немецкое наступление на город было оттянуто на сутки.

Рано утром 23 октября немецкая артиллерия открыла сильный огонь по западной и юго-западной окраине Харькова. Канонада продолжалась около двух часов. Одновременно фашистская авиация обрушила свои бомбовые удары по западной, центральной и восточной частям города.

В 9 часов противник силами 44-й, 68-й, 57-й и 97-й пехотных дивизий при поддержке танков, артиллерии и авиации перешел в решительное наступление, нанося главный удар двумя дивизиями вдоль Полтавского шоссе.

Развернулись ожесточенные бои на западной окраине города. Здесь подразделения 665-го и 647-го полков 216-й стрелковой дивизии оказывали упорное сопротивление противнику, вели меткий огонь из всех видов оружия. Не счесть героев этого упорного сражения. Наводчик 45-миллиметрового противотанкового орудия рядовой Сухин занимал хорошо оборудованную огневую позицию на западной окраине улицы Свердлова. Он внимательно следил за приближающимися вражескими танками. Когда они подошли к крайним домам улицы, отважный артиллерист открыл меткий огонь. Одновременно с противоположной стороны улицы по перебегающей пехоте противника вел пулеметный огонь сержант Шилов.

В результате согласованных действий на стыке двух полков противнику не удалось зацепиться на западной окраине города. Все его атаки до 13 часов были отбиты. Потеряв два танка и 25 человек убитыми, враг залег в кустах в двухстах метрах от домов. В этом бою особенно отличились командир 647-го полка полковник Омельчук, его начальник штаба Баишев, офицеры Стебновский, Сабельников, Степанов, Батолин, Гайдуков и Лазарев. Они хорошо управляли вверенными им подразделениями, а также проявили мужество и отвагу, непосредственно участвуя в контратаках.

Не добившись успеха в первой половине дня, немецкое командование подтянуло дополнительные резервы и в 15 часов крупными силами пехоты и танков вновь перешло в наступление. Гитлеровцам удалось прорвать оборону. В западной части города на Холодной Горе завязались ожесточенные уличные бои. Умело используя местность и многочисленные постройки, наши бойцы из засад уничтожали бутылками с горючей смесью прорвавшиеся немецкие танки. Уличные бои не затихли и с наступлением темноты.

В то же время воины 300-й стрелковой дивизии отбили две сильных атаки фашистов из Безлюдовки в направлении восточной части города. 97-й пехотной дивизии немцев не удалось прорваться в тыл наших оборо-

няющихся войск, ее атаки были отбиты с большими для нее потерями. Но и наши войска понесли немалые потери.

Ночь с 23 на 24 октября была неспокойной. Вражеская артиллерия и авиация вела огонь по площадям и наносила бомбовые удары по восточным районам города. От артиллерийского огня и бомбовых ударов авиации противника вспыхнули многочисленные пожары. В городе всю ночь не прекращалась ружейно-пулеметная и автоматная стрельба. Были слышны сильные взрывы в заводской части Харькова.

В течение ночи наши войска, оборонявшиеся в городе, произвели необходимую перегруппировку. Было усилено южное направление в районе Основы. Харьковский полк народного ополчения занял оборону совместно с боевыми частями по восточному берегу реки Лопань.

Под утро пошел мелкий осенний дождь. Он продолжался весь день и следующую ночь. Облака низко опустились над зданиями. Безнаказанные действия вражеской авиации были исключены. Это значительно облегчило положение наших войск, не имевших достаточных средств борьбы с самолетами противника. Наша истребительная авиация почти отсутствовала на этом участке фронта, так как была переброшена под Москву и Ростов. Несмотря на то, что сил у нас было значительно меньше, чем у фашистов, воины продолжали оказывать противнику ожесточенное сопротивление.

С утра 24 октября бои возобновились с новой силой. Немецко-фашистские войска после артиллерийско-минометного налета перешли в наступление. Два пехотных батальона прорвали оборону полка народного ополчения и устремились по Речному переулку к площади Дзержинского. Бойцы-ополченцы, отстреливаясь, медленно отходили к парку Шевченко. Хорошо зная город, ополченцы внезапно появлялись из-за укрытий и наносили противнику большой урон. Группа бойцов под командованием А. Р. Кинаша пробралась в тыл к немцам и открыла сильный ружейно-пулеметный огонь по вражеской пехоте. Гитлеровцы от внезапности и решительности действий ополченцев растерялись и бросились бежать. В этом коротком бою пулеметчик-ополченец коммунист Белостоцкий огнем из пулемета полностью уничтожил расчет миномета и нескольких пехотинцев.

В результате стремительных и смелых действий наши воины вместе с ополченцами отбросили противника и вновь овладели площадью Дзержинского. Одновременно подразделения других стрелковых полков вели тяжелые упорные бои в центре города, мужественно защищая каждую улицу и дом родного города.

В 16 часов более двадцати танкам и мотоциклистам удалось прорвать оборону и устремиться по Змиевскому шоссе к площади Руднева. Для наших войск создалась тяжелая обстановка. Сильно поредевшие полки были отброшены к востоку от поселка Основа.

Для восстановления положения был создан сводный отряд в составе двух рот 216-й стрелковой дивизии, одной роты полка народного ополчения, пятидесяти автоматчиков и четырех танков. Командование этим отрядом было поручено решительному и смелому офицеру майору Баишеву.

Прикрывшись с запада частью отряда, майор Баишев основными силами с четырьмя танками внезапной атакой во фланг прорвавшейся группировки смял противника, уничтожив четыре вражеских танка, два орудия и около 50 мотоциклистов, вновь овладел площадью Руднева.

В этом бою погиб смертью храбрых майор Баишев, находившийся в боевых порядках отряда.

Однако силы были далеко не равные. Неся большие потери, противник продолжал распространяться по всему городу. Наши войска с упорными боями отходили в восточном направлении и к утру 25 октября заняли оборону по восточному берегу реки Харьков — западнее хутора Шевченки — больница — Балашовский вокзал — хутор Федорцы.

25 октября противник смог возобновить свое наступление только в 12 часов дня. Захваченные нами пленные показали, что они понесли большие потери, особенно во время уличных боев. В ротах, имевших в начале октября по 150—180 солдат, осталось по 25—40 солдат. Неоднократные атаки гитлеровцев не дали им успеха. Наши войска продолжали прочно удерживать восточную окраину города и оставляли занимаемые позиции только по приказу командования. В 22 часа 30 минут начали отходить на Старый Салтов.

Грунтовая дорога была настолько разбитой, что с большим трудом могли идти по грязи повозки, запряженные двумя лошадьми.

Упорные и ожесточенные бои на Харьковском направлении и за город, в которых противник понес огромные потери в боевой технике и живой силе, закончились к исходу 25 октября 1941 года.

Упорные оборонительные бои на дальних и близких подступах к Харькову шли почти месяц.

Наши солдаты и офицеры показали в этих боях высокие моральные качества, проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Многие из них были награждены орденами и медалями.

В этих ожесточенных боях наши воины приобрели богатый опыт, который был необходим для предстоящих сражений и полного разгрома гитлеровских захватчиков.

Н. К. ПОПЕЛЬ
Генерал-лейтенант в отставке

ЗА РОДИНУ!

К Харькову рвалась 6-я армия гитлеровцев. Нам было приказано задержать ее не менее, чем на месяц. Задержать, несмотря на то, что в иных наших дивизиях оставалось небольшое число активных штыков, по 10—12 станковых пулеметов и несколько орудий.

Военный совет 38-й армии принял решение использовать истребительные отряды, сформированные из харьковских рабочих для укомплектования своих частей и передачи им опыта в борьбе с танками противника.

В борьбу с врагом вступали партизаны. Иногда наши отряды действовали совместно с ними. И безусловно, истребительные отряды не сделали бы и трети того, что они сумели сделать, если бы им не помогало местное население.

Помощь населения армии была многообразной, порой — совершенно неожиданной. Когда штаб армии стоял в районном центре Коломак, местные жители представляли нам сведения, характеризующие обстановку на нашем участке фронта.

В маленьком домике, где помещалась почта и сберкасса, у телефонного коммутатора дежурила Антонина — круглолицая, чернобровая женщина лет тридцати. Она знала телефонисток по всей округе... Однажды Антонина вызвала телефонистку другой деревни и спросила:

— Марийка, до вас немец пришел? Нет? Даю отбой.

— Пелагея Степановна,— говорила Антонина другой телефонистке,— это я, Тоня. До вас немец пришел? Да ну?.. Одни мотоциклы? Сколько? Пусть Вовка сбегает посчитает...

Местная телефонная связь, как правило, не нарушалась. К ней обычно подключалась и наша, военная. Впрочем, этим тоже пользовались и немцы.

Как-то раз я услышал в телефонной трубке трудно различимый голос:

— Докладывает Рогачевский. Ни справа, ни слева нет соседей. Прошу сообщить, где они.

Просьба показалась мне странной. Что-то не похоже на опытного комдива Рогачевского. Вспоминая о действии немецкой разведки во время боев в Дубно, я ответил:

— Явитесь туда-то, там узнаете о соседях.

Тотчас же я направил в названное место Петренко со взводом разведчиков.

Однако намерение немцев я не разгадал. Они, как видно, хотели только убедиться в том, что Военный совет находится именно в Коломаке. И, убедившись, послали своих бомбардировщиков.

Одна из бомб угодила в здание школы, в наш штаб. Командарм Цыганов был ранен. В мою ногу тоже попал осколок. Беда усугублялась тем, что в штабе не оказалось медперсонала. Врач и медсестра несколько дней назад были тяжело ранены и отправлены в госпиталь.

Утром из медсанбата прибыла новая сестра, жена прокурора дивизии. И надо же... Во время бомбежки у сестры начались преждевременные роды. Женщина корчилась от боли, а кругом одни мужчины. Я пригласил Михаила Кучина.

Прибежал никогда не терявший присутствия духа Миша, притащил свою «походную поликлинику», выпроводил всех из комнаты и принял мертвого ребенка...

Когда мы оставляли Коломак, Петренко договорился с телефонисткой Антониной о связи со штабом армии. Как это удавалось ей, трудно понять. Видно, гитлеровцам и в голову не приходило, что деревенская телефонистка аккуратно информировала советское командование о движении немецких танков.

Последнее сообщение от Антонины мы получили в Мерефе. Петренко приказал ей немедленно пробираться к нам. И через несколько дней она появилась. Мы с Цыгановым подписали приказ о зачислении ее в армию...

В оборонительных сражениях наши дивизии и полки несли большие потери. Едва приходили новые части, их тут же бросали в бой.

Танковая бригада подполковника Бунтмана лишилась почти всех машин. Я выехал навстречу новой бригаде полковника Юрченко. Назавтра танкисты должны были выступить на передовую.

Как только Юрченко сообщил о составе бригады, я спросил:

— Кто командует полком?

— Майор Сытник.

— Где он сейчас?

— В полку.

...Как в первый день войны, новенькие танки прячутся под ветвями.

— Где командир полка? — спрашиваю я у танкистов.

— Вон,— показывают мне на торчащие из-под машины, облепленные грязью сапоги.

— Товарищ майор, вас бригадный комиссар спрашивает.

Сытник не спеша вылезает из-под днища танка, оторопело смотрит на меня, бросает на землю тряпки.

Бригада идет на правый фланг армии в район Люботина. Туда, где дерется дивизия Меркулова.

Немецкие танки колонной движутся по дороге. Эту колонну атаковал полк Сытника. Первый удар наших средних и тяжелых танков разрубает вражескую колонну на три части, и с коротких дистанций мы расстреливаем вражеские машины.

Однако к немцам подмога приходит раньше, чем к нам. С грузовиков спрыгивают пехотинцы. Из леса выплывает новая волна Т-3 и Т-4. Но и к нам по целине спешит стрелковый батальон. Полы шинелей заткнуты за ремни. Сапоги по самый верх голенищ в грязи.

Из танка мне видно, как, размахивая пистолетами, командир и комиссар увлекают бойцов вперед. Но по раскисшему чернозему было трудно идти в атаку. А тут еще пулеметы и минометы, установленные у врага на машинах. Батальон залег. Двое впереди поднялись и тут же упали.

Я слышу в наушниках задыхающийся голос Сытника: «Вперед!» Обе «тридцатьчетверки» срываются одновременно. Когда мы подходим к залегшей цепи, люк машины командира полка открывается. Сытник с наганом в руках спрыгивает на землю. «Вперед, братцы!» И тут же падает как подкошенный. Подбегаю к нему. Он едва слышно шепчет:

— Нога... нога...

Вместе с танкистами я втаскиваю Сытника в танк.

...Бой этот не принес нам удачи. От Люботина мы отступили к Харькову.

* * *

Под моросящим дождем люди с лопатами и кирками в руках строили оборонительные сооружения.

— Знаете, сколько людей работает вокруг Харькова? — спрашивает начальник инженерной службы армии полковник Кулинич и сам отвечает: — Сто тысяч!

С обеих сторон в дорогу упираются противотанковые рвы, траншеи, на дне которых вода.

Разбрызгивая жидкую грязь, подскакивая на ухабах, наша машина въезжает в узкие ворота каменных баррикад. Улица ощетинилась противотанковыми ежами и надолбами. Из заложенных мешками с песком полуподвальных этажей торчали «максимы».

Мое танкистское сердце замирает. Я вижу допотопные «рено», «виккерсы», танкетки «карден-лойд»... Харьковчане извлекли откуда-то эту устаревшую трофейную технику и превратили ее в неподвижные огневые точки.

Не Алексей ли Алексеевич Епишев, секретарь обкома партии, додумался до этого? Ведь он в прошлом танкист, учился в бронетанковой академии.

В кабинете Епишева дверь не успевает закрываться. Стол секретаря окружен людьми. Епишев отвечает одному, другому, снимает телефонные трубки. Кабинет пустеет лишь тогда, когда появляется Председатель Президиума Верховного Совета Украинской республики Михаил Сергеевич Гречуха. Мы остаемся втроем. Епишев развертывает на столе план города.

Меня поражают цифры, названные Алексеем Алексеевичем: десятки тысяч коммунистов и комсомольцев Харькова добровольно ушли в армию, а в народное ополчение свыше 80 тысяч харьковчан.

Секретарь говорит о сотнях тысяч голов эвакуированного скота, сотнях тысяч тонн вывезенного хлеба. Сотни эшелонов будут отправлены на восток.

Мне впервые столь осязаемо представляются масштабы невиданной переброски техники, продовольственных ресурсов, людей.

— Армия продержится под Харьковом еще десять дней?

Вопрос М. С. Гречухи выводит меня из состояния задумчивости.

— Армия продержится... Продержится больше.

— Ишь ты, больше...

Нам, военным, конечно, верят. Но лишний раз переспрашивают. Очень уж часто в сводках Совинформбюро мелькают названия оставленных городов. Армия обещала не отдавать ни пяди своей земли, а теперь отошла на сотни верст от границ...

— Да,— повторяю я,— больше десяти дней. Мы еще нигде не имели таких заранее оборудованных позиций.

— Харьковчане постарались,— соглашается Гречуха.

Потом речь зашла о партийном и комсомольском подполье, об отобранных товарищах, базах оружия, продовольствия.

— Кстати, секретарь подпольного обкома Бакулин сейчас здесь.

— Что ж, рад буду познакомиться,— сказал Гречуха.

В кабинет вошел высокий худощавый человек — Иван Иванович Бакулин.

— Как подвигается дело?

— Подбираем конспиративные квартиры, явки.

— Сами где будете жить? — спросил Гречуха.

— У профессора Михайловского.

— Надежен?

— Причин сомневаться нет.

Епишев глянул на часы:

— Митинг на тракторном. Как вы, Михаил Сергеевич?

— Обещал — поеду. Может, и член Военного совета с нами?

На митинге выступали люди с ввалившимися щеками, с глазами, красными от бессонных ночей. Говорили, как лучше помочь фронту, об эвакуации. Когда митинг кончился, неожиданно слово попросила пожилая женщина, стоявшая возле трибуны. Она подошла к микрофону, развязала платок, опустила его на плечи. С первых же ее слов все насторожились.

— Никуда я не поеду. Все тут говорили верно. Надо, чтобы и народ на Урал и машины. А я останусь. У меня тут отец с матерью похоронены. Муж тоже. Мне отсюда хода нет. Свое дело, какое надо, и здесь сделаю.

На обратном пути я сказал Епишеву:

— Мобилизнула бабка-то... да не в ту сторону.

— Интересно, что за дело она себе наметила? Секретарь парткома говорит: старая производственница, семья здешняя, хорошая семья, рабочая...

Вечером мне пришлось побывать на вокзале. Все пути, насколько видел глаз, были забиты составами.

У вагонов копошились дети. Из окон теплушек свешивались пеленки. Один старик, задыхаясь и кряхтя, взбирался на высокую подножку. На соседнем пути разгружался воинский эшелон. В освободившиеся вагоны вносили ящики с оборудованием. Потом началась очередная бомбежка. В канаве, где я оказался, спорили — восьмая это или девятая бомбежка за день.

Когда умолкли разрывы и стихли тревожные гудки паровозов, люди стали энергично расчищать пути уцелевшим эшелонам.

В одном из паровозов, в еще дышащей жаром топке, кочегар менял колосники. Он вылез оттуда в дымящейся одежде. На него вылили ведро воды. Кочегар набрал в легкие свежего воздуха и снова отправился в пекло.

С Холодной Горы сквозь пелену мелкого дождя просматриваются западные окраины города. На них растут новые баррикады, появляются новые огневые точки. В казармах танкового училища расположилась наша опергруппа. На стенках — памятные каждому танкисту таблицы пробивной силы снаряда танковой пушки. На фоне аккуратно подстриженных

елочек наступают «грозные» БТ-7 и от них в панике, с перекошенными лицами бегут вражеские солдаты...

А фронт все приближается к Харькову.

По улицам, забитым обозами, подводами, едем в ремонтно-восстановительный батальон. На него много жалоб: никакой помощи линейным частям, летучки на поле не высылаются, людей не добьешься.

То, что мне пришлось увидеть, превосходило самые худшие предположения. Батальон занимался чем угодно — даже за скромную мзду чинил самовары и керосинки — только не ремонтом танков. Сменили командира батальона, назначили подполковника Зиберова.

Большинство подбитых танков ремонтируется в цеху, оставленном по указанию обкома партии. На заводском дворе мелькают знакомые лица. В их числе Сеник с разводным ключом в руках. Мы не виделись с самого Нежина.

— У нас здесь весь полк. Переквалифицировались в ремонтников.

— Кто полком командует?

— Да все он же, майор Сытник.

— Неужто Сытник не в госпитале?

— Убежал. Сейчас разыщу его.

Сытник идет медленно, тяжело опираясь на палку. На нем новенький комбинезон.

— Как с госпиталя утек, во все новое обрядился,— широко улыбается Сытник.— Не мог больше в госпитале терпеть. Стал ночью ходить, тренироваться. А потом и вовсе ушел... Теперь здесь. Скоро технику получим и опять в бой. Заводские в полк просятся. Мы с ними занятия начали. Сеник старается. Он теперь комиссар батальона...

Фронт все ближе и ближе. Снаряды рвутся на топких берегах р. Уды. Но темп гитлеровского наступления несравним с летним. Не буду злоупотреблять цифрами. Приведу лишь несколько. В июне и начале июля германская группа армий «Юг» продвигалась в сутки на 20—22 километра. Во второй половине июля и в августе — 10—11 километров. В сентябре — 8—9, а в октябре на Харьковском направлении — 3—4 километра.

Конечно, радоваться особенно нечему. Немцы, хоть и медленно, однако шли вперед, а мы отступали. И все-таки в явном снижении запланированных германским генштабом темпов — предвестье. В этом нельзя было не видеть катастрофы, неизбежной для немецких войск в Советской России.

Харьковчане создали для нас глубокоэшелонированную оборону и обеспечили армию боеприпасами. В день первой атаки немцы сразу же угодили на подготовленные для них минные поля. Тут же ударила по заранее пристрелянным рубежам наша молчавшая до поры до времени артиллерия.

Но не успела еще выдохнуться первая цепь атакующих, как пошли свежие роты. Немцы во что бы то ни стало хотели форсировать Уды.

У дороги оборонялся один из самых надежных наших полков — полк Иванова. Подполковник Иванов — старый пехотинец, участвовавший в финской кампании,— вынес свой наблюдательный пункт к первой траншее. Он терпеливо наблюдал, а в самую трудную минуту оставлял за себя заместителя по строевой части и вместе с комиссаром Серебряниковым шел с солдатами в атаку. Командир и комиссар показывали пример стойкости и мужества, образец честности и правдивости. Для меня Серебряников был, если можно так сказать, образцом солдатского комиссара.

Впервые я увидел его, когда полк стоял в резерве. Окруженный бойцами, он сам показывал, как надо ползти по-пластунски.

Немецкие танки прорвались через Уды, миновали нашу первую траншею, выскочили на огневые рубежи 76-миллиметровой батареи лейтенанта Лабуса и после первых же выстрелов оторопело остановились. На них сзади бросились стрелки с бутылками горючей смеси: танки развернулись и подставили Лабусу свои меченные черно-белыми крестами борта.

Тем временем через Уды переправились немецкие пехотинцы. Ожившая первая траншея встретила их пулеметным огнем. Иванов и Серебряников подняли полк в контратаку. В грязи, у самой реки, завязалась рукопашная схватка. Артиллерия, наша и немецкая, умолкла. Затихли пулеметы. В огромном клубке на берегу не поймешь, где свои, где чужие. Только хрип, ругань, неожиданно громкие пистолетные выстрелы...

Потом тишина, и все как было утром: мы на левом берегу реки Уды, немцы — на правом. Тишина до восемнадцати часов. К этому времени тучи из синих стали серыми. Дождь кончился. Из-за туч вынырнули над передним краем нашей обороны немецкие бомбардировщики. Зенитный дивизион майора Калиновича, утром стрелявший по танкам, поднял стволы к небу. Легкой тенью пронеслись над рекой наши истребители.

Севернее Харькова, в Дергачах, стоял резервный полк. Здесь же размещались курсы лейтенантов и курсы политруков. Людей было немало, но подразделения и части испытывали острую нехватку боеприпасов и не могли поэтому эффективно использовать боевую технику. Сейчас даже странно вспомнить этот «голод» на боеприпасы. А все объяснялось очень просто: огромные оружейные склады находились вблизи границы, и многие из них эвакуировать не удалось. Многие же предприятия, производившие боевую технику и боеприпасы, эвакуировались на восток и еще не развернули производство на новом месте. Все это создавало трудности в ведении боевых операций.

У Дергачей, в междуречье Уды и Лопани, гитлеровцы нанесли свой очередной танковый удар. С севера, в обход нашей основной обороне, они хотели ворваться в Харьков. Об этой атаке мы узнали от секретаря обкома партии А. А. Епишева. Он сообщил, что фашистские танки продвигаются на Дергачи.

— Достоверно? Не паника? — спросил командующий армией.

— Абсолютно достоверно, сообщили из райкома.

— Ваш черед,— обратился Цыганов к подполковнику Бунтману.

Немецкие танки быстро, не встречая сопротивления, двигались нам во фронт. И вдруг сами получили фланговый удар.

Бригада Бунтмана, развернувшись, из-за леса ринулась в контратаку. Тяжелый батальон, который вел комиссар Галкин, навалился на транспортеры с пехотой и артиллерию, не дал противнику даже отцепить орудия от тягачей. Танки разбивали машины, сбрасывали их в реку, а бегущую пехоту расстреливали из пулеметов. Тем временем подошло два батальона, брошенные на север Меркуловым. Немецкая фланговая атака была сорвана. Но и бригада Бунтмана потеряла немало машин.

Ночью мы с Калядиным поехали в дивизию Рогачевского, державшую оборону южнее Харькова, по левому берегу реки Уды. Здесь также немецкая попытка ворваться в город сорвалась. В этих боях особенно отличился лейтенант Романюк. Еще накануне боя он пробрался с группой бойцов в тыл противника и поджег автомашины.

— Где сейчас Романюк? — поинтересовались мы.

— В госпитале. Тяжело ранен... Пуля Романюку в живот попала.

— Ты про Салтыкова расскажи,— напомнил комдиву Рогачевскому комиссар Ганиев.

— Теперь он капитан, батальоном командует. Но все время его в немецкий тыл тянет. Сегодня гитлеровцы нащупали стык между нашей дивизией и соседней. Пока подтягивали пехоту, Салтыков с двумя ротами переправился на тот берег, вышел к огневым позициям немцев. Забросали гранатами и на ура взяли. А потом из немецких пушек да по немцам.

После беседы направились с комиссаром дивизии Ганиевым в полк, где комиссаром был опытный политработник Попов. Попова находим в батальоне, отведенном во второй эшелон. В просторной хате полно бойцов. У стола, рассчитанного на большую крестьянскую семью, несколько бойцов и комиссар полка. Наше появление смутило бойцов. Беседа возобновляется не сразу. Немолодой солдат в накинутой на плечи шинели, затягиваясь самокруткой, не спеша цедит сквозь желтые, прокуренные зубы:

— В армии никогда не служил. Был освобожден по болезни, белобилетчиком считался. А сейчас, раз такое дело, сам пошел. Только чудно мне в армии... Взять товарища комиссара нашего.

Попов недоуменно смотрит на солдата.

— Он, комиссар-то, мне начальник, а по годам в сыновья годится. Я иных начальников так прикидываю: взял бы в сыновья или нет. Вот комиссара нашего взял бы. Смелый...

Попов покраснел, а боец как ни в чем не бывало продолжал:

— Я ведь правду говорю. Расчета у меня на лесть или какую хитрость нет. Был я солдат и солдатом останусь. Ну, может, к концу войны

в ефрейтора выйду на потеху внукам... Но не за одну смелость комиссара в сыны взял бы. Разные смельчаки бывают... За душевность...

И вдруг, без всякого перехода:

— Слушай, комиссар, приезжай после войны к нам в Орловскую. Председателем колхоза будешь, а то наш не очень головаст. Захочешь, в семью свою приймy...

Не пришлось старшему политруку Георгию Попову приехать на Орловщину. Я знаю его лишь по этой короткой встрече, по рассказу старого солдата и по песне, которую сложил сержант Егор Гуров в память о погибшем под Харьковом комиссаре:

Мы вместе с тобой в атаку ходили
По пашням, лугам и лесам,
И мы о тебе эту песню сложили,
Любимый, родной комиссар...

Ночевали в доме, где раньше помещалось какое-то учреждение. Столы с залитой чернилами канцелярской бумагой послужили нам ложем. В таких случаях за подушку у меня была стертая кожаная тужурка, которую надо так свернуть, чтобы к щеке приходился бархатный воротник.

Наутро меня и Калядина разбудил холод, пробирающий до костей. Грязь затвердела и теперь слегка похрустывала под ногами. Туманно, дымно, зябко. Утро начиналось тихо. Только издалека доносились редкие разрывы. Навстречу нам в ходах сообщения попадаются поеживающиеся от холода, с темными лицами бойцы. Они жмутся к стенкам окопов, уступая дорогу, поднимают к пилоткам негнущиеся руки.

Неожиданно до нас долетают звуки баяна. Идем на эти звуки.

— Кто играет?

— Комиссар товарищ Ганиев. Он всегда так утром...

Подойти к Ганиеву невозможно. Окоп забит бойцами. Но лица их не так мрачны, как у тех, что попадались нам в начале пути.

— Великая штука баян,— говорит Калядин.— Ганиев — кладезь всевозможных добродетелей политработника. Кроме обычных, две уникальные: играет на баяне и знает татарский язык.

— Знание родного языка трудно считать добродетелью,— возражаю я.

— Это верно,— согласился Калядин.— Я к тому сказал о татарском языке, что не хватает у нас политработников, которые могут дельно поговорить с бойцами — башкирами, татарами, азербайджанцами, узбеками на их родном языке.

После завтрака гитлеровцы со свойственной им педантичностью начали артподготовку. Мы сидели на наблюдательном пункте Рогачевского. Снаряды подбирались все ближе. Стереотрубу пришлось снять. Когда ее поставили вновь, Рогачевский поманил меня. Я приник к окулярам. На

северной опушке рощи разгружались машины. Немецкая пехота накапливалась для атаки. Одни машины уходили, новые выезжали на опушку.

От стереотрубы было трудно оторваться.

— Не пора ли? — Рогачевский посмотрел на единственного среди нас человека в ушанке — полкового комиссара Жукова.

Не случайно на полкового комиссара поглядывали в это утро все находившиеся на наблюдательном пункте.

— В самом деле, Жуков, не пора ли? — присоединился я к Рогачевскому.— Уважь по старой дружбе, ведь мы с тобой десять лет тому назад вместе на курсах обучались.

Жуков рассмеялся.

— Чего не сделаешь для старого друга.— И он открыл зеленый ящик, покрутил ручку, поднял трубку, и сразу земля задрожала. Гул вырвался из недр ее, поднялся в небо, и оно вспыхнуло огненными полосами — от горизонта до горизонта. Гул перерос в грохот, несущийся с южного берега Уд, с опушки, на которой разгружались немецкие грузовики...

Недавно к нам в армию прибыла группа РС — восемь установок. Мы уже наслышались былей и небылиц о сказочной «катюше». Но убедиться самим не приходилось — «катюши» были без снарядов. Лишь пару дней назад было получено несколько снарядов, которые и обрушили теперь на скопление пехоты противника.

После этих залпов ни в тот, ни в последующие дни немцы уже не наступали на Харьков с юга. Остатки двух разбежавшихся полков, по-видимому, разнесли молву о «черной смерти», что караулит здесь каждого, кто только сунется.

А «катюши», укрытые брезентом, сделав свое дело, ушли. У них не было больше боеприпасов. Они не могли помочь истекающим кровью полкам Меркулова, защищавшим северо-западную окраину города. И противник ворвался в Харьков с севера. Начались бои за дома, улицы, площади. Гранаты и пули летели из окон, с балконов, из-за углов. Разбрасывали огненные струи ранцевые огнеметы.

Ефрейтор Назаров с ручным пулеметом залег за подбитым немецким танком. Едва гитлеровцы поднимались в атаку, он нажимал на спусковой крючок. Поди, возьми его. А когда в магазинах не осталось ни одного патрона, залез в танк. Отодвинув убитого танкиста в черной пилотке, он стал вести огонь из пулемета. И опять к нему не подступишься.

Истекало время, намеченное имперским штабом для покорения России, для выхода к Волге, а фашистские полчища все еще топтались в Харькове. Западная часть города по Лопань — в руках гитлеровцев, в восточной шли ожесточенные бои...

Харьков был оставлен нами по приказу Ставки. Измотанные в неравных сражениях, наши части откатывались к Северному Донцу. Однако

и после ухода Красной Армии Харьков не стал мирным городом. Действовали группы диверсантов и разведчиков.

В начале ноября разведчики, выполнив задания, стали возвращаться в армию. От них мы узнавали много интересных подробностей.

Однажды мне рассказали о пожилой работнице с Харьковского тракторного завода, той, которая не захотела эвакуироваться и пообещала «сделать свое дело» в родном Харькове (никогда не прощу себе, что не записал ее фамилию).

Когда немецкие части проходили по Холодной Горе, она приоткрыла калитку своего дома, уперла приклад автомата в живот и отпустила указательный палец лишь после того, как диск ППШ совершенно опустел. Гитлеровцы растерзали эту женщину, и труп ее был выставлен на балконе с устрашающей надписью: «Так будет с каждым, кто поднимет руку на немецкого солдата».

Но руку поднимали. Не прекращались убийства фашистских офицеров, диверсии на дорогах.

Вместе с одной из групп разведчиков вырвался из Харькова летчик Герой Советского Союза Николай Соболев. Ему и многим другим попавшим в плен товарищам спасли жизнь врач Полина Кузьминична Давиденко и фельдшерицы Н. П. Протопопова и А. В. Поддубная. Женщины наладили «конвейер». Помогали пленным и заключенным бежать из лагеря, укрывали беглецов в городе, а потом на подводах с сеном отправляли через линию фронта.

Гестапо неистовствовало. На фонарях и балконах Сумской улицы были повешены десятки харьковчан.

Мы старались поддержать моральный дух населения всем, чем могли. По утрам на крышах домов, на тротуарах, во дворах люди неизменно находили сброшенные с самолетов листовки.

«Бейте оккупантов, не давайте им покоя! Мы с вами, мы к вам вернемся, дорогие братья!».

Под каждой листовкой, обращенной к жителям города, стояли две подписи — обкома партии и Военного совета нашей 38-й армии...

* * *

Мне хорошо запомнился путь от Харькова: залитые водой колеи, накренившиеся, севшие на дифер машины. Измазанные грязью шоферы суют под колеса доски, ветки, снопы соломы. Мотор натужно ревет, веером летит грязь, а машина ни с места.

Тощие лошаденки, упрямо опустив морды, тащат повозки, пушки. Они, эти жалкие, с ребрами наружу лошади да волы — единственная наша надежда. Если бы противник обрушился на нас, быть беде. Но немцы

и сами в отчаянном положении. Они бросили на Харьков девять дивизий, которые оказались сильно потрепанными и обессиленными.

Разведчики приносят плаксивые письма и горестные дневники немецких солдат, в которых перечни убитых и первые признаки разочарования: «Могли ли мы полагать, что русский поход будет стоить таких жертв!»

Обескровленные германские дивизии тащатся по нашим следам. Их машины и пушки буксуют в тех же размытых колеях, что и наши.

Фронт замер по Северному Донцу. В мокрую, вязкую землю вонзаются лопаты.

Надо сосредоточиться, подвести черту под боями, которые вела армия от Днепра до Северного Донца, понять, чему мы научились и о чем забыли. Надо найти то, что в политической работе называют основным звеном.

За героизм в боях за Харьков несколько сот человек получили ордена и медали. Появились первые гвардейские части. На них-то прежде всего мы и делали тогда ставку при подборе агитаторов.

Бездорожье, распутица, приближение зимы — все это несказанно усложнило материальное обеспечение войск. Никита Сергеевич Хрущев прислал нам в помощь десять местных партийных работников. Они занялись заготовкой продуктов, сбором теплой одежды, налаживали в деревнях пошив полушубков и ватников.

Всем, чем мог, помогал наш друг — Харьковский обком партии, обосновавшийся в Купянске. Тов. Епишев приезжал к нам в штаб, бывал в частях. 24-ю годовщину Октября праздновали совместно: обкомовцы, командование, лучшие бойцы.

К середине ноября, когда дали себя знать холода, армия укрылась под накатами блиндажей и землянок. Фронт не всюду проходил по Северному Донцу. Кое-где немцы перебрались на наш берег и старались удержать его, а то и расширить свои плацдармы. Особенно беспокойно вела себя 297-я пехотная дивизия гитлеровцев. Противостоящая ей дивизия Давыдова хлебнула немало горя.

— Будем немцам капкан ставить,— сказал комдив.

Правее Давыдова стояла дивизия Пухова, левее — Рогачевского. Соседи должны были сосредоточить основные силы на флангах, соприкасающихся с Давыдовым.

На рассвете дивизия Давыдова двумя батальонами начала наступление. Немцы ответили сильными огневыми налетами, а затем перешли в контратаку. Наши батальоны отступили. Немцы начали их преследовать.

Все разыгрывалось, как хотелось Цыганову. Ему тесно в узкой щели наблюдательного пункта. Несмотря на порывистый ветер, лицо командира лоснится от пота. Он опустил бинокль, достал из планшета карту и приказал радисту:

— Вызвать Рогачевского и Пухова!..

Капкан захлопнулся с удивительной легкостью. Немцы о флангах не думали. Им и в голову не приходило, что мы отважимся на такое дело.

Но когда дивизии Рогачевского и Пухова встретились, выяснился и наш просчет. Мы не знали, насколько у гитлеровцев первый эшелон удален от второго, и зажали кольцо прежде, чем в его горловину втянулся третий полк немецкой дивизии. Однако два пехотных полка и один артиллерийский были прочно окружены.

Ночью фашисты пытались выскочить из котла. Они поднатужились, собрали в кулак артиллерию. Но наскочили на твердый, не желавший отступать заслон.

Через несколько дней газета нашей 38-й армии напечатала телеграмму С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущева:

«Доблестные войска Цыганова с большим искусством и самоотверженностью провели в ноябре ряд успешных частных операций по уничтожению немецких оккупантов.

Под ударами наших славных полков, дивизий пала не одна тысяча фашистских гадин и мародеров. Военный совет Юго-Западного направления поздравляет с достигнутой победой мужественных бойцов, командиров и политработников части Цыганова».

У. И. КИЗИЛОВ

Бывший секретарь
Ленинского райкома партии

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОД

У трудящихся Харькова вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну вызвало глубокое негодование.

Выступая на митингах, рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий и учреждений торжественно клялись не жалеть ни сил, ни жизни в борьбе за разгром ненавистного врага.

Эту клятву советские люди, беззаветно преданные своей социалистической Родине, выполнили до конца.

В начале Великой Отечественной войны я работал секретарем Ленинского райкома партии Харькова и одновременно был членом бюро горкома КП(б) Украины.

Никогда не забуду, как самоотверженно, не считаясь ни с временем, ни со здоровьем, работали трудящиеся района, чтобы дать как можно больше продукции фронту и тылу.

Нельзя забыть замечательных трудовых подвигов, которые совершали рабочие и железнодорожники в сентябрьские и октябрьские дни, когда шла интенсивная эвакуация предприятий и учреждений города.

Несмотря на частые бомбежки железнодорожных узлов, путей и заводов, железнодорожники упорно продолжали грузить вагоны и формировать поезда, а рабочие оставались у своих станков.

3 июля 1941 года Коммунистическая партия и Советское правительство обратились к рабочему классу, колхозному крестьянству, советской интеллигенции с призывом: «Все для фронта! Все для победы!»

Трудящиеся нашей Родины встретили этот призыв с огромным энтузиазмом.

На митингах, проводимых партийными организациями на предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях, тысячи и тысячи харьковчан подавали заявления с просьбой зачислить их в ряды ополчения, послать в партизанские отряды или на фронт.

Уже 8 июля в ряды народного ополчения записались десятки тысяч человек. Комиссаром ополчения района горком партии утвердил меня.

Во второй половине июля ополченцы приступили к военному обучению. Занимались они ежедневно по два часа после работы.

Вскоре 12 000 ополченцев было направлено на работы по созданию укрепленного района, который охватывал Зачепиловский район, Харьковской области, Перещепинский район, Днепропетровской области, и один из районов Полтавской области.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в Харьков несколько раз приезжал Никита Сергеевич Хрущев. Во время одного из посещений города он провел совещание с секретарями горкома и райкомов партии, после которого мы приступили к формированию истребительных батальонов из числа ополченцев.

На истребительные батальоны возлагалась охрана мостов, железнодорожных путей, особо важных объектов, контроль за светомаскировочной дисциплиной, борьба с диверсантами, ракетчиками, светосигнальщиками, распространителями ложных слухов и шпионами. Истребительные батальоны осуществляли и ночное патрулирование.

Положение на фронте ухудшалось. По указанию горкома партии районы города приступили к комплектованию из ополченцев подразделений для защиты Киева. Из Ленинского района было отправлено несколько сот человек.

После занятия фашистами Киева ЦК КП(б)У и правительство переехали в Харьков. Вскоре непосредственная угроза нависла и над нашим городом.

26 сентября бюро обкома партии приняло решение о посылке трудящихся на строительство вокруг Харькова оборонительных сооружений. Дивизия ополченцев нашего района, в которой было 10 000 человек, работала в районе хутора Бугаи и села Рогозянка.

Одновременно развернулись работы по строительству укреплений на случай уличных боев в самом городе.

Улицы покрывались противотанковыми рвами, дома превращались в огневые точки, началась подготовка к возведению баррикад.

Начальником сектора обороны Ленинского района, который протянулся от цементного до кирпичного заводов, был назначен начальник танкового училища полковник Делаков. Комиссаром назначили меня.

Через две недели Ленинский район, как и все районы города, был превращен в крепкий узел обороны. Не хватало лишь оружия.

Время шло.

Многие ополченцы добровольно и по призыву ушли на фронт, часть была отправлена на защиту Киева, люди уходили и в партизанские отряды. Основная же часть ополченцев эвакуировалась со своими заводами.

В конце сентября от Никиты Сергеевича Хрущева прибыл уполномоченный, чтобы выяснить, какое количество ополченцев может выставить Харьков для своей защиты.

На совещании у секретаря горкома В. М. Чураева было решено, что для обороны города будет выставлен полк, а Ленинским районом, в частности,— один стрелковый батальон.

Ополченцы были вооружены старыми винтовками и несколькими авиационными пулеметами, приспособленными для пехотного боя. Патронов было очень мало. Батальон был снабжен хорошо лишь бутылками с горючей смесью. Бутылок население района собрало несметное количество. Горючей смесью их наполняли на пищевых предприятиях. Терки и спички изготовляли предприятия местной и кооперативной промышленности.

Штаб нашего стрелкового батальона разместился в райкоме партии.

18—19 октября в городе уже были слышны звуки приближающихся боев.

К 9-й больнице на Холодной Горе, которой заведовал профессор А. И. Мещанинов, потянулись легко раненные красноармейцы. Скоро стал ощущаться недостаток в перевязочных средствах и некоторых медикаментах. С согласия горкома партии зав. горздравотделом тов. Сухарев организовал в больницах города сбор перевязочных средств. Они были переданы 9-й больнице, которая превратилась в полевой госпиталь.

21 октября 1941 года наш батальон занял в Залютино предназначенную ему позицию.

Вечером этого же дня нам стало известно, что по приказу Верховного Главнокомандования наши войска должны оставить Харьков.

По указанию горкома партии днем 22 октября мы выехали из города.

Позади нас раздавались взрывы,— это подрывники уничтожали объекты, которые могли использовать фашисты.

Мы оставляли родной город с болью в сердце, но каждый из нас твердо верил, что недалек тот час, когда Харьков станет снова советским.

П. П. КОНОВАЛЕНКО
Полковник в отставке

ВМЕСТЕ С АРМИЕЙ

В первые дни Великой Отечественной войны возникла необходимость создать истребительные батальоны для борьбы с вражескими парашютными десантами. Всего на территории Харьковщины было организовано 42 таких батальона численностью по 250—300 человек каждый. Руководила ими оперативная группа областного комитета партии.

Комплектование истребительных батальонов производилось из числа лиц, не подлежавших призыву в Красную Армию, работавших на предприятиях, в учреждениях и сельском хозяйстве. Командиров батальонов, их заместителей и начальников штабов рекомендовали районные комитеты партии. В течение месяца батальоны были подготовлены для успешной борьбы с вражескими парашютистами.

На вооружении истребителей были винтовки, ручные пулеметы, автоматы, бутылки с горючей жидкостью, а в батальоне Орджоникидзевского района имелась бронетанкетка, построенная во внеурочное время рабочими тракторного завода. Батальоны размещались в специально отведенных помещениях. Они имели телефонную связь с областным штабом. Для отряда, который круглосуточно дежурил в штабе, было организовано общежитие. Таким образом, в любой момент можно было бросить отряд для ликвидации вражеских парашютистов.

Из числа добровольцев — комсомольцев и несоюзной молодежи — в Харькове был организован также батальон истребителей вражеских танков. С личным составом этого батальона областной штаб проводил боевую и политическую подготовку, тактические занятия по уничтожению танков противника бутылками с горючей жидкостью. ЦК ВЛКСМ одобрил эту работу комсомольской организации нашего города. Впоследствии батальон, насчитывавший до 300 человек, выехал на фронт.

Бойцы истребительных батальонов задержали немало вражеских пособников. Беспощадно велась борьба с предателями, которые при появлении вражеских самолетов над промышленными районами подавали сигналы ракетами. Была, например, проведена ложная воздушная тревога. В воздух подняли самолеты. Они были обстреляны трассирующими пулями, по ним вела стрельбу холостыми патронами зенитная артиллерия. К началу операции по всему городу были рассредоточены истребительные батальоны под руководством работников НКВД. Им удалось обезвредить почти всех сигнальщиков.

Истребительные батальоны являлись также базой создания партизанских и диверсионных групп для борьбы в тылу врага. Отряды добровольцев перебрасывались в тыл противника в Киевскую область.

С приближением фронта к Харьковщине большая часть истребительных батальонов была реорганизована в партизанские отряды. Командиры и комиссары отрядов прошли специальную подготовку. Весь личный состав принял присягу. Были установлены места пребывания отрядов в тылу врага, заготовлены в тех местах запасы боеприпасов и продуктов питания.

Примерно за месяц до приближения фронта к Харькову партизанские отряды ушли к своим базам. В ходе боев за Харьков истребительные батальоны в своем большинстве влились в части, оборонявшие город. Народное ополчение мужественно сражалось за родной Харьков вместе с воинами Красной Армии. Партизанский отряд Изюмского района под командованием тов. Салова, сформированный из истребительного батальона, отважно действовал в тылу врага, беспощадно уничтожал фашистских захватчиков.

В. П. ИВАНОВ

Бывший секретарь
Краснозаводского райкома партии

ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ

Много лет прошло с тех пор, как мирный труд советских людей был прерван войной, но в памяти еще живы картины прошлого — героизм и отвага советских людей, грудью вставших по призыву партии и правительства на защиту своей Родины.

С чувством глубокого возмущения и гнева восприняли трудящиеся Краснозаводского района весть о вероломном нападении гитлеровской Германии. На митингах, прошедших на предприятиях и в учреждениях, рабочие, инженеры и служащие поклялись, что они отдадут все свои силы и энергию для разгрома ненавистного врага.

Особенно многолюдными были митинги и собрания на Основянском железнодорожном узле, одном из крупнейших предприятий страны, где трудилось более 1000 коммунистов. Железнодорожники поклялись отдать все свои силы фронту. «Победа или смерть — вот наш девиз, вот наше знамя, с этим знаменем мы победим»,— говорили они.

Труженики промышленных предприятий района отдавали все свои силы всенародному делу разгрома немецко-фашистских захватчиков, выполняли и перевыполняли свои производственные задания.

Самоотверженную борьбу трудящихся за победу над врагом возглавила районная партийная организация, в рядах которой насчитывалось свыше 5000 коммунистов.

Личным примером они воодушевляли всех трудящихся на славные трудовые подвиги во имя защиты Родины.

По примеру москвичей и ленинградцев широкие массы рабочих и служащих района начали вступать в ряды ополчения, чтобы с оружием в руках отстаивать завоевание Октября. За короткий срок число ополченцев достигло нескольких десятков тысяч. Отряды ополчения создавались по предприятиям. Военное обучение они проходили после работы.

Командиром дивизии ополчения был назначен председатель райисполкома Н. И. Хованский, комиссаром — я. В состав штаба дивизии вошли секретари райкома партии тт. Беус и Тищевский, заместитель председателя райисполкома тов. Воликов и другие партийные и советские работники. Краснозаводской, как и все другие районы города, был превращен в сильный сектор обороны города. Начальником сектора обороны был назначен председатель райисполкома тов. Хованский.

Одновременно создавались оборонительные рубежи на подступах к Харькову. На рытье окопов и противотанковых рвов в Золочевский район было отправлено 10 000 человек.

Рабочая дивизия, сформированная в основном из ополченцев и возглавляемая Б. Ф. Воликовым и Ф. В. Яременко, проделала большую работу по строительству укреплений в Золочевском районе.

Для создания линии обороны непосредственно вокруг Харькова в села Андреевку и Андреевку 2-ю выехало 6000 человек.

В грозные дни Великой Отечественной войны социалистическое соревнование на предприятиях приняло еще более широкий размах. Оно стало более действенным.

Особенно мощного подъема социалистическое соревнование достигло в июле — сентябре 1941 года. Трудящиеся нашего района, как и весь советский народ, успешно воплощали в жизнь призывы партии: «Все для фронта! Все для победы!» и «Фронт и тыл неотделимы!» Рабочие промышленных предприятий, служащие, железнодорожники самоотверженно трудились до последнего дня пребывания наших войск в городе.

В этой связи хочу более подробно рассказать о работе железнодорожников, перед которыми стояли ответственнейшие задачи: обеспечивать четкое снабжение фронта всем необходимым и одновременно эвакуировать в тыл рабочих, служащих и их семьи, а также вывозить оборудование и материалы эвакуируемых предприятий.

В эти дни самоотверженно трудился коллектив локомотивного депо им. Кирова (начальник А. С. Кусенко, секретарь парторганизации М. Я. Бабайцев). Железнодорожники систематически перевыполняли задания по выпуску паровозов из подъемного и промывочного ремонтов. Не было ни одного случая задержки выдачи локомотивов под составы. Все локомотивы и имущество были своевременно эвакуированы.

Каждый рейс требовал от машинистов большого мужества: работать приходилось под огнем. Примером для всех служили коммунисты. Уже с первого дня войны машинисты П. В. Кузьмин и В. А. Безусый начали соревноваться за быстрейшее продвижение поездов.

В октябре 1941 года они провели по 10 поездов. Ни вражеские бомбы, ни пулеметный огонь воздушных пиратов не смогли преградить путь мужественным железнодорожникам. Благодаря находчивости и отваге паровозных бригад поезда были доставлены на конечные станции невредимыми.

Вспоминается такой эпизод. Противник быстро приближался к одной из фронтовых станций. Снаряды уже перелетали через служебное помещение, слышалась пулеметная стрельба. Со станции нужно было немедленно вывезти несколько эшелонов. Это поручили сделать машинистам тт. Кузьмину и Безусому. Ежеминутно рискуя жизнью, под непрерывно усиливавшимся обстрелом они начали быстро выводить поезда. И задание было выполнено. Бесстрашные патриоты спасли жизнь сотен людей, вывезли тысячи тонн ценнейшего груза.

Замечательное мужество проявил коммунист И. А. Выдренко. 20 октября он вывел из-под обстрела фашистов эшелон с боеприпасами со станции Куряж на станцию Основа. Рейсы машинистов тт. Кузьмина, Безусого, Выдренко — это замечательная страница героического труда советских людей в истории Великой Отечественной войны.

Бесстрашно водили поезда под огнем противника машинисты М. Н. Зигмунтов, С. И. Даманский, И. Г. Жуковенко, С. А. Маховский, И. П. Бойко и многие другие — коммунисты и беспартийные.

С большим напряжением трудился коллектив станции Основа. Железнодорожники Основы не раз доказывали свою преданность Родине, делу Коммунистической партии. Отечественная война поставила перед ними ответственные задачи — своевременно формировать и отправлять поезда.

К началу Великой Отечественной войны вагонооборот на ст. Основа достиг 22 тысяч вагонов в сутки. Коллектив железнодорожников в трудных условиях, при строгом соблюдении светомаскировки успешно формировал и отправлял поезда, не допуская аварий и брака в работе.

Примеры отваги и мужества показывали диспетчеры И. С. Мысько, А. Н. Цымбалист, старший помощник начальника станции А. С. Филатов, секретарь партийного бюро М. Павлов и другие. Не раз им приходилось рисковать жизнью, чтобы не дать фашистским стервятникам поживиться социалистическим добром.

В годы войны железнодорожники Основы сэкономили за счет сокращения стоянки поездов тысячи вагоно-часов. Партийная организация во главе с М. Павловым сумела мобилизовать людей на выполнение боевых задач. Примеры героического труда, мужества и большевистской стойкости продемонстрировали и коллективы вагонного депо, дистанции пути

и связи. Особенно отличались коммунисты: дорожный мастер А. С. Шалейко, старшая телефонистка А. Г. Проценко, главные кондукторы тт. Жолоб, Юрченко и другие.

Большую работу в дни войны проделал женсовет Основянского узла. Под руководством члена ВКП(б) А. Н. Фоменко активистки женсовета тт. Филатова, Велигодская, Молчанова, Яркова, Петрова, Склярова, Металиченко и другие бесперебойно доставляли горячую пищу стрелочникам, башмачникам, составителям поездов, не имевшим возможности пойти в столовую. Активистки женсовета провожали бойцов на фронт, встречали санитарные поезда, чинили обмундирование, стирали белье, заботились о детях фронтовиков и сиротах.

Железнодорожники Основянского узла активно участвовали в сборе средств на постройку танковой колонны. Всего было собрано 900 000 рублей наличными и на 30 000 рублей облигаций.

Большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу среди коллективов узла проводили узловой партком станции Основа (секретарь Н. И. Гончаров) и первичные партийные организации станции, паровозного и вагонного депо, дистанции пути и связи. Коммунисты-агитаторы и пропагандисты разъясняли трудящимся вопросы текущей политики, положение на фронтах, популяризовали опыт передовиков производства. Все это способствовало мобилизации коллективов на успешное выполнение заданий партии, правительства и военного командования по обеспечению своевременной и сохранной доставки поездов к месту назначения.

Партийные организации узла повседневно ощущали руководство и помощь политотдела Основянского отделения Южной железной дороги и Краснозаводского райкома КП(б)У. Систематически освещала боевые дела железнодорожников многотиражная газета отделения «Углевоз Донбасса», редактором которой был С. Н. Фоменко; редакция выпускала также боевой листок, в котором рассказывала о трудовом героизме, мужестве и отваге железнодорожников при исполнении своего служебного долга, обобщала опыт передовиков производства. После эвакуации предприятий и учреждений количество ополченцев в городе сократилось до минимума.

В начале октября на совещании в горкоме партии было решено, что Краснозаводский район выставит в формируемый для обороны ополченский полк роту связи. Эту роту создали из ополченцев междугородной телефонной станции.

Мы покидали родной Харьков с твердой уверенностью в том, что скоро вернемся.

...23 августа 1943 года вместе с частями Красной Армии партийный актив Харькова вступил в свой многострадальный город.

Харьковчане с огромной энергией принялись за восстановление разрушенного хозяйства и в короткий срок подняли свой город из руин.

Х. Р. КАРАСИК
Генерал-майор в отставке

НА ОХРАНЕ КОММУНИКАЦИЙ

В начале сентября 1941 года, после занятия немцами Кременчуга и Полтавы и выхода противника на территорию Харьковской области в район Валки — станция Искровка, в Харьков прибыли Маршал Советского Союза тов. С. К. Тимошенко и член Военного совета Юго-Западного фронта тов. Н. С. Хрущев и организовали оборону на подступах к городу. Завязались упорные бои с противником. Его быстрое продвижение значительно замедлилось.

Войска НКВД, охранявшие железнодорожные и промышленные объекты к западу и югу от Харькова, после занятия этих объектов немцами были сосредоточены в городе и вокруг него, несли заградительную службу по поддержанию революционного порядка в полосе фронта, вели борьбу с нарушителями порядка.

Командиры частей войск НКВД были вызваны к тов. Д. С. Коротченко, работавшему тогда секретарем ЦК КП(б)У. Он предложил нам организовать оборону ряда объектов Харькова. На нас была возложена задача вести борьбу с вражескими парашютистами, которые могли появиться в лесах в районе Змиева, Изюма и Балаклеи.

Личный состав Харьковского полка под командованием подполковника Майбороды и бронепоезда, на котором был командиром капитан Турга-

нов, а комиссаром младший лейтенант Гольдфарб, совместно с частями Красной Армии успешно обороняли Харьковский железнодорожный узел, нанося немцам значительные потери. Наши части несли патрульную службу и взаимодействовали с истребительными батальонами народного ополчения.

Немецкие фашисты пытались воздушными десантами захватить Изюм, Змиев, Балаклею, занять железную дорогу, разрушить мосты вокруг Харькова и парализовать боевые действия наших войск в этом районе, а также затруднить доставку боевой техники и войск на фронт и эвакуацию промышленных объектов и населения из Харькова.

Для противодействия этим попыткам врага была усилена охрана мостов вокруг Харькова, организованы заградительные отряды по борьбе с десантами. Благодаря принятым мерам гитлеровцам не удалось захватить Изюм и Змиев, вывести из строя железную дорогу вокруг Харькова.

Примерно числа 20—21 октября бои шли на Холодной Горе, в Залютино. Железная дорога на Мерефу и Белгород была захвачена немцами. Оставался один выход на Чугуев, который находился под огнем противника. На Чугуевское направление и был брошен наш бронепоезд, что дало возможность вывозить промышленное оборудование из Харькова.

23 октября войска НКВД вместе с частями Красной Армии отошли в район ст. Лосево. Они отходили на Чугуев, Купянск, ведя ожесточенные бои за каждый железнодорожный мост.

Немало храбрецов пало в этих боях. Многие командиры и красноармейцы были награждены орденами и медалями за отвагу и мужество. Особенно нужно отметить боевые действия бронепоезда в районе Новой Водолаги, Харьковского железнодорожного узла, станций Щенячье, Булацеловка, Коробочкино, в райцентре Шевченково. Малочисленные гарнизоны, не имевшие к тому же противотанковых средств, вступали в неравные бои с немецкими танками, поджигали их бутылками с горючей жидкостью и упорно отстаивали каждый объект.

Гарнизоны были разбросаны на огромной территории, что затрудняло управление ими и обеспечение всем необходимым. Требовались большие усилия командования. Широкая партийно-политическая работа обеспечила высокий боевой и моральный дух личного состава, не допустившего ни одной диверсии на мостах и полотне железной дороги.

Благодаря правильному взаимодействию войск НКВД, истребительных батальонов и частей Красной Армии, а также информации и активной помощи со стороны местных партийных и советских органов и населения, удавалось своевременно обезвреживать небольшие воздушные десанты.

Особенно серьезное внимание было обращено на охрану и оборону Харьковского железнодорожного узла. Вывод здесь из строя любого моста затормозил бы работу всего узла и нанес большой вред боевым действиям фронта в этом районе. Малочисленные гарнизоны обороняли свои объекты

до конца, часто оставаясь в обороне даже после отхода частей Красной Армии и вместе с подрывниками выводили объекты из строя. Немало защитников мостов пали смертью храбрых, но не отступили ни на шаг.

Из многих храбрецов хочется особо отметить: младшего лейтенанта Зуева, комиссара полка Завелинского и его заместителя Перерву, помощника начальника штаба полка капитана Белоусова, начальника службы штаба дивизии Орлова и его помощника Пономаренко, помощника начальника штаба дивизии подполковника Водолазского, секретаря дивизионной партийной комисси Таллановского, политработников Куликова, Приходько, командира бронепоезда Турганова и комиссара Гольдфарба, а также рядовых бронепоезда Коношенко, Мытника, Солопова, Гудима.

Кроме сбрасывания парашютистов и засылки в наш тыл шпионов, диверсантов и других своих агентов, фашисты старались использовать в своих целях всякое отребье, отщепенцев и врагов социалистического общества. Наши войска совместно с истребительными батальонами, состоявшими из народного ополчения, при активной помощи партийных и советских органов вели решительную борьбу с подрывной деятельностью вражеских элементов.

В период наступления Красной Армии в 1943 году дивизия находилась вместе с частями Красной Армии и по мере продвижения вперед занимала освобожденные объекты, приводила в порядок подорванные и организовывала их охрану и оборону. Личный состав помогал восстанавливать разрушенное хозяйство, принял участие в уборке урожая в ряде районов области. Солдаты и офицеры наших частей наводили революционный порядок на освобожденной от фашистов территории.

Ф. К. СЫРОВ

Бывший заведующий
военным отделом горкома партии

ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА

В ответ на вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину трудящиеся Харькова, как и все советские люди, еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии.

Выполняя указания ЦК ВКП(б), Харьковская партийная организация провела работу по подготовке населения к противовоздушной и противохимической защите. Когда город подвергся бомбежкам и артиллерийскому обстрелу, принятые нами меры оправдали себя. Бомбоубежища и щели спасли жизнь тысячам людей.

Хорошо подготовленные аварийно-восстановительные службы работали четко, быстро, со знанием дела. Несмотря на частые бомбежки и вызванные ими большие разрушения, город до последнего дня получал электроэнергию, воду и пользовался трамваем.

Бойцы и командиры добровольных дружин и штатных команд — МПВО, Осоавиахима, Красного Креста и пожарных команд самоотверженно работали в самых трудных условиях. Во время бомбардировок, рискуя своей жизнью, они спасали людей и материальные ценности.

Дружинники день и ночь дежурили на наблюдательных вышках, крышах жилых домов и промышленных объектов.

Как-то в июле, во время одного из налетов фашистской авиации, площадь имени Тевелева и прилегающие к ней здания были буквально засыпаны зажигательными бомбами. Вспыхнули пожары. Группы самозащиты не успевали гасить бомбы. Стоило, однако, обратиться к людям, теснившимся у стен домов, с призывом о помощи, как многие быстро поднялись на крыши и вступили в борьбу с огнем. Несмотря на продолжавшуюся бомбежку, не располагая необходимым инструментом, они сбрасывали «зажигалки» на улицу. Вскоре пожары были ликвидированы.

С помощью населения удалось спасти от огня здания бывшего института физкультуры, общежития института железнодорожного транспорта, консерватории и бывшего института советской торговли.

Во время одного из первых массированных ночных налетов бомбежке подвергся район Московского проспекта. Разрушен был почти целиком квартал от площади им. Тевелева до Харьковского моста. На второй день, на восходе солнца, у уцелевшего магазина собралась большая толпа. В это время над городом появились самолеты. Фашистские стервятники пикировали на беззащитное население. Эта бомбежка вызвала в городе большие разрушения и много человеческих жертв. Была разрушена трамвайная линия, выведены из строя электросеть и водопровод. В восстановительных работах активное участие приняло население. Особенно самоотверженно трудились добровольные дружины предприятий района и железной дороги.

Население огромного города мужественно переносило все невзгоды и лишения. На заводах Киевского, Московского и Орджоникидзевского районов рабочие продолжали трудиться даже во время сильных налетов, когда вокруг бушевал огонь, рушились здания и гибли их товарищи. В то же время аварийно-восстановительные и другие добровольные дружины принимали все меры к быстрейшему восстановлению рабочих мест.

Бойцы добровольных дружин, воины Красной Армии, железнодорожники Харькова проявляли массовый героизм. На станции Основа скопилось до 3000 вагонов, в том числе вагоны с боеприпасами и боевым снаряжением. Об этом стало известно фашистской разведке. На исходе дня 18 октября над станцией появилась армада фашистских бомбардировщиков. Враг обрушил на станцию и прилегающие кварталы сотни бомб.

Рушились постройки, взрывались вагоны с боеприпасами, загорелись цистерны с горючим. Из люков горящих цистерн взметнулись к небу гигантские языки пламени, осветившие станцию. Пользуясь этим, фашистские разбойники через каждые 1—2 минуты сбрасывали тяжелые фугасные бомбы. В этот бушующий ад ринулись наши славные дружинники и воины Красной Армии. Под взрывами бомб и снарядов они откатывали горящие вагоны, локализовали отдельные участки пожара, тушили бушую-

щее огненное море, выносили убитых и раненых. Долго шла борьба с огнем. Люди, беззаветно преданные своей Родине, выстояли. Большая часть боеприпасов и заводского оборудования была спасена.

Оборонной работой постоянно занимались секретарь обкома КП(б)У А. А. Епишев, секретарь горкома партии В. М. Чураев, секретарь райкома партии А. И. Евсеев и другие.

Непосредственное руководство оборонной работой осуществляли председатель горсовета депутатов трудящихся А. И. Селиванов, начальник горштаба МПВО майор А. И. Гильман, председатели облсовета и горсовета Осоавиахима, начальник школы ПВХО В. А. Онянова, председатель обкома Красного Креста, начальники служб МПВО. Усилиями этих людей личный состав службы и команд был подготовлен для действий в условиях угрожающего положения и в период непосредственного нападения.

Ярким примером проявления массового героизма советских людей, воспитанных партией, явилось вступление харьковчан в народное ополчение. Люди клялись, не жалея сил и самой жизни, громить ненавистного врага до полной победы.

Уже в первые дни июля 1941 года в ряды народного ополчения вступили десятки тысяч человек.

Вскоре был создан штаб обороны и штаб народного ополчения. Все бойцы ополчения были объединены в отделения, взводы, роты, батальоны, полки и дивизии, которые входили в корпус народного ополчения. Партийные организации подобрали и назначили командный и политический состав. Началась ежедневная военная учеба. Военные отделы горкома и райкомов партии проделали большую работу по обеспечению ополченских подразделений учебным снаряжением. После трудового дня на заводах, фабриках, в учреждениях и учебных заведениях мужчины и женщины вливались в свои подразделения и приступали к военной подготовке. На площадях, где проводились военные занятия, часто можно было видеть, как марширует или выполняет упражнения с винтовкой пожилой профессор, видный научный работник или руководитель учреждения. Занятия с ополченцами проводили старые командиры, по каким-либо причинам не призванные в армию, а чаще всего старики солдаты, получившие военную подготовку еще в царской армии.

За всю работу в дивизиях народного ополчения отвечали секретари райкомов, заведующие военными отделами и председатели райисполкомов. Необходимо подчеркнуть, что военные отделы райкомов партии по-настоящему возглавили всю работу по военной подготовке ополченцев, обеспечили им площадки и классы для занятий, снабдили бойцов и командиров оружием, снаряжением.

В связи с массовой мобилизацией населения на строительство оборонительных сооружений, эвакуацией предприятий вместе с рабочими, а

также с призывом военнообязанных в ряды Красной Армии число народных ополченцев значительно сократилось.

В сентябре 1941 года более 50 тысяч человек было вновь послано на строительство оборонительных сооружений вокруг Харькова. Продолжалась эвакуация предприятий, а с ними уезжали рабочие, инженерно-технические работники и служащие.

Оставшийся в городе полк народного ополчения был разделен на два отряда. Один предназначался для круговой обороны ХТЗ, а второй для обороны собственно Харькова по линии станции Залютино — Холодная Гора — парк — лесопарк.

Областной и городской партийные комитеты, райкомы партии и заводские партийные организации провели большую работу по изготовлению для народного ополчения некоторых видов вооружения.

За счет внутренних резервов и частично с помощью проходивших воинских частей полк был вооружен старыми винтовками, автоматами различных систем и бутылками с горючей смесью. Нам удалось снабдить полк пулеметами. Это были танковые и авиационные пулеметы, которые устанавливались на треноги и сошки. Ополченцы имели больше 100 таких пулеметов. Располагало ополчение 80 «орудиями». Это были стволы танковых пушек, к которым делались на заводах рамы, лафеты, кронштейны. На одном из заводов удалось собрать 10 ранцевых огнеметов.

Готовя ополчение к обороне Харькова, мы всячески старались увязать и согласовать свою работу и будущую деятельность по обороне города с воинскими частями, которые должны были защищать Харьков, но это не всегда удавалось, так как предназначавшиеся для этой цели части уходили на фронт, а им на смену приходили другие.

Незадолго до приближения немцев к городу бойцы ополчения были переведены на казарменное положение, а затем по согласованию с командованием воинских частей, оборонявших город, выведены на предназначенные им рубежи.

Часть полка, занявшая боевой рубеж от Залютино до лесопарка, приняла на себя первый удар немецких передовых отрядов и, взаимодействуя с частями Красной Армии, участвовала в оборонительных боях за город.

В районе Старого Салтова командный состав ополчения был оставлен в распоряжении штаба 38-й армии, а основная часть рядового состава ополчения влилась в соединения действующей армии.

Наряду с боевой и политической подготовкой бойцов народного ополчения партийная организация Харькова провела большую работу и по отбору добровольцев в партизанские отряды. Перед нами была поставлена задача добиться широкого вовлечения добровольцев в партизанские отряды, поэтому райкомы партии принимали заявления о желании вступить в партизанские отряды и от ополченцев.

Желающих вступить в партизанские отряды было очень много: в пер-

вичные партийные организации обращались с этой просьбой десятки тысяч человек. Секретари райкомов и заведующие военными отделами райкомов партии уже после проведенного отсева в первичных партийных организациях беседовали с десятками человек. В результате горком партии отобрал более 3000 человек.

Основная масса отобранных лиц прошла подготовку в отрядах, а часть — в специальной школе органов безопасности. Усилиями горкома и райкомов партии группы партизан, проходивших специальную подготовку, были экипированы, вооружены и отправлены по указанию соответствующих органов в тылы противника: первая группа — под Киев, а вторая — в районы Сумской и Харьковской областей.

Из числа лиц, подавших заявления о вступлении в партизанские отряды и в народное ополчение, было подготовлено 60 подрывников-диверсантов. Эта группа провела работу по установке мин различного действия.

Часть подрывников-партизан оставалась в городе для диверсионной работы.

В заключение хочу особо отметить большую работу, проведенную военными отделами партийных органов. Военные отделы горкома и райкомов партии были непосредственными организаторами массовой оборонной работы.

Л. Г. ГОЛЬДФАРБ
Майор запаса

НА БРОНЕПОЕЗДЕ

Бронепоезд на полном ходу мчался к станции Булацеловка. Чтобы нанести окончательный удар по фашистской батарее, которая там укрепилась, командир решил ударить по ней прямой наводкой. Это была очень смелая и рискованная операция. Предстояло прорваться сквозь орудийный шквал, каждую минуту мог взлететь на воздух заминированный путь. Нарастало нетерпение людей, которые видели сквозь амбразуры проносившиеся мимо телеграфные столбы с оборванными проводами, пылающий склад горючего, развороченные снарядами дома и огороды...

Влетев на станционные пути, бронепоезд стал поливать все вокруг пулеметным огнем. Немецкая батарея даже не успела дать залп. Она была уничтожена снарядами бронепоезда. Разбежались со станции напуганные немцы. Воспользовавшись замешательством противника, подразделения Красной Армии ударили во фланг отступающим немецким ротам и ворвались в районный центр Шевченково и в три соседних населенных пункта.

Это один из многих эпизодов участия в боях за Харьков бронепоезда № 60, на котором я был комиссаром.

Под Харьков бронепоезд попал после непрерывных боев, которые он вел от самой государственной границы. Его борта были испещрены глу-

бокими царапинами, вмятинами, а в некоторых местах пробиты насквозь. Немецкие захватчики не раз чувствовали на себе меткие удары его четырех 76-миллиметровых орудий и двенадцати станковых пулеметов.

Командиром бронепоезда был высокообразованный боевой капитан В. Т. Турганов, который еще до Великой Отечественной войны за отличные боевые действия против басмачей был награжден орденом Красного Знамени. Бесстрашный командир находился все время на не защищенном броней паровозе, умело и без потерь выводил часть из зоны артиллерийского огня противника. Он лично руководил стрельбой орудий, добивался хорошего темпа и меткого огня, своим мужеством подымая дух личного состава.

Несколько дней мы во взаимодействии с 14-й танковой бригадой успешно вели бои в районе станции Новая Водолага. Бои были ожесточенными. Населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Наших стрелковых частей на этом участке было мало и после изгнания фашистов огневыми налетами танков и бронепоезда нам, к сожалению, не удавалось надолго закрепить за собой освобожденные пункты. Немцы часто сбрасывали листовки, в которых называли нас фанатиками, идущими на бессмысленную смерть, поскольку, мол, остальные части ими уже разгромлены. Обещали нам различные награды за прекращение огня. Старший сержант, коммунист Ф. Д. Мытник, помощник командира взвода разведки и связи, редактор нашего боевого листка в специальном выпуске высмеял коварство фашистов: «Вы пишете, что наш бронепоезд остался один в поле воин, что наше сопротивление бесцельно. Брешете! Наши силы неисчислимы. В сердце каждого советского воина горит священный огонь ненависти и мести к вам, извергам человечества... Смерть немецким захватчикам!..»

Вспоминается случай, свидетельствующий о крепкой спайке, взаимной выручке между воинами Советской Армии, готовности жертвовать собой, чтобы выручить товарища.

Огнем противника под Новой Водолагой был поврежден наш истребитель. Он произвел вынужденную посадку между нашими и немецкими позициями. Летчик стал пробираться в ближайший лесок. Его окликнули наши разведчики и привели на бронепоезд.

Утром мы с группой красноармейцев поехали на полуторке в район посадки самолета. Автомашину оставили в лощине, метров в трехстах от самолета. Воспользовавшись туманом, мы под артиллерийским огнем противника ползком добрались к машине. Зацепив ее веревками, стащили в лощину, а затем привязали самолет к автомашине, отвезли на станцию Новая Водолага. Там разобрали и погрузили на платформу бронепоезда.

Особенно смело и отважно действовали в этой операции бойцы бронепоезда Некрасов и Гудим, а также милиционер станции Новая Водолага Семикрасов, показавший нам скрытые пути подхода к месту нахождения

самолета. Вместе с нами находился и летчик поврежденного самолета — лейтенант Бирюков из 6-го истребительного авиационного полка, базировавшегося в Харькове.

23 октября 1941 года бронепоезд занял позицию для защиты Харькова. Весь день он вел огонь по немцам, рвавшимся к Харькову по Комсомольскому шоссе, периодически выдвигался на открытую позицию и огнем прямой наводки поражал противника. Разведчики сообщают: «Разгромлены две батареи фашистов. Противник выставил новые три батареи...» Подаются команды: «Прицел... трубка... огонь!..»

Разведчики из далеко выдвинутого и хорошо замаскированного наблюдательного пункта докладывают по телефону: «По шоссе двигаются немецкие танки». Залп огня направляется по шоссейному мосту, что впереди танков. Мост взорван. Продвижение противника приостановлено. Огонь переносится на его технику. Наблюдатели сообщили: «Два танка подбиты, остальные повернули назад»...

Противник понес крупные потери в живой силе и технике. Но оставаться дальше в городе было опасно. Командование отдало приказ оставить город. Другие бронепоезда уже были выведены из боя и ушли в направлении Чугуева. Для выхода нашего бронепоезда была оставлена одна линия.

В это время к позициям бронепоезда подошла оперативная группа штаба одного армейского полка. Его командир заявил, что два батальона попали в окружение, понесли большие потери, кольцо вокруг них все теснее смыкается. Нас просили оказать помощь.

Командир бронепоезда капитан Турганов отдал приказ двум броневикам, которые до этого защищали наши фланги, и десантной группе занять железнодорожные мосты в тылу и следить за тем, чтобы просачивающиеся автоматчики противника не взорвали железнодорожную линию, по которой мы действуем. Взвод разведки и связи был направлен в расположение стрелкового батальона, который вел кровопролитный бой. Мы открыли артиллерийский огонь. Это приободрило воинов стрелковой части, укрепило их стойкость. А немцы, неся потери от нашего огня, ослабили натиск. Полк начал перегруппировывать свои силы. Но наступила новая угроза. Противник направил по шоссе, параллельному железнодорожной линии, колонну танков. Огонь по ним из закрытой позиции был неэффективным.

— Полный вперед! — скомандовал капитан Турганов. Быстро вылетаем из лощины на открытую позицию, и разгорается ожесточенный бой. Уничтожены четыре танка противника. Остальные повернули вспять.

Противник обрушил на нас шквал огня. Осколки снарядов с визгом бьют по броне. Мы уходим на закрытую позицию. Но вот данные: «Немцы подтягивают мотопехоту!». Снова выходим на открытый бой. Из полка передают: «Вашим огнем уничтожено и рассеяно свыше трех

рот противника. Продвижение мотопехоты приостановлено. Вырываемся из кольца. Прикройте отход». Бой снова разгорается.

С острой болью в душе оставляли мы Харьков. Но мы отходили с глубокой верой в то, что скоро вернемся.

В боях за освобождение родной Харьковщины закаленный личный состав бронепоезда провел и много других удачных операций.

Замечательными по тактическому маневру и смелости были бои за станцию Булацеловка. В феврале 1942 года станция была захвачена переброшенной с острова Крит свежей эсэсовской дивизией, рвавшейся к городу Купянску, к важному железнодорожному узлу, через который тогда снабжался Юго-Западный фронт. Бронепоезд охранял железнодорожный мост через реку Северный Донец. По селектору нам был передан приказ: установить связь с командиром 199-й дивизии и помочь ей оторваться от противника до подтягивания новых частей. Чтобы выполнить этот приказ, необходимо было и на этот раз идти на самопожертвование. Мы должны были ворваться в глубь позиции немцев на 12 километров, захватить станцию Булацеловка и отвлечь на себя огонь противника. Риск был тем более опасным, что дивизия не могла выделить свои силы для охраны пути, по которому мы собирались действовать. Но командир бронепоезда Турганов, как обычно, спокойно рассуждал: «Навязать свою волю противнику — главный залог успеха. Самоуверенные немцы не закрепляют свои позиции, лезут напролом. Их нужно ошеломить внезапным ударом. Но для этого нужна высокая доблесть всего личного состава бронепоезда». Обратились, как обычно, прежде всего к коммунистам, а через них ко всем воинам. Командир бронепоезда собрал командиров бронеплощадок, взвода разведки и связи: старшего лейтенанта Коношенко, лейтенанта Кривобока, старшину Казакевича. После этого мы совершили семь огневых налетов на станцию. Особенно удачным был первый. Фашисты ничего подобного не ожидали. Они в страхе выскочили из станционных помещений, из столовой. Мы их расстреливали прямой наводкой из орудий и пулеметов.

Противник сконцентрировал против нас огонь нескольких батарей. Турганов, выглянув из командирской рубки, рассуждал вслух: «Сволочи! Не научились стрелять. Действуют точно по наставлению, а своего ума — капля. Мы их сейчас проучим...»

Последовала команда усилить огонь.

— Первая бронеплощадка, весь огонь на батарею слева!

Наблюдатели докладывают: вражеская батарея слева подавлена. Сектор обстрела по батареям справа из-за домов плохо обозримый.

Турганов спокойно продолжает: «Наконец переходят на поражение. Теперь — тикать... Полный назад!.. Наблюдателям засечь позицию для нового огневого налета против батарей справа!»

Умело маневрируя, Турганов своевременно выводил бронепоезд из

поражающего огня, выбирал каждый раз новые удобные позиции для уничтожения целей. Расчет был на использование всех преимуществ бронепоезда: его способность быстро скрыться и сразу появляться на новом участке, малый откат его орудий и меткий огонь. Пока полевая артиллерия противника перестраивала свой огонь, мы ее поражали.

Наши броневики прикрывали железнодорожный путь от немецких автоматчиков. Личный состав броневика под командованием сержанта Стеценко, в расчете которого были водитель красноармеец Басула и башенный стрелок красноармеец Некрасов, настолько увлекся преследованием немецких автоматчиков, что достиг деревни Огурцовка, завязал там бой с вражеской ротой, расстреливая ее из 45-миллиметровой пушки и пулемета, и помог частям 199-й дивизии занять этот пункт.

После седьмого огневого налета бронепоезда ответного огня со стороны противника не было. Наши разведчики доложили: фашисты оставляют станцию и районный центр Шевченково. Мы послали им вдогонку несколько «гостинцев». Особенно отличились в этом бою артиллеристы Коношенко, Бессарабов, Ваганов, Судаков, Солопов, Орлов; пулеметчики Бурмистров, Гайриев; артиллерийские разведчики Казакевич, Мытник, Гудим, Некрасов и другие.

После освобождения станции усталые, но ободренные победой, мы выскочили из узких башен и проходов бронепоезда на свежий воздух. Остались только дежурные. Весь остальной личный состав помог взводу разведки и связи занять районный центр Шевченково. Местное население со слезами радости встретило освободителей. Они рассказали, что немцы называли нас «панцирь-фанатиками», заявляли, что мы, мол, воюем не по правилам...

Подоспели подразделения 199-й дивизии. Вместе освободили мы и ряд других населенных пунктов. Совинформбюро сообщило, что бронепоезд, командиром которого является капитан Турганов, совместно с Н-ским соединением освободили районный центр Шевченково, станцию Булацеловка, Огурцовку и ряд других населенных пунктов.

А в это время бронепоезд уже мчался по новым железнодорожным путям. Наблюдатели зорко всматривались в горизонт, а расчеты орудий ждали боевой команды.

П. З. ВОЙТОВИЧ

Бывший секретарь
Орджоникидзевского райкома партии

СВОЙ ДОЛГ ВЫПОЛНИЛИ

Шли первые месяцы Великой Отечественной войны. Наши войска с упорными и тяжелыми боями продолжали отступать. Обращение Коммунистической партии и Советского правительства по радио к населению с призывом создавать партизанские отряды для борьбы в тылу врага и части народного ополчения для организации сопротивления фашистам, рвавшимся в глубь нашей страны, вызвало у трудящихся Орджоникидзевского района, как и у всех советских людей, небывалый подъем.

На митингах рабочие, инженеры и служащие заводов заверяли нашу партию и правительство, что во имя победы над озверевшим врагом они готовы на любые лишения и трудности и отдавали себя целиком в распоряжение Коммунистической партии.

Здесь же после митингов рабочие, инженеры и служащие подавали заявления с просьбами о посылке их добровольцами на фронт или о зачислении в партизанские отряды и ополчение.

Как и всегда в трудные для нашей страны времена, впереди шли коммунисты и комсомольцы. В ряды ополченцев вступили все коммунисты и комсомольцы района. Многие из них ушли добровольцами в ряды Красной Армии и в партизанские отряды.

На заводах митинги проводились в трех сменах. К утру 4 июля по району вступило в ополчение 7000 человек. Около 500 человек изъявило желание уйти добровольцами на фронт.

8 июля 1941 года запись в ополчение была окончена. За пять дней в ряды ополчения вступили тысячи трудящихся района.

По указанию горкома партии начальниками ополченских дивизий назначались председатели райисполкомов, а комиссарами первые секретари райкомов партии. Таким образом, комиссаром ополчения Орджоникидзевского района стал я, а командиром — тов. Евглявский.

О любви советских людей к своей Родине, об их горячем стремлении быстрее разгромить фашистские орды свидетельствует тот факт, что в ополчение вступила четвертая часть населения.

С середины июля ополченцы приступили к военным занятиям по сточасовой программе, разработанной горкомом партии.

Вскоре ряды ополчения поредели. В конце июля район направил на рытье окопов и противотанковых рвов на линию Перещепино—Зачепиловка — Полтава свыше 5000 человек. Ополченцы выехали на работу со своими тракторами, автомашинами и бульдозерами.

По указанию горкома партии наш район послал на защиту столицы Украины Киева батальон из 200 человек.

Комиссаром батальона был назначен редактор многотиражной газеты станкостроительного завода тов. Солонецкий. Батальон участвовал в боях за Киев. На фронте его так и называли — батальон имени Орджоникидзе.

* * *

В сентябре по решению бюро обкома на строительство оборонительных рубежей на подступах к Харькову наш район отправил 2000 человек. Ополченцы работали в селах Замостье и Задонецком.

Несколько позже они приступили к укреплению второго пояса обороны города, проходившего по линии Мерефа — Жихарь. Сюда было направлено из района еще несколько отрядов ополченцев. Это была наиболее мощная линия обороны. Защитники города обнесли окопы двумя рядами проволочных заграждений, установили противотанковые надолбы. Заводы района изготовили около 2000 металлических ежей.

В августе район приступил к эвакуации предприятий и населения. Эта работа проходила в чрезвычайно сложной обстановке, так как железнодорожная линия, проходившая через район, очень часто подвергалась бомбежкам. Нередко фашисты совершали по 4—5 налетов в сутки.

Пренебрегая опасностью, рабочие заводов и железнодорожники трудились до изнеможения, чтобы как можно быстрее отправить в тыл ценнейшее оборудование, сырье и материалы.

Об огромных масштабах работ по эвакуации красноречиво свидетельствует тот факт, что только с тракторного завода были отправлены на восток тысячи вагонов с оборудованием.

Несмотря на ежедневные бомбежки, рабочие, еще остававшиеся на заводах, продолжали трудиться у станков, а эвакуирующиеся с оборудованием день и ночь грузили вагоны.

20 октября 1941 года со станции ушел на восток последний эшелон.

На ХТЗ по указанию секретаря обкома КП(б)У А. А. Епишева и секретаря горкома партии В. М. Чураева была организована мастерская по ремонту танков. Последний танк был отремонтирован и отправлен в часть вечером 22 октября, но рабочие оставались в мастерских до последнего дня, оказывая воинским частям различного рода техническую помощь.

В один из тревожных октябрьских дней на ХТЗ приехала группа работников горкома партии. Их интересовал вопрос, чем может завод помочь ополчению города. Они осмотрели два одетых в броню учебных трактора, которые использовались на районных осоавиахимовских учениях. Собравшиеся у машин ополченцы-осоавиахимовцы посоветовали установить на них пулеметы, обшить еще один трактор броней и организовать при заводе танковый взвод. Это предложение было принято. Так возникла мысль использовать обшитые железом тракторы в качестве огневых точек. Завод дал около 100 таких тракторов. На них были установлены пушки и пулеметы.

Военная обстановка ухудшалась. Харьков стал фронтовым городом. После эвакуации основной массы предприятий района в рядах ополчения осталось несколько сотен человек.

Числа 18—19 октября тов. Епишев провел последнее совещание с секретарями обкома, горкома и райкомов партии, на котором было решено вывезти железные ежи и громоздкое негодное оборудование заводов на основные городские магистрали для строительства баррикад.

В течение 20—21 октября наш район был превращен в узел обороны, опоясан окопами, проволочным заграждением; улицы покрылись баррикадами. В некоторых местах, особенно удобных для прохода фашистских танков, установили ежи и надолбы.

21 октября из города стали доноситься звуки сильных взрывов. По телефону я узнал, что есть приказ Главного командования об оставлении Харькова и что сейчас подрываются некоторые объекты, которые немцы могут использовать в войне против нас.

К вечеру 22 октября взрывы в Харькове прекратились. 23 октября с утра из города снова стали доноситься взрывы, особенно слышны они были к полудню. Вскоре мы узнали, что наши ополченцы во взаимодействии с частями Красной Армии ведут бой с ворвавшимися в город фашистами. Поздно ночью гул, доносившийся из города в течение всего дня,

стих. Над Харьковом фашистские самолеты непрерывно сбрасывали осветительные ракеты.

В полдень 24 октября нам стало известно, что немцы вступили в город.

С тяжелым чувством покидали мы родной город. До боли обидно было за все наши военные неудачи. Но при всем этом мы верили, что военные успехи фашистов — явление временное.

16 февраля 1943 года части Красной Армии вновь вступили в Харьков. С ними вошли в родной город и партийные работники.

Вновь закипела работа. В тыл эвакуировались раненые воины и население, которому в период оккупации пришлось испытать муки голода и холода. Быстро налаживалась работа предприятий пищевой и кооперативной промышленности. Военкоматом была оказана помощь в призыве в ряды армии молодежи очередного возраста.

Население города готовилось достойно встретить 26-ю годовщину Красной Армии и Военно-Морского Флота. Воинам действующей армии и раненым собирались и преподносились подарки.

В период нового наступления фашистов на наш город харьковчане вновь собрали несколько сот ополченцев и вместе с частями Красной Армии вели бои с врагом в районе паровозного завода. В число ополченцев входило 150 человек из Орджоникидзевского района.

16 марта фашистам удалось вновь занять Харьков, но уже не надолго.

23 августа 1943 года части Красной Армии штурмом овладели городом. Вместе с ее бойцами в Харьков вошла оперативная группа партийных работников обкома и горкома партии.

Под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» — еще совсем малочисленная городская партийная организация подняла трудящихся Харькова на восстановление разрушенного хозяйства и направила их усилия на всемерную помощь фронту.

В. А. РЫБАЛОВ

Бывший секретарь
Харьковского горкома партии
по пищевой промышленности

ГОД ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

В первый же день войны ряды работников горкома и райкомов сильно поредели — люди уходили на фронт. Мне как секретарю горкома КП(б)У по пищевой промышленности и как секретарю первичной партийной организации аппарата горкома партии было поручено заниматься целым рядом вопросов военного характера.

В конце июня в Харьков прибыл Никита Сергеевич Хрущев. На созванном в обкоме совещании секретарей обкома, горкома и райкомов партии им были поставлены важные задачи. Надо было обеспечить выполнение предприятиями заданий по выпуску военной продукции при обязательном выполнении плана производства общей продукции. Никита Сергеевич призвал повысить революционную бдительность на всех участках работы, подготовить базу для ремонта военной техники, усилить внимание к мероприятиям МПВО.

Осуществлением всех военных мероприятий в городе повседневно руководила оперативная группа, в которую вошли секретари горкома партии В. М. Чураев, А. И. Смирнов, П. Е. Шелест, А. Н. Бровкин, С. С. Боровлев и В. А. Рыбалов.

Работу партийных органов необходимо было строить так, чтобы обеспечить всемерную помощь военным органам в выполнении ими поставленных партией и правительством задач. Обстановка, подчеркнул Н. С. Хрущев, требует усилить агитационно-пропагандистскую и разъяснительную

работу среди населения, повести решительную борьбу с различного рода провокационными слухами.

Указания товарища Хрущева стали для Харьковской областной партийной организации программой в ее повседневной работе. Теплые, задушевные слова Никиты Сергеевича воодушевляли всех нас, вселяли веру в победу над немецко-фашистскими оккупантами.

Работы у всех горкомовцев было по горло. У секретарей горкома партии рабочий день начинался рано на рассвете, а заканчивался поздно ночью. Промышленные предприятия, воинские части, военкоматы, МПВО, госпитали, народное ополчение, истребительные батальоны, аварийно-восстановительный полк, милиция, пожарные команды, физкультурные организации, организации Красного Креста и Осоавиахима — вот те организации, с которыми надо было нам держать непосредственную и ежедневную связь, оказывая им помощь в решении стоящих перед ними задач. Бесчисленное множество возникающих в этих организациях вопросов необходимо было решать сейчас же.

На каждом предприятии, в каждом учреждении города в те дни царил огромный трудовой и политический подъем. Трудящиеся Харькова, как и всей страны, выражали непреклонную готовность довести войну до полной победы над фашистской Германией. Это особенно ярко проявилось в потоке заявлений с просьбой отправить на фронт или зачислить в народное ополчение.

Уже в первых числах июля ежедневно на имя партийных организаций поступали от рабочих, инженерно-технических работников, служащих и студентов тысячи заявлений о зачислении их в ополчение.

А сколько харьковчан ушло добровольно на фронт! Это были люди самых мирных профессий — слесари и токари, каменщики и плотники, инженеры и техники, учителя и библиотекари, кузнецы и связисты, санитарки и медицинские сестры. И в первых рядах патриотов, добровольно ушедших на фронт, было около 10 тысяч коммунистов и комсомольцев.

Партийные организации разоблачали ложь вражеской пропаганды, создавшей миф о непобедимости гитлеровской армии. Наши агитаторы, докладчики внушали народу твердую уверенность в том, что врага ждет на Советской земле неминуемая гибель.

Партийно-политическая работа, проводимая партийными организациями города, дала свои положительные результаты. Трудящиеся Харькова мужали. Горечь временных поражений на фронте стала переноситься стойче. Люди трудились на предприятиях еще более производительно.

В наиболее тяжелые дни, когда город содрогался от взрывов вражеских бомб, люди еще не эвакуированных заводов уже не бежали в убежища, как при первых бомбежках, а несмотря на непосредственную опасность, бесстрашно стояли у своих станков, сознавая, что своим трудом они уси-

ливают мощь социалистической Родины. Лозунг партии — «Все для фронта, все для победы!» — воплощался в жизнь.

27 июля Харьков подвергся первой бомбардировке. Вести с фронта были неутешительны. Первая же бомбежка показала, что аварийно-восстановительная служба МПВО слабо справляется со своими обязанностями. По решению бюро горкома КП(б)У 28 июля в городе был создан аварийно-восстановительный полк.

В августе 1941 года в Харькове снова побывал Н. С. Хрущев. Помню, как он проводил совещание секретарей горкома и райкомов партии. Пришел на совещание Никита Сергеевич озабоченный. Прошелся по кабинету. Остановился. Затем обратился ко всем присутствующим: «Если у кого имеются вопросы, прошу задавать».

Вопросов у каждого было много, но все молчали.

— Если вопросов нет,— сказал Н. С. Хрущев,— то разрешите мне сказать несколько слов.

Глубоко запали мне в память слова Никиты Сергеевича:

— Мы переживаем тяжелые для нашей страны дни,— начал он,— фашистские полчища все глубже и глубже проникают на территорию нашей Родины. Наши войска пока не в состоянии нанести им сокрушительный удар. Мы технически пока слабее. Не исключена возможность, что им удастся захватить значительную часть Украины, поэтому советские люди должны быть особенно сильны духом и сохранять самообладание.

После некоторой паузы товарищ Хрущев продолжал:

— Что требуется, в частности, от вас, харьковчан? Прежде всего, как бы тяжело ни сложилась обстановка, вы не должны терять присутствия духа сами и не допускать этого среди трудящихся. Пока над Харьковом не нависла непосредственная угроза, ваш долг — обеспечить работу промышленности с утроенным напряжением и давать как можно больше военной продукции. Если же придет очередь эвакуировать и харьковские предприятия, заранее продумайте вопрос о порядке и последовательности эвакуации заводов.

Никита Сергеевич прошелся по кабинету и говорил далее:

— Помните, товарищи, что ваш город наводнен эвакуированными. Растворяясь среди них, к нам проникают и фашистские агенты. От вас требуется высокая постоянная бдительность. Немедленно включите истребительные батальоны в помощь нашим органам для борьбы со шпионами, диверсантами, распространителями провокационных слухов, а если случится, то и для истребления парашютных десантов.

Н. С. Хрущев не преуменьшал силу фашистской армии и нависшую над нашей страной опасность, однако он и не переоценивал силу врага. Помню, товарищ Хрущев говорил, что если даже не будет открыт второй фронт, наша страна найдет в себе силы для того, чтобы не только отбросить врага, но и уничтожить его на его же собственной территории.

Разговор зашел о первоочередных задачах партийных работников Харькова.

— Партийные работники,— говорил Никита Сергеевич,— обязаны в эти дни работать с учетверенной энергией. Они должны быть универсальны в своей работе — всеведущими, всезнающими и вездесущими. Помните, дорогие товарищи, что партийная работа многогранная, сложная, трудная, но работа благодарная, что близость нашей победы во многом зависит от нас с вами, от коммунистов, опирающихся на трудящихся и ведущих их за собой.

Следуя указаниям Н. С. Хрущева, горком, райкомы партии приступили к формированию истребительных батальонов. Их создавали в каждом районе. Численный состав батальонов был различен. С помощью органов милиции и военкоматов мы в каждом районе сумели вооружить по одному взводу.

Взводы истребительных батальонов действовали под руководством соответствующих отделений милиции. Ими было задержано несколько десятков шпионов, светосигнальщиков, ракетчиков и распространителей провокационных слухов.

Харьковская партийная организация проводила огромную работу по обеспечению фронта боевой техникой и по созданию оборонительных сооружений.

В начале августа Харьковский горком партии получил задание Н. С. Хрущева подготовить базу для ремонта танков. Завод был подыскан, ремонт танков организовали без ущерба выпуска плановой продукции.

Вскоре началась частичная эвакуация промышленности города. Фашисты бомбили станции, мосты и железнодорожные пути, они пытались сорвать эвакуацию предприятий. Однако им это не удалось. Пренебрегая опасностью, железнодорожники сумели обеспечить почти бесперебойную отправку в тыл эшелонов с оборудованием, материалами и людьми.

В сентябре количество харьковчан, работающих в укрепрайоне по линии Перещепино—Зачепиловка—Полтава, достигло 60 тысяч человек. Вскоре в Харьков начали поступать сигналы о том, что при переходе работающих на территорию Днепропетровской и Полтавской областей они стали ощущать продовольственные затруднения. Пришлось выезжать на места и решать там этот важный вопрос.

Еще в начале сентября в районе Кременчуга фашисты значительными силами форсировали Днепр и стали продвигаться на восток. Было ясно, что харьковчанам придется скоро непосредственно отбивать натиск врага.

Из штаба 38-й армии в наш город был командирован военный инженер. Под его руководством группа партийных работников и занималась вопросами укрепления города на случай уличных боев. С помощью саперов город в течение 10—12 дней был превращен в сложную систему обороны. Для работы по укреплению города привлекалось около 10 тысяч человек.

В те дни Харьков был покрыт сетью окопов и ходов сообщения. Угловые дома и дома в тупиках превращались в доты.

В конце сентября 1941 года на рытье окопов вокруг Харькова было дополнительно послано 53 тысячи горожан. На совещании секретарей горкома и райкомов секретарь обкома партии тов. Епишев дал указание изготовить 5000 штук металлических «ежей» для обороны подступов к городу, а на случай уличных боев подготовить для баррикад громоздкий металлический лом и негодные машины.

Через несколько дней после этого совещания в горком партии прибыл уполномоченный Н. С. Хрущева генерал Советников. Он интересовался состоянием частей народного ополчения. Чтобы усилить огневую мощь ополченцев, пришлось модернизировать, ремонтировать старые ружья, пулеметы. Нашлись и бутылки с горючей жидкостью.

Враг приближался к Харькову. Бомбежки города производились все чаще и чаще. Во время бомбежек рабочие еще не эвакуированных заводов своих рабочих мест не оставляли. На замечание о том, что в данном случае лучше было бы уйти в укрытие, они обычно отвечали: «Фронту нужны танки, можем ли мы отсиживаться в убежище?» Можно было услышать и такую фразу: «Защищая Родину, красноармеец не думает о своей жизни, можем ли иначе поступать мы?»

В средине октября на совещании в обкоме партии Н. С. Хрущев сообщил, что дни Харькова предрешены. Он рекомендовал все запасы продовольствия и промтоваров раздать населению, а оставшееся заводское оборудование, чтобы оно не попало в руки врагу, уничтожить.

Секретари сельских райкомов партии стали задавать вопросы о том, как поступить с зерном, инвентарем, скотом, птицей и другим общественным богатством. Никита Сергеевич на эти вопросы дал четкие ответы. Все, что не успеем эвакуировать в восточные районы страны, нужно раздать колхозникам, а остальное должно быть уничтожено.

— Жаль, очень жаль,— сказал товарищ Хрущев,— но иначе поступить мы не можем.

В те дни бои шли на ближних подступах к Харькову. 18 октября фашисты подвергли город ожесточенной бомбежке. Бомбили все вокзалы и центр города. Орудийный гул и взрывы бомб не умолкали целый день. 9-я холодногорская больница, которую возглавлял опытный врач А. И. Мещанинов, превратилась как бы в полевой госпиталь, куда попадали легкораненые.

Утром 19 октября первый секретарь обкома партии тов. Епишев созвал последнее (до эвакуации обкома и горкома) совещание. Речь его была кратка. Ознакомив нас с обстановкой, он предложил в течение двух дней все изготовленные «ежи» установить в местах, указанных представителем инженерно-саперных войск. Весь громоздкий металлический лом, все пришедшие в негодность автомашины и трамваи надо было немедленно вы-

везти на основные магистрали города и использовать их для устройства баррикад. Чтобы фашисты не использовали наши заводы как базу для ремонта своей техники, котельные и оставшееся оборудование следовало уничтожить перед уходом из города.

В течение двух дней город был превращен в систему труднопреодолимых баррикад. Но советским войскам и ополченцам пришлось все же Харьков временно оставить.

П. А. УТИН
Полковник в отставке

БОЕВЫЕ БУДНИ НАРОДНЫХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

Боевым действием харьковского народного ополчения непосредственно предшествовала огромная работа по созданию оборонительных сооружений. Их выполняли организованные в дивизии народного ополчения десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся Харькова.

В первых числах июля 1941 года Харьковский горком КП(б)У приступил к формированию народного ополчения. Многие тысячи харьковчан на заводах и других предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях добровольно изъявили желание активно помочь в обороне родного города.

Формирование харьковского народного ополчения проводилось в каждом отдельном районе города. В дивизию народного ополчения Дзержинского района, например, входило три полка. Командиром дивизии был назначен полковник запаса тов. Егоров, начальником штаба дивизии — работник райкома партии тов. Бабак. Командование третьим стрелковым полком было доверено мне. Формирование дивизии закончилось к средине августа.

Первоначально обучение бойцов народного ополчения проводили на площади имени Дзержинского и в прилегающем к нему парке. Здесь занимались строевой подготовкой, изучали пулемет, винтовку. Среди ополч-

ченцев можно было видеть людей разных профессий, умудренных жизненным опытом и совсем юных.

18 августа дивизия народного ополчения Дзержинского района была направлена в Зачепиловский район и 20 августа приступила к работам по созданию оборонительных сооружений вокруг Харькова. Дивизия рыла противотанковый ров в районе села Залинейное. Работа оказалась особенно трудоемкой, ведь ширина рва равнялась четырем, а глубина — двум метрам. Охваченные энтузиазмом, соревнуясь между собою, ополченцы работали с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, «чтобы никакие танки не прошли». Работа буквально кипела. Этому способствовало и то обстоятельство, что при укомплектовании подразделений строго соблюдался принцип, по которому во взвод, роту, батальон входили ополченцы одного учреждения, цеха, курса и т. п. Люди знали друг друга по совместной работе, в подразделениях оставалась прежняя первичная партийная или комсомольская организация. Это облегчало руководство полком, так как, говоря военным языком, подразделения были сколочены и имели высокую моральную боеспособность.

Работы было много. По окончании одного участка трассы принимались за другой, чтобы создать на дальних подступах к городу сплошное кольцо противотанковых препятствий. Рвы рылись примитивными орудиями: лопатой, киркой, землю выносили носилками. К тому же с каждым днем осложнялась обстановка. К концу августа изредка появлялся разведывательный самолет противника, который, как правило, безрезультатно обстреливал работающих. Такие «налеты» вносили оживление, еще больше поднимали дух, работа казалась еще более важной и первостепенно необходимой. Но во второй половине сентября обстрелы противником с самолетов участились, иногда враг даже бомбил работающих на окопах — появились раненые и контуженые.

Сводки Совинформбюро передавали нерадостные вести: фашистские разбойничьи войска перешли Днепр, Красная Армия оставила Киев. Ряды дивизии народного ополчения начали редеть. С трассы уходили на заводы, возвращались в учреждения, уходили по вызовам военкоматов — нужно было готовиться к эвакуации оборудования заводов, к вывозу ценностей. С каждым днем Харьков превращался в угрожаемый район и эвакуация становилась все интенсивнее. В средине сентября стали эвакуироваться и вузы.

К октябрю части народного ополчения были стянуты в Харьков, и 2 октября Харьковским горкомом партии было принято решение о создании боевых частей народного ополчения — нескольких полков. Предполагалось, что оставшийся состав дивизий пополнят новые контингенты. Сначала был создан 1-й Харьковский полк народного ополчения. События заставляли усилить работу по эвакуации, и потому поток добровольцев направляли для выполнения других неотложных дел.

В начале октября командование Харьковским полком народного ополчения было возложено на тов. Зильпера. Комиссаром полка стал батальонный комиссар запаса тов. Тимец. Начальником штаба полка утвердили меня.

С 5 по 16 октября Харьковский полк народного ополчения продолжал пополняться добровольцами — рабочими и служащими заводов, предприятий и учреждений. Штаб полка помещался в здании Харьковского института советской торговли. В полк было зачислено много товарищей из аппарата горкома и райкомов партии, правда, потом многих отзывали для выполнения других заданий.

В середине октября в наш полк народного ополчения влились 650 бойцов из истребительных батальонов, тогда же Харьковскому полку был передан отряд МПВО — 248 человек. К основному костяку состава полка — 400 бойцам-добровольцам—прибавилось еще около 900 человек.

Ночью 16 октября 1941 года согласно приказу начальника обороны города полк народного ополчения влился в состав войск, оборонявших Харьков, и занял участок обороны Сокольники — площадь Дзержинского. Ставилась задача — прикрыть Харьков с севера. 1-й батальон был оставлен в распоряжении начальника обороны города. Заняв оборону, полк выставил усиленное боевое охранение, выслал разведку в направлении Дергачей и установил связь с войсками.

Несколько дней ополченцам не приходилось сталкиваться с противником. Полк продолжал еще формироваться, обучать бойцов, строил и оборудовал огневые точки. Позже на северную окраину Харькова поставили патруль. Основная же часть личного состава участвовала в учениях, на которых отрабатывалась «Контратака роты в случае прорыва противника в район обороны».

И вот 20 октября по приказанию начальника обороны Харькова 1-й батальон полка занимает оборону на восточном склоне Холодной Горы, вдоль железнодорожного полотна, идущего от Кузинского моста к Балашовскому вокзалу. Нужно было прикрыть Полтавское шоссе в случае появления разведывательных групп противника.

21 октября 38-я армия начала вести тяжелые бои на окраинах Харькова. Власть в городе полностью перешла к начальнику обороны Харьковского узла сопротивления генерал-майору Маршалкову. Полк народного ополчения выделил около половины своего состава для патрулирования по городу с целью поддержания порядка. Одновременно устанавливается связь с полками, которые занимают новые рубежи обороны непосредственно на окраинах города.

Помню, 22 октября подразделения 1-го батальона Харьковского полка народного ополчения, находившегося в резерве начальника обороны города, получили новую задачу — оборонять станцию Лосево. А 23 октября бои начались непосредственно на улицах города.

В этот день вечером штабом полка народного ополчения была выслана разведка, чтобы выяснить обстановку в полосе расположения 216-й стрелковой дивизии, ведущей бои за Харьков. Разведка обнаружила, что около железнодорожного клуба находится почти рота противника и один танк. Фашисты пытались захватить наших трех разведчиков, не открывая огня. Вероятно, враг предполагал, что это всего-навсего жители Харькова. Разведчики подпустили противника и, забросав его гранатами, уничтожили 6 гитлеровцев. Взрыв гранат вызвал сильный, но беспорядочный огонь автоматов. Разведчики умело отошли и доставили донесение в штаб полка. Лишь один из них отстал, получив легкое ранение в руку, он зашел для перевязки в дом своего родственника.

В штаб обороны Харькова было послано донесение о том, что противник, использовав многократное превосходство в силах и средствах, несмотря на контратаки советских войск, занял правобережье реки Лопань. Это создавало угрозу левому флангу и тылу Харьковского полка народного ополчения. Командир полка комбриг Зильпер лично доложил о сложившейся обстановке начальнику обороны города генерал-майору Маршалкову. Задача перед ополченцами осталась прежняя — оборонять участок полка с целью не допустить прорыв противника в город по Белгородскому и Алексеевскому шоссе. Но одновременно полк получил и дополнительную задачу: своими резервными силами занять для обороны участок, передний край которого шел на юг по левому берегу Лопани до Речного переулка и от северной части горсада имени Шевченко до пединститута. Передний край Харьковского полка народного ополчения удлинился.

Утром 24 октября на правом берегу Лопани появилась большая группа автоматчиков противника, которая вступила в перестрелку с одной из рот полка. По нашим огневым точкам, обнаружившимся в перестрелке, враг открывает сильный минометный огонь. Одновременно противник усиливает огонь автоматов по всему переднему краю 216-й стрелковой дивизии, а также и по левому флангу 2-го батальона Харьковского полка. Позже фашистам удается прорвать фронт дивизии, и они группами распространяются по Клочковской улице, к спуску Пассионарии, выходят на Речной переулок во фланг и тыл 9-й роте полка народного ополчения. Попав под огонь с двух сторон и потеряв убитыми и тяжело раненными 4 человека, подразделения роты отходят на заранее подготовленные для огневых точек позиции у дома Госпрома, на площадь Дзержинского.

Далее противник пытается форсировать реку Лопань на участке 6-й роты, но огнем двух орудий, временно поддерживающих роту, и сильным огнем пулеметов и винтовок переправа разрушается и накапливание противника приостанавливается.

Автоматчики противника с минометным расчетом продолжают продвигаться по Клочковской улице, угрожая флангу 2-го батальона. Коман-

дир 6-й роты тов. Шевцов, чтобы приостановить продвижение по Клочковской улице, повел часть роты в обход прорвавшемуся противнику по Севастопольской улице и улице Водопьянова и контратаковал его. Потеряв 7 человек убитыми и ранеными, противник отошел.

К десяти часам утра противник, просочившись через южную часть городского сада имени Шевченко, стал вести минометный огонь во фланг 9-й роты, а отдельные группы разведчиков противника прорвались к Театральной площади и открыли огонь по автомашине, перевозившей комендантский взвод полка для оборудования в одном из зданий запасного командного пункта.

После того как противнику удалось прорвать оборонительную полосу 216-й стрелковой дивизии, 9-й роте ополчения, находившейся в районе площади Дзержинского, пришлось вести огонь в направлении юга и юго-запада. Левый фланг 2-го батальона занял круговую оборону и вел огонь по противнику, остановившемуся вдоль левого берега реки Лопань. 4-му батальону было приказано две своих роты направить в распоряжение командира полка.

Эти две роты 4-го батальона обходным маневром и одновременным лобовым ударом неожиданно контратаковали противника на площади Дзержинского и заняли ее. Противник обрушил на ополченцев сильный огонь из автоматов и минометов со стороны улиц Сумской и Бассейной. Уничтожив часть автоматчиков, действовавших с тыла, и не давая противнику дальше продвигаться с улицы Сумской, командир роты тов. Туполь выслал разведку для установления связи с подразделениями, которые вели бой в районе Журавлевки. Две роты этого батальона продолжали вести бой также в сложной обстановке при все большем и большем накапливании противника на улице Сумской и Пушкинской. Часть подразделений с боем начала отходить в направлении Журавлевки. В районе Рашкиной дачи было уничтожено несколько автоматчиков, просочившихся в наш тыл. Здесь необходимо отметить умелые действия комсомольца Фомиченко. Юноша метким огнем из винтовки уничтожил двух фашистов.

Противник усилил минометный огонь со стороны реки Лопань и огонь автоматчиков со стороны улицы 14-го съезда Советов. Большая группа разведчиков противника вела огонь из городского парка. В сложившейся обстановке Харьковский полк народного ополчения переносит командный пункт в здание транспортного института.

Фашисты не унимаются. Наступая из леса, северо-западнее Алексеевки, силою не менее двух батальонов пехоты, при поддержке артиллерийского и минометного огня, противник обрушился на подразделения 2-го батальона, которые упорно оборонялись, вели огонь в трех направлениях. Части 212-й стрелковой дивизии под напором врага стали отходить, противнику удалось занять западную опушку лесопарка (у дома лесника).

К трем часам дня 24 октября положение подразделений Харьковского полка народного ополчения было следующим. 2-й батальон занимал круговую оборону и упорно отбивал атаки противника. 3-й батальон, прикрывая отход частей 216-й стрелковой дивизии, занимал (фронтом на запад) район обороны по левому берегу реки Харьков — от Харьковского моста до пл. Фейербаха. 4-й батальон в районе Рашкиной дачи несколько раз контратаковал противника в северном направлении, помогая своими активными действиями 2-му батальону выйти из окружения.

Спустя два часа командиру 2-го батальона тов. Титову поступило распоряжение от штаба 212-й дивизии прикрыть отход частей дивизии, для чего занять оборону в районе Черкасские Тишки — Циркуны — Русские Тишки. Батальон под сильным огнем противника отходит на север и, сообразуясь с обстановкой, занимает рубеж обороны в двух километрах юго-восточнее Малой Даниловки и до утра 25 октября сдерживает натиск противника, прикрывая отход частей 212-й дивизии по дороге Большая Даниловка — Терновая.

Почти в это же время 3-й батальон, ведя огневой бой с противником в районе Харьковский мост — площадь Фейербаха, успешно отражал настойчивые попытки врага прорваться через мост.

К 6 часам вечера на командный пункт Харьковского полка сообщили, что наши войска, получив новый район обороны, отошли и что Харьковский мост будет сейчас взорван. Тогда 3-й батальон вместе с подразделениями 4-го батальона отошел по направлению к Сабуровой даче. Там оборудовали и КП полка. Сюда же пытались просочиться мелкие группы автоматчиков, но были уничтожены комендантским взводом полка.

Всю ночь с 24 на 25 и весь день 25 октября от разведчиков-ополченцев непрерывно поступали сведения о появлении и движении по городу танков и артиллерии противника. Разведка, возглавляемая тов. Шевченко, вела не только наблюдение, но и часто внезапно открывала огонь по живой силе противника и наносила ему потери. В одной из схваток наши разведчики захватили в плен и привели в штаб одного фашиста.

К середине ночи 25 октября все подразделения полка стали сосредоточиваться в районе хутора Немышля. Здесь они получили задачу прикрывать отход частей 216-й дивизии. Одновременно нам сообщили, что получен приказ командующего 38-й армии об оставлении Харьковским гарнизоном города и занятии нового рубежа обороны.

26 октября нашему полку было приказано сосредоточиться в районе Большая Бабка.

К рассказу о боевых действиях полка следует добавить, что обстановка в течение 24 и 25 октября непрерывно изменялась. Многие подразделения на всем участке обороны полка действовали самостоятельно,

отдельными группами, и в донесениях командиров батальонов эти действия часто не отражались. Тогда еще не было опыта боевых действий в больших городах, опыта создания штурмовых групп. А ведь известно, что бой в степи совсем не то, что бой в городе.

Безусловно, скупые выдержки боевых донесений полка не отражали глубоких переживаний людей, становление человека-бойца. А ведь подавляющая часть состава полка в первую военную осень получила боевое крещение. Это были обычные советские люди, они не были в солдатских шинелях, с которыми привычно ассоциируются героизм, доблесть, самоотверженность. Внешне казалось, что эти простые люди лишь добросовестно выполняют свой гражданский долг.

В моей памяти сохранились яркие картины боевых патриотических дел, мужественной стойкости ополченцев.

Вспоминается, как 23 октября приходилось ставить задачу трем разведчикам, и они беспокойно задавали вопросы о том, что же известно мне о противнике. И вот поздно ночью стоят перед нами два вернувшихся разведчика. Внимательно вслушивается комиссар полка в их, казалось, бессвязную речь. Командир полка все время недоверчиво расспрашивает, я стараюсь вникнуть в суть, представить себе обстановку, записываю улицы, по которым они шли... Вот они переходят железнодорожное полотно, насторожились, услышав шум мотора (не то трактора, не то танка). Вот проходят дворами и неожиданно для себя попадают на улицу. В одном конце небольшого квартала стоит огромный танк, около него силуэты курящих людей, мелькают блики карманных фонариков, а на противоположном конце улицы появляется из-за угла и быстро идет по мостовой группа людей. Разведчики хотят перебежать улицу — там, напротив, они видят хорошее укрытие — полуразрушенный дом. Но с обеих сторон вдруг раздается непонятный гортанный говор, направлен свет фонариков, несутся выкрики на ломаном русском языке: «Стой, руки вверх!»

«Стой на мостовой! — слышен напряженный полушепот разведчика Николая — они друг против друга,— стрелять не будут: винтовку прислони к животу, поднимай левую руку, правой снимай кольцо, бросай подальше вправо, а я влево! Ложись, прячь голову!»

И внезапный ослепляющий свет и слившийся гул взрыва трех гранат...

Волнуясь, перебивая друг друга, разведчики рассказывают дальше о том, как в голове все зазвенело от взрыва, как под оглушающий треск автоматов метнулись они во двор, как потом переползали под свистом пуль железнодорожную насыпь и вернулись теми же, уже проверенными улицами.

Выслушав двух разведчиков, командир полка предложил подождать

до утра. А что расскажет третий разведчик? Тот вернулся рано утром. Усталое бледное лицо. Перевязка сделана добротно, умелыми руками. Осколок гранаты, повредивший правую руку, удален. Рассказывает быстро, волнуется, чувствуешь, как глубоко пережит им вчерашний вечер. Ведь это впервые в жизни он оглушен взрывом гранат, почти контужен.

Разведчик рассказывает о том, как налетевшая ударная волна, когда он уже ложился на землю, чуть не выбила из рук винтовку, обрушилась на голову, ударила в лицо, прервала дыхание. И одновременно — в руке острая боль, звенящий шум в ушах, в голове. Молниеносно мелькает в сознании — вставать, скорее бежать за товарищами.

Рассказ его полностью совпадает с уже известным нам ходом стычки. Он настойчиво просит не направлять его в обоз. Но комиссар полка Тимец убеждает разведчика. Ведь он нужен там среди этих разношерстных людей, что ему под силу повести там такую воспитательную работу, которая неизбежно укрепит самоотверженность, стойкость у ополченцев-хозяйственников.

Вспоминаю и о другом.

...Полдень 24 октября. На площади Дзержинского падают мины, их осколки оставляют глубокие царапины на облицовке фасадов зданий. Разбитые окна тупо смотрят на пустую площадь. Вот уже какой день продолжает дымиться Дом проектов.

Противник занял часть территории от Дома проектов до Госпрома и ведет огонь в направлении здания обкома КП(б)У. Под обстрелом часть Сумской улицы. 4-му батальону поставлена задача — контратаковать и освободить площадь Дзержинского. Кажется, легко это сделать — противник боится громадного пространства молчащей площади, еще не занимает зияющих пустот зданий. Но нет, это трудная задача. Осколки мин падают повсюду. Нигде нет укрытия. Тонкий свист пуль все время носится над площадью.

Подойдя по Сумской к зданию обкома, ополченцы батальона делятся на две группы. Одна быстро, но все же с двумя передышками, перебегает к ветеринарному институту.

Вторая группа батальона идет в обход зданий Госпрома. Она должна атаковать врага, через тот проезд Госпрома, который ближе к Дому проектов. Для ручных пулеметов — их было только два — много дела! Один пулеметчик, выбрав себе окно второго этажа здания военно-хозяйственной академии, должен бить по противнику у Дома проектов и по выходу из горсада. Другой — занять любое окно в здании Госпрома, откуда возможно вести огонь по противнику.

Разведчиков-фашистов с автоматами можно было ожидать всюду. Но тогда в большом городе их обнаружить было не трудно. Один фашист крадется вперед, другой прикрывает его огнем — бьет по окнам, по воро-

там, прямо по фасадам, туда, где что-то ему померещится. Найдя какое-нибудь укрытие, гитлеровские разведчики не только ведут наблюдение, но время от времени короткими очередями подбадривают себя — жутко среди огромных молчаливых громад зданий, неведомых и коварных. И автоматные очереди были слышны отовсюду, они выдавали приближение врага, по направлению стрельбы можно было определить и место, откуда ведется огонь.

Продолжу рассказ о наших действиях. Спешили наши бойцы, обходя здания. У одного ручного пулемета командир зорко наблюдает за первой группой ополченцев, продвигающейся по площади вдоль стен ветеринарного института. А у второго пулемета другой командир ждет появления у проезда Госпрома своей роты, совершающей обход. Вот он видит сигнал — рота готова к атаке, к мощному броску гранат. Но еще никто не смеет открывать огня.

Бойцы первой группы, то перебегая, то переползая, совсем открыты, а мины все продолжают методично падать: на Сумскую, у здания обкома и ближе. Ополченцы прижимаются к стенам, к асфальту.

Все ждут, когда первая группа выйдет к заданному месту. Вот они ближе и ближе, и наконец, у цели. Сигнал! Неожиданный ураганный огонь пулеметов прижимает автоматчиков противника, рассеивает расчет миномета. И вслед, тут же, раздаются частые взрывы ручных гранат.

Немногим гитлеровцам удалось отойти, прячась за здания. Пленных не было.

Потом ночью разбирали этот бой в подразделениях полка комбриг Зильпер и батальонный комиссар Тимец. Мне был передан список для представления к награде. Помню, как тов. Тимец сказал: «А я вот никогда не думал, что так отважно будет себя вести в бою тов. Рузин. Такой незаметный, чисто штатский политработник, а как проявил себя в бою».

К полудню 26 октября обоз батальона начал вытягиваться по Старосалтовскому шоссе. Тогда было сильное бездорожье, дороги размыты, настоящая невылазная грязь. А к этому же и автоматчики противника обстреливали подводы, выводили из строя лошадей. Положение было тяжелое. Много имущества бросили либо уничтожили.

1-й батальон Харьковского полка народного ополчения находился в непосредственном распоряжении начальника обороны Харькова генерал-майора Маршалкова и также последним оставил Харьков. На вооружении 1-го батальона (помимо вооружения общего для всего полка — винтовок, гранат, ручных пулеметов) были две танкетки и бронемашина, отремонтированные, вернее заново восстановленные из лома, рабочими ХПЗ и ХТЗ. После окончания эвакуации и отхода войсковых частей гарнизона, командир 1-го батальона Кирсанов, раненный осколком в руку, получил

распоряжение начальника штаба обороны города отходить по шоссе в Чугуев. Одновременно отошли подразделения батальона, оборонявшие Лосево.

В последующие дни значительная часть личного состава 1-го батальона, сосредоточенного в Купянске, по распоряжению Харьковского обкома КП(б)У, была направлена по месту прежней работы. Товарищи выехали на эвакуированные в тыл заводы.

В Большой Бабке командир 216-й стрелковой дивизии усиливает свой 647 й полк, вливая в него 4-й батальон харьковских ополченцев. И наши товарищи с ходу вступают в бой, успешно сдерживают противника, который стремился захватить переправу через реку Бабка.

27 октября 1941 года по приказу командующего 38-й армии Харьковский полк народного ополчения вышел из боя и проследовал через Хотомлю, Подсреднее и Великий Бурлук. Далее последовало распоряжение штаба Юго-Западного фронта сосредоточиться в Валуйках и расформироваться для направления личного состава полка в тыл по местам эвакуации предприятий, где ранее работали ополченцы. Каждому из нас было выдано удостоверение, что он принимал участие в боях по обороне Харькова.

Командование и штаб полка рассмотрели рапорты командиров рот и батальонов о представлении ополченцев к наградам.

Приказом командования Юго-Западного фронта красноармейцы-ополченцы Григорий Семенович Агафонов, Григорий Якубович Швец, Алексей Андреевич Шевченко награждены за оборону Харькова медалями «За боевые заслуги». В этом же приказе медалью «За отвагу» награжден командно-политический состав Харьковского полка народного ополчения. Среди награжденных были: Иосиф Григорьевич Рузин, Карл Оттович Туполь, Андрей Семенович Шевцов и др.

Моральное состояние бойцов и командиров полка было высоким. Душой отважных, мужественных ополченцев всегда оказывались коммунисты и комсомольцы.

Воспитательная, партийно-политическая работа в полку проводилась непрерывно, вплоть до окончания боев 27 октября. Боевая задача доводилась буквально до каждого бойца. Каждый ополченец глубоко понимал свой долг — оборонять родной город до тех пор, пока из Харькова не будет все эвакуировано и не поступит приказ об отходе.

Беседы, партийные и комсомольские собрания приходилось проводить в трудных условиях. Особенно привились в те дни групповые беседы. Их проводили не только политруки и комиссары батальонов. Члены и кандидаты партии, комсомольцы, часто по собственной инициативе, после каждой боевой стычки организовывали беседы с ополченцами. Беседы завязывались просто. Здесь разбирали ход боя, говорили о том, кто и как вел себя, здесь шла речь и о задаче полка, и о трудностях сегодняшнего

дня. Почти в каждой беседе шла речь о призыве ЦК партии — измотать, ослабить войска противника, выиграть время для накопления сил Красной Армии.

Задушевные беседы коммунистов и комсомольцев поднимали боевой дух. Но эти же беседы требовали от члена партии, комсомольца, ведущего беседу, и собственных мужественных усилий, большой стойкости в бою. Так слагалась авангардная роль коммунистов и комсомольцев, которую трудно было переоценить в то тяжелое, грозное время.

БОРЬБА ХАРЬКОВЧАН В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ ОБЛАСТИ

И. Г. СТАРИНОВ

Полковник в отставке,
кандидат технических наук

ОПЕРАЦИЯ ПРОШЛА УСПЕШНО

В конце сентября 1941 года я получил приказ создать и возглавить оперативную инженерную группу с задачей — массовыми минновзрывными заграждениями содействовать войскам Юго-Западного фронта в обороне Харьковского промышленного района, а в случае продвижения противника заминировать и разрушить аэродромы и другие объекты военного значения.

Направляясь на прием к начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову, я продумал заявку на необходимые силы и средства и решил во что бы то ни стало добиться получения самых современных по тому времени управляемых мин и опытных партий электрохимических взрывателей и замыкателей замедленного действия.

— Войска Юго-Западного фронта упорно и жестко обороняют занимаемые ими рубежи,— сказал маршал,— но противник стремится во что бы то ни стало в самое короткое время захватить Харьковский район, не дать нам полностью эвакуировать промышленность большого города. В помощь войскам Ставка решила направить в Харьков большую группу минеров. Вы, вероятно, знаете об операции «Альберих»,— продолжал он,— которую провели немцы во Франции в марте 1917 года, во время отхода на линию Зигфрида. За 5 недель они произвели массовые разру-

шения и минирование на площади около 4000 квадратных километров. Вам придется выполнить работы по заграждению в большем масштабе. С собой вы возьмете группу командиров для укомплектования штаба оперативно-инженерной группы и в качестве инструкторов, а также необходимые миноподрывные средства. Саперные части вам будут выделены командующим Юго-Западным фронтом.

Маршал внимательно просмотрел нашу заявку, задал много вопросов и наконец утвердил состав оперативно-инженерной группы.

Для комплектования штаба группы были выделены 3 командира, окончивших Военно-инженерную Академию им. В. В. Куйбышева, и 12 командиров, закончивших Курсы особой техники.

В состав группы включалось подразделение специального минирования под командой подполковника В. П. Ястребова. С ним мы впервые познакомились еще в 1938 году во время испытания самых совершенных по тому времени мин, в улучшение которых он внес и свою лепту.

Прощаясь с нами, маршал сказал:

— Обращаю ваше внимание на то, чтобы не было несчастных случаев. Помните, что ваши мины должны быть безопасны для наших войск.

На следующий день, рано утром, во главе небольшой колонны я выехал в Харьков.

Проезжая через Орел, я побывал в партизанской школе, откуда взял с собой несколько инструкторов оперативно-учебного центра и получил большое количество горючего и смазочных материалов, а также образцы изготовляемой нами партизанской техники.

В Харькове я явился к начальнику инженерных войск Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Г. Г. Невскому и доложил ему о задачах оперативной группы, о силах и средствах, которыми она располагает, и сделал заявку на воинские части фронта, необходимые для выполнения задач, поставленных Ставкой.

— Ну и запросы у вас,— заметил генерал, когда я назвал количество батальонов, которые, по нашему расчету, нам должен был предоставить фронт.— Нет у нас возможности выделить для устройства минновзрывных заграждений десять батальонов. Можем выделить только пять батальонов и одну роту для устройства электрифицированных заграждений, но и то при условии, что ваша группа будет ставить заграждения не только на дорогах, аэродромах и других военных объектах, но и минировать заблаговременно подготавливаемые оборонительные рубежи. Я буду просить маршала Тимошенко сосредоточить в ваших руках руководство всеми работами по минновзрывным заграждениям на подступах к Харькову.

Я пробовал возражать, но генерал стоял на своем.

Генерал Невский ознакомил меня с обстановкой на фронте. Севернее Красноград противник находился всего в 50—55 километрах от Харь-

кова. На других участках линия фронта проходила в 100—150 километрах от города. После отхода от Киева наши части с трудом сдерживали атаки вражеских войск, которые рвались к Харькову.

Промышленные предприятия, учреждения и население города эвакуировались.

1 октября мы были приняты командующим фронтом — Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко.

— Первым делом совместно с генералом Невским составьте план работы,— сказал командующий.— Работу ведите так, чтобы противнику не оставить ни одного важного военного объекта. Сроки готовности объектов к разрушению и окончания установки мин должны быть такими, чтобы все работы в районе Харькова, Рогани и Чугуева были закончены к 20 октября.

— Товарищ генерал,— обратился командующий к Невскому. — Сколько вы считаете возможным выделить батальонов в распоряжение полковника Старинова?

— Пять батальонов и одну роту электрифицированных препятствий и одновременно передать ему минирование оборонительных рубежей,— ответил Невский.

Когда мы вышли из кабинета командующего фронтом, генерал Невский сказал:

— Теперь пойдем к члену Военного совета фронта товарищу Хрущеву. Он уделяет большое внимание вопросам заграждений, и я ему уже доложил о прибытии вашей группы.

Войдя в кабинет члена Военного совета фронта, я увидел человека среднего роста, коренастого, одетого в военную гимнастерку без знаков отличия, с бритой головой и добродушным лицом.

Никита Сергеевич отложил в сторону бумаги и встал из-за стола.

— Так вот вы какой, полковник Старинов! Садитесь! — предложил он нам.

Генерал Невский представился и доложил о цели нашего прихода.

Я доложил Никите Сергеевичу о поставленной передо мной задаче и составе группы. Узнав, что в мое распоряжение выделено всего пять батальонов, Н. С. Хрущев сказал:

— Маловато. Ну, а какая техника у вас?

Я рассказал.

— Каковы ваши планы? — спросил Никита Сергеевич.

Ответив на вопрос, я остановился затем на трудностях, связанных с установкой большого количества мин на глубину более 1 метра. Лопатой делать это трудно, а буров у нас нет.

— Я позвоню Епишеву в обком,— сказал Никита Сергеевич.— Харьковские рабочие сделают для вас буры.

После этого разговора на душе у меня стало легче. Вместе с гене-

ралом Г. Г. Невским, подполковником Г. Н. Яковлевым, инженером Н. К. Леоновым мы приступили к составлению плана заграждений и заявки на необходимые нам материальные средства. Для разработки частных вопросов я привлекал выпускников Академии, которые обладали большими знаниями военно-инженерного дела.

В ночь на 3 октября мы закончили составление плана и заявки. Было уже далеко за полночь, когда меня принял генерал-лейтенант Невский.

Он подробно изучил план и приложения к нему. Нам предстояло провести самую крупную операцию по заграждению в истории войн. По своему размаху, объему работ она в пять раз превосходила операцию «Альберих», но выполнить нам следовало ее вдвое быстрее. Таким образом, суточный объем работ должен был быть в 8—10 раз больше, чем у немцев во время операции «Альберих».

Тщательно изучив план, Г. Г. Невский завизировал его. Я попросил генерала пойти вместе со мной к С. К. Тимошенко. Он согласился.

— Что-то вы сильно размахнулись,— заметил маршал, просмотрев план,— смотрите, сами не взорвитесь! Заявку на материальные средства, изготовляемые промышленностью, рассмотрит Никита Сергеевич Хрущев,— у него есть свои ресурсы.

Затем он утвердил план.

— Если встретятся непреодолимые препятствия, приходите, поможем,— сказал маршал.

К Никите Сергеевичу я пошел уже один. Н. С. Хрущев расширил план, внеся много дополнений и наметив к заминированию целый ряд новых объектов. Первым из них был дом № 17 по улице Дзержинского, где жил тогда Никита Сергеевич.

Возвращаясь к себе, всю дорогу я обдумывал разговор с Никитой Сергеевичем. Собрав командиров, рассказал о беседе с членом Военного совета фронта и его советах.

Потом позвонил в обком. Мне ответили, что товарищ Епишев будет через час.

Помню темную осеннюю ночь. Город был погружен в кромешную темноту. Только видны затемненные фары движущихся навстречу автомашин. Дом проектов казался бесформенной глыбой, уходящей в черное небо.

Машина остановилась у знакомого подъезда.

В обкоме кипела напряженная работа. Он напоминал штаб многочисленной армии.

В трудных условиях отступления наших войск под натиском противника Харьковский обком сумел мобилизовать население на строительство оборонительных сооружений, формировал и готовил партизанские отряды и диверсионные группы, заблаговременно создавал подпольные организации, руководил эвакуацией, подбирал кадры не только для фронта, но и для тыла, с тем чтобы эвакуированные предприятия возможно быстрее

начали работу на новом месте, решал десятки других сложных вопросов. И все это делалось в считанные дни и часы.

Прием посетителей был в разгаре. В приемной собралось много народу, и я подумал, что мне придется долго ждать. Однако выпедший из кабинета помощник секретаря сразу вызвал четырех человек и, обращаясь ко мне, сказал:

— Товарищу Епишеву о вас доложено. Он примет вас сразу после этих товарищей.

Войдя в кабинет, я представился, кратко изложил утвержденный Военным советом фронта план заграждений и сказал, что выполнение его в значительной мере зависит от того, насколько быстро и полно предприятия Харькова сумеют обеспечить нас необходимой техникой.

Просмотрев заявку на корпуса для мин замедленного действия, мины-сюрпризы, буры и др., секретарь обкома сказал:

— Заявка небольшая, но и времени мало, промышленность перебазируется в глубокий тыл, однако все необходимое наши предприятия изготовят.

Прекрасно зная Харьков и его окрестности, наиболее важные и уязвимые места автомобильных и железных дорог, товарищ Епишев дал советы, которые очень помогли нам в выполнении плана заграждений.

— Помимо вашей группы, минированием промышленных предприятий занимаются и другие организации,— сказал он.— Прошу вас оказать им помощь специальными инженерными средствами, которые имеются у вас.

Звонок правительственного телефона прервал наш разговор. По ответам секретаря обкома я понял, что с ним разговаривает товарищ Хрущев и что речь идет об эвакуации промышленных предприятий и продовольствия.

Окончив краткий разговор по телефону, секретарь обкома снова перешел к вопросу о заграждениях. Он сказал, что промышленные здания и другие остающиеся материальные ценности необходимо привести в такое состояние, чтобы оккупанты не могли ими воспользоваться, не могли их разграбить. Кроме наших частей, эти задачи будут выполнять местные группы подрывников, а позже партизанские отряды, диверсионные группы и подпольные организации. Но у них мало инженерных средств, им надо помочь и выделить как можно больше мин, зажигательных снарядов, ручных гранат, научить ими пользоваться и изготовлять их из подручных материалов. Для подготовки наших партизанских отрядов очень мало времени, а их надо перебросить в тыл врага, чтобы они быстрее выпли в лесные районы и начинали действовать. Некоторые наши отряды будут снабжены средствами радиосвязи.

В заключение А. А. Епишев предложил мне оставить заявку.

— Завтра зайдите в горком, и все будет сделано,— сказал он.— Если понадобится помощь обкома, сразу обращайтесь, поможем.

На следующий день мы начали размещать заказы на корпуса, взрыватели, буры и другие необходимые нам детали. И куда бы ни являлись представители оперативно-инженерной группы, всюду, на указанных горкомом предприятиях, знали о наших заказах и готовы были немедленно приступить к их выполнению.

Конструкторы электромеханического и паровозостроительного заводов с помощью инженеров оперативной группы Л. Медведева и Н. Леонова всего за 3 суток разработали проекты, а рабочие изготовили первые образцы. По нашему заказу было сделано 50 буров, около 1000 мин-сюрпризов, которые взрывались при снятии с них тяжести. Эти мины мы ставили сбоку или сверху наших наиболее крупных мин, а также некоторых минных корпусов, заполненных шлаком и металлоломом.

«Сюрпризы» ставились также и в других местах, где противник мог искать наши мины, с целью прикрыть наше основное минирование.

Корпуса мин и отдельные детали к ним были заказаны на Харьковском электромеханическом заводе. Конструкторы ХЭМЗа улучшили предложенные нами элементы неизвлекаемости мин, сделав их более простыми, надежными, герметичными и удобными в установке.

Около 1000 из 6000 изготовленных корпусов мы использовали для мин, а остальные заполняли металлоломом или шлаком.

Мне не раз приходилось заходить в конструкторское бюро и цех, где изготовлялись корпуса мин замедленного действия. С завода продолжалась эвакуация оборудования. Цехи заметно пустели: там, где недавно стояли станки, оставались только бетонные фундаменты. Многие станки демонтировались и готовились к погрузке. Всюду шла напряженная работа.

Вот двое рабочих разбирают станок, отвинчивают отдельные части и аккуратно кладут их на листы картона. У выхода из цеха группа рабочих осторожно передвигает большой станок к железнодорожному пути. А оставшийся в цехе единственный станок штампует корпуса для наших мин. Двое пожилых рабочих вставляют заготовки и снимают готовые корпуса, аккуратно складывая их в тележки, на которых отвозят для доделки в другой цех.

Ястребов берет только что изготовленный корпус, осматривает его, постукивает по стенкам.

— Хорош! Да жалко, что вовремя, до войны, не наделали!

В это время подходит смена, принимает станок. Работа не прекращается ни на минуту.

Я предлагаю пожилому рабочему, передавшему станок подошедшей смене, отвезти его домой на машине. Он отказывается.

— Спасибо. Нас уже дома не ждут. Ждать стало некому: жена ра-

ботает в ночной смене, сыновья на фронте, а мы ночуем на заводе. Некогда ходить домой, не то время.

В цехе, где шла сборка корпусов в ночной смене, работала целая бригада — человек 12. Мы видели, как ловко и аккуратно молодая работница закладывала резиновые прокладки, обеспечивающие герметизацию. Она так была увлечена работой, что не заметила, как Ястребов взял стоявший сбоку готовый корпус.

Подошел мастер. Мы разговорились.

— Продукцию выдаем с опережением графика,— сказал мастер.— Самое главное,— продолжал он,— смотрим, чтобы качество было отличное. Когда-то с целью улучшения качества и повышения производительности выдавались премии и награды, а теперь никто и не думает о премиях. А награда одна — скорей бы разгромить врага.

Внезапно взвыла сирена воздушной тревоги, но работа в цехе не прекратилась.

Характерно, что в эти тяжелые дни нам не пришлось ходить для решения вопросов ни в обком, ни в горком. Там очень трудно было застать секретарей, но их можно было видеть на предприятиях, на погрузочных площадках, там, где выполнялись срочные задания. До самого последнего дня оставались в городе секретарь обкома Алексей Алексеевич Епишев, секретарь горкома Виктор Михайлович Чураев, секретарь горкома партии по промышленности Петр Ефимович Шелест. С секретарем горкома Владимиром Алексеевичем Рыбаловым я встречался на ХЭМЗе.

Готовые к эвакуации рабочие и инженеры продолжали с помощью ручного инструмента делать для нас сверхплановую продукцию — детали мин-сюрпризов и элементы неизвлекаемости, которые нам очень пригодились.

Мы испытывали острый недостаток взрывчатых веществ. Пришлось применять аммониты. Для минирования использовались и авиабомбы. Выделенные для минирования осколочные заградительные мины из 152 мм снарядов (ОЗМ —152) поступили перед самым оставлением Харькова и не были полностью использованы.

Выполняя указания Н. С. Хрущева, я связался с командирами железнодорожных бригад, полковниками С. А. Степановым и П. А. Кабановым, а также Б. И. Павловым. Они активно включились в подготовку, а затем и минирование объектов на своих железнодорожных участках. Особенно энергично взялись за дело офицеры С. В. Брыкин из бригады П. А. Кабанова и П. А. Фролов из бригады Б. И. Павлова.

Для успешного применения новой минноподрывной техники нужно было, во-первых, обучить людей ее использованию и, во-вторых, создать по существу заново удобные и безопасные в установке надежные фабричные образцы мин, используя для этого привезенные взрыватели и замыкатели.

Обучение проводилось, главным образом, практически в оборудованных нами мастерских, а также на железных и автомобильных дорогах.

Подготовка инструкторов продолжалась всего трое суток и была очень напряженной. Работали по 12—14 часов в сутки. Большинство офицеров и сержантов не были знакомы не только с противотранспортными минами замедленного действия и их установкой, но и с устройством некоторых табельных замыкателей и взрывателей.

Минирование было связано с целым рядом трудностей. Особенно трудно было соблюсти должную секретность, маскировку, ввести противника в заблуждение.

Вспоминается такой эпизод. 9 октября, когда минеры вели работу на Богодуховском направлении, меня отозвал в сторону командир группы минеров сержант П. Г. Шедов:

— Вчера ночью мы работали по выделке скважин, а сегодня вечером я обнаружил три зарубки на деревьях в самом низу стволов, прямо над корнями. И все зарубки направлены на наши мины. А напротив одной мины ветка сломана.

Чтобы отучить вражеских лазутчиков следить за работой минеров и наказать их, я приказал поставить мины-сюрпризы. Оказалось, что это уже сделано.

— А как вы догадались осмотреть деревья? — спросил я у командира группы минеров.

— Я сибиряк. С Алтая. Охотой промышлял. Привык вокруг капканов следы изучать. У нас ведь не только звери, но и браконьеры были.

Не заметь сибиряк зарубок, мы долго могли не знать, что за нами следят. На следующий день я поручил группе командиров проверить, нет ли этих и других признаков фиксирования наших работ. И обнаружились новые признаки. Минер А. К. Сахневич, проходя утром по месту выполненной работы, обнаружил, что из булыжной мостовой вынут один камень и на его место положен другой. Он тщательно осмотрел участок и увидел, что снят еще один камень.

Чтобы ввести в заблуждение вражеских лазутчиков, командир 532-го отдельного саперного батальона И. М. Кливицкий проводил специальные отвлекающие операции при установке мин с замыкателями ЭХВ системы инженера Файнберга. И на минах, установленных его батальоном, было уничтожено много машин, танков и живой силы противника.

Были трудности и технического порядка. Электромеханические замыкатели и взрыватели замедленного действия еще не прошли должной проверки в боевых условиях и сроки замедления их действия не поддавались контролю. Некоторые мины, рассчитанные на взрыв через 15 суток, могли взорваться на второй день после их установки.

Минирование проводилось почти одновременно на десятках объектов, на дорогах протяжением в сотни километров. Работали днем и ночью. Наши минеры сделали тысячи скважин, но мины замедленного действия ставились только в одну из каждых пяти или шести скважин, в остальные же — только макеты мин, а иногда и мины-сюрпризы, рассчитанные на уничтожение предателей и вражеских минеров. Заметить наши мины было очень трудно. Там, где мы обнаруживали признаки деятельности врага или следы небрежной работы наших людей, как правило, ставились «сюрпризы». В первую очередь мы устанавливали не боевые мины, а макеты, вводя противника в заблуждение.

Минирование многих объектов проводилось заблаговременно, но заграждения на дорогах, а также разрушения ряда объектов приходилось иногда выполнять уже после отхода арьергардов наших войск.

Нередко минерам приходилось трудиться по целым суткам, без сна и отдыха. Начались дожди, а у людей не было плащ-палаток.

В связи с выявившимися затруднениями была разработана специальная инструкция, которую Военный совет утвердил 12 октября.

— Только учтите, полковник,— сказал Никита Сергеевич,— за безопасность наших войск и населения вы головой отвечаете.

Н. С. Хрущев заслушал краткий доклад о ходе работ и еще раз напомнил о необходимости заминировать дом № 17 по улице Дзержинского, только все должно быть сделано в полной тайне. Если фашист почует неладное, ноги его там не будет.

После моего доклада, когда вопросы, связанные с работой оперативно-инженерной группы, были решены, я обратился к товарищу Хрущеву с просьбой о зачислении в нашу группу бывших бойцов испанской Республиканской армии, которые в то время находились в Харькове. Некоторых из них я хорошо знал, так как воевал вместе с ними в Испании. Они безуспешно добивались зачисления в ряды Красной Армии.

Никита Сергеевич внимательно выслушал меня и дал указание генерал-лейтенанту Невскому зачислить испанцев в один из приданных мне батальонов.

Трудно описать радость испанских товарищей, когда я им объявил, что они зачисляются в ряды Красной Армии.

Как сейчас вижу молодого красивого Франциско Гуйона, задавшего первый вопрос:

— Когда нам дадут оружие?

Он начал сражаться с фашистами, когда ему было 16 лет, а в 18 лет ему было присвоено звание капитана.

В августе 1939 года Франциско Гуйон приехал в СССР, жил, работал и учился в Харькове.

Всего в Харькове сразу вступило в ряды Красной Армии 22 испанских товарища, 19 из них участвовало в феврале 1942 года в ледовых походах

в тыл противника через Таганрогский залив. Принятые в армию испанцы сразу включились в работу по монтажу мин, обучению людей и выполнению боевых заданий.

Позже вступили в Красную Армию и те испанцы, которые эвакуировались из Харькова на Волгу.

Летом 1942 года около 50 испанцев, живших до войны в Харькове, участвовали в партизанской борьбе в тылу врага на Калининском фронте, а зимой 1942—1943 годов на Кавказе, а также в Ленинградской области. И всюду испанские товарищи проявляли отвагу, мужество, инициативу в борьбе с врагом.

Указания Никиты Сергеевича о минировании дома № 17 по улице Дзержинского долго не давали мне покоя.

Особняк находился почти в самом центре города и был расположен в глубине двора, среди могучих дубов и лип. Весь участок был огорожен сплошным высоким забором. Когда массивные металлические ворота закрывались, с улицы и из соседних домов нельзя было что-либо увидеть. В нем не было предметов роскоши, но все отличалось удобством, рациональностью и говорило о хорошем вкусе человека, построившего этот дом.

Я понимал, что особняк можно заминировать скрытно, однако пребывание военнослужащих в доме могло вызвать подозрения. Напрашивалось решение: минеров переодеть в гражданскую одежду и тем самым ввести в заблуждение предателей, которые, возможно, уже наблюдают за особняком. Но, взвесив все обстоятельства, я отказался от этого и решил поселиться со своим заместителем в этом удобном доме вместе с группой минеров.

Я исходил из следующих соображений: если в особняке минеры будут жить до самого отхода наших войск, то кто может подумать, что они будут спать на заблаговременно установленных чувствительных и опасных минах. Конечно, можно предполагать, что минеры при отъезде поставят наспех несколько «сюрпризов», но трудно поверить, что они заблаговременно установили мины замедленного действия и на них спали.

Никита Сергеевич наотрез отказался переехать в другое здание. Он заявил, что его переезд вряд ли останется незамеченным, возникнут подозрения, и операция будет провалена.

В тот же день в крытом грузовике во двор дома № 17 по улице Дзержинского въехала группа минеров.

Все трудились с большим рвением. Они знали, что выполняют особое задание секретаря ЦК КП(б) Украины и члена Военного совета Н. С. Хрущева. Потные, в угольной пыли, минеры уверенно и тщательно проводили все работы. Тут же в комнате стояли взрывчатые вещества, различные аппараты, взрыватели и замыкатели. К исходу 14 октября в

доме было установлено две мины. А через несколько дней я доложил товарищу Хрущеву о неприятном происшествии. На станции Харьков-Южный под паровозом сработал замыкатель замедленного действия, установленный со сроком замедления на один месяц. Я вновь просил Никиту Сергеевича переехать куда-нибудь из дома № 17 и вновь получил отказ.

Это решение Никиты Сергеевича, основанное на безграничной вере в советских людей и технику, позволило ввести в заблуждение противника и обеспечило успех операции. После выезда штаба фронта была установлена еще одна мина.

Вместе с Ястребовым мы установили в куче угля отвлекающую мину. Это была не обычная мина замедленного действия, а с различными уникальными ухищрениями.

Легко было работать с подполковником Ястребовым и его минерами-энтузиастами, они быстро понимали замысел и вносили свои дополнения и улучшения, делали все спокойно и тщательно.

Самоотверженно работали командиры-выпускники Военно-инженерной академии. Особенно трудную, опасную и технически сложную работу выполняли неутомимые, хорошо подготовленные специалисты, которыми руководил В. П. Ястребов.

Подполковник Ястребов никогда не терялся в самых трудных положениях, часто связанных с риском для жизни. Мне с ним пришлось устанавливать мины на виадуке. У опоры был заложен огромный заряд. В нем устанавливалась сложная инженерная мина, а в это время по виадуку шли машины, а под ним — поезда. Движение нельзя было прекратить. В это время начался налет немецкой авиации. А Ястребов спокойно устанавливал мину, точно он это делал на полигоне в мирное время.

17 октября по приказу Ставки войска стали планомерно отходить на восток, на линию Касторное — река Оскол.

Враг приближался к Харькову. Нам пришлось удвоить свои усилия. Работы велись широким фронтом: минировались важные объекты на подходах, на аэродромах, автомобильные и железные дороги, оборонительные рубежи и объекты в самом городе.

Особенно интенсивно работа шла на автомобильных дорогах и оборонительных рубежах. Ни дожди, ни усталость не останавливали самоотверженных минеров, саперов и помогавших им харьковчан. Эти люди, о делах которых так мало написано, работали в исключительно тяжелых условиях. Харьковчане отдавали все свои силы и средства на оборону родного города.

Там, где обстановка была особенно напряженной, где требовалась помощь, мы не раз видели товарища Н. С. Хрущева, видели секретаря

обкома А. А. Епишева, секретарей горкома В. М. Чураева, П. Е. Шелеста и других партийных работников.

Часто харьковчане встречали и командующего 38-й армией—генерал-майора В. В. Цыганова.

— Никита Сергеевич успевает и на станции побывать, где отправляют эшелоны на восток, побывать и на заводах, его машину хорошо знают на фронте. Сам он часто бывает на фронте, да и нам не дает засиживаться в штабах,— сказал мне Г. Г. Невский, увидя под Мерефой машину, на которой Н. С. Хрущев возвращался с передовой.

Не проехал он и мимо нас. Машины остановились. Из одной вышел Никита Сергеевич. Из другой генерал-майор В. В. Цыганов.

Генерал Невский доложил о ходе работы. Все направились осматривать оборонительные рубежи. Здесь под руководством саперов работали харьковчане.

Некоторых работавших Н. С. Хрущев знал лично и называл по имени и отчеству.

... Воины Красной Армии продолжали сдерживать натиск врага. Расчет врага на захват Харькова с ходу провалился.

А в городе продолжалась напряженная работа. Каждый день сотни вагонов с промышленным оборудованием уходили на восток.

Эвакуировался в глубокий тыл страны и электромеханический завод. Некоторые тяжелые станки нельзя было вывезти. Поэтому решено было заминировать здание одного цеха. Мы установили мины у фундамента мощного пресса. Над зарядом поставили две мины-сюрприза, взрывающиеся при попытке снять с них груз. Место установки мин замедленного действия было тщательно замаскировано. Еще три мины установили в других цехах завода. Они должны были, не разрушая зданий, вывести из строя оборудование. Наши расчеты оправдались — во время оккупации на заводе произошло четыре взрыва.

На складе завода после эвакуации оставалось несколько десятков тонн проката, который из-за недостатка подвижного состава не был вывезен. Склад был минирован минами-сюрпризами.

После взрыва одной из мин при попытке воспользоваться запасами склада гитлеровцы поставили ряд табличек с надписями: «Внимание! Русские мины!» Эти таблички так и простояли до освобождения города нашими войсками.

Наиболее трудно было минировать объекты внутри города. Некоторые работы производились на глазах у населения и приходилось ставить мины, имитируя устройство оборонительных сооружений, дзотов.

Много мин было поставлено в местах предполагаемой стоянки самолетов, под взлетно-посадочной полосой. С помощью буров, изготовленных для нас по совету Н. С. Хрущева харьковскими рабочими, мы ставили мины на глубину свыше одного метра и надежно маскировали их.

Чтобы ввести противника в заблуждение, мы имитировали «неудачные» подрывы некоторых ангаров, а внутри них, под полом, ставили мины замедленного действия, пол восстанавливали и маскировали, заливали его отработанным маслом.

Применяли и другие военные хитрости, в том числе для маскировки подрывали части взлетно-посадочных полос. Оседавшая пыль надежно маскировала всю работу по минированию в радиусе на десятки метров.

Минировать аэродромы мы начали еще тогда, когда на них базировались ваши самолеты. После того как авиация покинула их, были заминированы ангары и другие служебные помещения, емкости горючего и смазочных материалов.

При первой возможности я заехал в специальную партизанскую школу, созданвую Харьковским обкомом. Начальником школы был мой старый знакомый по подготовке партизан, по Испании, Максим Константинович Кочегаров.

Порядок в партизанской школе был образцовый, как в хорошем военном училище. Кочегаров знал дело и был хорошим администратором. Я ему передал значительное количество различной миннoподрывной техники, и харьковские партизаны использовали ее в тылу врага.

Партизанские отряды, разведывательные и диверсионные группы Двуреченского, Савинского, Сахновщинского, Близнецовского, Изюмского, Старо-Салтовского, Липецкого, Балаклейского, Староверовского, Ново-Водолажского, Чугуевского районов и другие отряды Харьковской области успешно действовали в тактическом взаимодействии с войсками Красной Армии. Показателем успешных действий харьковских партизан является захват ими крупного склада боеприпасов на станции Лозовая при отступлении противника в 1943 году.

Перед уходом из города мы тщательно осмотрели дом № 17 по улице Дзержинского и умышленно оставили в комнатах консервные банки, газеты, сложили их так причудливо, что казалось, будто под ними положены «сюрпризы».

Всех нас тревожила мысль: вдруг противник найдет мину, вдруг она взорвется при извлечении и будет убито только несколько вражеских солдат?

В Воронеже подвели итоги проделанной работы. Всего за время операции по устройству заграждений на подступах к городу и в самом Харькове было поставлено только батальонами, включенными в состав нашей оперативно-инженерной группы, свыше 30 000 противотанковых и противопехотных мин, свыше 2000 мин замедленного действия различного назначения, десятки сложных приборов, которые позволяли взрывать мины в любое время без подхода к объекту, около 1000 мин-сюрпризов, взрывающихся от различных внешних воздействий, а также несколько тысяч макетов мин.

Каждая из установленных боевых мин замедленного действия по своей эффективности равнялась снаряду или даже авиабомбе крупного калибра. Они были так устроены, что взрывались только после установленного нами времени, когда над ними проходили поезда, автомашины или танки, или разрушали различные объекты в тылу врага в определенное нами время.

О действиях наших мин замедленного действия поступали самые противоречивые сведения. Одни рассказывали о сильных взрывах и большом их моральном воздействии на противника, другие — о найденных противником наших минах и об их обезвреживании.

Не бездействовала вражеская контрразведка. Она распространяла слухи о легком обнаружении мин замедленного действия. Однако враг понес впоследствии серьезные потери, много потратил сил и средств на ликвидацию обнаруженных макетов, принимая их за настоящие мины. Об этом мы узнали позже, после освобождения нашими войсками Харькова. А в ту первую военную осень многие верили, что врагу удалось обнаружить большинство установленных нами мин замедленного действия.

Прибывавшие из Харькова подробно обрисовывали обстановку в городе. Из их рассказов стало известно о первых больших взрывах в городе, о том, что в доме № 17 по улице Дзержинского расположился командир 68-й пехотной дивизии гитлеровский генерал фон Браун. Он являлся в то же время начальником Харьковского гарнизона. Особняк сильно охранялся.

Некоторые утверждали, что в особняке немцам, якобы, удалось извлечь нашу мину, что гитлеровцы не преминули похвастать перед местным населением.

— Русские иваны не имеют хорошей головы! Они заложили большую мину со всякими взрывателями, но грамотный немецкий офицер все разглядел, умело извлек адскую машину. Теперь господин генерал Браун чувствует себя в доме совершенно спокойно,— с гордостью заявляли немецкие саперы местным жителям.

От таких рассказов и мне пришлось в ту пору несладко.

Немного прошло времени после прибытия связных, как меня вызвал к себе Н. С. Хрущев. Я догадался, что ему уже стали известны сообщения из Харькова.

Когда я явился к Никите Сергеевичу, он встретил меня, как обычно, приветливо и рассказал о сведениях, полученных от подпольщиков, затем спросил:

— Как вы думаете, нашли вашу «умную» мину?

Я не знал, что ответить. Из разговора с Никитой Сергеевичем я узнал больше фактов, чем слышал от прибывших связных. И эти факты, надо прямо сказать, меня обескуражили. Но тон разговора меня как-то под-

бадривал. Я постепенно стал чувствовать себя свободнее и, наконец, обрел способность трезво оценить и проанализировать все возможные «за» и «против».

Я все же предполагал, что основную мину немцы все-таки не извлекли и она будет действовать.

— Думаю, что нашли только приманку,— ответил я.

Никита Сергеевич задумался и вдруг посуровел.

— Вспомните, кто такой генерал Браун,— сказал он жестко.— Это палач. По его приказам убиты сотни и тысячи советских граждан, женщин и детей. В ночь на 14 ноября палача надо казнить.

Глубокой ночью генерал-лейтенант Невский, подполковник Ястребов и я подъехали к Воронежской радиостанции. Операция началась.

Мощные взрывы потрясли оккупированный, но не покоренный врагом Харьков. Один из них привел в исполнение смертный приговор фашистскому палачу-генералу фон Брауну и размещенной с ним группе офицеров и солдат его штаба. Одновременно было подорвано несколько важных военных объектов. Оккупанты неистовствовали, а взрывы продолжались.

По неполным данным, на минах, установленных при отходе из Харькова, подорвались десятки вражеских поездов, более 75 автомашин, 28 танков, танкеток и бронеавтомобилей, было уничтожено свыше 2300 вражеских солдат и офицеров, два генерала. Минеры разрушили много мостов и путепроводов, а когда враг их восстановил, то девять из них было взорвано вторично. В результате взрыва мин оккупанты долго не могли использовать ряд участков на железных и автомобильных дорогах, а также аэродромы области.

Наши минеры с честью выполнили свой долг перед Родиной.

А. В. КОВАЛЕНКО

Бывший секретарь
Ново-Водолажского райкома партии

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

Мне никогда не забыть июнь 1941 года. Работал я тогда секретарем Ново-Водолажского райкома партии Харьковской области. Едешь, бывало, колхозными полями и не нарадуешься: щедрым обещал быть этот год. И вдруг война, а затем и немецкая оккупация Харьковщины.

К борьбе с врагом в его тылу по указанию Центрального Комитета партии мы стали готовиться заранее. Уже в июле приступили к формированию истребительного батальона, который в случае оккупации должен был стать партизанским отрядом. Готовили и условия для подпольной работы. Во многих селах были созданы подпольные комитеты, намечены явочные квартиры, подобраны связисты. Возглавили комитеты опытные товарищи.

Много внимания мы уделяли созданию боеспособного партизанского отряда. В него включили прежде всего коммунистов, комсомольцев, партийных и советских активистов, обучили их обращению с оружием.

Командиром отряда райком назначил коммуниста Степана Онуфриевича Лыбу, председателя колхоза «Комсомолец», участника гражданской войны, энергичного человека, хорошего организатора; комиссаром отряда — Ефима Порфирьевича Иванова, секретаря райкома партии.

В сентябре фашисты оккупировали примерно половину района. Долгое время фронт оставался неподвижным, ближе 12—13 километров к райцентру немцы подойти не могли. Уже в это время наш отряд, насчитывавший около семидесяти человек, развернул активную деятельность.

Хорошо помню один из эпизодов тех дней. Когда фашисты ворвались в село Винники, они первым делом стали расспрашивать жителей, где живет полевод местного колхоза Тельной.

Фашисты назначили Тельного старостой села. Он беспощадно грабил односельчан, издевался над колхозниками-активистами, выслуживаясь перед оккупантами. В селе в буквальном смысле слова стояли плач и стон.

Райком партии постановил: обезвредить иуду. И уже через двое суток побывавшие в тылу врага партизанские разведчики доложили: предатель взят и передан органам контрразведки.

«Партизанская рука, где угодно достает врага»,— стали говорить с теплотой и надеждой винниковцы.

Во второй половине октября фашисты полностью оккупировали район, и партизанский отряд приступил к боевым действиям в тылу врага. У нас была хорошая связь с регулярными частями Красной Армии, по заданию командования партизаны переходили линию фронта, добывали «языков», сведения о расположении, вооружении и передвижениях немецких войск.

В первых стычках с врагом особенно отличились Николай Федорович Хихля, Александр Симонович Онацкий и Пантелей Емельянович Сушко.

Весной 1942 года Красная Армия готовилась к большому наступлению. Наш отряд в числе других получил задание пройти глубоко в тыл противника и своими действиями способствовать успеху операций регулярных частей. Для осуществления этой задачи требовались уже крупные партизанские соединения. 20 мая наш отряд перешел линию фронта и 23 мая соединился в Змиевских лесах с отрядом прославленного партизанского командира, Героя Советского Союза тов. Копенкина. Копенкинцы в 1941—1942 годах с боями прошли от Киева до Купянска, наводя страх на немецких захватчиков. Наши партизаны с удовлетворением говорили: «Ну, теперь фашистам и их холуям покоя не будет».

С первых же дней партизанского рейда мы открыли боевой счет. Отряд вошел в Новую Водолагу, захватил среди бела дня коменданта и его гарнизон, состоявший из немецких солдат и полицейских, уничтожил противотанковую пушку и грузовую машину. Трофеи, конечно, были невелики, но трудно переоценить то влияние, которое оказала на боевой дух партизан эта первая военная операция. А сколько радостных ожиданий породила она у нововодолажцев, стонавших под сапогом оккупантов.

Фашисты были взбешены дерзостью налета и, когда мы ушли, повесили 13 ни в чем не повинных мирных граждан. Они думали этим запугать население, вышло же наоборот. Отряд вскоре значительно попол-

нился. И вообще надо сказать, что после каждой боевой операции мы росли, как снежный ком.

Особенно большое пополнение партизаны получили 30 мая. Местные жители рассказали, что в селе Литвиновка, Валковского района, расположены два лагеря — военнопленных и гражданских патриотов. В них томилось около двухсот человек. Мы приняли дерзкий план: внезапным ударом перебить охрану и освободить заключенных. И вот ночью мы скрытно подошли к лагерю. Проводником был у нас старик, местный житель — фамилии его, к сожалению, я не помню. Бой продолжался недолго. Охрана разбежалась, советские люди получили свободу. Сорок человек из них мы приняли в отряд и двинулись дальше.

Вспоминается и такой эпизод. Партизанские разведчики переоделись в немецкую форму и пошли в деревню Черемушную, Валковского района. Бывший директор школы Василий Кузьмич Олейник прекрасно владел немецким языком, но явился в дом старосты с «переводчиком». Вражеский холуй засуетился, стал предлагать «дорогим гостям» подарки. Когда разведчики узнали, что в селе немцев нет, дали знать основным силам отряда. В селе мы провели митинг жителей, рассказали им о положении на фронтах, о самоотверженных усилиях советского народа в тылу. Рассказали о том, как народные мстители не дают житья фашистам на нашей земле, призвали колхозников саботировать работу на оккупантов.

Во всех домах Черемушной нас принимали как самых дорогих гостей. И так было везде. Радостно было встречаться с хлеборобами района, с теми патриотически настроенными людьми, которые по какой-либо случайности оказались на территории, занятой врагом. В их сердцах жила неистребимая вера в конечную победу над ненавистным врагом, вера в партию, нашу доблестную армию.

Не могу не рассказать об одной такой встрече в селе Снежково, Валковского района. Ночью разразилась гроза. Группа партизан заблудилась и зашла в село. Мы постучали в первую попавшуюся дверь. В доме находились четыре женщины — мать с тремя дочерьми. Как они обрадовались нашему приходу! Устроили обед, рассказали, какая обстановка, где расположены фашисты. Уговаривали нас остаться переждать грозу, но нам надо было идти в отряд. Тогда младшая из сестер, студентка Харьковского медицинского института, не испугавшись бушевавшей за окнами стихии, проводила нас километров за шесть в лес, где мы уже сами знали дорогу.

Наш отряд причинял оккупантам много неприятностей. Они решили уничтожить его. Почти каждый день у нас были стычки с карателями.

Серьезный бой произошел у деревни Болгар, Валковского района. Каратели были вооружены, что называется, до зубов. Но им пришлось позорно бежать, оставив на поле боя около двадцати убитых. У нас потерь не было.

Первые успехи придали смелость бойцам, мы стали не просто нападать на фашистов, но и вести с ними упорные бои. Деревню Паньковку, Валковского района, отряд удерживал в своих руках целый день.

31 мая отряд пересек железную дорогу, разобрал рельсы. Немецкий воинский эшелон пошел под откос. В этот же день партизаны заняли деревню Казачью, расположенную в глубокой балке. Здесь завязался неравный бой. На нас наступали девятьсот хорошо вооруженных фашистов и полицейских. У них была артиллерия, минометы. В этом бою мы уничтожили 120 гитлеровцев, а у нас погиб один и четыре партизана были ранены. Помню, как самоотверженно действовал в этом бою коммунист Роман Бондаренко — бывший председатель колхоза «Серп и молот» Ново-Водолажского района. У него кончились патроны, и он, как былинный герой, орудуя прикладом, уничтожил несколько фашистов.

Умело действовали партизанские командиры Копенкин и Лыба. Они создали ударный кулак из нескольких пулеметов и перебрасывали их с одного участка на другой. Фашисты решили, что у нас большая огневая мощь, и боялись идти в атаку. Наступила ночь. Мы сидели в кустарнике, окруженные со всех сторон врагом, который подтягивал свежие резервы. Положение было серьезным. И все-таки выход нашли. Через глубокий овраг партизаны перебрались на болото, успешно преодолели его и через реку ушли в лес.

Утром фашисты открыли ураганный огонь по кустарнику, но там уже никого не было.

Успехи партизан и неспособность карательных отрядов причинить нам существенные потери переполошили немецкое командование. Для борьбы с отрядом они бросили целую регулярную дивизию, которая предназначалась для пополнения фронтовых частей. Это известие, принесенное нам разведчиками, и радовало и беспокоило. Сердца наши были полны гордостью: в какое село ни зайдешь — жители уже знают о наших боевых делах, знают о том, что фашисты вынуждены задерживать войска, идущие на фронт. Но как биться с таким превосходящим врагом?

9 июня командование отряда решило перебазироваться в краснокутские леса. В селе Слободка, Краснокутского района, провели беседы с населением, уничтожили фашистских прихвостней. Как только мы ушли из этого села, по нашим следам ринулся отряд карателей. Их мы быстро рассеяли. Но фашисты подтянули регулярные части, окружили краснокутский лес, провели вокруг провода, выставили служебных собак. На нас уставились стволы пушек, минометов, кругом ревели танки, бронемашины. Казалось, из этого железного кольца нам уже не вырваться.

Четыре часа длился бой. Наконец, ложными маневрами запутав врага, партизаны пошли на прорыв в одном слабом месте. Кольцо врага было разорвано. Мы захватили немецкие орудия и из них стали обстреливать противника. В этом сражении враг потерял убитыми до двухсот солдат,

были выведены из строя бронемашина, три автомобиля. Мы захватили много оружия и продовольствия.

Отряд вырвался из окружения, но на поле боя осталось двадцать бойцов. Многие партизаны были тяжело ранены, в том числе Копенкин и Лыба.

В создавшихся условиях большому соединению было трудно действовать. Командование отряда решило разделиться на четыре группы. Нововодолажцы под командованием комиссара Иванова стали пробиваться в свой район. Раненого Лыбу мы несли на руках. Рана оказалась смертельной, и вскоре первый командир нашего партизанского отряда скончался.

Действуя в ракитянских, водолажских и люботинских лесах, отряд продолжал борьбу с захватчиками. Большую помощь оказывало нам в это время население. Например, дочь хозяина конспиративной квартиры Александра Кузьмича Куца активно распространяла листовки, собирала много ценных сведений. Фашисты схватили патриотку и расстреляли.

Вскоре оккупантам удалось раскрыть места постоянного пребывания отряда и нам пришлось срочно менять дислокацию. Отряд направился в сторону волчанских лесов.

Возле села Рубежное, Волчанского района, мы, группой в восемь человек, перешли Северный Донец. Связей с населением мы еще не имели, ориентировались здесь сначала плохо.

Стали искать местных партизан, установили с ними контакт. Помню, как мы встретились с отрядом И. А. Шепелева. Остановились на ночлег в лесу, выслали разведку. Правило было у нас такое: вечером ушел, утром возвращайся. А тут наши товарищи задержались. Вот уже и день клонится к вечеру, а их нет. Мы решили, что ребята «засыпались». Слышим голоса и думаем: идут «фрицы». Приготовились отстреливаться. Но оказалось, что это наши разведчики, они встретились с группой партизан, недавно проникших в волчанские леса.

Мы присоединились к отряду Шепелева. Установили связи с населением, отряд стал расти. Большую помощь оказывал отряду староста села Максимовки Максим Николаевич Сыроватский. Он пошел на эту должность по заданию партии. Замечательным разведчиком проявил себя Николай Корнеевич Страхов, хорошо действовали связные Ирина Александровна Шекина, Матрена Алексеевна Грабарь, Давид Семенович Голуб, Татьяна Афанасьевна Прасолова.

Много славных дел на счету у шепелевцев. Расскажу о некоторых из них.

6 ноября 1942 года партизаны напали на продовольственную базу в селе Максимовке. Все продукты, предназначавшиеся для отправки в Германию, были залиты керосином и приведены в негодность. 15 ноября две группы под командованием А. Липчанского и А. Макаренко совер-

шили налет на базу совхоза «Земляное», уничтожили находившиеся там запасы продовольствия. Так партизаны подрывали продовольственную базу немецкой армии.

Среди славных дел отряда — поджог двух цистерн горючего на станции Волчанск, срыв ремонта тракторов и автомашин Белоколодезянской МТС, взрыв моста на тракте Волчанск—Рубежная, налет на автоколонну по дороге Терновая — Липцы. Во время этого боя было убито и ранено 35 немецких солдат и офицеров.

В борьбе с врагом, с фашистской пропагандой мы широко использовали большевистское слово. Отряд не имел своей типографии. Листовки писались от руки, под копирку, но они были единственной правдивой информацией в тылу врага, мобилизовали население на борьбу с немецкими оккупантами и их приспешниками — украинскими националистами. Такие листовки, как «Наступление Красной Армии», «О 25-й годовщине Октябрьской революции», горячо были восприняты населением сел Украинское, 2-е Шевченково, Полное и других. Жители этих сел стали срывать мероприятия немецких властей.

Не прекращалась и партийная работа в самом отряде. За время его существования было проведено 11 партийных собраний. Коммунисты и комсомольцы показывали примеры храбрости, самоотверженности и дисциплины. Парторганизация непрерывно росла.

8 октября 1942 года коммунисты отряда в тылу врага, в селе Глазуновке, Большетроицкого района, Курской области, организовали первичную партийную организацию. В нее вошли девять членов партии и два кандидата. Секретарем был избран член партии с 1927 года А. Я. Нижегородов.

В отряде царила исключительная товарищеская спайка. Самопожертвование для спасения товарища — таков был закон партизанской жизни. Вот характерные примеры.

27 ноября 1942 года вечером после ожесточенного боя со сводным немецким карательным отрядом партизаны отошли на хутор Красный (отделение совхоза «Перемога» Старосалтовского района). Тут мы хотели отдохнуть. Какой-то предатель сообщил полиции о прибытии партизан. На следующий день в 5 часов утра на хутор ворвалась группа полицейских, завязался бой. Полицейские подожгли хату, где находились комиссар отряда Голуб, командир разведки Дьяченко и боец Белецкий. Отстреливаясь, партизаны убили пять полицейских. Раненый комиссар, задыхавшийся от дыма, потерял сознание. Партизан Дьяченко, рискуя жизнью, вытащил его из горящей хаты, доставил в безопасное место и вышел на соединение с отрядом.

Или такой эпизод. Начальник штаба Нижегородов 15 ноября возвращался в расположение отряда. На поле колхоза имени Октября услыхал стон. Оказывается, здесь лежал раненый боец И. Т. Скляренко. Пренебре-

гая опасностью, изнемогая от непосильной ноши, Нижегородов доставил Скляренко в отряд.

Фашисты предпринимали много попыток уничтожить отряд, но ничего у них не получалось. Тогда они пустились на хитрость. Организовали вечер для лесников, напоили их, и один из них, Безбородов, выболтал, где находятся партизанские базы.

Немцы в ту же ночь окружили соседний отряд, которым командовал тов. Синельников. Мы помогли соседям разорвать цепь окружения. Но выяснилось, что в землянке остались важные документы. Радистка, комсомолка Надя Волкова, не говоря ни слова, бросилась в огненное кольцо. Она пробралась в землянку, сожгла документы, но ее окружили каратели. Надя отстреливалась из пулемета, пока не погибла смертью храбрых.

Цена предательства оказалась очень большой. Погибло у нас в тот день семь человек. Фашисты подобрали их и повезли в село Старицу для опознания. Никого из убитых жители «не признали», хотя иным приходилось сдерживать рыдания — там были родные и близкие.

Безбородова мы потом поймали и расстреляли.

Вскоре оккупанты были изгнаны и из наших мест. 10 февраля вместе с регулярными частями мы вступили в Волчанск.

П. А. ЖУРАВЛЕВ

Бывший секретарь
подпольного Боровского райкома партии

В БОРОВСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Перед войной я работал директором совхоза «XX лет Октября» Боровского района. Это было одно из самых больших и высокоразвитых хозяйств Харьковской области с замечательными перспективами на будущее. Мы планировали уже в 1941 году добиться таких производственных успехов, которые поставили бы хозяйство в число образцовых. Полным ходом строили мы жилые дома и хозяйственные здания. Создали все условия для получения высокого урожая хлебов и подготовили прочную базу для увеличения поголовья скота, повышения его продуктивности.

Следует отметить, что 1941 год радовал хлеборобов. Часто выпадали теплые дожди. Урожай зерна выдался редкостный. Даже седые старики не могли припомнить такого щедрого лета.

Хлеба уже дозревали, и мы готовились начинать жатву, когда фашистская Германия вероломно напала на нашу страну, прервала мирный труд советских людей.

Очень больно было слышать, что фашистские полчища топчут родную землю, заливают ее кровью советских людей, разрушают города и села, сжигают, грабят, уничтожают все, что было создано трудолюбивыми советскими людьми под руководством мудрой партии Ленина.

Красная Армия отступала. Враг, используя свое превосходство в силе и военной технике, остервенело рвался вперед. Нависла угроза и над Харьковской областью. Меня вызвали в райком партии и предложили на случай оккупации района создать подпольную группу. В нее вошли: главный бухгалтер совхоза Олейник, управляющий отделением совхоза Лиманский, председатель поселкового Совета Котяхов, агроном Погребняк, бригадир животноводческой бригады Шаркунов, начальник политотдела совхоза Акимов. Руководителем этой группы утвердили меня.

Осенью 1941 года немцы заняли Харьков, захватили Изюм, Чугуев, сильно бомбили Боровую и близлежащие населенные пункты. Наша группа ушла в лес. Необходима была тщательная конспирация.

Однако немцы были остановлены советскими войсками. Фронт установился по реке Северный Донец. Мы вернулись в совхоз и стали продолжать работу, готовиться к весеннему севу. В совхозе почти не было рабочей силы. Трудоспособные мужчины ушли в армию, а их семьи в большинстве были отправлены в тыл за Волгу. Приходилось целыми сутками работать без сна, без отдыха.

Наступила весна. Мы провели сев. Оставшиеся в совхозе люди работали хорошо, с чувством большой ответственности перед Родиной. Но вот в июне 1942 года положение резко ухудшилось. Наши войска стали отходить. Враг прорвал фронт в районе Изюма и приближался к Боровой. Фронт проходил уже по правому берегу реки Оскол. Мы получили приказ эвакуировать тракторы на восток, в совхоз «Ильтон». Группа приступила к выполнению этого задания. В пути под яростной бомбежкой врага пришлось тракторы бросить, пробираться к Волге на попутных автомашинах. Во время одной из сильных бомбежек наша группа рассеялась в общей сутолоке и собраться всем снова уже не удалось. Я нашел только Олейника. Судьба остальных для меня осталась неизвестной. Все же я был уверен: тот, кто остался в живых, обязательно будет искать меня или же вернется для подпольной работы в Боровской район. Это были, как мне казалось, надежные, твердые и решительные люди. В большинстве товарищей я не ошибся.

Вдвоем с Олейником мы добрались до совхоза «Ильтон». Получили приказание переехать в совхоз «Спартак». Там мы узнали, что харьковские работники съезжаются в г. Энгельс, где находился Харьковский обком КП(б)У. Поехали туда. Нам предложили выехать на работу в Сибирь. Мы отказались, так как сдали партийные билеты на хранение в ЦК партии. Работники Харьковского обкома выслушали меня и направили в спецшколу. Я согласился. Была подобрана группа харьковчан, и мы уехали в Саратов. Прошли полуторамесячную подготовку к подпольной работе в тылу врага. Из окончивших были сформированы группы, в которые входили партийные работники, разведчики, подрывники, радисты.

В нашу группу вошли: Толмах — председатель колхоза села Гороховатка, Боровского района, Олейник — главный бухгалтер совхоза «XX лет Октября», милиционеры Боровского райотдела милиции Молчанов и Соколов, работники райисполкома Запороженко, Гноевой и Зозуля, два радиста из Ростовской области: Владимир Козюберда, Архипенко (имени не помню), женщина (фамилию не помню) и Колесник — председатель Выше-Солонянского сельсовета — всего 12 человек. Мы получили теплую одежду, оружие, взрывчатку, продукты и поездом отправились в Москву.

В Москве меня вызвали в ЦК ВКП(б), утвердили секретарем подпольного Боровского райкома партии и парторгом ЦК с правом принимать достойных людей в партию на временно оккупированной врагом территории. В ЦК меня предупредили, что после приземления в районе высадки я должен немедленно законспирироваться, о месте моего пребывания никто не должен знать.

Вылетели на Балашов. Сделали посадку, в первом часу ночи меня вызвали к командиру авиачасти Валентине Гризодубовой. Там уже находились летчик и бортмеханик самолета. Тов. Гризодубова спросила:

— Где вас выбросить?

Я посмотрел на карту Боровского района и показал место высадки, в глухой степи. Она кивнула головой. Летчик и бортмеханик поставили кружочки на своих картах. Простились, вышли, направились к самолету.

Ночь была темная. Полет прошел успешно, но посадка оказалась не совсем удачной. С самолета прыгали один за другим по сигналу, который я давал карманным фонарем. Когда уже были на земле и собрались вместе, то обнаружили, что нет еще двоих: Архипенко и женщины-радистки. Долго впотьмах обшаривали землю. Наконец нашли: радистку — со сломанной ногой, а Архипенко — мертвого. Он погиб, так как его парашют оказался прорванным. Архипенко мы тут же похоронили, а радистку положили к скирде необмолоченных снопов. Условились о явках и о дежурстве возле больной и разошлись в разные стороны.

Спустя некоторое время ночью перенесли радистку в село Шейковку, определили ее к проверенной нами женщине. Для лечения подпольщицы прикрепили завербованного нами местного врача. Однако гестаповцы обнаружили больную радистку, забрали в Изюм, долго и жестоко избивали. Не выдержав пыток, она рассказала о подпольщиках. После этого гестаповцы расстреляли ее.

Нам пришлось менять явки, усилить конспирацию, соблюдать особую осторожность в связях. Мне же лично — еще больше изолироваться, так как, по сведениям разведчиков, гестаповцы уже усиленно разыскивали Журавлева.

Одна из главнейших наших задач заключалась в том, чтобы наблюдать за железными дорогами Купянск — Святогорск и Харьков — Красный Лиман, не дать гитлеровцам возможности пустить по этим дорогам поезда.

Мы рассредоточили у дорог подрывников, разведчиков группы и вновь завербованных нами людей. Подпольщики с честью справились с этой задачей. Систематические взрывы так и не дали гитлеровцам наладить перевозки по этим дорогам.

Соблюдая правила конспирации и изоляции, особенно после ареста радистки, я на время оторвался от группы, обосновался со своим радистом в селе Грачиное, у молодого комбайнера совхоза «XX лет Октября» Сало. Пять суток мы копали под его квартирой подвал. Разместили там рацию. Установили связь с Москвой. Стали принимать известия о положении на фронтах. Писали от руки листовки и через разведчиков и связных распространяли их среди населения. В распространении этих листовок большую помощь оказывали нам связные, с которыми я из-за условий конспирации лично пока не встречался, но хорошо знал их до войны. Это были объездчик совхоза Лыпарь, тракторист Витченко, председатель колхоза Враженко, работница совхоза Гармаш и другие.

Витченко выполнял две роли: он был разведчиком и подрывником, проводил диверсии. Мы поставили себе задачу — не дать немцам обмолотить хлеб. Витченко портил молотилки и комбайны, выводил их из строя так, что отремонтировать было уже невозможно. Благодаря этому на территории действия Витченко немцам так и не удалось обмолотить ни единого снопа.

Неутомимой и бесстрашной разведчицей была молодая работница Гармаш. Она разносила по селам листовки, приносила сведения о полицаях и гитлеровцах. А однажды, уже зимой, случилось так, что радист Козюберда отморозил ноги. Гармаш взяла его к себе в квартиру и лечила, пока тот снова стал в строй.

Как я и предполагал, члены подпольной группы, угонявшие по заданию райкома в тыл тракторы, в большинстве вернулись на территорию своего района. Хозяйственными делами в районе управлял немец, именовавшийся комендантом. Он принял их в качестве чернорабочих. Подпольщики обосновались в совхозе.

Я установил личную связь с Погребняком, а через него — и с Лиманским. Они тоже стали распространять листовки, проводить диверсионную работу.

Позже я встретился также и с Акимовым. Он пришел ко мне вместе с бывшим председателем Боровского райпотребсоюза Коротким на подпольную квартиру, у комбайнера Сало. Это было в первом часу ночи.

Акимов в подполье выполнял обязанности второго секретаря, а Короткий был третьим секретарем подпольного райкома партии. Мы задались целью создать подпольные группы в каждом населенном пункте.

В совхозе «XX лет Октября» в подпольную группу, кроме Лиманского и Погребняка, вошли объездчик совхозных полей Лыпарь, доярка Козинская и другие.

Такие же группы были созданы в селах В. Соленой — во главе с Довженко, Дружелюбовке — во главе с Ракитянским, в Изюмском отделении совхоза — во главе с Сытым и других населенных пунктах. В задачу этих групп входили не только разведка, распространение листовок и диверсии, но и истребление гитлеровцев.

Просто нападать и убивать фашистских извергов и предателей-полицейских значило бы навлечь великие бедствия на все население. Везде были вывешены приказы немецкого командования и оккупационных властей о том, что за каждого убитого немца будут расстреливаться 100 человек, а за полицейского — 20 местных жителей. Поэтому мы решили «воровать» их и одних спускать в колодец, а других просто закапывать подальше от села, в степи. Фашистские палачи и их наймиты пропадали как бы без вести. Был и нет его, как ветром сдуло. Ни живого, ни мертвого.

Таким путем подпольная группа, которой командовал Толмах, а впоследствии я, уничтожила 7 гестаповцев, 26 полицейских и несколько шпионов.

Исчезновение гестаповцев и полицейских всполошило гитлеровские власти. Во всех населенных пунктах были расклеены приказы, запрещавшие появляться на улице после шести часов вечера. Каждый, кто появлялся в это время, задерживался и доставлялся в гестапо.

Это усложнило работу связных да и всех подпольщиков. Пришлось на некоторое время прекратить «воровство» и переключить силы подполья на проведение разъяснительной работы среди населения. А это было очень важно.

Дело в том, что в г. Славянске, Донецкой области, издавались нацистские газеты. Они распространялись в Славянском, Краснолиманском, Изюмском, Боровском, Сватовском и других районах Донецкой, Харьковской и Луганской областей. В этих газетах печатали чудовищную ложь, направленную на то, чтобы морально подавить советских людей, сломить их волю к сопротивлению. Сообщалось, например, что советские войска разбиты, остатки их потоплены в Волге, что Сталин сбежал за границу, а руководство захватил какой-то Шляпников, который-де продал Украину американцам и англичанам. Теперь, дескать, освобожденную немецкой армией Украину пытаются поработить американцы и англичане...

Мы усилили выпуск листовок. Их писал и переписывал чаще всего комбайнер Сало, под квартирой которого была наша радиостанция. В листовках мы разоблачали брехню фашистских пропагандистов, передавали сообщения Советского Информбюро, новости из Москвы. В распространении листовок принимали участие все подпольщики.

В декабре 1942 года, находясь на радиостанции под квартирой Сало, мы с Акимовым услышали шум. В подвал спустился взволнованный Короткий, посланный до этого в Боровую для связи с одним жителем, у которого была в разобранном виде пишущая машинка, он должен был ее

принести, чтобы ускорить выпуск листовок. Но Короткому не удалось добраться до Боровой. В темноте наткнулся на патруль и стал уходить. Гитлеровцы шли по следу. Короткий спустился в подвал и сообщил, что мы окружены.

Нужно было немедленно принять решение. Мы поднялись из подвала на чердак и в щели крыши увидели, что дом действительно окружен гитлеровцами. Нельзя было терять ни минуты. Нам оставалось или пробиться, или погибнуть. Нас было трое. Хозяин квартиры Сало отлучился по заданию.

Мы швырнули несколько гранат, спрыгнули с чердака, автоматным огнем пробили себе дорогу. Короткого тяжело ранили. Отстреливаясь, мы отходили в степь, унося с собой товарища. Вскоре Короткий скончался. Мы оставили его, а сами, применяя тактику маневрирования, которой нас обучали в спецшколе, обманули преследователей и оказались позади их.

Потеряв след, гестаповцы вернулись в дом Сало и учинили допрос его жене. Как ее ни пытали, молодая смелая женщина-комсомолка не выдала ни подпольщиков, ни радиостанцию. На все вопросы отвечала коротко: «Ничего не знаю, никого не видела». За эту ночь она поседела.

Гестаповцы оставили в доме засаду. Возвратился Сало, фашисты схватили его и когда вели по улице, он держался исключительно мужественно.

На второй или третий день начались аресты подпольщиков. Была арестована вся подпольная группа в совхозе «XX лет Октября», в которую входили тт. Лиманский, Погребняк, Лыпарь, Козинская и другие. Забрали их под тем предлогом, что Лиманский и Погребняк — самые лучшие приятели Журавлева и поэтому должны знать, где он находится (впоследствии, когда район уже был освобожден от гитлеровцев, выяснилось, что их выследил и выдал гестаповский агент, работавший в совхозе трактористом. С приходом наших частей шпион был разоблачен и арестован). В гестапо подпольщиков долго и жестоко истязали, но, не добившись ничего, Лиманского, Погребняка, Козинскую и других вывезли в лес недалеко от Боровой и расстреляли. Сало живым бросился под лед. Лыпаря выпустили. Он дал гестаповцам слово, что выследит и выдаст Журавлева. Лыпарь был моим первым связным, через которого я держал связь со всей группой подпольщиков совхоза. Ему дали срок две недели.

Я еще не знал о всем происшедшем и пришел ночью на явочную квартиру. Лыпарь сидел бледный, рассеянный. На лице застыло какое-то жестокое отупение, безразличие. В нем еще что-то жило, но морально он был уже мертв. Как человека его уже не было. И вдруг он зарыдал. Мне никогда в жизни не приходилось видеть, чтобы мужчина так рыдал. Это было что-то ужасное. Он упал на колени и повторял:

— Уходите... Отец родной, уходите... Умоляю вас, уходите быстрее. За вами следят...

Мне стало ясно все. Не сказав ни слова, я ушел.

Через две недели гестаповцы Лыпаря расстреляли.

Да, страшно оказаться в таком положении, как Лыпарь. Это страшнее казни и пыток. Бывает в жизни, сделает человек какую-нибудь глупость, потом пожалеет об этом и, если есть возможность, исправит допущенную оплошность, а если такой возможности нет, постарается в дальнейшем не допускать подобных вещей. Но то, что случилось с Лыпарем, оказалось роковым для него. Он вначале струсил. Чтобы избавиться от пыток, дал обещание стать предателем. Когда же миновал животный страх и он осознал, на какой тяжелый путь стал,— не выдержал. Почувствовал, что предателем быть не может. Терзаемый предчувствием неотвратимой гибели, он покорно стал ждать трагического конца. Уйти он уже никуда не мог. Подпольщики его не приняли бы, и скрыться от немцев тоже не мог. Так и погиб человек.

Попал в руки фашистов и труп Короткого. Они нашли его в степи, привезли в Боровую, долго таскали по селу, привязывали то в одном, то в другом месте к телеграфным столбам, стреляли в него из пистолетов, автоматов. Затем бросили в заросший травой окоп.

Я уже сказал, что в нашей группе, сформированной в Саратове, был милиционер Боровского райотдела милиции Молчанов. Вначале он действовал вместе со всеми подпольщиками. Работал неплохо, пользовался доверием. Однажды послали его на разведку в Боровую. Во время выполнения задания он, возможно, даже случайно (для нас это осталось неизвестным), встретился со своим братом, изменником Родины, полицаем. Тот организовал ему встречу с начальником полиции Боровского района Гнилицким, который также был близким родственником Молчановых.

Предатели дали задание Молчанову, чтобы он, выбрав удобный момент, расстрелял подпольщиков и явился с повинной в гестапо.

Молчанов возвратился в группу, начал осторожно, но настойчиво обрабатывать членов подпольной группы, сеял неуверенность и панику: «Напрасно мы тут воюем, все равно уже все пропало, и незачем зря нам тут свои головы класть. Надо кончать все это»,— говорил он товарищам.

Никто, конечно, не подозревал, что Молчанов, бывший работник милиции, прошедший в Саратове специальные курсы подпольщиков, изменил Родине. Поэтому товарищи старались переубедить его, подбодрить, рассеять мрачные мысли.

Как раз в это время мы решили послать разведку в Комаровский лес. До прихода немцев райком партии, готовясь к подпольной и партизанской борьбе с врагом, создал в Комаровской даче базы снабжения продовольствием и боеприпасами. Вспомнив об этих базах, мы решили осмотреть их. Туда отправилась группа разведчиков во главе с бывшим председателем колхоза села Гороховатки Толмахом. В группу вошли: Колес-

ник — бывший председатель сельсовета села В. Соленая, Запороженко — работник райисполкома, Олейник — главный бухгалтер совхоза и милиционер Молчанов.

Подпольщики разыскали базу, но раскопать не успели, наступила ночь. Решили ждать утра. Дежурили по очереди: когда настала очередь Молчанова, он стал с автоматом на пост, подождал, пока уснул товарищ, которого он сменил, вскинул автомат и дал очередь по головам спящих. Убедившись, что все они убиты, ушел.

Расправившись с подпольщиками, Молчанов явился в гестапо. Но там изменника заковали в цепи, стали допрашивать, пытать, возили по селам, как зверя. Дрожа за свою шкуру и надеясь еще на милость гестаповцев, Молчанов рассказал все, что знал о подполье, о связях. Выдал двух сестер убитого им Запороженко, у которых были наши явочные квартиры (одна жила возле Красного Лимана, другая — в селе Дружелюбовке). Гестаповцы ринулись туда. Мы еще не знали о том, что случилось в Комаровском лесу, и в Красный Лиман по заданию подполья ушел член нашей группы, бывший работник райфинотдела Зозуля. Не успел он зайти в квартиру сестры Запороженко, как туда нагрянули гестаповцы.

Хозяйку квартиры гитлеровцы расстреляли на месте. Схваченного Зозулю привезли в Дружелюбовку, на его глазах расстреляли вторую сестру Запороженко. Затем фашисты вывели на площадь Зозулю и повесили его, запретив жителям под угрозой расстрела снимать труп.

Выжав из Молчанова все, гестаповцы расстреляли и его.

Несмотря на жестокие расправы и преследования, наше подполье не только не уменьшалось, а, наоборот, численно с каждым днем росло. Оно уже насчитывало в своих рядах более сорока человек. Руководство подпольными группами в селах осуществляли не только мужчины, но и женщины. Особенно мне запомнились такие исключительно отважные и смелые женщины, как Гармаш, жена убитого гестаповцами подпольщика Сало, комсомолка Невенчанная и другие.

Стало известно, что в Боровой работает главным врачом Сусанна Александровна Головина. Она была на этой должности и до войны. Я написал ей записку примерно такого содержания: «Сусанна Александровна! Вы не можете не видеть, каким пыткам и мучениям подвергают фашистские изверги наших советских людей. Патриоты отдают все свои силы для борьбы против оккупантов, не жалеют ни крови, ни жизни во имя победы над врагом. Мы надеемся, что и Вы используете свои возможности для облегчения страданий народа, для борьбы с заклятым врагом. Костин». (Моя кличка в подполье).

С этой запиской я послал одного из подпольщиков под видом больного к Головиной. Прочитав записку, Сусанна Александровна спросила:

— Кто вас послал?

— Журавлев.

— Скажите, пусть сам придет ко мне,— ответила Головина и вызвала следующего посетителя.

Я, конечно, не пошел. Однако знал, что Головина ответила так из-за боязни провокации. Почему-то верил, что Сусанна Александровна будет нам помогать. И действительно, она, не имея связи с подпольем, стала оказывать нам помощь в борьбе с оккупантами. Когда, например, готовилась отправка людей в Германию, объявила, что в районе вспыхнула эпидемия тифа. Придумывала и другие инфекционные заболевания. Этим спасла сотни людей от угона в Германию.

Подпольные группы проводили огромную работу. По диверсиям особенно выделялась группа села Мясорожовки, которую возглавлял комбайнер Чепурной. Этой группой были подорваны несколько немецких машин, комбайнов и молотилок. Весь хлеб на территории действия группы Чепурного остался необмолоченным и впоследствии им снабжались советские войска, действовавшие на Изюмско-Барвенковском направлении.

Сам Чепурной был бесстрашным разведчиком. Однажды он узнал, что в селе Штельмаховке, Сватовского района, немцы устроили склад оружия. Темной ночью Чепурной пробрался к складу, заметил, что часовые дежурят только возле двери, а с глухой сторовы, от сада, никого нет, подкопался под стену и вытащил два ручных пулемета, несколько лент с патронами и притащил трофеи в группу. Они очень пригодились нам.

Со своего смелого и храброго руководителя брали пример все члены группы. Вспоминается такой случай. Комсомолец Василенко в конце января 1943 года, когда наступали советские войска и бои шли вблизи села, заметил, что из сада за сараем немцы ведут сильный огонь из миномета. Это затрудняло наступление советских войск. Молодой подпольщик пробрался к сараю и бросил из-за стены связку гранат. Раздался сильный взрыв. Весь расчет из шести человек вместе с минометом взлетел в воздух.

Большую работу провела и группа, которой руководил тракторист Витченко. Помимо того, что выполняла группа, Витченко сам вывел из строя четыре немецких автомашины, произвел много поломок в комбайнах и молотилках, чем сорвал обмолот хлеба, который немцы старались организовать.

У Витченко была наша явка. Жил он с семьей: жена и трое маленьких детей. Это была замечательная простая советская семья. Посещения этой семьи мне запомнились навсегда. Бывало, глухой ночью, чаще всего в такую погоду, о которой в народе говорят, что «хозяин со двора собаку не выгонит», мы приходили к Витченко. Он тщательно завешивал окна, засвечивал каганец, и мы тихо беседовали. При этом присутствовали и дети. Отец и мать доверяли им. Дети тесной кучкой сидели на лежанке, с серьезными, как у взрослых, личиками и смотрели на нас внимательно, сосредоточенно. И никогда после этого, нигде и никому не обмолвились

словом. Они были нашими молчаливыми единомышленниками, маленькими членами сурового и опасного подполья.

Как-то я и Акимов возвращались от Чепурного и зашли в село Иржевку, Сватовского района, чтобы там распространить листовки. Зашли в один дом. Стали беседовать с хозяевами. Вдруг заходит староста. Взглянув на наши длинные бороды, спросил:

— Откуда идете, деды? Документы есть? — И не ожидая ответа добавил: — Придется вас отправить в гестапо.

Мы усмехнулись, спокойно ответили:

— Документов нет. Мы, военнопленные, рыли окопы. Теперь идем домой, в Балаклейский район. В гестапо, конечно, нам не с руки, лучше покажите дорогу.

Разговор начинался без обиняков, так как было решено, что если староста вздумает нас вести в гестапо, то мы или убежим, или убьем немецкого прислужника.

Староста задумался. Спросил:

— Вы вот были недалеко от фронта, копали окопы. Скажите, какая армия наступает. Красная или другая какая?

— Красная. Мы видели звезды на самолетах и солдат в одежде красноармейцев.

— Не может этого быть, разве так бывает, чтобы разбитая армия снова могла наступать?

— Армия может и отступать, но у нас есть резервы. При благоприятных условиях она может вступить в бой и перейти в наступление,— сказали мы.

— Вижу, что ни черта вы не знаете,— махнул рукой староста.— Я вчера был на совещании в Сватово. Комендант города сказал: «Советы и их армия разбиты. Но наступает армия американцев и англичан. Они хотят захватить Украину. Мы ее освободили, а они хотят захватить. Мы уезжаем на родину, а вы теперь сами защищайтесь от американцев и англичан».

— Но ведь это же неправда.

— Я и сам понимаю, что тут концы с концами не сходятся, а вот к чему все эти разговоры — ума не приложу.

Помолчав немного, староста тихо спросил: — Скажите, люди добрые, могут меня расстрелять, когда придут советские войска?

— Если вы были хорошим человеком, народ защитит. Если плохим были — народ вас и накажет.— Староста глубоко вздохнул. Мы снова попросили: — А вы все-таки покажите нам дорогу на Барвенково.

Он поднялся, сказал:

— Что ж, вижу, деды вы хорошие, так и быть, покажу.

И он вывел нас на дорогу.

Но бывало и хуже. Однажды ночью мы с Акимовым отправились в Шейковку для расклеивания листовок. Выполнив задание, зашли в одну из квартир. Поздоровались. В комнате был старик и две женщины, молодая и старая. В молодой я сразу узнал бывшую медработницу нашего совхоза, но виду не подал. Я считал, что она меня не узнает, так как у меня отросла большая борода и одет я был так, как никогда не одевался прежде. И все же она меня узнала, но тоже виду не подала. Подошла к старухе и шепнула ей: «Этим людям надо дать покушать». Старуха кивнула головой и, пока мы беседовали со стариком, приготовила на стол.

Вдруг старик засуетился, стал быстро куда-то собираться. Сказав, что идет «сдавать молоко», вышел. Медичка подошла ко мне, шепотом сказала: «Уходите. Этот гад, мой свекор, пошел заявлять в полицию».

Мы немедленно ушли. Вскоре на дороге увидели пять подвод с полицейскими.

— «Охотники» за нами,— сказал я.

Акимов внимательно посмотрел, кивнул головой. Мы сняли автоматы, залегли в бурьян. Полицейские рассыпались по полю, их было не менее тридцати человек. Завязалась перестрелка. Я дал очередь из автомата. Полицейские попадали и кто ползком, кто бегом, согнувшись, стали уходить. Подводы тоже повернули обратно, а на другой день по селу Шейковка прошел слух, что полиция поймала двух партизан и расстреляла их.

...В середине января 1943 года мы находились в одном из животноводческих помещений, под которым помещался подвал подпольного райкома партии. Сарай до отказа был заполнен соломой. Для того чтобы в него проникнуть, нужно было залезть на солому, прорыть дыру до пола, поднять крышку и опуститься в подземелье. В этом подвале мы выпускали листовки.

И вот ночью сарай окружили полицейские. Их было пятьдесят человек. Поставили у входа пулемет и начали выбрасывать из сарая солому. Когда полицейские открыли крышку в подвал, мы швырнули в них две гранаты. Полицейские залегли. Сарай наполнился дымом, мы вылезли и бежали. Полицейские сразу даже не разобрались в чем дело, думали, что это свои уходят. Только когда мы были у самого оврага, открыли огонь из пулеметов. Мы скатились в овраг, стали бросать гранаты. Двух полицейских ранили, остальных вынудили отойти. Тогда один из наших подпольщиков, донбассовский рабочий из группы Сытого, под видом крестьянина отправился в Боровую и, опередив отряд полицейских, зашел в гестапо и «сообщил», что начальник полиции, выезжавший с отрядом на операцию, связался с партизанами, предал свой отряд, в результате чего партизаны разгромили его и скрылись.

Гитлеровцы схватили начальника полиции, избили его до полусмерти, хотели расстрелять, но он дал клятву, что будет преданно служить фюреру и принял немецкое подданство. Это его только и спасло от расстрела.

Советские войска приближались. Наступление развивалось успешно. Гитлеровские захватчики, огрызаясь, откатывались на запад. Подполью подходил конец. Мы начали готовиться к работе в мирных условиях. Сформировали районное руководство, подобрали председателей колхозов, сельсоветов. Председателем райисполкома подпольный райком партии утвердил бывшего бригадира тракторной бригады Виноградского.

В начале февраля 1943 года пришли советские войска. Мы собрали в Боровой весь наш актив, всех утвержденных подпольным райкомом председателей колхозов, сельсоветов, руководителей районных учреждений и организаций. На совещании зачитали, кто на какую работу назначен. Было дано задание возобновить работу колхозов, советских органов, приступить к оказанию материальной помощи Красной Армии.

Откопали трупы убитых и замученных гитлеровцами подпольщиков, свезли в Боровую. С почестями похоронили их на центральной площади в братской могиле, поставили памятник.

Теперь уже другие задачи стояли перед нами. В первую очередь надо было восстанавливать экономику колхозов. Председатели колхозов собрали в порядке контрактации весь молодняк крупного рогатого скота на фермы колхозов. Начали сбор посевного материала. Организовали помощь Красной Армии. Как известно, зимнее наступление советских войск шло быстро. Боевые части, преследуя врага, продвигались ежедневно на десятки километров. Тылы же из-за бездорожья отставали. Продовольственные склады были еще в Кантемировке, Старобельске. Железные и шоссейные дороги были разрушены. Приближалась весна, начиналась распутица. Вопрос снабжения войск стоял очень остро. Фронт тем временем остановился на Северном Донце. В Боровском районе, как и в самой Боровой, а также в селах Пески-Радьковские, В. Соленая, Подлиман, Н. Соленая и других расположились штаб Юго-Западного фронта, 1-я гвардейская армия, которой командовал генерал-полковник Кузнецов, и другие соединения. Райком партии поручил мне связаться с командованием советских войск, выяснить потребности в продовольствии.

Генерал-лейтенант Андреев, заместитель командующего 1-й гвардейской армией по тылу, принял меня радушно. Я спросил:

— Сколько требуется продовольствия в данный момент для 1-й гвардейской армии?

— А сколько вы можете дать?

— Шестьсот тонн хлеба, двести пятьдесят тонн картофеля, двести тонн соленых овощей и двести тонн мяса.

— Где же вы все это возьмете? — удивился генерал.

— Соберем. Только просим, чтобы соблюдался определенный порядок. Продовольствие должно выдаваться только по требованиям интендантств частей.

— Как быстро вы сумеете его подвезти? — спросил Андреев.

— Через пять дней,— ответил я.

Он с радостью взглянул мне в лицо, сказал:

— Хорошо. Мы будем очень благодарны.

Созвали председателей колхозов. Совместно подсчитали, сколько нужно чего собрать каждому колхозу.

В течение пяти дней намеченный райкомом план сбора продовольствия был не только выполнен, но и перевыполнен.

Потом командование советских войск обратилось в райком партии с просьбой построить мост через реку Оскол и восстановить железную дорогу Купянск — Донбасс, которая имела первостепенное значение для снабжения войск. На строительство моста и восстановление дороги вышло более 800 человек. Мост построили за 12 дней, а железная дорога от Купянска до Святогорска была восстановлена за 20 дней. В мае меня вызвали в Военный совет Юго-Западного фронта, объявили благодарность райкому партии, а мне вручили орден Красной Звезды.

До июля, пока фронт стоял по Северному Донцу, было несколько сильных боев на Изюмско-Барвенковском направлении. В Боровую поступило много раненых. Райком партии и райком комсомола мобилизовали все силы для помощи раненым. Особенно много стараний для быстрейшего выздоровления воинов прилагали секретарь райкома комсомола Мария Назаренко и комсомолка Толмах (дочь погибшего подпольщика). Комсомолка Толмах организовала сбор посылок для фронтовиков. За четыре месяца она собрала около десяти тысяч посылок и отправила на фронт. От бойцов, получавших посылки, в адрес райкома партии, райкома комсомола, общественных организаций и отдельных лиц шли тысячи благодарностей.

Вскоре советские войска развернули новое мощное наступление, освободили Харьков и всю Харьковскую область, стремительно пошли на запад, изгоняя фашистских захватчиков со священной Советской земли. Боровской район оказался в глубоком тылу.

Над широкой степью вновь водворилась мирная тишина.

Мы приступили к восстановительным работам.

И. Н. КУЛИШОВ
Бывший командир партизанского отряда

РЕЙД ПО ТЫЛАМ ВРАГА

...Сентябрь 1941 года. Гитлеровские войска приближались к Харькову. В стране шла большая, напряженная работа партийных органов и государственных учреждений: на восток перемещались заводы и фабрики, отмобилизовывались резервы. Все готовились к решающим сражениям.

Харьковская партийная организация принимала все меры к тому, чтобы как можно быстрее и организованнее вывезти в тыл оборудование заводов и фабрик, с тем чтобы на новых местах ковать оружие для фронта, для победы.

Формировалось партийное и комсомольское подполье, создавались партизанские отряды для борьбы с врагом на оккупированной территории. Особое внимание уделяла партия вопросам организации диверсионной работы в тылу оккупантов и переброски в районы партизанской деятельности боевых групп, сформированных из числа патриотов-добровольцев.

В областной, городской партийные комитеты поступали тысячи заявлений от коммунистов, комсомольцев, беспартийных патриотов, горевших желанием принять участие в борьбе против фашистских оккупантов.

Мне выпала честь командовать одним из партизанских отрядов, который действовал в Чугуевском, Печенежском, Старосалтовском, Волчанском и Белгородском районах.

За несколько дней до того, как в Харьков вошли гитлеровские войска, наш отряд прибыл на главную базу, в лес юго-восточнее села Печенеги. Там заблаговременно было заготовлено много боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

К этому времени советские войска завязали упорные бои, чтобы остановить наступление гитлеровцев на рубеже реки Северный Донец. Узкая полоса леса вдоль берега превратилась в арену ожесточенных схваток. Она вся насквозь простреливалась огнем орудий и минометов. Отряд перебазировался в район Волчанска. Выполнить это передвижение глубокой осенью, под непрерывным дождем, по размытым дорогам было, конечно, нелегко, нам удалось этого достигнуть лишь благодаря героическим усилиям бойцов и умелой разведке, которой в отряде руководил начальник штаба А. С. Деряга.

Боевая жизнь отряда началась во второй половине ноября. Партизаны предприняли ряд активных вылазок против небольших гарнизонов врага в селах Рубежное, Старица, Бугроватка и Избицкое, Волчанского района. Смелые боевые действия партизан вынуждали гитлеровское командование держать свои гарнизоны на линии фронта и в ближайших тылах под ружьем, в напряжении, без отдыха днем и ночью. В то же время вылазки партизан воодушевляли население района, вселяли в него уверенность в том, что советский народ никогда не покорится врагу.

Перед тем как начались зимние холода, отряд начал готовиться к большому рейду в тыл гитлеровских войск по районам Харьковской области. Этот рейд был связан со значительными трудностями. Они состояли в том, что у нас в области нет больших лесных массивов, которые могли бы облегчить продвижение отряда и скрытно от врага готовиться к боевым операциям. Кроме того, отряду предстояло действовать в районах, где были расквартированы отведенные на отдых полевые части гитлеровских войск, находились довольно крупные жандармские силы и специально созданные карательные отряды эсэсовцев. Карателям помогали их проводники, хорошо знавшие местность — предатели, изменники Родины.

Все это серьезно осложняло задачи, стоявшие перед отрядом.

Тем не менее, партизаны смело переправились через Северный Донец. Под огнем немецких минометов форсировали реку и 24 декабря вошли в лес северо-восточнее села Пролетарское. Природа была на этот раз немилостива к партизанам. Всю ночь шел холодный дождь со снегом. Усталые и промокшие бойцы смогли только под утро расположиться на короткий отдых в районе хутора Середа. Отдых был действительно очень коротким. Дело в том, что фашистское командование узнало о появлении в районе партизанского отряда и решило его уничтожить. Только это ему не удалось.

Одну из крупных неудач фашисты потерпели 26 декабря. В два часа дня у хутора Середа появился отряд эсэсовцев. Разбившись на группы, каратели охватили полукольцом лесок, где залегли партизаны, открыли беспорядочную стрельбу и повели наступление.

Партизаны молчали. Подпустив врага на близкое расстояние, пулеметчики Смолоковский и Коробка открыли шквальный огонь. Гитлеровцы откатились, оставив на поле боя несколько убитых и раненых. В воздух взвилась красная ракета. Появилась новая группа фашистов со станковым пулеметом. Тяжелый, упорный бой длился около четырех часов. К вечеру немцы отступили, понеся большие потери, в то время как у партизан не было ни убитых, ни раненых. Отрадно отметить, что в этом первом боевом крещении бойцы отряда держались стойко и отважно.

Гитлеровцы встревожились. Они приняли нашу маленькую группу за крупное партизанское соединение и решили обрушить на нас все имеющиеся в их распоряжении силы. Предварительно попытались забросить в наше расположение разведку. Создавшаяся обстановка вынудила нас перейти в хутор Бедный, Липецкого района. Жители окрестных сел в то время выходили группами и поодиночке в поле, разгребали снег, собирали остатки неубранного хлеба, колосья. Липецкое отделение гестапо решило воспользоваться этим, снабдило двух своих агентов мешками и граблями и направило в поле. У предателей была одна задача: во что бы то ни стало проникнуть в расположение партизавского отряда.

Однако откормленные физиономии гестаповцев отнюдь не свидетельствовали о том, что они голодают и потому вынуждены собирать колосья. Да и вообще они не походили на местных жителей. Это вызвало подозрение у находившегося в засаде партизана-коммуниста Родионова. Он задержал их и доставил в штаб.

На допросе предатели признались, что они привезены немцами из западных областей Украины и являются агентами гестапо, что им поручили разведать силы «крупного десанта большевиков», под видом отставших бойцов влиться в отряд и выдать местонахождение и планы партизан.

Гитлеровских агентов расстреляли.

С каждым днем наш отряд расширял свои боевые действия. Он разрушал вражеские коммуникации и продвигался все дальше в направлении шоссе Белгород — Харьков. 29 декабря он занял хутор Ленный, а на следующий день выбил гитлеровцев из хутора Долгополова.

В бою, который длился около двух часов, фашисты потеряли пятнадцать человек. Подобрав убитых и раненых, они отошли. В этом бою погиб смертью храбрых комсомолец пулеметчик Кобзарь, поддерживавший огнем своего пулемета наступление бойцов отряда.

Мы продвигались все глубже и глубже в тыл врага, 9 января 1942 го-

да заняли село Крючен, Богодуховского района. На другой день провели удачную операцию — уничтожили крупную продовольственную базу гитлеровцев, расположенную в Первухинском совхозе. В этой операции отличился партизан Собенко, коммунист, бывший председатель одного из колхозов Печенежского района. Под его руководством группа партизан истребила всю охрану, состоявшую из солдат гитлеровской полевой части.

Узнав о налете партизан и уничтожении первухинской продовольственной базы, фашисты послали из Богодухова крупный карательный отряд, усиленный полицейскими из Краснокутского района и солдатами полевой воинской части. Каратели получили задание преследовать партизан, а заодно расправиться с населением окрестных сел.

17 января наш отряд находился в гутянском лесу. Разведка донесла, что карательный отряд движется по направлению к Гутам. За день до этого мы встретились с группой партизан под командованием Героя Советского Союза тов. Копенкина (впоследствии погиб в бою), перешедшей на территорию Харьковщины из Сумской области. Договорились с Копенкиным, в отряде которого насчитывалось до шестидесяти бойцов, о совместных действиях и решили дать фашистам бой. С этой целью организовали засаду вблизи Первухинского совхоза.

Как мы и рассчитывали, фашисты были уверены, что, совершив диверсию, партизанский отряд ушел далеко из этого района. Поэтому двигались без особых предосторожностей. Ехали на открытых грузовых машинах.

Когда две головные машины приблизились к совхозу, их встретил огонь двух станковых и пяти ручных пулеметов. Все находившиеся в этих автомашинах гитлеровцы были перебиты, а те, что подъехали на других грузовиках, повернули назад, не подобрав даже убитых и раненых.

Бой продолжался всего несколько минут. Успех решили внезапность, слаженность действий партизан, их выдержка и отвага. Мы потеряли в этой операции двух человек: был убит пулеметчик отряда Копенкина и тяжело ранен боец нашего отряда Майгур. В бою особенно отличился учитель-коммунист, партизан Сердюк, впоследствии погибший смертью храбрых в селе Печенеги.

Немало боевых дел на счету нашего отряда прибавилось во время рейда по Валковскому району. В ряде операций здесь принимали участие и партизаны отряда Копенкина.

В одной из стычек с фашистами, вблизи опытной станции между селами Черемушное и Литвиновка, например, партизаны захватили в плен начальника лагеря военнопленных — гитлеровца и его заместителя — полицейского из местных жителей. Оба они зверски расправлялись с военнопленными.

Решение о расстреле двух палачей было встречено всем отрядом полным одобрением. Приговор был приведен в исполнение на месте.

19 января в районе хутора Войтенково мы выдержали бой с крупным подразделением гитлеровцев. Наши партизаны, сражавшиеся плечом к плечу с бойцами Копенкина, дрались с исключительной отвагой. Противник численно значительно превосходил наши силы, но положение было выгодным для нас: партизаны залегли на околице под прикрытием хат, а фашистам пришлось наступать по открытому заснеженному полю. Озлобленные пьяные гитлеровцы несколько раз поднимались в атаку и каждый раз, неся потери, откатывались. Наконец, оставив на месте боя до пятидесяти убитых и раненых, они отошли к хутору Нарыжный. В бою пал смертью храбрых один партизан, два наших товарища были ранены.

Тяжелые бои развернулись и в последующие дни. При столкновении 22 января с полевой частью гитлеровцев вблизи Ракитянского лесничества меткий огонь партизанских пулеметчиков уничтожил около 60 фашистов. У нас один человек был убит, четыре ранено.

Спустя несколько дней в лесу у хутора Миргороды, Харьковского района, нас пытался внезапно окружить сильный отряд карателей, присланный из Харькова.

В этом бою фашисты потеряли до тридцати солдат и офицеров. Однако они упорно пытались сомкнуть кольцо окружения и отступили лишь после того, как метким выстрелом одного из партизан был убит майор — командир карательного отряда.

Двое партизан были тяжело ранены, здесь же погиб отважный юноша-пулеметчик, комсомолец Коробка. В этом бою отвагой и умелыми действиями отличился партизан-комсомолец Стешенко, который сейчас работает в Харькове, в системе Управления охраны общественного порядка.

Наряду с боевыми действиями во время рейда по тылам врага мы стремились развернуть диверсионную работу при помощи патриотов — местных жителей. В районе Гутянского лесничества мне удалось организовать небольшую диверсионную группу из работников лесхоза. Эта группа совершила ряд диверсий и провела большую работу в период наступления наших войск в районе Богодухова в 1943 году.

В многочисленных боях с превосходящими силами противника наш отряд прошел тяжелый путь по территории Харьковской области, потеряв многих отважных бойцов. Значительные потери, наличие раненых, больных и обмороженных чрезвычайно затрудняли дальнейший рейд, лишали отряд основного преимущества партизан — подвижности. Все это заставило меня по согласованию с руководящими организациями отдать приказ о переходе линии фронта, и в районе сел Береки — Верхний Бешкин отряд соединился с советскими войсками.

Партизанский рейд по временно захваченным районам области был завершен. Перед нами встали новые задачи...

* * *

Прошло более двадцати лет. Многое не сохранилось в памяти. Но никогда не потускнеют воспоминания о днях, когда в глубоком тылу фашистских захватчиков маленький отряд советских патриотов вел неравную борьбу с врагом и выходил победителем, наводил ужас на фашистских головорезов, воодушевлял население оккупированных районов, вселял уверенность в победе над фашизмом.

Десятки советских партизан проявили подлинный героизм в этой борьбе. Многие из них отдали жизнь за наше святое дело. Имен их никогда не забудет советский народ.

А. Е. РЕЗНИК
Комиссар партизанского отряда
им. Н. С. Хрущева

НАШ КОМАНДИР

Урочище Латинский лиман. Вековые сосны, шумящие под порывами ноябрьского ветра. Озеро, кустарники...

Глубоко в сердце осталась память о тех замечательных людях, с которыми приходилось громить фашистские отряды на Изюмщине. Много замечательных дел во славу Родины совершили бойцы партизанского отряда имени Н. С. Хрущева.

Первое боевое крещение мы получили 26 октября 1941 года. Через свою разведку узнали, что на хуторе Довжик Петровского лесничества группируются оккупанты и внезапным налетом мы уничтожили фашистов. Это произошло всего через несколько дней после организации нашего партизанского отряда.

Командиром у нас был Александр Маркович Салов. Лихой командир. Идет, бывало, по лесу, залюбуешься: твердый шаг, на груди автомат, на поясе гранаты. Через плечо планшет, бинокль, из-за борта шинели выглядывает рукоятка пистолета. Ну, точно Щорс, только ростом пониже. Серые глаза отливают сталью. Во взгляде чувствуется решительность, строгость.

Когда Александр Маркович разговаривал с друзьями, от его взгляда веяло теплом, с ним приятно было вести беседу. Но, если перед ним находился враг, взгляд становился холодным, пронзительным, ненавидящим.

Таким я помню Александра Марковича.

В то время, когда развернулись события, о которых хочу рассказать, мы жили в землянках возле озера Фалионово. Стоял февраль 1943 года.

Я вышел из землянки. В лесу слышалась приглушенная песня. Хорошо пели наши хлопцы! Я остановился, закурил, стал слушать.

«Ой, у лузі, та ще й при березі».

Любил эту песню и Александр Маркович. Сам, бывало, подтягивал своим приятным баском.

Было темно. Я не видел лиц партизан, но по голосам угадывал их. Вот густым басом тянет Семен Васильевич Черненко — наш продовольственный начальник. Вот залился соловьем Андрей Иосифович Попов. Это мы с ним, да еще с командиром нашей разведки Василием Акимовичем Черкасом ходили в первую разведку в хутор Довжик. А вот звенит девичий голос. Единственная в нашем отряде девушка любимая всеми, смелая, боевая Аня Пурич, которая никогда не расставалась со своей сумкой с медикаментами и выполняла обязанности начальника штаба отряда. Аня спасла от смерти десятки раненых.

Припомнилось, как Вася Черкас принес советскую листовку в отряд, сброшенную нашим самолетом. Это было как раз перед Октябрьскими праздниками 1942 года. Фашисты вели усиленную агитацию среди населения, дескать, Волгоград они уже взяли, остатки советской армии сбросили в Волгу. Никто из наших бойцов, конечно, не верил в это. А тут вдруг — листовка. В ней рассказывалось, что защитники Волгограда успешно борются с врагом, что Москва здравствует!..

Сколько радости было! Мы тогда плясали, пели. Александр Маркович кричал «ура». Бойцы подбрасывали вверх ушанки, потрясали автоматами. Митинг возник стихийно. Многие выступали на нем с горячими речами. Трибуной была поваленная ветром сосна.

Ко мне подошел Александр Маркович, сказал в раздумье:

— Задерживается разведка, комиссар. Время бы прийти обратно...

— Вася-то? Придет.

Мы молчали.

— Хорошо поют! — вздохнул Александр Маркович.— Знаешь, Александр Ефимович, когда в бою, думаю только о том, как бы больше уничтожить врагов и не потерять своих. А вот как тишина, да песня — семью вспоминаю. Как они там, в Саратове?

— Думаю, хорошо живут. По нынешним временам хорошо...

— Ну, пойдем, комиссар, подтянем и мы.

Из-за сосен появился Василий Черкас. Мы его сразу узнали по высокому росту. Он тяжело дышал, спешил, и я сразу почуял недоброе.

— Разрешите, товарищ командир.

— Докладывай.

— В Красном Шахтере гестаповцы готовятся расстрелять триста селян.

Василий стянул шапку, вытер вспотевшее лицо.

— Что? Ах, сволочи! — вскипел Александр Маркович.

Не теряя времени, мы спустились в землянку на совещание.

В следующую ночь я, Александр Маркович и Черкас отправились к связному в село Красный Шахтер. По условному сигналу к нам вышел Василий Иванович Гниевский. Он жил на самой окраине, было ему тогда под шестьдесят. Крепкий старик, высокий, с громадной рыжей бородой. Он провел нас в сарай, на посту остались его дочь Зоя, которая была членом подпольной комсомольской организации, жена Василия Ивановича и наш Черкас.

Гниевский подробно рассказал о готовящихся убийствах. Командир задумался. Я смотрел на едва различимое в темноте его лицо и скорее чувствовал, чем видел, как пылали гневом его серые, стальные глаза.

— Когда? — спросил командир.

— Андрей сказывал — на днях. Торопятся фашисты. Наши-то уже недалеко...

Я взглянул на Василия Ивановича и подумал, как тяжело приходится этому честному человеку! Односельчане считают его предателем, а он не чает, когда уже придут наши войска, и он, наконец, скажет своим односельчанам, выпрямившись во весь богатырский рост: «Дорогие товарищи, я тоже честно воевал!»

— Душа изболелась! — уже шепотом сказал Василий Иванович, стуча кулачищем в свою костлявую грудь.— Ведь это что же получается!.. Какими только словами они меня не обзывают. Одна вчерась назвала фашистской подметкой.

— Ну, как они «трудятся» под твоим руководством, полевод, я уже знаю,— засмеялся Александр Маркович,— сена вон сколько умудрился сгноить.

— А жалко, ведь жалко, Александр Маркович,— вздохнул старик,— ведь наше добро-то!

— Так ты, Иваныч, говоришь, много полицаев в селе?

— Набежали из Боровского района и других сел... Андрюха Попов сказывал, что вместе с гитлеровцами человек около трехсот.

После небольшого раздумья Александр Маркович спросил меня:

— Думаю к утру подтянуть сюда отряд, как ты на это смотришь?

Я согласился.

— Передавай привет писарю фашистской управы,— улыбнулся Александр Маркович, обнимая Гниевского.

— Андрею-то? Обязательно! Ведь он — это наши глаза и уши,— хитро подмигнул Гниевский.

2 февраля, еще задолго до рассвета, партизаны подошли и расположились на окраине села Красного Шахтера. Командир отряда объяснил бойцам задачу и обстановку.

— Мы не должны допустить расстрела наших советских граждан фашистскими варварами! Советские войска на подходе. Десятки километ-

ров отделяют их от села. Скоро освобождение! Надо уничтожить продажную свору фашистских наймитов. Мы это сделаем, товарищи партизаны, хотя противник во много раз превосходит нас численностью. Вперед, за свободу нашей Родины!

Партизаны пошли в атаку. Я повел часть бойцов к центру села. Салов со своей группой заходил с левого фланга. С первых же выстрелов полицаи и фашисты заметались в панике. Какой-то офицер пытался организовать оборону. Он подскакивал к солдатам, хватал их за воротники, пытаясь остановить, бил в лицо. Но паника продолжалась. Я со своей группой ворвался в сельскую управу. Хлопцы сорвали портрет Гитлера, искромсали кинжалами и выкинули в окно. Однако возле медучастка и школы враг оказал упорное сопротивление. В решительном броске нам удалось овладеть сельпо и медпунктом. Оккупанты вели бешеный огонь из клуба. Мы залегли. На нашей стороне было то преимущество, что мы внезапно напали. Враг не знал, много ли нас и потому его действия были скованы. Оккупанты еще отбивались, но уже через час остатки фашистов в панике отступили.

Враг был в сущности разбит, но сдаваться не хотел. Фашисты и полицаи сгруппировались на сельском кладбище и оттуда вели пулеметный огонь. По совету Александра Марковича я с группой бойцов подвинулся ближе. Наш пулеметчик Петр Андриенко, сильный паренек, стрелял из ручного пулемета на ходу, как из винтовки. Он по ярам подобрался вплотную к кладбищу и ударил с фланга.

Александр Маркович тем временем со своей группой остался добивать врага, засевшего в школе. Фашисты из домика рядом со школой, вели особенно меткий огонь. Александр Маркович решил взять этот домик штурмом. Он первый ринулся вперед и... вражеская пуля сразила командира. Оборвалась боевая жизнь нашего любимого товарища. А партизаны, мстя за гибель своего командира, ринулись с криком «ура!», забросали врага гранатами. Противник не выдержал напора и в беспорядке, бросая оружие, бежал.

Мы попрощались с командиром отряда, так как борьба продолжалась и, оставив гроб с телом у Гниевского, устремились на Изюм. На окраине города, в районе Гончаровки, мы преградили путь отступления бежавшим под натиском наших войск оккупантам.

5 февраля 1943 г. советские войска вступили в Изюм, гроб с телом командира мы на руках перенесли в районный центр и похоронили в парке.

Три года спустя по просьбе населения села Красный Шахтер, где тов. Салов был председателем колхоза «Шлях до соціалізму», гроб с останками командира был перевезен в село и похоронен там на площади.

Н. А. СОБОЛЕВ
Герой Советского Союза

СПАСИБО, ДЕВУШКА НАТАША!

Во время Великой Отечественной войны первый мой боевой вылет на самолете «Ильюшин-2» был 5 июля 1943 года. Совместно с товарищами я штурмовал вражеский аэродром на окраине Харькова. Вылет был очень тяжелым. На подходе к цели нашу группу самолетов атаковало большое количество истребителей противника. В воздушном бою я был тяжело ранен, а стрелок тов. Клековин убит.

Поврежденный самолет я вынужден был посадить на оккупированной территории, вблизи ХТЗ. При посадке потерял сознание, и меня подобрали гитлеровцы.

После короткого пребывания в немецком госпитале меня перевезли в больницу для военнопленных на улице Карла Маркса в помещении 13-й школы. Хочется тут сказать большое спасибо девушке по имени Наташа (фамилии ее не знаю). Она уделяла мне много внимания. Украдкой кормила меня, оказывала всякую медицинскую помощь, в чем я тогда после тяжелого ранения очень нуждался. Меня держали в изолированной комнате, куда Наташа пробиралась, рискуя жизнью.

Я лежал на жесткой койке и думал о том, какие же хорошие наши люди. Оккупация, угрозы, издевательства не сломили их любовь к советским воинам. Однажды, когда гитлеровцы кончили меня допрашивать

и ушли в другую комнату, я услышал приятный голос женщины. Она обратилась ко мне по имени. Ну, думаю, не все еще потеряно. А она со слезами на глазах сообщила, что немцы не оставляют меня в больнице, а куда-то увозят.

Помню, везли на повозке, а вслед шли люди и плакали. Я часто терял сознание и в таком состоянии снова попал в немецкий госпиталь. При операции мне хотели отнять нос. А ведь можно было его «пришить», что потом и сделали.

Примерно 11 июля привезли меня в госпиталь для военнопленных. Стало легче — появилась надежда бежать из плена. Кормили и лечили очень плохо. У фашистов и цели не было лечить советских воинов, особенно тяжело раненных. А легко раненных кое-как подлечивали и отправляли в Германию.

Обслуживающий персонал госпиталя в основном состоял из советских людей — медицинских работников, оставшихся в оккупации. Они оказывали всяческую помощь раненым. Врачи, сестры принимали все меры к тому, чтобы поскорее нас вылечить. Не было медикаментов, но патриоты доставали их и тайком приносили в госпиталь.

Харьковчане приносили нам и продукты. Около госпиталя часто собирались люди, оказавшиеся на временно оккупированной врагом территории.

Ко мне особенно чутко относилась Людмила Козлова — жена погибшего воина. Отрывая от своей семьи продукты, она приносила их мне.

6 августа из госпиталя мне удалось бежать, как и многим другим военнопленным. Помогла нам врач Валентина Федоровна Никитинская. Оказался я в гражданской больнице на площади Фейербаха. Сюда, рискуя жизнью, провожала меня Наталья Пименовна Протопопова. Она помогла спастись многим советским воинам. Наталья Пименовна вместе с Полиной Кузьминичной Давиденко приходили ко мне и в больницу. Друзья всячески старались выручить попавших в беду советских воинов.

В больнице особое внимание уделял мне профессор Землянский. Он делал это незаметно, и никто, кроме него, не знал, кто я такой. Когда стало опасно держать меня в больнице, добрые люди приютили на частной квартире. Здесь я и дождался прихода наших войск 23 августа 1943 года.

После освобождения Харькова вернулся в свою часть, продолжал службу в Красной Армии. Во многих боях участвовал, бил фашистов и в воздухе и на земле. За боевые заслуги присвоили мне звание Героя Советского Союза, вручили орден Ленина и Золотую Звезду. Награжден я также двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Александра Невского.

Двадцать лет минуло с тех пор, как шли жаркие бои за Харьков. Давно из руин и пепла поднялся город. Вырос он, похорошел. Новое

поколение харьковчан знает о гитлеровцах и черных днях оккупации лишь по книгам да по рассказам старших.

Советские люди борются за мир, строят коммунизм. Но не могут исчезнуть бесследно раны на сердце. Мы хорошо помним те грозные годы. И мы их не забудем, борясь за то, чтобы наши поколения не знали ужасов войны. Вот почему и мне вспомнились оккупированный фашистами Харьков и девушка Наташа, и все наши замечательные советские люди, не ставшие на колени перед врагом, боровшиеся с ним всеми способами.

ЛЮБОВЬ И МУЖЕСТВО

Под страхом смертной казни

Харьков захватили гитлеровцы. Тысячи советских патриотов погибли от рук палачей. Оккупированная территория покрылась густой сетью концентрационных лагерей. Голод и инфекционные болезни косили людей. Стонала Украина. За малейшее сочувствие партизанам фашисты беспощадно вешали, расстреливали. Особенно тяжелым было положение раненых и больных солдат и офицеров, оставшихся в тылу врага. Оккупанты запрещали оказывать им медицинскую помощь, они должны были сдаться в плен, явиться на сборные пункты.

Но велика любовь советских людей к защитникам Родины. Мужественные и отважные патриоты спасали их жизнь даже под страхом смертной казни.

К числу таких патриотов можно отнести медицинских работников 9-й больницы, которой руководил А. И. Мещанинов. Она была переполнена ранеными бойцами и офицерами Красной Армии. Всем им грозила смерть. Но врачи и профессор Мещанинов продолжали лечить их под видом гражданского населения. Ни один человек не попал в лагерь. Все впоследствии были выписаны и снабжены нужными документами.

Деятельность больничного коллектива не ограничивалась пределами своего учреждения.

В первые дни оккупации улицы города покрылись виселицами. Когда на Холодной Горе появился большой концентрационный лагерь, врачи подумали и о тех, кто томился в этом лагере. Там находилось до двадцати тысяч узников; их заставляли выполнять тяжелые физические работы. Единственной пищей их была гнилая конина, привезенная с поля боя, и небольшое количество испорченной крупы. Ночевали узники под открытым небом, в неотапливаемых камерах на каменном полу. Свирепствовали сыпной и брюшной тиф, дизентерия и другие болезни. Ежедневно вывозили оттуда до 400 трупов.

Не мог спокойно мириться с таким варварством случайно оставшийся на оккупированной территории профессор А. И. Мещанинов. Он заявил немецкому командованию решительный протест, сообщил, что если гитлеровцы не в силах снабжать заключенных, то население города соберет продовольствие и сумеет облегчить их горькую участь. Такой же протест заявили и врачи, находившиеся в лагере.

Томительно длинными были дни ожидания ответа гитлеровского командования. Обычно у них был один ответ — расстрел. Однако немцы не решились уничтожить профессора Мещанинова и других медицинских работников. Тут были две причины: решительный протест советского правительства, высказанный в печати против массового уничтожения советского народа на оккупированной территории, и, кроме всего, фашисты опасались убить ученого, пользовавшегося большой любовью, чтобы не вызвать всеобщего возмущения. Они разрешили посылать из лагеря часть больных и раненых в больницы Харькова, а заключенным врачам — организовать внутрилагерный «лазарет».

В 9-ю больницу сразу же была направлена большая группа раненых. Недоставало мест. А. И. Мещанинов организовал дополнительный госпиталь на базе 7-й поликлиники. Не хватало продуктов, простынь, одеял. Тут на помощь пришло население города и окрестных сел. Было собрано все необходимое.

Профессор А. И. Мещанинов организовал свое подсобное хозяйство, которое тоже во многом помогло решить проблему питания больных.

Для спасения попавших в беду воинов были использованы все методы лечения. Врачи и медицинские сестры, несмотря на полуголодное существование, отдавали для больных свою кровь. И если в лагере надежд на спасение почти не было, если там раненые содержались за каменными стенами с многорядными проволочными заграждениями, а усиленная немецкая охрана расстреливала при малейшем подозрении в попытке к бегству, то в 9-й больнице у бойцов была надежда не только вылечиться, но и вырваться из фашистского плена. И эта надежда довольно часто осуществлялась. За годы фашистской оккупации в стенах 9-й больницы излечилось более двух тысяч раненых и больных из лагеря и более двухсот человек спаслись бегством при помощи коллектива больницы.

За это всем больничным работникам грозил расстрел. Осенью 1942 года, например, когда немцы обнаружили групповой побег выздоравливающих раненых из 9-й больницы, только случайность, неожиданно быстрая замена немецкой охраны лагеря австрийцами спасла коллектив больницы от гибели.

Однажды, чтобы замести следы массового уничтожения советских людей в концентрационных лагерях, гитлеровцы пустили слух, будто бы на оккупированной территории высокая смертность объясняется тяжелой «русской болезнью», которую они никак не могут разгадать.

В ответ врачи-патриоты доказали, что так называемая «русская болезнь» есть не что иное, как голод, который в условиях физического перенапряжения и зверских истязаний давал огромную смертность. Это вынудило гитлеровцев несколько улучшить питание заключенных. Им стали выдавать небольшое количество хлеба и других продуктов.

Кто же были эти самоотверженные люди, которые в страшных условиях фашистского разгула помогали раненым советским воинам, всемерно старались облегчить их участь, спасли часть из них от фашистской неволи или уничтожения?

Это были советские патриоты, медицинские работники профессор А. И. Мещанинов, врачи П. С. Делевский, В. Ф. Никитинская, В. Ф. Центолович, М. А. Мещанинова, В. С. Воротинцев, заведующая лабораторией Е. А. Мещанинова, заведующая аптекой А. М. Зюзина, операционная сестра Т. В. Родионова, медсестры Е. А. Махмут, Н. Я. Семеренко, С. Б. Карпова, Л. В. Бонда, санитарки В. А. Ревенко, С. П. Кушнарева, рентгентехник В. Р. Шатилова и другие.

Советское правительство высоко оценило заслуги всех этих патриотов, удостоило их правительственных наград.

Следует в заключение отметить, что многие из спасенных советскими врачами воинов впоследствии стойко сражались против фашистских захватчиков, немало их было в рядах регулярной Красной Армии и в партизанских отрядах, а теперь они трудятся на заводах и фабриках, активно участвуют в построении коммунистического общества в нашей стране.

Р. К. СЕДОВ
Кандидат медицинских наук

Подвиг

При 6-й поликлинике Харькова в небольшом одноэтажном домике во время гитлеровской оккупации размещалось отделение госпиталя. В нем остались тяжело раненные воины Красной Армии, которых нельзя было увозить, трогать с места. Над ними нависла угроза смерти. Фашисты, конечно, их расстреляли бы. Надо было немедленно спасать людей. Мы посоветовались и спрятали всех в подвал поликлиники, а затем достали для них гражданскую одежду, перенесли и разместили на частных квартирах. И вот тут проявился героизм наших людей.

Рискуя собственной жизнью, они укрывали у себя раненых воинов, делились с ними последним куском хлеба.

Вот они эти патриоты: Ардемиса Кишишьян (мы ее называли Нюся), адрес Грековская ул., 12; У. П. Тимошенко — Холодногорский въезд, 13; М. П. Летучая — Грековская ул., 10; М. П. Лаптева — Цыгаревский пер., 40; И. Н. Зурнаджан — Рыбасовская ул., 30, и другие. Они совершили подлинный подвиг.

Вспоминаю такой эпизод. Мы перенесли последнего тяжело раненного в голову лейтенанта-артиллериста Николая Фоменко на Цыгаревский пер., 40, на квартиру М. П. Лаптевой. Только уложили его в кровать, как во дворе появились семеро эсэсовцев, вооруженных автоматами. Они вошли в квартиру, спросили: «Русиш зольдат есть?».

Я поняла — смерть. Откровенно говоря, сильно испугалась. Упала на кровать, заслонила собой раненого воина, закричала: «Это мой сын! Бомба разбила наш дом!» (Моя квартира действительно была накануне разрушена).

Тут же в комнате была Е. И. Шершавицкая, которая хорошо знала немецкий язык, она оказалась очень находчивой, спокойно объяснила эсэсовцам: «Видите ли, ее квартиру бомбой разбило, сына ранило в голову, а сама она сошла с ума».

Фашисты поверили, заглянули в ванну и пошли искать «русский зольдат» по сараям.

Николай Фоменко был спасен. А сколько еще таких тревожных дней пришлось пережить М. П. Лаптевой и другим патриотам!

Раненых лечили на дому. Время от времени врач П. К. Давыденко делал «обход», осматривал больных, назначал дальнейшее лечение. У постели тяжелораненых дежурили по очереди, доставали для них питание и обеспечивали гражданскими документами.

Много воинов было освобождено также из концлагеря для военнопленных. 27 апреля 1943 года, например, рано утром был налет нашей авиации на Харьков. В воздушном бою в районе Русские Тишки (возле

леса) был сбит наш самолет, а летчик тяжело ранен в ногу. Немцы захватили его в плен.

О сбитом советском самолете заговорил весь Харьков. Надо было попытаться узнать о судьбе летчика. В госпитале удалось встретиться с фельдшерицей Марией Яковлевной. До войны она работала в 6-й поликлинике. Я спросила, не привезли ли летчика. Она ответила, что есть такой. Назвала фамилию Булахов.

— А кто из врачей работает в этом госпитале?

— Никитинская.

Валентину Федоровну Никитинскую я хорошо знала. Мне дали халат, косынку, и я пошла как сотрудница госпиталя.

Поинтересовалась у Петра Булахова:

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Как может советский человек чувствовать себя в немецком плену? — с горькой усмешкой ответил он.

Я как бы не поняла его и снова спросила:

— Как ваше здоровье?

— Пусть бы нога в сто раз сильнее болела, лишь бы быть среди своих.

— Ну, вот что, хватит киснуть, вам могут помочь освободиться из плена.

Булахов с удивлением посмотрел на меня:

— А разве это возможно? — и попросил сходить в лес, туда, где подбили самолет.— Там остался мой товарищ стрелок. Его надо разыскать и спрятать.

При этом он дал пароль. Утром мы с Шурой Поддубной отправились на поиски. Нашли разбитый самолет. Осмотрели его. Пошли искать, исколесили весь лес, но безрезультатно. Видимо, воин уже далеко ушел, пробираясь к фронту.

На второй день я встретила врача В. Ф. Никитинскую, рассказала о разговоре с Булаховым и попросила ее помочь ему бежать. Та пообещала, но раненый летчик еще не мог передвигаться без костылей. Надо было его везти. Мы с Поддубной несколько раз подходили туда с тачкой, чтобы подхватить летчика, когда его выведут. А когда его вывели, мы как назло были без тачки. И тут нам повезло. Удалось нанять подводу. Вместе с Поддубной и 12-летним мальчиком Володей Кипишьяном, сыном Ардемисы Кишишьян, привезли Булахова к Моте Летучей на Грековскую, 10. Теперь он уже был вне опасности. Мы проведывали его, носили продукты, лечили до выздоровления. Но мы-то привезли и оставили, а М. Летучей пришлось немало передрожать за жизнь летчика и за свою жизнь. Ведь могли и донести, предать и тогда — виселица. Все же советская патриотка не дрогнула ни разу, даже тогда, когда эсэсовцы шныряли рядом. Это ли не подвиг?

А вот еще один случай. Летчик Николай Соболев впервые вылетел на боевое задание и был сбит. Получил ранение в лицо и глаз. Его захватили в плен и отправили в госпиталь концлагеря. Но так как у меня уже была договоренность с врачом Никитинской, она под тем предлогом, что Соболеву нужно сделать рентгеновский снимок, повела его в другой корпус. Дело было между сменами патрулей, Никитинская прихватила с собой еще шестерых пленных. Как только она вышла из проходной, я сразу переодела Соболева в гражданскую одежду (на проходной в это время дежурил свой человек И. П. Тимошенко) и повела его в железнодорожную больницу уже как гражданского больного. Через несколько дней мы пошли с врачом П. К. Давыденко навестить Соболева. Оказывается, что в больнице его опознал врач, который до этого осматривал его в лагере. Мы решили срочно забрать его из больницы и поместить на частную квартиру к одной старушке. И та не колеблясь взяла его, с риском для жизни добывала продукты, лекарства, иной раз ночей не спала, выхаживала больного воина.

С узлом гражданской одежды в руках приходилось ходить не только днем, но и ночью в запрещенное время. Был случай, когда врач Никитинская подготовила побег двух военнопленных советских офицеров: капитана-летчика Василия Зайцева, тяжело раненного в грудную клетку, и капитана-артиллериста Анатолия Семиренко. Побег должен был совершиться ночью, между двумя и тремя часами. Им предстояло пробраться через шесть рядов колючей проволоки и укрыться в подвале соседнего дома, а я к этому времени должна была принести им гражданскую одежду.

Я их не знала, и они меня не знали.

Подошла к подвалу, а окликнуть боюсь. Кто знает, что там ожидает, может быть, засада. Все же негромко окликнула по имени. Они, как и было условлено, назвали меня. С плеч словно семь пудов свалилось. Переоделись капитаны, а наступило утро — я пошла впереди, они сзади по обеим сторонам улицы. Устроила я их на частной квартире у М. П. Лаптевой.

Оба были спасены, оба вылечились.

С того времени прошло двадцать лет. И иногда посмотришь на медаль «Партизану Отечественной войны», которой меня и моих подруг П. К. Давыденко, А. В. Поддубную наградило Советское правительство, и опять все всплывет в памяти. До сих пор не могу забыть, с какой огромной волей стремился советский человек вырваться из плена, чтобы снова бить врага. Израненные, больные, они рисковали своей жизнью и все же бежали, вновь брали в руки оружие и громили озверелых гитлеровских захватчиков всюду — на фронтах войны, в партизанских отрядах. Громили, пока не пришел час окончательной победы.

Но еще с большим волнением вспоминаю я о мужестве простых советских людей, которые укрывали у себя раненых воинов. Какой несгибаемой волей и отвагой надо было обладать, чтобы под угрозой смерти спасать воинов.

Н. П. ПРОТОПОПОВА
Фельдшер

Долг врача

Мне не удалось эвакуироваться. Два раза получал по телефону приказ оставаться на месте до особого распоряжения, а третий раз обещали прислать машину, но не успели, Холодногорский мост был взорван, и связь с городом потеряна. Больница была переполнена ранеными. Продуктов нет. За местных жителей я не боялся, их накормят родные. А как быть с красноармейцами?

Выход один: обратиться к домохозяйкам. Заходил в дома, объяснял положение. Собирались соседки, отрывали от своей семьи, сообща варили и приносили пищу.

Персонал больницы работал не покладая рук. Операционная действовала круглые сутки. В коридорах — очереди. Раненые лежали, сидели, стояли. Особенно трудно было во время налетов. Тут уж работы хватало всем.

Не раз приходили гитлеровцы, спрашивали, кто лежит? Я отвечал, что это гражданская больница. К счастью, никто из персонала не выдал, не нашлось предателя, который захотел бы выслужиться перед немцами.

Вскоре стали прибывать и пленные. Холодногорская тюрьма превратилась в концентрационный лагерь. Она не отапливалась. Окна были выбиты. Наступили сильные морозы. Среди пленных смертность стала ужасающей. Ежедневно из тюрьмы вывозили фуры, наполненные трупами, а кто еще был жив, тех выгоняли на работу, обессиленных, голодных. Они падали, их били, а то и пристреливали.

Совесть требовала как-то помочь им. Но как? Решил пойти к коменданту лагеря. Пошел я вместе с дочерью Елизаветой (она говорила по-

немецки). Комендант удивился, когда я попросил у него разрешения кормить пленных.

— Как это вы сможете? — спросил он.

По правде говоря, я и сам не знал, как смогу, но комендант разрешил. Тогда я опять обратился к населению, сходил на рынок. Просил передать по селам о положении пленных.

И снова откликнулись наши героические женщины. Они приносили ко мне на квартиру кто что мог: картофель, бураки, разные крупы, махорку, иногда хлеб, редко сахар. Крупу мололи на кофейных мельницах. Сотрудница больницы М. И. Залеская пекла из этой крупы с примесью отрубей маленькие хлебцы. Варили бураки, картофель, вечером делали пакеты, и к выходу пленных на работу учительница Л. П. Маркова и Е. А. Мещанинова с повязками Красного Креста несли большие корзины к воротам лагеря. Часовые выстраивали пленных, раздавали еду.

Надо было видеть радость голодных продрогших людей, когда в их руки попадало что-то теплое, домашнее!

Но это было только начало. Откликнулась и деревня. Помощь стала солиднее. Привозили полные повозки продуктов, складывали в кладовой больницы. Заведовала ею М. Д. Корхова, помогали санитарки Л. Я. Полунина и другие. Мужественные пожилые женщины перебирали мерзлые овощи и продукты. Пальцы отекали, кожа трескалась. Целыми днями работали они в холодном помещении.

Мне удалось получить разрешение немецкого командования посылать желающих граждан по селам и там собирать продукты для пленных. Образовался филиал Красного Креста, который был скоро закрыт. Эта организация стала работать под названием «Допомога». Были добровольцы-ходоки, которые добирались до Богодухова и Ахтырки. Продуктов стало поступать еще больше. Это были главным образом картофель, бурак, морковь. Смертность намного сократилась.

Фронтовая полоса отодвинулась дальше. Власти разрешили отпускать раненых, если за ними приходят родственники. Сотрудники «Допомоги» использовали это. Л. П. Маркова и Т. В. Ровенская ходили по камерам и с разрешения начальника тюрьмы опрашивали пленных, составляли списки, принимали от пленных письма, так как почта не работала. Стали приходить женщины даже из отдаленных районов. В бюро справок узнавались фамилии пленных. Моя жена Н. А. Мещанинова и племянница Е. К. Дунчевская писали справки на украинском и немецком языках — по две справки на человека. Я подписывал, ставил печать. Одна справка оставалась в концлагере, другую ходоки несли в село, где удостоверяли, что действительно такой-то из данного села.

Это была большая работа. Ходоков было много, им не успевали писать справки. Удивительно и отрадно было то, что эти мужественные женщины редко находили своих, но они брали других. Нередко украинцы

брали пленных русских. Эти женщины проявили настоящий героизм: шли пешком зимой за десятки километров, чтобы выручить дорогого для них человека.

Как-то собралась большая партия пленных «инвалидов», которых комендант лагеря отпустил домой, но поставил условие непременно их сопровождать. Л. П. Маркова и Е. А. Мещанинова согласились на это. С трудом достали наряд на подводы, погрузили пленных и частью на подводах, частью пешком в зимнюю стужу двинулись за 150 километров от Харькова. Еле брели ослабевшие люди. В каждом селе их с радостью встречали, поили, кормили, оставляли у себя под видом родных.

В лагере среди пленных было много больных и раненых. Не хватало матрацев, люди валялись на цементном полу. В числе пленных были и врачи, а среди них — мужественный, энергичный врач-терапевт К. Р. Седов. Комендант лагеря поручил ему заведовать тюремным лазаретом. Огромную смертность среди пленных фашисты объясняли особой «русской болезнью». Седов не соглашался, доказывая, что смертность связана с дистрофией, которая является следствием голода. Настоял, чтобы выдали матрацы, а больных и раненых направили в больницу. Гитлеровцы вынуждены были выполнить это требование. Больных и главным образом раненых начали присылать в нашу 9-ю больницу. Быстро все койки были заполнены, мест не хватало. Тогда по моему и Седова настоянию разрешили открыть специальный госпиталь для раненых и пленных. После получения разрешения госпиталь на 150 коек был открыт в здании 7-й поликлиники на верхнем этаже. Начальником госпиталя был назначен хирург П. С. Делевский. Ординаторами были два пленных врача. Хозяйством заведовала М. Д. Корхова, помогала ей Л. Я. Полунина. Оборудование было жалкое, но все же пленные лежали на койках и за ними ухаживали свои люди. С апреля 1942 года до ноября через госпиталь прошло 550 человек. Ни один из них не вернулся в лагерь. Значительная часть бежала.

Под предлогом обслуживания госпиталя мы потребовали команду пленных. Они пилили дрова, косили сено, обрабатывали землю, полученную нами около Куряжа, завели огород. Эта команда жила в устроенных общежитиях. Работа на свежем воздухе и относительная свобода укрепляла здоровье пленных. Начались побеги. Благодаря К. Р. Седову, который приводил эту команду, побеги проходили незаметно. Когда же они приняли массовый характер, я получил предупреждение, что буду отвечать за это по закону военного времени. Немцы поняли, наконец, что 9-ю больницу превратить в концлагерь невозможно, поэтому перевели госпиталь в 1-ю больницу и в школу на улице К. Маркса. Доктор Р. К. Седов организовал в тюрьме подпольную организацию. Ее члены собирали разрозненные части пулеметов, прятали их в автоклавах. При отступлении гитлеровцы прислали отряд, чтобы угнать пленных. Его встретили пулеметным огнем.

Так работал персонал 9-й больницы в годы оккупации. Между прочим, наши врачи спасали не только раненых и пленных. Если приходили и здоровые люди, которым необходимо было перейти зону оккупации, им давали паспорта, которыми снабжала нас архитектор Т. Г. Новицкая, давали продукты на дорогу.

При 9-й больнице был радиоприемник, который раздобыла инженер Е. А. Родионова, дочь нашей фельдшерицы. Она перенесла его к себе на квартиру и по утрам принимала сводки Советского Информбюро. Надо отметить, что о ходе боев на Волге мы узнавали раньше, чем немецкие солдаты. Это придавало нам бодрость и веру в победу.

Удалось нашему коллективу избавить от ссылки в Германию много молодежи, особенно девушек. Обычно мы их принимали в больницу, якобы для операции аппендицита, а как только опасность проходила — выписывали. и те прятались, где могли.

А. И. МЕЩАНИНОВ
Профессор

Взрыв не состоялся

После того как в 1-й городской больнице организовали госпиталь для военнопленных из концлагеря, к нам стали присылать большое количество тяжело раненных и больных советских воинов. Я работала в должности заведующей хирургическим отделением. Вспоминается такой случай. Однажды мы собрались освободить двух раненых, которые уже поправились. Под предлогом неполного выздоровления я задержала их в госпитале. Вечером надо было переодеть их в гражданскую одежду и провести как своих сотрудников мимо часового. Но до вечера их надо было спрятать. Санитарка отвела их в подвал, там было много угля. В этом подвале пленные должны были просидеть несколько часов. Предполагалось, когда гитлеровцы уйдут и останется один часовой, санитарка с заранее приготовленными пропусками выйдет на улицу и отправит пленных на частную квартиру.

К сожалению, план наш не удался. Кто-то (так мы и не смогли выяснить, кто) донес о готовящемся побеге, и гитлеровцы стали искать этих раненых. Им, вероятно, указали, где искать, так как они пошли прямо в подвал. Пленных страшно избили и увезли в концлагерь.

Мы были очень взволнованы этим событием и предполагали, что доносчиками стали переводчицы (их было две в госпитале). Это были молодые девчонки, которые все свое свободное время проводили с гитлеровскими офицерами. В дальнейшем мы уже их опасались, и они совершенно ничего не знали о наших планах.

Человек двадцать раненых нам все же удалось освободить. Делалось это таким образом. Мы подавали властям сведения об одном или двух раненых, которые якобы умерли, тогда как в действительности они были живы и здоровы. Доверенные люди из сотрудников приносили гражданскую одежду, переодевали раненых, вручали им заранее приготовленные пропуска с немецкой печатью и выводили за ворота госпиталя. За углом на улице их уже ожидала женщина, через которую у нас поддерживалась связь с харьковским подпольем. А затем их либо переправляли через линию фронта, либо укрывали в городе.

Кто-то пронюхал и об этом. Донес немцам. Они начали строже следить, проверять количество живых раненых и умерших. И как раз в это время один из сотрудников госпиталя помог уйти двум военнопленным из терапевтического отделения, которым заведовал тов. Рахманов. Немецкий врач Штапель вызвал к себе терапевта, сделал выговор за то, что из его отделения убежали больные. Тот ответил, что его дело лечить, а не сторожить военнопленных. Немец пришел в ярость и застрелил врача тут же в кабинете.

Мы каждый день ожидали, что и нас постигнет та же участь. Но прекратить работу не могли. Сердце не позволяло. И хотя освобождать раненых становилось все труднее, все же освобождали. Для того чтобы дать военнопленному настоящий немецкий документ, с которым он свободно мог бы ходить по городу, не быть задержанным, надо было иметь подлинный бланк с немецкой свастикой. Такие бланки для выдачи сотрудникам секретарь госпиталя получала в городской комендатуре.

Число сотрудников менялось, поэтому приходилось часто ходить за пропусками. Все это мы и решили использовать.

Писарь-ефрейтор отпускал бланки по списку. Например, нужно было 50 штук. Он давал пачку пропусков и предлагал самой отсчитать нужное количество. Сначала я опасалась провокации и брала на один-два бланка больше. Если проверит, можно сказать, что ошиблась. Но ефрейтор был очень занят. К нему подходило много людей, и он не проверял, тогда я осмелела и стала брать по 10—12 бланков лишних. Таким образом, у нас всегда были запасные документы, которыми мы в любую минуту могли снабдить освобождаемых товарищей.

Секретарь сначала была удивлена моим услужливым предложением ходить за нее в комендатуру, но потом даже сама просила об этом. Дело в том, что я немного говорила по-немецки, а ей надо было обязательно брать с собой еще и переводчицу. Возможно даже, что она догадывалась, почему именно я хожу, но молчала. Я тоже ей ничего не объясняла.

В декабре 1942 года вернулся мой муж. Оказывается, он был в плену в одном из лагерей, и ему удалось бежать. С трудом добрался до Харькова. Переправить его через линию фронта у нас тогда не было никаких возможностей, связи с подпольем тоже прервались из-за арестов. Кто-то узнал мужа, донес, гестаповцы увезли его и вскоре расстреляли во рву возле Куряжа.

В феврале 1943 года, когда советские войска первый раз освобождали Харьков, в хирургическом отделении находилось 105 раненых, большинство с тяжелыми ожогами и ранениями ног, головы. Лежали в гипсовых повязках. Очень немногие могли с трудом сами передвигаться. Перед уходом фашистские изверги решили взорвать наш госпиталь вместе с ранеными. Они сняли охрану и начали подкладывать под углы здания взрывчатку. Желая спасти хотя бы часть раненых, медработники сказали тем, кто мог двигаться, чтобы они немедленно уходили из помещения. Многих выносили на носилках во двор, подальше от центрального здания.

Но времени оставалось мало и всех вынести было невозможно. До сих пор я не могу спокойно вспоминать эту картину, когда раненые воины в гипсовых повязках и на костылях ползли вниз со второго и третьего этажей. Спускаться по ступенькам они не могли, ложились на спину или на бок и скатывались вниз к выходу. Когда же остались только те, которых невозможно было вынести, снизу закричали: «Валентина Федоровна, уходите, сейчас будут взрывать!»

— Ой, доктор, не оставляйте нас, не уходите! — раздались надрывные крики раненых. Сердце мое сжалось. Я не могла их оставить, беспомощных, больных. Ходила по палатам, успокаивала, говорила, что это только паника, что взрыва не будет, а у самой, как говорится, душа была не на месте, я-то знала, что взрыв может произойти с минуты на минуту.

В таком напряженном состоянии прошло не помню сколько времени, как вдруг кто-то из сотрудников вбежал в госпиталь, радостно закричал:

— Уехали немцы. Взрыва не будет.

От нервной разрядки я только бессильно опустилась на стул и облегченно вздохнула.

Уже потом мне рассказали, что гитлеровцы подложили взрывчатку и уехали. Взорвать должны были другие части. Но как только немцы скрылись, наши работники унесли ящики со взрывчаткой.

В этот же день харьковчане, которые жили вблизи госпиталя, разобрали раненых по квартирам, а когда пришли наши войска, то многие из раненых вернулись в строй.

Спустя месяц мы снова оказались в немецкой оккупации. Но теперь уже мы имели опыт. Всех раненых, даже самых тяжелых, заранее вынесли из госпиталя, определили на частные квартиры.

Несмотря на объявления о том, что все, кто укрывает красноармейцев или партизан, будут повешены, а знающие об этом должны сообщить немецким властям, никто из тех, у кого мы поместили раненых, и никто из их соседей не стал предателем, не заявил немецким властям. Было отрадно, что вокруг нас столько хороших советских людей. Поступали новые раненые, и мы продолжали свою опасную работу.

Во время второй оккупации госпиталь для военнопленных организовали в школе напротив 1-й горбольницы. Рентгенкабинет был один на два госпиталя. Он находился в помещении 1-й горбольницы. Это тоже помогло нам освобождать раненых и пленных воинов. Немцы «милостиво» разрешали нам иногда пользоваться рентгенкабинетом. Мы укладывали больного на носилки, их несли санитарка и тот самый раненый, которого мы хотели освободить. Рядом шла операционная сестра. В руках у нее была металлическая коробка — бикс, предназначенный для стерилизации белья. На самом же деле там лежали ботинки и гражданский костюм. Я тоже шла на случай, если часовой вдруг что-либо спросит.

Как только мы заворачивали за угол, уходили из поля зрения часового, ставили носилки на землю, как будто отдохнуть, сестра заходила в соседний двор, где жили сотрудники нашей больницы, быстро вынимала костюм и ботинки, а больничный халат прятала в бикс. В рентгенкабинет больного несли уже санитарка с сестрой, а я с освобожденным уходила туда, где уже ожидала нас связная от подпольной организации.

Таким образом нам удалось освободить несколько десятков человек.

Как у нас наладилась связь с подпольной организацией?

Однажды (не помню точно времени) к госпиталю подошла женщина, дождалась, пока я закончила работу, и, пройдя за мной квартал, сказала, что хочет поговорить со мной от имени группы людей, которые помогают устраиваться в городе военнопленным. Она, мол, знает, что я помогаю бежать раненым, но, чтобы это не носило характер какой-то самодеятельности, надо действовать более организованно.

Сначала я испугалась, подумала, не провокация ли это, и категорически отказалась отвечать. Но в душе у меня шевельнулось чувство радости. Если действительно эта женщина связная от какой-то организации, то это как раз то, что нам надо. Ведь чем дальше, тем труднее было устраивать освобожденных.

Женщина являлась еще несколько раз. Наконец я решила ей довериться и передала одного освобожденного. Все прошло гладко. В дальнейшем я уже не задумывалась, куда отправить военнопленного. Заботилась только о том, чтобы освободить его.

В августе 1943 года, когда Советская Армия была на подступах к Харькову, немцы решили вывезти раненых за город и там уничтожить. Мы же решили во что бы то ни стало спасти их. Как только немцы заявили, чтобы мы подготовили раненых к эвакуации, и сняли свою охрану, мы немедленно начали разводить раненых по окружающим дворам. Откуда-то появились сотни женщин, прося дать им раненых. За какой-нибудь час мы роздали всех, кто мог ходить, а остальных унесли на носилках.

В. Ф. ТРУФАНОВА
Врач

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ХАРЬКОВЩИНЫ

П. Н. ШИРОНИН

Герой Советского Союза,
бывший командир взвода
78-го гвардейского стрелкового полка

МЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ!

Наша часть с тяжелыми боями продвигалась на Запад, очищая от врага Советскую землю. Батальоны и полки, понесшие значительный урон в боевой силе и технике, шли по бездорожью, но ничто не могло остановить наступательного порыва. Сердца советских воинов были преисполнены ненавистью к фашистским захватчикам за сожженные города и села, разрушенные фабрики и заводы, за погибших детей, стариков и женщин, поруганную и истоптанную вражеским сапогом нашу родную украинскую землю. Мы непоколебимо верили в нашу победу, в то, что полностью очистим родную страну от фашистских захватчиков.

В конце февраля 1943 года немецкое командование, накопив резервы, двинуло на Харьков крупные танковые и мотомеханизированные части. Оторванные от своих тылов и резервов, наши войска оказывали решительное сопротивление, но вынуждены были отходить, неся большие потери в живой силе и технике. Возникла угроза обхода советских войск с флангов и окружения. Командование стало принимать меры к тому, чтобы оторваться от противника, занять новые оборонительные рубежи и не пропустить фашистские войска через Северный Донец. Вот тогда-то и было принято решение сосредоточить по всем магистралям, ведущим

к Харькову, небольшие усиленные группы, завязать на этих магистралях бои и сорвать планы немецкого командования.

Одним из таких опорных пунктов было село Тарановка Змиевского района. Его оборонял 78-й гвардейский стрелковый полк. Взводу, которым я командовал, было поручено оборонять железнодорожный переезд южнее Тарановки. Нас усилили противотанковой пушкой, пулеметами и гранатами. Перед нами была поставлена задача завязать бой с немецкими танками. Воины поклялись умереть, но не пропустить врага.

Из донесений разведки было известно, что в направлении Тарановки движется большая группа немецких танков, бронемашин, самоходных пушек, за которыми идет пехота. Изучив местность, мы разделились на группы, определили задачу каждой группы. Особенные надежды мы возлагали на противотанковую пушку сержанта С. В. Нечипуренко, на отделение гранатометчиков старшего сержанта И. Г. Вернигоренко и автоматчиков старшего сержанта А. П. Болтушкина. Подготовив оборону, донесли командованию о своей боевой готовности.

Враг не заставил себя ждать.

Пасмурным утром 3 марта 1943 года немецкие бомбардировщики несколькими волнами сбросили свой смертоносный груз на беззащитную станцию Беспаловка, обстреляли ее из пулеметов. Станция и окраины села горели.

Около 7 часов утра послышался гул моторов. Наш наблюдатель доносил, что движется 20 танков, 15 бронемашин, 2 самоходные пушки и около тысячи солдат.

Не ожидая серьезного сопротивления, немцы шли походной колонной с открытыми люками танков. Время от времени раздавалась пулеметная и автоматная стрельба. Притаившийся взвод молчал. Но вот противник подошел к нашим позициям. Я приказал подбить ведущий и замыкающий танки. Запылали немецкие машины. Во вражеской колонне поднялась паника, неразбериха, их снаряды не достигали цели. А наша пушка своим огнем выводила из строя один за другим немецкие танки. Фашисты вышли из боя, оставив перед позициями взвода семь пораженных машин. В этом бою был тяжело ранен старшина С. Г. Зимин, прострелили и мне правую руку.

Победа над танками воодушевила нас. Но теперь немцы сосредоточили свой огонь по нашей позиции. Вторую танковую атаку они начали развернутым фронтом. Мы стали нести потери.

Обойдя нашу единственную пушку, немцы перебили ее боевой расчет и раздавили гусеницами танка. Так погибли наши товарищи из отделения С. В. Нечипуренко.

Видя неминуемую гибель наших стрелков, старший сержант И. Г. Вернигоренко со своими гранатометчиками приготовился к схватке. Когда танки подошли вплотную, он бросился к одному из них и метким огнем

подбил его. Взрывная волна отбросила израненное тело воина. Мы думали, что он погиб. Солдаты, следуя примеру Вернигоренко, подбили еще несколько танков.

Противник вынужден был отступить.

Артиллерийский наблюдатель, находившийся на колокольне в центре села Тарановки, указал полковой артиллерии расположение танков и через наши головы полетели снаряды, отсекающие нас от противника.

Взвод наш поредел, осталось человек 10—11. Под прикрытием самоходной пушки двинулась на нас немецкая пехота. Силы иссякали. Смертью храбрых погиб старший сержант А. П. Болтушкин. Почти все солдаты были ранены. Я был еще два раза тяжело ранен. Мой связной рядовой Петр Шкодин взял у меня последнюю противотанковую гранату и пополз к самоходной пушке врага. Метким броском он подбил ее, но и сам погиб смертью героя.

Встреченные залповым огнем и гранатами гитлеровцы отошли от позиций, оставив у наших окопов более ста солдат и офицеров убитыми.

Наша артиллерия усилила огонь. Вскоре бой прекратился. На позициях взвода наступила тишина. Закованный в броню враг не прошел. Горсточка советских солдат выстояла.

Перед позициями взвода догорало 13 танков, две самоходные пушки и бронемашина.

В этом неравном бою смертью героев погибло двадцать наших боевых товарищей.

Пусть же их имена служат для советских людей символом нерушимой дружбы, товарищеской взаимопомощи и примером беззаветной преданности нашей великой Родине.

Пять человек, оставшиеся в живых, были тяжело ранены и попали в разные госпитали.

Родина высоко оценила наш ратный труд. Всем 25 гвардейцам взвода было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

И. Г. ВЕРНИГОРЕНКО
Герой Советского Союза

КРОВЬ НЕДАРОМ ПРОЛИТА

В боях у села Тарановки я командовал третьим отделением. Мне было поручено занять переезд у станции Беспаловки, который был включен в район обороны Тарановки. Задача была одна из сложнейших, но она была понятна каждому бойцу, и солдаты готовились к бою. Всю ночь копали окопы, все глубже уходили в землю, получше маскировали свои позиции.

Стало светать. Было тихо-тихо. Но эта таинственная тишина была перед бурей.

Над нами пролетел самолет-разведчик. А через полчаса появились бомбардировщики. В районе Тарановка — Змиев они подняли вверх столбы дыма и скрылись. Вскоре с бугра стала спускаться колонна бронированных машин, а за нею пехота. Наш взвод вступил в неравный бой. Прямой наводкой зажег вражеский танк расчет противотанковой пушки — Иван Букаев и Александр Тюрин. Под другой я бросил гранату. Но вот мчится третий танк, он стремится перескочить через переезд. Встав во весь рост и подняв над головой гранаты, гвардии сержант Василий Грудинин бросил их в сторону вражеской машины, а когда увидел, что танк продолжает двигаться, коммунист Грудинин сам бросился под машину.

Так смертью храбрых одним из первых в этом неравном бою погиб гвардии сержант Грудинин.

А вражеские танки все напирали. Вышел из строя расчет нашего орудия. К нему стал коммунист Сергей Нечипуренко. Орудие снова заработало. Был подбит еще один танк. Так мы выдержали первую атаку. Потеряв в этом бою 4 машины, враг отступил. Но и наши ряды поредели. От вражеской пули пал коммунист Андрей Скворцов. Ранен в руку был командир взвода Широнин. Лишились гвардейцы и единственного орудия.

Вскоре фашисты ринулись снова к переезду. Он был им нужен, чтобы овладеть селом Тарановкой. И опять завязался неравный бой. Совсем близко от наших окопов стоял подбитый танк, но он непрерывно строчил из пулемета. Я не удержался, выскочил из своего окопа и в один миг оказался у танка, схватил кусок разбитой гусеницы и сильно ударил им по стволу пулемета. Огонь прекратился. Вторая атака фашистов также не удалась.

Гитлеровцы пошли в третью атаку. Теперь они двинули около двух десятков танков. Огонь вели с ходу. Один из снарядов угодил в наблюдательный пункт командира взвода. В третий раз лейтенант Широнин был ранен, потерял сознание. Контузило и меня от сильного взрыва гранаты, которую я бросил под вражеский танк.

Уже позже после излечения в госпитале я узнал, что два наших смелых товарища Александр Болтушкин и Василий Павлов во время третьей атаки поползли к фашистским танкам, подбили два из них, но сами пали смертью героев.

Пять суток бились гитлеровцы за переезд, но пройти его не смогли и отступили. Дорого обошлась фашистским захватчикам попытка прорваться в Тарановку. На полях сражения они оставили 11 танков, 6 бронетранспортеров, много солдат и офицеров. Взвод с честью выполнил боевую задачу. Но из 25 гвардейцев после этого боя остались в живых только пятеро — командир взвода Петр Николаевич Широнин, Александр Федорович Торопов, Иван Прокофьевич Букаев, Александр Николаевич Тюрин и я. Долгое время меня считали погибшим в боях под Тарановкой. Вот почему и было мне присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Но через несколько месяцев я поехал в Москву и там мне вручили орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

После выздоровления я работал на восстановлении шахт, был председателем колхоза в родном селе, а сейчас — мастером на шахте № 1 в г. Новошахтинске.

В 1961 году в день Победы я посетил село Тарановку, принял участие в многолюдном митинге на братской могиле, осмотрел хозяйство колхоза, расцветающего на обновленной земле. Приятно и радостно было сознавать, что кровь наша недаром пролита, что в счастье и радости живут советские люди и не забывают подвиг героев-широнинцев, совершенный в боях за Советскую Родину.

И. П. БУКАЕВ
Герой Советского Союза

ПОБЕДА БЫЛА НЕЛЕГКОЙ

Взвод готовился к обороне.

— Задача стоит перед нами трудная и ответственная,— говорил нам лейтенант П. Н. Широнин.— По данным разведки, против нас брошены крупные силы немцев. Но командование верит нам, оно знает, что мы умрем, но не сдадим своих рубежей.

Я внимательно слушал лейтенанта. За полтора месяца службы в первом взводе я хорошо узнал этого смелого отважного командира, своих товарищей-бойцов, горячо любящих родину и глубоко ненавидящих фашистов. Суровыми были лица солдат, когда они проходили по разрушенным городам и селам Донбасса.

— Ну, гады,— гневно говорили солдаты,— доберемся мы еще и до вашего змеиного логова.

Каждый верил, что дойдет до Берлина, а затем вернется домой и начнет строить новую жизнь еще прекраснее, еще красивее прежней. И столько было грозной силы в каждом солдате, столько ненависти к врагу, что, казалось, один боец готов сражаться против батальона немцев. Я вспоминал беспримерный подвиг защитников города на Волге, раненых бойцов, которые не желали эвакуироваться, а оставались в боевых рядах. И вот сейчас, когда я после ранения прибыл в первый стрелковый взвод, к лейтенанту Широнину, то и здесь встретил таких же

смелых и отважных воинов. Поэтому я искренне поверил в слова командира, что мы выстоим, задержим противника.

Считая шоссе танкоопасным местом, лейтенант отдал приказ установить пушку А. Н. Тюрина под стеной разбитого дома, а у его обочины отрыть стрелковые ячейки.

— Поторапливайтесь, товарищи,— говорил Широнин, указывая места и ориентиры отделениям.— Противника лучше ждать в земле, чем за кочкой. От подготовки зависит успех обороны.

Окапывались мы и с утра следующего дня. Ничто не нарушало мирной тишины. Казалось, война прошла стороной. Даже гул артиллерийской канонады походил на далекие раскаты грома. Таким же тихим и спокойным было раннее утро 3 марта. Но вскоре тишину нарушил рокот мотора. Все с напряжением всматривались в хмурое небо. И вот среди беспорядочно громоздившихся туч мелькнул силуэт самолета-разведчика. Снизившись и покружив над нами, Ю-88 ушел вдоль линии железной дороги. Через несколько минут послышался гул бомбардировщиков, самолеты летели двумя эшелонами — по восемнадцать в каждом. Впереди желтый «юнкерс» с черными крестами на плоскостях и свастикой на фюзеляже. Пройдя на бреющем полете над окопами, он круто взмыл вверх и ушел в сторону. Первый эшелон заходил на бомбежку. Тягучий вой сирен невольно заставлял прижимать голову. Первые бомбы пролетели окопы и разорвались далеко в стороне, не причинив никакого вреда. Заход первого эшелона был неудачен.

— Нагнали на вас страха, так вы и бомбить разучились, руки дрожат,— пошутил мой сосед из окопа слева.— А нет ли у тебя, браток, на добрую цигарочку табачку? — вдруг обратился он ко мне.— Скучно слушать эту симфонию. С цигарочкой как-то веселее, да и некогда потом будет покурить...

Близкий взрыв целой серии крупных бомб заставил нас нырнуть на самое дно окопов. Рев моторов, вой сирен и близкие разрывы слились в единый сплошной гул. Земля вздрагивала. Осыпались стенки наших убежищ. Погиб боец из расчета А. Н. Тюрина, другой был контужен. Но этим массовым налетом фашисты не добились своей цели. Сделав несколько заходов, самолеты ушли.

Но не успел затихнуть гул авиационных моторов, как до нашего слуха донесся новый, поднимающийся от земли рокот. Из-за пригорка показались две самоходки, за ними шли танки. Шли они клином, соблюдая равнение, как на параде. Двигаясь, не снижая скорости, они надеялись, видимо, ошеломить наших бойцов и посеять панику.

— Нечипуренко! — раздался спокойный голос Широнина.— Помогайте Тюрину, бейте их прямой наводкой!

— Есть, бить прямой наводкой! — ответил сержант и, пригибаясь, побежал к замаскированной пушке.

Все так же, не снижая скорости и не ломая равнения, на наши окопы неслись танки, а следом за ними две бронемашины.

— Приготовить гранаты! — приказал командир.

Я начал готовить связку. Сбоку вела огонь наша пушка. Стальные чудовища, изрыгая на ходу огонь и металл, упорно шли на окопы, поливали их свинцом из своих пулеметов. Вслед за ними, пригибаясь и стреляя на ходу из автоматов, бежала вражеская пехота. Но вдруг у гусениц первой самоходки вырос столб земли и огня. Стальная громадина дрогнула и, пройдя по инерции еще несколько метров, застыла на месте. «Молодец, Тюрин,— подумал я.— Бей их, гадов!» Бойцы стреляли по смотровым щелям, мешая противнику вести прицельный огонь. Снаряды, которые один за другим посылала наша пушка, ложились в центре колонны наступающих танков.

Гибель первой самоходки внесла замешательство в ряды противника. Они остановились, как бы раздумывая, после чего второе самоходное орудие круто повернуло и пошло назад. Не пошли дальше и танки. Они, рассыпавшись по степи, вели методический обстрел наших позиций. Разгоряченные боем и окрыленные первой победой, мы не заметили, как, скрывшись за железнодорожной насыпью и под ее прикрытием, вторая самоходка зашла к нам в тыл.

— Смотри, сзади самоходка! — прокричал охрипшим голосом Широнин.— Не подпускай ее к окопам!

Я оглянулся. Перевалив через железнодорожную насыпь, плавно покачиваясь на неровностях почвы, к нашим окопам неслась на полной скорости смертоносная машина. Рядовой Скворцов, выпрыгнув из окопа со связкой гранат в руке, бросился ей наперерез. Пробежав несколько десятков метров, он упал, по-видимому, раненный из пулемета. Но лежал Скворцов лишь какое-то мгновение. Неуклюже повернувшись на бок и сжимая в правой руке связку гранат, он продолжал упорно ползти вперед. Вражеские танки, усилив огонь, вновь двинулись в лоб. За ними поднялась залегшая пехота. Я не видел, как погиб под гусеницами вражеской машины наш боевой товарищ. Я мог только догадываться об этом. Вражеские танки и пехота повернули поспешно назад. Возле наших окопов неподвижно стояли две вражеских самоходки и валялось несколько десятков трупов немецких солдат.

Несмотря на ранение, лейтенант Широнин продолжал так же спокойно и умело руководить боем. Во время короткого затишья он обошел окопы, говорил с бойцами, подбадривал их. Спокойствие и уверенность нашего командира подняли дух солдат. Послышался оживленный разговор, шутки.

— Главное — берегите себя,— говорил Широнин.— На каждого из нас приходятся десятки врагов, на каждых трех — по танку. Погибнуть в бою — небольшая мудрость, а выжить и победить — вот наша задача.

Вскоре началась вторая атака. Послышалась команда:

— Отсекай пехоту от танков! Бей по смотровым щелям!

Ружейно-пулеметный огонь наших бойцов заставил залечь вражеских солдат, но танки продолжали упорно двигаться. Пошли в ход гранаты. Наше третье отделение находилось несколько в стороне от направления движения танков, вело отсекающий огонь по вражеской пехоте, лишая ее возможности под прикрытием танков ворваться в наши окопы. Но и отделение несло большие потери. Танки подходили все ближе. Дрожала земля, осыпались стенки окопов. Сквозь рев моторов, лязг гусениц и сухую трескотню винтовочных выстрелов до меня донесся крик:

— Болтушкин побежал к танку!

Я оглянулся, услышал взрыв и увидел накренившийся танк. Слава тебе, герой Болтушкин!

Дальше все шло, как в тяжелом сне. Еще кто-то бросился под танк, кто-то со злобой кричал:

— Сволочи, не возьмете! Это вам, гады, за Болтушкина, а это за Скворцова! — Каждое проклятие сопровождалось взрывом гранат.

Прислонившись к передней стенке окопа и уронив голову на бруствер, навеки замер С. Г. Зимин, сраженный вражеской пулей. Крепко сжав похолодевшими руками винтовку, лежал молодой боец П. Т. Шкодин.

Вражеские танкисты, видно, не решились отрываться от залегшей пехоты и отошли назад, оставив несколько подбитых машин. Но не успели мы вытереть потные лица, как танки пошли в третью атаку.

— Держитесь, товарищи! — снова прокричал Широнин.— Скоро придет подкрепление! Бейте только наверняка!

И мы били! Каждый из нас делал все, чтобы только не пропустить противника, не дать ему прорваться через наши рубежи, не открыть дорогу на Харьков.

Сколько часов длился бой, не помню. Знаю, что в третьей атаке наша пушка молчала. Разорвавшийся неподалеку снаряд контузил и отбросил Тюрина в сторону. Оглушенный С. В. Нечипуренко сам начал разворачивать пушку на приближающийся танк. Но не успел. Он был раздавлен вместе с орудием гусеницами фашистской машины. Был завален обрушившейся стеной и лейтенант Широнин. В разгар третьей атаки я почувствовал, что мне что-то обожгло левую руку немного выше кисти. Но не сразу обратил на это внимание. И только тогда, когда оставшиеся танки повернули назад, а вслед за ними поспешно побежали остатки пехоты, я заметил, что ранен.

Оглянулся. Сзади развернутой цепью, короткими перебежками шла наша пехота. «Подкрепление!» — обрадовался я. Выбрался из наполовину обвалившегося окопа, осмотрелся. Кругом только горы трупов да

обгоревшие остовы фашистских танков. «Неужели я остался один из всего взвода?» — пронзила меня страшная мысль. Да, никого наших не было видно. Я пошел навстречу наступавшим частям. Мне сделали перевязку и отправили в тыл. Значительно позже я узнал, что лейтенант Широнин, наш боевой друг и командир, был откопан и остался жив. Остались в живых также А. Н. Тюрин, И. Г. Вернигоренко и А. Ф. Торопов.

Я был направлен в гвардейский кавалерийский корпус. Принимал с ним участие в Курской битве, участвовал в освобождении Полесья, прошел до Берлина.

Двадцать лет минуло со времени тяжелого боя в селе Тарановке. Многое позабылось с тех пор, забылись некоторые детали боя. Но никогда не померкнет память о тех, кто не может сейчас разделить с нами радость мирной счастливой жизни.

А. Н. ТЮРИН
Герой Советского Союза

ВЕРНЫЕ РОДИНЕ

К сражению в селе Тарановке, Змиевского района, наш взвод, которым командовал лейтенант Петр Николаевич Широнин, пришел закаленным во многих боях, накопив опыт, мастерство. Тяжелые бои вели мы в районе Белгорода. Немцы укрепились на высотах, а нам пришлось наступать по открытой равнине. Но смелость, отвага и бесстрашие солдат и офицеров заставили врага оставить Белгород. Нами было захвачено большое количество боевой техники и боеприпасов.

В Тарановке мы продолжительное время были в разведке. Нашей основной задачей было обнаружение огневых позиций врага. Для этого обычно командир взвода лейтенант Широнин приказывал обстреливать позиции врага из 82-миллиметрового миномета, установленного в передней траншее. Немцы, обнаружив миномет, открывали по нему огонь из орудий, а разведчики Букаев, Крупенко и я в это время засекали огневые точки и наносили их на карту. Меняя огневую позицию вдоль линии фронта, командир вызывал огонь все новых и новых батарей противника, а пока они открывали огонь, Широнин с бойцами был уже в другом месте.

Разведав огневые точки врага, после мощного артиллерийского обстрела наша часть начинала наступление. Немцы цеплялись здесь за каждый рубеж, переходили в контратаки.

По шуму моторов разведчики установили, что противник накапливает танки. Для отражения танковой атаки нам дали противотанковые пушки, которые мы тщательно замаскировали. Утром пехота противника при поддержке танков и самоходных пушек перешла в атаку. Букаев, я и другие бойцы огнем из автоматов и пулеметов заставили пехоту противника залечь. Были подбиты два танка и одна самоходка. Атака немцев захлебнулась. В этом бою осколком снаряда меня тяжело ранило в грудь. Я был подобран на поле боя и отправлен в госпиталь.

А. В. ЧАПАЕВ

Бывший командир полка
16-й истребительно-противотанковой
артиллерийской бригады*

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Мне не пришлось участвовать в боях за окончательное освобождение Харькова от фашистских захватчиков. В битве на Курской дуге я был ранен и в тяжелом состоянии вывезен самолетом в Москву. Но освобождение Харькова для меня было особенно дорого и близко. Ведь я сражался за Харьков в феврале 1943 года при первом его взятии. Все мы тогда с глубокой болью в сердце пережили горечь вынужденного отступления.

О боях за Харьков зимнего периода я и хочу рассказать.

16-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, в которой я командовал полком, действовала в составе войск 40-й армии. В конце января мы совместно с другими частями были срочно переброшены на Харьковское направление. Наш путь лежал на город Корочу.

Противник, терпя поражение, нес большие потери в живой силе и технике. Наши войска истребили тогда немало фашистов.

В условиях непрерывных боев, упорного сопротивления противника и суровой зимы нелегко было и наступавшим. В глубоком снегу застревали машины, отставали тылы. Но советские воины не знали устали. Зачастую без сна и отдыха они шли вперед и вперед.

У артиллеристов была своя забота — не отставать с орудиями от

* А. В. Чапаев, сын легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева.

пехоты. Противотанковые пушки приходилось иногда устанавливать на деревенские сани-розвальни и двигаться целиной на лошадях.

Выйдя на Харьковское направление, части 40-й армии, преодолевая сопротивление противника, в начале февраля овладели городом Короча.

Бои были напряженные. Из эпизодов этого периода сражений за Харьков мне особенно запомнился один.

Гитлеровцы крепко держались за населенный пункт. Батальон противотанковых ружей нашей бригады и рота автоматчиков вели бой. Мне было приказано поддержать их артиллерией. Сначала я отправил одну высвободившуюся батарею, затем вторую, а вслед выехал и сам. Не доезжая километра полтора до батальона, увидел картину только что минувшего столкновения батареи с противником. У дороги лежало несколько убитых наших бойцов, а слева от дороги метрах в двухстах — до полсотни уничтоженных гитлеровцев.

Что же произошло здесь? Об этом я узнал, когда прибыл в батальон.

Фашисты, выбитые из населенного пункта, пытались захватить его вновь. Для этого предприняли контратаку с фронта и одновременно послали лощиной до 200 лыжников. Выйдя в тыл нашему батальону, они и столкнулись с подходившей на помощь батареей. Первым изготовилось и открыло огонь орудие сержанта Коваленко, который принял командование на себя. Затем ударили по врагу и остальные орудия. Гитлеровцы, попытавшиеся расстрелять батарею, пока она изготовится к бою, встретили достойный отпор. Одни лыжники были уничтожены, другие рассеяны. Контратака противника с фронта также была отбита.

Тесня фашистов на фланге, обходя его очаги сопротивления, наши части стали продвигаться вперед. Перед селом Пятихатки артиллеристы столкнулись с танками и автоматчиками. Обходить село целиной по глубокому снегу на машинах нельзя. Мы могли отстать, потерять время. Решили с ходу атаковать противника. Пушки били прямой наводкой по танкам в Пятихатках, а все занятые у орудий люди с противотанковыми ружьями и автоматами атаковали село с двух сторон. Пятихатки были освобождены. Продолжая наступательные бои, воины нашей бригады к утру 16 февраля вошли в Харьков. Несмотря на ранний час, население высыпало на улицы. Бойцов обнимали, целовали. Люди плакали и смеялись от радости, не давая нам двигаться дальше. Встреча была исключительно трогательной.

А город выглядел мрачно. На площади Дзержинского стояли коробки обгоревших зданий. Некоторые дома горели. Улицы завалены не убиравшимся грязным снегом. Харьков был без света и воды.

Несмотря на большие трудности, связанные с отсутствием необходимых резервов, боеприпасов, несмотря на сильную усталость, настроение у наших солдат и офицеров было боевое. Все полны были решимости выполнить свой долг до конца.

Людвик СВОБОДА
Генерал армии

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Чехословацкое государство одно из первых в Европе подверглось нападению фашистской Германии. И наш народ еще в те тяжелые дни сентября 1938 года был готов дать отпор гитлеровским оккупантам. Мы имели все необходимые условия для защиты своей республики. Тем более Советский Союз изъявил готовность помочь нам в борьбе с врагом.

Но измена бывшего президента Э. Бенеша и его правительства привела к потере свободы и самостоятельности Чехословакии. Вместо того, чтобы принять предлагаемую военную помощь от Советского Союза и опереться на отважный чехословацкий народ и его армию и тем самым защитить республику, президент и правительство позорно капитулировали перед Гитлером. Они, изменив народу, без согласования с парламентом пошли против закона и конституции — отдали большую часть чехословацкой территории вместе с населением в жертву фашистской Германии. Президент Бенеш со своим правительством (при полном согласии как чехословацкой, так и мировой буржуазии) без боя отдал Гитлеру Чехословакию и тем самым расчистил путь фашизму к развязыванию войны против Советского Союза.

После мюнхенского сговора в марте 1939 года Чехословакия была полностью оккупирована. Пришли черные дни шестилетнего рабства, шесть лет грабежей и унижения Чехословакии, шесть долгих лет тюрем,

мучений и убийств лучших сынов и дочерей нашего народа. Около 360 000 чехов и словаков было замучено и убито в гитлеровских тюрьмах и концлагерях.

Истреблять чешский и словацкий народы гитлеровским насильникам помогали все главные империалистические страны. Бывшие английское и французское правительства с благословения правительства США разорвали с Чехословакией свои союзнические договоры и тем самым способствовали ее порабощению фашистской Германией.

Сложившаяся обстановка заставила тысячи чехов и словаков покинуть свои дома и уйти за границу, чтобы там опять взять в руки оружие и бороться против фашизма за освобождение и самостоятельность своего народа. Некоторым удалось выехать в Советский Союз, куда они отправлялись с полной уверенностью, что оттуда будут иметь возможность вести более активную борьбу с фашистской чумой. Многие солдаты, не пожелавшие сложить свое оружие во время Мюнхена, переходили в Польшу. Однако эмигрантское чехословацкое правительство не хотело, чтобы в Польше была создана большая воинская часть. Ведь она могла бы перейти из Польши в СССР.

* * *

Значительная военная группа все же сумела перейти на территорию Советского Союза. Здесь она была сердечно и дружелюбно принята советским народом и представителями Советской власти.

Советское правительство оказало нам большую помощь, создав для нашего пребывания в СССР все необходимые условия. Однако чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне принимало меры для ликвидации военных формирований в СССР. По неоднократному настоянию со стороны правительства и лично президента Бенеша значительная часть людей из чехословацкой военной группы была переброшена из СССР во Францию и на Средний Восток. Из 900 добровольцев, которые прибыли из Польши в СССР осталось всего 93 солдата, сержанта и офицера. Эта группа впоследствии и стала ядром командных кадров чехословацкой воинской части в СССР.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз привело не только к усилению освободительной борьбы порабощенных народов Европы, но, в частности, и к созданию чехословацкой воинской части на территории наших лучших и самых верных друзей.

18 июля 1941 года произошло исключительно важное событие, имеющее большое политическое значение для национально-освободительной борьбы чехословацкого народа. В этот день по инициативе Советского правительства между СССР и Чехословакией было подписано Соглашение о совместной борьбе против фашистской Германии.

Этот акт показал всему миру, что Чехословакия вступила в антигитлеровскую коалицию и развернула решительную борьбу с фашистской Германией.

На основе этого Соглашения Советское правительство разрешило организовать и подготовить чехословацкую воинскую часть на своей территории. Была предоставлена возможность чехам, словакам и украинцам из Закарпатья вступить в эту часть на добровольных началах. В нее могли также добровольно вступить чехи и словаки, имеющие советское подданство.

Колыбелью рождения новой Чехословацкой народной армии на территории СССР стал город Бузулук. Сюда в начале 1942 года и прибыли чехословацкие добровольцы, чтобы впоследствии создать первую воинскую часть на советской территории — 1-й отдельный чехословацкий пехотный батальон. Чехословацкие бойцы — мужчины и женщины — были окружены любовью и заботой советских людей. При помощи и поддержке Коммунистической партии и Советского правительства наши воины, находящиеся в Бузулуке, с полной ответственностью готовились к боям. Подготовка была упорной, она проходила по уставам Советской Армии, в условиях близких к фронтовым.

Боевое мастерство чехословацкого батальона быстро возрастало, и чехословацкие бойцы горели желанием быстрее идти на фронт, чтобы помочь советским воинам бить врага, помочь своему народу стереть позор Мюнхена и освободиться от фашистского ига.

Росту боеспособности нашей части способствовали опытные советские инструкторы. Советские офицеры, имевшие большой боевой опыт, охотно его передавали нашим офицерам и бойцам.

Кроме этого, чехословацкие воины, находясь в Бузулуке, охотно помогали жителям города и его окрестностей в их труде для фронта, для победы над врагом. Они также выезжали во многие колхозы и совхозы Оренбургской области и помогали в уборке урожая. Бойцы чехословацкой части завязали крепкую и сердечную дружбу с жителями города Бузулука и окрестных сел.

За короткий срок благодаря помощи советских друзей, благодаря стараниям наших бойцов чехословацкая часть достигла высокой боеготовности. Во время проверки комиссией Генерального штаба Красной Армии боеготовности части, она получила высокую оценку, особенно по стрелковой подготовке.

* * *

Бойцы 1-го отдельного чехословацкого батальона, сформированного в СССР, горели желанием быстрее попасть на фронт и совместно с Красной Армией вступить в бой против ненавистного врага, отомстить

фашистам за зверства и злодеяния, которые они совершили в оккупированной Чехословакии, а также на территории СССР. Но наша часть, к сожалению, не находила в этом поддержки со стороны чехословацкого эмигрантского правительства. Наоборот, правительство во главе с президентом Бенешем препятствовало исполнению нашего желания. Чехословацкое правительство, находящееся в Лондоне, считало, что наша часть должна стать символической и так как она небольшая, то ее нужно сохранять для вступления в бой, когда советские войска приблизятся к чехословацкой границе.

Бенеш и его единомышленники хорошо знали, что дружба чехословацких и советских солдат не принесет пользы буржуазии. Поэтому эмигрантское правительство всячески старалось помешать созданию воинской части. Своим отрицательным отношением к участию чехословацких бойцов в совместных сражениях с советскими войсками Бенеш и его правительство показали себя как заклятые враги дружбы с СССР.

Не найдя поддержки со стороны эмигрантского правительства, мы, руководствуясь советско-чехословацким договором от 18 июля 1941 года, где было записано, что часть после подготовки будет находиться в подчинении советского Главного Командования, обратились с заявлением к Советскому правительству о посылке чехословацких бойцов на фронт. Мы верили в победу советского народа и его армии над фашизмом и хотели внести свой вклад в достижение этой победы. И Советское правительство предоставило нам возможность выполнить свой долг.

После первого года интенсивной подготовки, в течение которого мы получали неоценимую политическую и моральную поддержку от руководства Коммунистической партии Чехословакии, 1-й чехословацкий батальон в СССР покинул гостеприимный Бузулук и 30 января 1943 года отправился на фронт. Бойцы батальона шли навстречу первым боям с радостью, чувством великого патриотического долга. Это выразилось даже в такой важной детали — по пути на фронт наши бойцы собрали несколько сот тысяч рублей и послали их Советскому правительству с просьбой построить на эти деньги танки и передать их в часть.

После прибытия в город Острогожск нас сердечно, по-братски приветствовал командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков. Произведя проверку боеготовности нашего батальона, он решил ввести батальон в состав 3-й танковой армии, которой командовал генерал-лейтенант П. С. Рыбалко.

На фронт к Харькову батальон прибыл в то время, когда фашистские войска получили подкрепление — тринадцать танковых и механизированных дивизий. Гитлер, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, перебросил их с запада. Враг производил контратаки с целью захватить Харьков и тем самым отомстить советским войскам за поражение, нанесенное немецко-фашистской армии в битве на Волге.

Командующий 3-й танковой армией генерал-лейтенант П. С. Рыбалко поставил перед нашим батальоном ответственную задачу — на участке шириной в 10 км не допустить форсирования гитлеровцами реки Мжи, которая в это время замерзла и не представляла особого препятствия для танков врага.

Чтобы боевое задание было выполнено с честью, командующий 3-й танковой армией на первый период боев включил наш батальон в состав части 179-й танковой бригады. Командовал бригадой полковник Ф. Н. Рудкин, позже Герой Советского Союза. Чехословацкой части также были приданы «катюши», две артиллерийские батареи и саперная рота. В ходе дальнейших боев в состав нашей части было включено еще две артиллерийских батареи, три батареи «катюш». Отдельный чехословацкий батальон поддерживался также артиллерийским противотанковым полком.

Оборону десятикилометрового участка фронта мы закрепили на северном берегу реки Мжи в селах Артюховка и Миргороды. В район обороны батальона с согласия командира 25-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора П. М. Шафаренко мы включили и село Соколово, находящееся на южном берегу реки. Здесь необходимо было создать сильный узел противотанковой обороны. Задача была ответственная — преградить фашистским танкам путь к Харькову. Кроме этого, надо было не дать врагу зайти в тыл советским войскам, которые должны были выстоять до подхода свежих дивизий, а затем обеспечить совместное наступление.

При помощи местных жителей нам удалось создать неплохой оборонительный рубеж и подготовиться к первому боевому крещению.

Враг начал наступление на нашем участке 8 марта 1943 года во второй половине дня. Первую атаку фашистских танков мы успешно отразили. Последующие атаки фашистов повторялись еще с большей силой. Десятки танков, оборудованных огнеметами, в сопровождении двух батальонов автоматчиков на 40 транспортерах, начали наступление на деревню Соколово. Гитлеровцы надеялись уничтожить Соколовский противотанковый узел обороны, прорваться на северный берег Мжи и продолжать наступление на Харьков. Начался ожесточенный бой. Наши и советские противотанковые орудия открыли заранее подготовленный и хорошо организованный огонь. Были уничтожены десятки танков и много фашистских солдат и офицеров.

К 6 часам вечера значительная часть Соколово была охвачена огнем. Фашистские танки и броневики пробились к центру села и приближались к церкви, где находился командный пункт командира Соколовского гарнизона надпоручика Отакара Яроша. Я связался с Ярошем по телефону и предупредил, что на его участок наступает десять танков. Надпоручик Ярош хорошо знал, что это значит. Никогда не забуду его ответа: «Понимаю, десять танков наступает. Не отступлю!»

План был хорошо продуман. Десять танков советской 179-й танковой бригады и наша 3-я рота под командованием надпоручика В. Янко должны были сосредоточенным огнем всех противотанковых орудий из села Миргороды ударить по тылам противника, проникнувшего в Соколово, и уничтожить его. Только таким образом можно было улучшить позицию соколовского гарнизона. Один из вражеских танков, продвигавшийся впереди колонны, провалился на льду и остался в реке. Так и река Мжа стала теперь противотанковым препятствием. Тем временем Соколово потеряло значение как пункт противотанковой обороны. Поэтому мы решили перевести соколовский гарнизон со всеми огневыми средствами на ранее подготовленную оборону на северном берегу реки Мжи. Но приказ по телефону передать не смогли — связь была прервана. В Соколово послали связных.

Ожесточенный бой продолжался и ночью. 19 танков, 6 бронетранспортеров и более 300 трупов оставили гитлеровцы на поле боя. Наши потери составили 86 убитых и 56 раненых.

Бои у Соколово продолжались с 8 до 13 марта. В течение этих дней вместе с советскими частями нам удалось почти полностью уничтожить две танковых дивизии: «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

В этих боях отличились два чехословацких радиста — Курт Маркович и Карел Зейвода, которые в невероятно трудных условиях приняли по радио очень важные сведения о сосредоточении фашистских войск. После расшифровки этих сведений чехословацкие и советские части подготовили мощный огневой налет. Открыт он был за две минуты до начала наступления противника. В результате 60 процентов средств и сил противника было уничтожено еще до боя.

Под Соколово 1-й отдельный чехословацкий стрелковый батальон в СССР с честью выполнил задачу советского командования — через реку Мжу не прошла ни одна вражеская машина.

Вскоре после окончания боев комиссия Генерального штаба Советской Армии отмечала, что чехословацкие воины вместе с советскими артиллерийскими и танковыми частями задержали наступление противника на 8—9 дней. Это дало возможность войскам генералов Рокоссовского и Черняховского, которые в это время продвигались от Волги, занять вовремя оборону.

Первые успешные боевые действия чехословацких воинов под Харьковом имели не только военное, но и большое политическое значение. Клемент Готвальд говорил тогда, что наша первая фронтовая часть — это символ государственной независимости Чехословакии и доказательство того факта, что Чехословакия находилась в состоянии войны с гитлеровской Германией. К. Готвальд называл нас символом верного союза независимой Чехословацкой Республики с Советским Союзом на правах равноправия. Клемент Готвальд указывал, что наш первый бой под Соколово

был таким, который создал крепкое ядро будущей народной Чехословацкой армии.

Высокую оценку чехословацким воинам дал председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Когда в Кремле мне вручили орден Ленина, Михаил Иванович сказал: «Не важно то, сколько вас было, а важно то, что вы, чехословаки, остались верны нам в тяжелое для нас время. Вы верили нашему народу, нашей армии и государству, вы верили вместе с нами в конечную победу нашей общей справедливой борьбы и даже без согласия своего правительства, против его воли, вы настойчиво требовали отправления на фронт. А борьбе вы отдали все, что имели. Это особенно ценит наше государство и весь наш народ».

Плечом к плечу воевали чехословацкие солдаты и советские воины и совместно пролитой кровью навсегда укрепили боевое содружество Чехословацкой народной армии с Советскими Вооруженными Силами, значительно углубили и закалили братскую дружбу между нашими народами. Своими боевыми подвигами чехословацкие бойцы доказали своему народу, что его новая армия живет и воюет вместе с самым верным союзником Чехословакии — советским народом.

Бои под Соколово означали первое открытое выступление против фашизма народных вооруженных сил чехов и словаков на советско-германском фронте. Они были закономерным явлением, ответом народа Чехословакии на славную победу Красной Армии на Волге.

Боевые действия чехословацкой части в СССР под Соколово в марте 1943 года мы считаем важной вехой в национально-освободительной борьбе чехословацкого народа.

Советское правительство высоко оценило первые боевые действия чехословацкой части на советско-германском фронте под Харьковом. Надпоручику Отакару Ярошу, командиру Соколовской обороны, за храбрость и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза. 84 бойца 1-го чехословацкого батальона удостоены высоких советских наград.

Кто же были те, которые под Соколово открыли первую страницу новой Чехословацкой народной армии?

Это были люди с несгибаемой волей, которые для победы над врагом готовы были отдать свою жизнь. Несмотря на различие их политических взглядов, на различие национальной принадлежности, социального положения, их объединяло единственное желание — рука об руку с советским народом победить гитлеровский фашизм, освободить свою родину.

Одним из таких смелых и отважных воинов был надпоручик Отакар Ярош, которому первому из иностранцев посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В бою он дважды был тяжело ранен, но остался со своими солдатами в строю. Надпоручик продолжал руководить боем до тех пор, пока под гусеницей вражеского танка не оборвалась его жизнь.

Как будто бы для нашего отважного Отакара написаны замечательные слова Максима Горького: «О смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Пускай ты умер... Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Таким был и заместитель Яроша — надпоручик Ярослав Лом. Это он в ожесточенном бою взял противотанковое ружье и занял место убитого стрелка. Это надпоручик Лом уничтожил танк, который рвался в наше расположение, и под гусеницей следующего танка погиб смертью героя.

А как не вспомнить о коммунисте Игнаце Шпигле, бывшем бойце интернациональной бригады в Испании. Храбрый патриот своей родины, он принимал участие в боях, душой и сердцем ненавидел фашизм, до последнего дыхания бил гитлеровцев под Соколово. Игнац Шпигл вместе с Шварцем и Гьери подбили фашистский танк.

Свою двадцатичетырехлетнюю жизнь отдал для победы над врагом ротмистр Гинек Ворач. Гинек смело подымал свой взвод в атаку. Смертью героя погиб ротмистр Ружичка. В неравном бою его взвод помог окруженным солдатам соседней части, которым угрожала смерть. В этом бою погибли коммунист Гуго Редиш, надпоручик Франк, пулеметчик Команик и другие воины-патриоты. Список бесстрашных воинов батальона, отдавших жизнь в борьбе с фашистскими извергами, можно продолжить. Все они живут и будут жить в наших сердцах и памяти.

Как не сказать теплое слово и о тех, кто дождался славной победы в первом бою и прославился своим героизмом. Их десятки. Вот некоторые из них. Антонин Сохор, это ему Советское правительство за подвиги в боях под Киевом присвоило звание Героя Советского Союза. Он же под Соколово несколько раз водил своих автоматчиков в контратаку. Помню, как мы все восхищались героизмом комсомольца автоматчика Йозефа Серого, уничтожившего в разведке перед боем под Соколово 12 эсэсовцев. Во время боя под Соколово Йозеф подбил связкой гранат танк, бронетранспортер и послал на «тот свет» 30 гитлеровцев. Тогда же отважный разведчик, комсомолец Сергей Петрас был несколько раз ранен, но он не покинул поля боя, а героически сражался под Соколово и вернулся в Прагу с орденом Ленина на груди.

Вместе с мужчинами успешно сражались наши славные женщины — снайперы, санитарки. Десятки раненых бойцов получили первую медицинскую помощь и были вынесены санитарками с поля боя под сильным вражеским огнем. Многим чехословацким и советским бойцам эти скромные женщины спасли жизнь. Несмотря на огонь врага, они бросались туда, где были слышны стоны и где необходимы были заботливые руки. Среди многих бесстрашных женщин хочется прежде всего назвать Анну Птачкову. За отвагу и помощь, которую она оказала раненому советскому танкисту и другим раненым, она была награждена медалью «За отвагу» и Чехословацким военным крестом.

Бои под Соколово навсегда останутся в нашей памяти. В борьбе за победу нам помогали не только советские противотанковые средства, но героизм и отвага местного населения—колхозников, колхозниц, служащих.

Вспоминается, как к нам под Соколово пришли четыре комсомольца из Артюховки. Их привел Алексей Маковецкий, которому было 18 лет, а его товарищам еще меньше. Этим отважным парням мы дали винтовки и впоследствии они стали хорошими разведчиками, смело били врага. Героизм проявил и Михаил Ильченко. Он воевал вместе с нами и в рукопашном бою был тяжело ранен в голову.

А какими нашими друзьями оказались украинские женщины. Анастасия Тихоновна Карелова, например, помогала чешским врачам и санитаркам делать перевязки раненым. Несмотря на то, что у нее был маленький сын, она не ушла из Соколово и, будучи опытной санитаркой, помогала раненым, нашим и советским бойцам.

Высокую отвагу проявила и Татьяна Глухова. Она вместе с другими девушками помогала нашим бойцам рыть окопы, кипятила им чай и во время боев носила на наблюдательные пункты и в окопы пищу. Но вот в Соколово прорвались вражеские танки. На дороге, где прошли машины, Татьяна увидела несколько раненых чехословацких бойцов. Пренебрегая опасностью, советская патриотка бросилась к раненым, чтобы оттащить их в безопасное место. Таня уносила последнего раненого, гусеница вражеского танка повредила ей ногу. Один из эсэсовцев схватил ее за волосы, вывернул руку и стал избивать. Долго пролежала тогда Татьяна без сознания.

Мы назвали только несколько из многих примеров, как местные жители помогали 1-й чехословацкой части в боях с ненавистным врагом. Так было не только под Соколово, но и во всех боях на Украине. В Киеве, например, к нам пришла молодая комсомолка Лидия Уваренко. В ответственный момент боев за город Лидия вела наших танкистов по незнакомым местам, помогая им и автоматчикам открывать и уничтожать замаскированные вражеские посты.

В тяжелых боях под Соколово была восстановлена честь чехословацкого солдата, который был лишен возможности защищать свое Отечество из-за предательства чехословацкого буржуазного правительства, президента Бенеша, правящих кругов Англии и Франции при полном одобрении американского правительства.

Во время боев у Соколово был заложен фундамент Чехословацкой народной армии, которая зародилась и закалялась в боях с помощью Советского Союза. Там, под Соколово, и позже в других боях на советской и чехословацкой территории, где плечом к плечу сражались чехословацкие и советские бойцы против фашизма, совместно пролитой кровью они увековечили чехословацко-советскую дружбу, которую всегда укрепляли и будут укреплять КПСС и Компартия Чехословакии.

Войта ЭРБАН
Майор Чехословацкой армии в отставке

ПОЛКОВНИК БИЛЮТИН

Март 1943 года. Соколово. Тарановка. Фронтовые дороги. Жаркие бои. Навсегда остались они в памяти.

...На берегу реки Мжи, южнее села Соколово, чехословацкие и советские солдаты строят противотанковый узел обороны. Узкая дорога ведет в Тарановку. Смотрим на карту. Вот расположения противника, его силы и средства. Длинное село с церковью посредине лежит на главном направлении удара фашистов. Тридцать вражеских дивизий стремится прорваться и окружить Харьков, уничтожить в этом районе группировку советских войск. Гитлеровцы хотят нанести ответный удар за разгром на Волге, восстановить легенду о непобедимости вермахта. Нацисты стягивают войска с западного фронта.

— Тарановку держит гвардейский полк,— докладывает полковнику Свободе командир советской разведки капитан Чекунов.

— Удержат они ее? И как долго удержат? — спрашивает Свобода.

Высокий донской казак в белом маскировочном халате минуту молчит.

— Как долго? — повторяет он вопрос.— День, два, трудно сказать. Но пока живы, не отступят,—и со спокойной улыбкой добавляет: — Это же гвардейцы. Понимаете, на них можно положиться...

Над передним краем мелькают светящиеся пули. Стучат пулеметные очереди. Потом гул недалекого артиллерийского огня. Слышится «ура». Первый раз так близко.

Мы приехали в штаб полка. Домик с облупленной штукатуркой северо-западнее церковки. Это, вероятно, центр тарановской обороны. Село наполовину сгорело. К югу от церкви догорают остатки нескольких хат. В воздухе воют вражеские мины.

Перед нами гвардейский полковник. Первое впечатление—непоколебимый человек. Небольшого роста, широкоплечий. Стоим перед командиром по стойке смирно. Большая твердая ладонь. Крепкое рукопожатие. Улыбается. Мелкие морщины покрывают широкое русское лицо. На груди скромный гвардейский значок и больше ничего. Чувствуем себя хорошо перед этим простым гвардии-полковником. Знаем: гвардейская часть — это такая, которая при всех условиях выполнит задачу. Здесь она в обороне. Если не получит приказа — не отступит.

Докладываем звания, фамилии, задание...

— Ну хорошо, пока достаточно. Куда вы так торопитесь? Я командир полка, гвардии полковник Билютин...

За окном утихает огонь. По улице на санях везут раненых. Мы беседуем. Полковник расспрашивает о составе и силах первого Чехословацкого батальона, о его задании и подробно о полковнике Свободе. Известие о создании небольшой чехословацкой части уже облетело весь фронт.

— Против нас,— говорит Билютин,— стоят две танковые дивизии. Хотят у нас вырвать шоссе... Если они задумали прорваться к Харькову с юга, то им надо взять Тарановку. А мы с вами встали им поперек дороги. У меня есть сведения, что ваши строят хорошую оборону... Вопрос решится в течение нескольких дней...

То же самое говорил полковник Свобода, когда вернулся с капитаном Б. Ломским из штаба Воронежского фронта. Там генерал-лейтенант Козлов дал первое боевое задание чехословацкой части. Восемь—десять дней мы должны удержаться, пока другие соединения войск укрепятся на Северном Донце для того, чтобы оттуда начать контрнаступление на запад.

Стриженая голова полковника К. В. Билютина склонилась над картой. Ему еще нет пятидесяти, но добрую половину жизни он носит военную шинель. Командир-гвардеец знает, что такое не отступать. За его плечами многочисленные упорные бои между Волгой и Доном. Со своими гвардейцами днем и ночью он преследовал отчаянно оборонявшегося противника. Наступление шло слишком быстро. Тылы отстали, снабжение даже самолетами не поспевало. Надо было остановиться.

Сейчас полковник рассчитывает: «Силы полка — 230 солдат. Но задачу выполним, в Тарановку врага не пустим».

Гвардии полковник Билютин располагал тремя стрелковыми бата-

льонами. Два — впереди, один — в тылу на северной окраине Тарановки, в резерве. У него была батарея противотанковых орудий 76-миллиметровых и несколько танков. В каменной церкви расположились автоматчики.

Фашисты пробивались к перекрестку перед церковью. Отрезали автоматчиков, били по церкви, хотели ворваться в нее. Но меткий огонь гвардейцев разил гитлеровцев.

Билютин выходил к батальонам на окраине села. Солдаты называли полковника «батькой». Он следил за атаками. Треск, гул усиливался и заканчивался знакомым русским «ура». Батько шел к церкви, из которой выносили раненых и мертвых. На их место приходили бойцы из запасного батальона.

В церкви погиб командир автоматчиков, молодой лейтенант. Все сняли шапки и каски, когда его выносили.

Батько сказал:

— Церковь, как крепость, каменная, выдержит. Понятно, молодой человек?

Светловолосый паренек, новый командир подразделения, оборонявшегося в церкви, все понял по спокойному взгляду улыбающихся глаз гвардии полковника.

Чехословацкие разведчики впервые перешли передний край обороны. Они сопровождали советских разведчиков и вернулись без потерь. Они увидели, как это делается.

Билютин отложил в сторону карту.

— Вот так,— сказал он как будто про себя.— Ну что же, ребята. Против нас две дивизии. И не обыкновенные. Это эсэсовцы, которые приехали к нам откуда-то с запада... Ничего, выдержим!

— Есть, держаться! — загудели люди.

— Ладно, ребята. Выпьем за здоровье тех, которые выдержат. И за здоровье чехословацкой армии, за здоровье полковника Свободы!

Гвардии полковник Билютин был не первым советским человеком, который с уважением говорил о Жижке, Каменском, Готвальде, о чехословацком народе. Крепка, нерушима дружба народов СССР и Чехословакии. Но тогда в штабном домике с облупленной штукатуркой, в 10 километрах на юг от села Соколово, такой разговор имел особое значение.

Подошел решающий день, когда фашисты бросили в бой все силы, чтобы разрубить тарановский узел. Бомбардировщики и истребители летали несколько часов подряд. Их оглушающий вой сопровождался взрывами десятков бомб и снарядов. Последнее стекло в окне штаба разбито воздушной волной.

— Сволочь! — коротко комментировал сержант-связист. И продолжал разговор по телефону с командным пунктом 2-го батальона, находившимся на правом фланге обороны.

В этот момент осколок мины просверлил дверь. Билютин посмотрел на отверстие в двери, молча закурил папиросу и вышел. Он направился к батальону на правом фланге. Было еще светло, когда полковник вернулся. Он сообщил, что маневр охвата у эсэсовцев не вышел.

На другой день Билютину приказали отступить.

— Передавайте всем привет и держитесь как гвардейцы! —сказал он на прощанье чехословацким разведчикам.

— Есть, держаться! — ответили мы.

Гвардейцы отступали с боями. Отрезали нацистам дорогу. Дали нам время, чтобы могли мы укрепить оборону у села Соколово. Чтобы ни один вражеский танк не прошел к Харькову с юга. Таков был приказ.

Задание мы выполнили.

...Через полтора года снова встретились с Билютиным в Черновцах. На груди, кроме гвардейского значка, были Золотая Звезда и орден Ленина. Незабываемый друг чехословацкого народа и его армии Герой Советского Союза гвардии полковник К. В. Билютин.

Збынек КОЖПАР
Чехословацкий писатель

ОТАКАР ЯРОШ

Славной была жизнь Отакара Яроша, первого иностранца, который получил звание Героя Советского Союза. Он родился 1 августа 1912 года в рабочей семье города Лоуны. Отлично учился. Как исключительно одаренный студент, был принят в военную академию и по окончании стал офицером.

Перед тем как Чехословацкая армия была предана империалистами, надпоручик Ярош служил в 4-м батальоне связи в Прешове. В роковом марте 1939 года он ушел в город Находе, где временно работал почтовым чиновником. Здесь Ярош начал борьбу против оккупантов, а затем решил уйти в Советский Союз.

Два раза он неудачно пытался перейти границу. Только на третий раз в июле 1939 года Ярошу удалось обмануть гитлеровские пограничные органы и уйти в Польшу, а оттуда в Советский Союз.

Важным этапом в жизни Отакара Яроша было его пребывание в Бузулуке — колыбели первого чехословацкого батальона в СССР. Здесь его назначили командиром 1-й роты, с которой он и начал готовиться к грядущим боям. Отакар Ярош был замечательным педагогом, товарищем и другом. Но он был и строг, когда нужно, не прощал своим подчиненным ни малейшей ошибки.

Вскоре нашу часть навестили Готвальд и Копецкий. Выступая 27 мая 1942 года перед личным составом, Клемент Готвальд сказал:

— Перед солдатами и офицерами вашей части стоят трудные задачи. Вас ждет упорная подготовка к бою. Вы призваны вместе с Красной Армией воевать против общего врага. Вы должны стать мастерами своего дела. Будьте хорошими, первоклассными солдатами, учитесь, готовьтесь неутомимо. Помните слова славного русского полководца Суворова: «Трудно в учении — легко в бою».

Поднимите высоко свои головы и наполните свои сердца боевой решимостью. День расплаты с нашим противником приближается. Под ногами Гитлера со всех сторон горит почва. Тучи над его ордами стягиваются здесь на восточном фронте. Против Гитлера поднимаются угнетенные народы Европы, и в самой Германии надвигается буря. Близится конец кровавого авантюриста... После окончания боевой подготовки и вы пойдете на фронт. Я убежден в том, что вы окажетесь достойными последователями своих гуситских предков, что вы будете достойными соратниками Красной Армии...

С еще большим воодушевлением и энергией Отакар Ярош занимается со своими солдатами, воспитывает будущих героев.

Когда обучение 1-го чехословацкого батальона подходило к концу, Людвик Свобода 28 августа 1942 года обратился к главнокомандующему с просьбой направить нашу часть на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Чехословацкий батальон был вооружен лучшим советским оружием и перед отправкой на фронт прошел проверку боеспособности.

2 декабря начались тактические занятия на местности Бузулук — Сухоречка. После них проводились контрольные боевые стрельбы. Автоматически стреляли короткой очередью по двигающимся фигурам на расстоянии 100—120 метров. Все показали высокие результаты. Один сразил восемь мишеней из десяти возможных, другой все десять.

30 января 1943 года Первый чехословацкий батальон из Бузулука был отправлен на фронт. Отакар Ярош перед эшелоном своей части прощался с бузулуцкими гражданами. Он улыбался, крепко пожимал руки друзьям.

17 февраля на станции Острогожск с подразделением Яроша знакомится командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков. В свой блокнот Ярош записывает слова командующего: «На вашу долю выпала честь первыми из чехов и словаков отомстить гитлеровцам за все преступления. Я уверен в том, что вы не словами, а на деле покажете, что являетесь достойными сынами своего народа».

После короткой остановки в Острогожске начался 420-километровый поход к фронту. Это расстояние надо было пройти за двенадцать дней. По дороге батальон обстреливала вражеская авиация, марш затрудняла вьюга. Но несмотря на это, наша часть вовремя пришла на место своего назначения.

Советские войска вели в то время ожесточенные бои в районе Харькова. Немецкое командование, чтобы сорвать наступление русских, перебросило сюда тридцать новых дивизий и танковый корпус эсэсовцев.

Первый Чехословацкий батальон получил задачу: дойти до реки Мжи, протекающей в 30 километрах на юг от Харькова и не дать врагу прорваться к городу. Батальон вошел в состав 3-й танковой армии генерала Рыбалко. Его соседями были 62-я и 25-я гвардейские дивизии. В районе населенных пунктов Миргороды — Соколово — Артюховка мы должны были тремя пехотными ротами, ротой пулеметов, взводом минометов и отделением саперов, усиленных советскими «катюшами» и противотанковыми орудиями, отбить все атаки врага.

Село Соколово защищала первая рота, которой командовал Отакар Ярош. Солдаты по примеру своего командира долбили промерзшую землю, строили и углубляли окопы, укрепляли ДЗОТы.

8 марта в 13. 30 гитлеровцы пошли в наступление. На оборону первого батальона двигалась рота фашистских танков. Но вскоре гитлеровцы убедились, что прорвать нашу оборону нелегко. Огонь по танкам открыли не только чехословацкие солдаты, обороняющие Соколово, но и гвардейцы 25-й советской дивизии.

В тот же день в 15. 30 фашисты совершили новый сосредоточенный удар по Соколово. На 450 солдат, оборонявших село, они бросили 60 танков и два батальона автоматчиков.

Начались ожесточенные бои. Танки сосредоточили огонь по Соколово. В селе рвались мины и снаряды, горели хаты. Командир роты Отакар Ярош, спокойный как всегда, умело управлял боем. Его пулеметчики, автоматчики и истребители танков сдерживали напор бронированного врага. Они отсекали танки от пехоты и заставляли гитлеровскую пехоту прижиматься к земле. Истребители танков били по стальным фашистским чудовищам из противотанковых орудий. Танки загорались один за другим. Наши пулеметчики уничтожили десятки эсэсовцев.

Чехословацкие воины действовали отважно и смело. Один из танков поджег Игнац Шпигл. Он не дрогнул в решающую минуту, не отступил. И в неравном бою погиб под гусеницами танка.

Несколько стальных чудовищ с бело-черным крестом пробилось в село. Тогда надпоручик Отакар Ярош приказал отойти к соколовской церкви. Разгорелся бой не на жизнь, а на смерть. Огнем из противотанковых ружей, гранатами, бутылками с горючей смесью чехословацкие солдаты уничтожили еще несколько фашистских танков. Наши воины боролись до последнего вздоха. В одном из взводов роты Яроша осталось только двенадцать человек. Их окружили враги, но они продолжали удерживать рубеж. На выручку окруженных Ярош послал взвод Ружички. И солдаты этого взвода пробились к товарищам, но сам Ружичка с многими другими бойцами пал смертью храбрых. Остатки обоих взводов, соединившись, еще

долго продолжали борьбу. Они отражали одну атаку за другой и не дали противнику продвинуться вперед.

Только к вечеру удалось фашистам пробиться к церкви. Кругом горели хаты колхозников. И почти со всех окон строчили по врагу автоматчики Яроша. Они вели огонь, укрываясь за стенами домов.

От роты Отакара Яроша осталась лишь небольшая группа солдат. Погибли храбрые воины Валашек, Черны, Оберстер, Ворач и десятки других. С противотанковым ружьем в руках был убит надпоручик Лом. Сам Ярош, раненный в голову, не уходил с поля боя, стрелял из автомата. Когда к нему прибежал связной и доложил, что боеприпасы на исходе, надпоручик, не теряя спокойствия, приказал взять их у погибших бойцов.

Вскоре Отакара Яроша ранили вторично. Несмотря на это, он остался на командном пункте и руководил боем. А фашистские танки подходили все ближе и ближе. С трех сторон враги окружили Яроша с остатком роты. И все же гитлеровцам не удавалось подойти к чехословацким воинам. Отакар Ярош гранатой уничтожил фашистский танк, строчил по гитлеровцам из автомата. Вот он торопливо сменяет диск и стреляет уже по экипажу второго танка. В этот момент заговорил фашистский пулемет. Надпоручик Ярош упал. Его тело раздавили гусеницы фашистского чудовища. С оружием в руках погиб герой.

* * *

Легендарная рота Отакара Яроша выполнила боевое задание: фашисты не прорвали нашу оборону. Они потеряли 19 танков, несколько транспортеров и свыше 300 эсэсовцев.

За героический подвиг надпоручику Отакару Ярошу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года, первому из иностранцев, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

С. МАЙКА

Бывший командир взвода автоматчиков-разведчиков 1-го Чехословацкого батальона

РАЗВЕДЧИКИ

Это было на Харьковщине в Змиевском районе. Я командовал взводом разведчиков. Получил боевое задание: разведать подходы, укрепления и силы противника у станции Змиев. Запомнился один эпизод. Недалеко от совхоза «Третий решающий» мы увидели впереди себя людей в белых маскировочных халатах. Кто они — враги или друзья? Сразу определить это было очень трудно. Я дал приказ одному из моих солдат — Михаилу Чонке продвинуться вперед и узнать, кто это. Боец подполз примерно метров на двадцать и услыхал русскую речь. У одного из людей заметили на шапке красную звездочку. Сомнений быть не могло: это были русские. Мы бросились навстречу друг другу и начали обниматься. То были русские разведчики, и командовал ими младший лейтенант сибиряк Володя, не помню сейчас его фамилии. Волнующая, радостная была встреча.

После этой разведки я через связного Владимира Птачека получил от командования приказ: занять оборону возле откормочного совхоза у хутора Репяховка. А часа через два — новое задание: перейти к селу Соколово и занять оборону северо-восточнее его. Расположились в камышах от моста к лесу. Двух снайперов я поставил в колхозном сарае, других — тоже в выгодных местах. Пулеметчики заняли оборону на перекрестке двух дорог — центральной на Мерефу и той, что ведет в лес. Справа от меня была рота пехоты старшего лейтенанта Валашека, слева — рота пе-

хоты старшего лейтенанта Колла. Около церкви стояла рота ПТР старшего лейтенанта Яроша.

С 8 на 9 марта 1943 года начался ожесточенный неравный бой с гитлеровскими захватчиками. Они имели большое превосходство в силе, так как ночью высадили десант. Мы оказались отрезанными от советских частей.

Немцы шли из Виловки и Тарановки, а десант спешил из Змиева. Вот с этим десантом моему взводу и соседним ротам пришлось вести бой. Наши солдаты сражались героически, держались стойко до получения приказа об отходе в сторону Мерефы. В неравном бою взвод потерял 12 человек.

Старший лейтенант Ярош с одним отделением, тремя противотанковыми ружьями и 45-миллиметровой пушкой прикрывал отход чехословацкого батальона. В этом бою он погиб. В жарком сражении за Соколово погибли также старшие лейтенанты Колл и Валашек, старшие сержанты Фукс, Шпигл, сержанты Очкан, Птачек, Мах, Власта, солдаты Курочка, Крайник и другие.

10 марта снова был большой бой с фашистским десантом. Я был ранен в челюсть и отправлен в Харьков. А когда нас эвакуировали из города, поезд разбомбили фашисты. На одной из станций я попал в санлетучку, потом в один из госпиталей Тамбова. Через месяц встал на ноги и был направлен в Бузулук.

Там в штабе я узнал, что за боевые действия под селом Соколово мне присвоено звание ротмистра и награжден я орденом Чехословацкой республики «Валечны КПЖ-1939» и советским орденом Красной Звезды.

1 мая 1943 года наш батальон отправился на формирование. А через четыре месяца мы вступили в бой в Старом Осколе. Затем Бахмач, Дарница, Киев. За форсирование Днепра я был награжден вторым орденом «Валечны КПЖ-1939» и медалью «За боевые заслуги».

После взятия Киева в наступательных боях под Фастовом и Белой Церковью я снова был тяжело ранен и контужен.

Лечился в Киеве. Не мог дождаться, когда вновь смогу стать в строй, чтобы громить фашистов. Ведь советские воины вместе с чехами и словаками шли вперед на запад, приближалось освобождение моей родины.

И вот, наконец, я получаю назначение в действующую армию. Я командир корабля парашютно-десантной бригады полковника Ломского. Мне поручили возглавить команду специального назначения (по-чешски оно называется «злашний укол»).

После тактических учений мы снова пошли в бой. Направление: Каменец-Подольск, Черновцы, Садагура. А потом мне посчастливилось быть участником незабываемого сражения за Дукельский перевал. Мы вошли в Чехословакию. В боях за освобождение своей Родины закончился путь нашей армии под командованием генерала Свободы.

Много пройдено, много пережито, много осталось в памяти боевых эпизодов. Но навсегда связала меня судьба с Харьковщиной, со Змиевским районом, где получил я первое боевое крещение, где наши лучшие товарищи отдали жизнь за счастье народа.

После войны я приехал в Змиев и здесь остался. Принял советское подданство, женился, имею двух детей. Работаю, живу счастливо.

Часто приходят ко мне в дом молодежь, пионеры. Я рассказываю им о незабываемых боях с гитлеровцами, показываю свои награды. Их у меня много, и я горжусь ими. Кроме двух орденов «Валечны КПЖ-1939», Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», я бережно храню «Орден Свободы», медаль «Соколово», «Легионскую медаль», медали «Златы лев», «Витестви», «За взятие Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Мария КВАПИЛОВА-ПИШЛЕВА
Капитан Чехословацкой армии в отставке

ЖЕНЩИНЫ ВЗЯЛИСЬ ЗА ОРУЖИЕ

Я была одной из женщин, которые в 1942 году вступили в чехословацкий батальон, чтобы помочь своей Родине в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы прошли военную подготовку наравне со всеми солдатами части. В бою у села Соколово впервые со времени Жижки * чешские женщины взялись за оружие.

По пути к Харькову, а оттуда к Соколово мы страшно устали. Но этот трудный поход укрепил наши силы. Женщины-солдаты доказали, что они являются полноправными бойцами части, что они умеют переносить все трудности. Поход был первым испытанием нашей выдержки. Испытание же боевой стойкости было впереди.

У села Соколово я была санитаркой второй стрелковой роты. Она только частью своих сил подкрепляла роту Отакара Яроша, когда это славное подразделение ослабло в бою с превосходящим противником. Несколько позже наша рота вместе с остальными частями пошла в контратаку на Соколово. Это было уже тогда, когда населенным пунктом овладели гитлеровцы.

Девушки-санитарки действовали отважно и умело. У роты были большие потери. Раненых надо было не только перевязать, но и обеспечить их эвакуацию. В селе нельзя было оставить ни одного солдата. Мы знали, как зверски фашисты убивали наших раненых, оставшихся в Соколово после боев 8 марта 1943 года.

---

* В XV столетии чешские женщины наравне с мужчинами воевали в гуситских войсках, руководимых Яном Жижкой.

После неудавшейся контратаки все мы выбились из сил. Гитлеровцы обстреливали из минометов и орудий населенный пункт Артюховка, куда мы возвратились с остатком роты. Во время перехода в это село я была ранена осколком гранаты в ногу. Меня эвакуировали в Харьков. Везли по дороге, которую постоянно обстреливала артиллерия. А фашистская авиация тоже не давала прохода ни одному автомобилю, ни одной повозке, хотя они были ясно обозначены красными крестами. Много наших раненых, среди них и командир второй роты надпоручик Кудлич, были убиты именно при эвакуации в Харьков.

А что творилось тогда в городе! Его непрерывно бомбили, дома горели, и пройти по улицам было нелегко. Фашисты сосредоточили под Харьковом крупные силы. Советские войска и наш первый Чехословацкий батальон вынуждены были временно отступить. Задержавшиеся в городе части с боями пробивались из окружения. Каждый метр советской земли дорого обошелся противнику.

Часть раненых Чехословацкого батальона была эвакуирована в тыл, когда не была отрезана последняя дорога из Харькова. Но некоторых наших бойцов не успели эвакуировать, и они остались в окруженном Харькове. Советские люди бескорыстно помогали раненым, спасали их от гибели.

Мне тоже помогла тогда одна советская женщина. Как жаль, что не знаю ее фамилии. После ранения мне трудно было ходить, рана нарывала. Добрая незнакомая женщина уходила из города, чтобы не попасть на фашистскую каторгу. Она вместе с подругами взяла и меня с собой. Обходя немецкие патрули, укрываясь в траншеях и воронках, под артиллерийским огнем и налетом авиации, медленно брели мы по проселочным дорогам. Так выбрались из опасной зоны, пришли в советскую часть, где нам оказали помощь. Меня отправили в больницу, подлечили. И снова я вернулась в свою часть.

Советская женщина, спасая меня от фашистского плена, рисковала своей жизнью и жизнью своего ребенка. Я никогда не забуду ее доброе лицо, ее заботу и любовь, которые проявила она ко мне в самые тяжелые дни моей жизни.

Несколько наших раненых, которых не удалось эвакуировать из Харькова, были убиты оккупантами. А я осталась жить благодаря заботе незнакомой советской женщины. Мне очень хотелось бы разыскать ее. Может, прочтет она эти строки и откликнется.

Чехословацкие воины плечом к плечу с советскими прошли славный боевой путь. Мы разбили фашистов, одержали победу. С тех пор прошло много лет. Но никогда не забыть мне ту советскую женщину. Она осталась у меня в памяти как символ нерушимой нашей дружбы и веры в победу нового, светлого, радостного будущего, которое мы строим.

Матильда БРАУНОВА
Майор Чехословацкой армии в отставке

МЫ НИКОГДА ЭТОГО НЕ ЗАБУДЕМ...

В боях за Харьков у села Соколово, Змиевского района, участвовало 38 женщин. Разными были они по возрасту, по характеру, различны были у них профессии, пристрастия и жизненный опыт. Но все они были пламенными патриотками Родины, всех объединяла жгучая ненависть к врагу, стремление отомстить гитлеровцам за погибших своих родных и близких. У каждой из нас был с фашистами свой счет. Я при эвакуации из Волгограда потеряла самое дорогое, что может потерять женщина-мать — свою единственную дочь. Разве могла я стоять в стороне от всенародной борьбы?

Когда в Бузулуке мы проходили военную подготовку, чувствовали, что солдаты сомневаются в наших способностях, относятся к нам с некоторым недоверием, мол де, посмотрим, как поведут они себя в боевой обстановке. Но мы оправдали доверие своих друзей по оружию. Мы не подвели командира, который взял нас на фронт, невзирая на запрещение окопавшегося в Лондоне буржуазного Чехословацкого правительства. Мы оправдали доверие советских людей, которые вверили нам оружие.

Боевые действия начались с ночных походов. Трудно приходилось. И как приятно было под утро зайти в хату, где украинские женщины принимали нас как дорогих гостей. Они делились с нами последним

картофелем, капустой. А у них самих нечего было есть. Хозяева расстилали нам на полу свежую солому, а сами теснились на кухне. Они наказывали детям вести себя тихо, чтобы мы могли спать. С великой благодарностью мы это все вспоминаем.

Передвигаясь по освобожденной советской земле, мы видели сожженные дотла украинские села, разрушенные города. И женщины-бойцы крепче сжимали кулаки. В походе невыносимо болели ноги, мы тонули в грязи, в снегу, скользили по замерзшим лужам и проклинали фашистов. До войны я никогда не произносила вслух проклятий. Но здесь убедилась, что, когда проклинаешь врага, на душе у тебя становится легче.

1 марта 1943 года мы пришли в Харьков. Через два дня намечался военный парад. Я никогда не забуду, как мы готовились, как мылись, чистили и гладили форму. Говорили, что после парада нам разрешат пойти в город погулять. А ночью нас подняли по боевой тревоге. Приказ — форсированным маршем дойти до реки Мжи и занять там оборону.

Я хочу здесь рассказать о простых девушках, которые приняли первое боевое крещение. Вот Рита Новакова, маленькая, хрупкая, как мальчик. Когда ее командировали в Москву, она ходила там по улицам в английской форме. (Солдаты нашего первого батальона носили тогда английскую военную форму.) И детвора кричала ей вслед: «Смотрите, английский мальчик». А Рита оборачивалась и спокойно разъясняла: «Да нет, ребята, я — чехословацкая тетя».

Эта хрупкая женщина вступила в Коммунистическую партию еще до войны. В боях у Соколово она проявила себя смелым бойцом. Чтобы спасти перевязочный материал, в котором был большой недостаток, Рита пробралась в горящую церковь и вынесла большой узел. Храбростью отличалась и Мальвина Фридман — наша сандружинница. Она сама вынесла с поля боя семь раненых бойцов и оказала им помощь. В общем, все наши женщины-бойцы действовали мужественно и умело.

На меня командование возложило задачу — слушать последние известия и на основе их выпускать полевую газету. Нужно было позаботиться и о том, чтобы в ротах и взводах получали эту газету вовремя. Работа как будто совсем не боевая, но, я думаю, она была нужна. Она поднимала боевой дух, настроение солдат.

Свою задачу у Соколово мы выполнили. Запомнились многие эпизоды. Когда отступали из лесу у Лисогубовки, было почти темно. Кругом непрерывная стрельба. Мы попали в окружение и получили приказ выйти из него. Пробирались в село по одному. Молча шли по улице. У ворот стояли женщины и дети. Они тоже молчали. Но я никогда не забуду их глаз, полных упрека. Они как будто говорили нам: вы уходите, а нас оставляете фашистам. И я поклялась тогда, что сделаю все для того, чтобы людям никогда больше не пришлось переживать таких страданий.

В бою с фашистами мы потеряли радиоприемник, пишущую машинку и всю бумагу. Как же выпускать полевую газету? На другой день я пожаловалась советским товарищам из соседней части. Они так же, как и мы, в тяжелых условиях отступали. Через полчаса нам принесли маленький радиоприемник. С помощью его мы начали принимать передачи из Москвы и Лондона. Советские бойцы поделились с нами и тетрадями, карандашами, свечами... В тот же день мы возобновили выпуск полевой газеты.

В памяти моей осталось много воспоминаний о встречах с замечательными советскими людьми, которые с такой радостью нас принимали и во всем помогали. Может быть, жив еще дедушка, который в селе Захаровке угощал нас компотом из свеклы. Мы целый день отдыхали в хате этого доброго украинца. Кроме свеклы, у него ничего не было. И весь день дедушка варил свекольник. Он всем нам понравился.

После самого тяжелого ночного похода, выбившись из последних сил, грязные, мокрые, измученные, мы пришли в село. Оно растянулось на двенадцать километров. Когда бойцы входили в хаты, у них было одно желание: сбросить с себя грязную одежду, свалиться спать. Помню, в хате, куда мы зашли, хозяйка предложила нам свою кровать. Но разве могли мы, такие грязные, лечь в постель? Долго мы отказывались, а хозяйка настаивала. Пришлось согласиться. Мы тотчас же уснули.

Проснулась я от приятного запаха молока и свежих блинчиков. Открыла глаза и опять быстро закрыла их. Я была уверена, что вижу прекрасный сон, но все было наяву: у кровати стояли мои ботинки, вычищенные до блеска, на стуле лежала чистая фуфайка и брюки, на столе стояло молоко и блинчики.

Конечно, не только меня так принимали на Харьковщине, но и всех остальных бойцов нашей части.

После боев за село Соколово мы прошли по всей Украине. И везде нас принимали одинаково радушно. Хочется поэтому свое небольшое воспоминание закончить словами: мы никогда этого не забудем...

М. В. ЗАХАРОВ

Маршал Советского Союза,
бывший начальник штаба Степного фронта

ВОИНЫ СТЕПНОГО ФРОНТА В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВ

23 августа 1943 года двадцать артиллерийских залпов из двухсот двадцати четырех орудий возвестили всему миру о новой победе Красной Армии. В этот день доблестные советские воины освободили от гитлеровских захватчиков вторую столицу Украины — Харьков — крупный промышленный центр нашей Родины.

Долог и труден был путь к победному салюту. Бои за Харьков носили исключительно упорный характер. В силу сложившихся условий Харьков является одним из немногих городов, который в ходе войны дважды переходил из рук в руки. Впервые Харьков был захвачен противником в октябре 1941 года. Но уже в феврале 1943 года он был освобожден Красной Армией. В марте 1943 года немецко-фашистские войска, перейдя в контрнаступление, снова захватили город и удерживали его до конца августа 1943 года.

Мне, как начальнику штаба Степного фронта, войсками которого командовал ныне Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев, хочется поделиться воспоминаниями о боях за Харьков летом 1943 года.

Освобождение Харькова в 1943 году связано с одним из крупнейших событий, завершивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны,— битвой под Курском. Об этом славном событии в истории нашей армии и народа уже много написано, и нет необходимости подробно оста-

навливаться на нем. Хочется лишь еще раз отметить, что победа советских войск под Курском замечательна прежде всего тем, что на полях сражений, развернувшихся к северу и к югу от Курска, а затем в районах Орла, Белгорода и Харькова, потерпела полный крах последняя попытка гитлеровцев вернуть стратегическую инициативу и взять реванш за поражение на Волге.

Как известно, для ослабления политических последствий крупных неудач гитлеровское командование приняло решение провести летом 1943 года на советско-германском фронте наступательные операции крупного масштаба, надеясь тем самым приостановить распад блока фашистских государств, вновь вернуть утраченную стратегическую инициативу и изменить ход войны в свою пользу. Цель предстоящего наступления отчетливо была высказана начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршалом Кейтелем, который на одном из совещаний в рейхсканцелярии в мае 1943 года заявил: «Мы должны наступать из политических соображений».

Для развертывания крупного наступления на советско-германском фронте гитлеровское командование избрало район Курского выступа, где немецко-фашистские войска занимали охватывающее положение по отношению к соединениям советских войск, находившихся в этом выступе.

Согласно оперативному приказу Гитлера от 15 апреля 1943 года, предполагалось нанести два удара по сходящимся направлениям: один из района южнее Орла основными силами группы армий «Центр» и второй — из района севернее Харькова главными силами группы армий «Юг».

«Этому наступлению,— говорилось в приказе,— придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года. На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

Для проведения операции под Курском планировалось достигнуть внезапности наступления, чтобы одним ударом «пробить оборону противника... и таким образом замкнуть кольцо окружения».

К наступлению в районе Курского выступа противник привлек крупные силы. Всего против Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ, немецко-фашистское командование сосредоточило до 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных), около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и около 2000 самолетов. Общая численность вражеской группировки составляла 900 тыс. человек.

Советское командование своевременно разгадало планы врага и установило не только общий замысел противника, но и направления его главных ударов, а также силы и средства, привлекаемые для операции.

В связи с тем, что противник готовился к наступлению, Советское командование приняло решение противопоставить врагу заранее подготовленную глубоко эшелонированную, непреодолимую оборону. Учитывая предложения военных советов фронтов и мнение Генерального штаба, Ставка Верховного Главнокомандования решила в оборонительных боях измотать наступающего противника, а затем контрнаступлением завершить его разгром и развернуть мощное наступление советских войск на всем советско-германском фронте.

Осуществление оборонительной операции под Курском возлагалось в основном на войска Центрального и Воронежского фронтов. Однако, учитывая, что противник готовится к решительному наступлению и на большую глубину, Ставка в тылу этих фронтов сосредоточила крупные стратегические резервы. Последние состояли из общевойсковых и танковых объединений и соединений, входивших в Резервный фронт (впоследствии получивший наименование Степного фронта). Фронтом командовал генерал-полковник И. С. Конев, членом Военного совета был генерал-лейтенант танковых войск И. З. Сусайков.

Еще в мае 1943 года перед войсками Степного фронта была поставлена задача парировать всякие возможные прорывы крупных группировок противника в восточном направлении как со стороны Орла, так и со стороны Белгорода. Фронт должен был построить оборонительный рубеж по линии Измалково — Ливны — река Кшень и далее до Белого Колодца, прикрыть железнодорожные узлы Елец, Касторное, Старый Оскол и подготовить контрудары в направлениях Малоархангельск, Щигры, Курск, Обоянь, Белгород, а также имел задачу быть готовым к активным действиям по приказу Ставки. По своему боевому и численному составу этот фронт представлял собой наиболее мощный стратегический резерв Ставки, когда-либо создававшийся в годы Великой Отечественной войны.

В ходе оборонительного сражения на южном и северном фасах Курского выступа противник был измотан и обескровлен. Уже 10 июля враг был лишен наступательных возможностей на северном фасе Курского выступа, в полосе Центрального фронта. За 4 дня наступления, с 5 по 10 июля, он смог вклиниться в оборону советских войск лишь на 10—12 км. На южном фасе Курского выступа противник еще продолжал наступать, стремясь выйти к Курску ударом через Прохоровку. В наиболее напряженный период боев на этом направлении часть оперативных объединений Степного фронта была передана Воронежскому фронту (5-я гвардейская танковая армия, 10-й и 2-й танковые корпуса, 5-я гвардейская армия). Мощный контрудар, нанесенный этими силами совместно с войсками Воронежского фронта, позволил не только остановить врага, но и отбросить его в исходное положение и создать условия для дальнейшего наступления.

Полное крушение наступательных планов и отсутствие необходимых сил для удержания захваченных рубежей вынудили немецко-фашистское командование начать отвод своих соединений на ранее занимаемые позиции. Войска Воронежского фронта начали преследование противника. 18 июля в наступление включились и остальные армии Степного фронта. К исходу 23 июля войска обоих фронтов вышли на рубеж, который занимали соединения Воронежского фронта до перехода противника в наступление.

Перед Степным и Воронежским фронтами встала задача — провести операцию на Белгородско-Харьковском направлении. Наши войска вынуждены были переходить в контрнаступление в чрезвычайно сложных условиях. В ходе оборонительного сражения потери понесли не только войска противника, но и наши соединения и части. К тому же противник неоднократно переходил в контратаки, обрушивал массу артиллерийского огня на наши войска. Его авиация бомбила боевые порядки и тылы.

Между тем обстановка требовала подготовки операции в исключительно сжатые сроки. Каждый упущенный день давал возможность вражескому командованию еще больше укрепить и без того довольно сильную оборону. Я сейчас вспоминаю, какую титаническую работу в этих условиях пришлось выполнить командованию и штабам. Хочется отметить четкие действия работников фронтового, армейского и войскового тыла. Разумным использованием всех видов транспорта, умелой маскировкой проводимых мероприятий органы тыла обеспечили войска всем необходимым для перехода в решительное наступление.

Усиленно готовился к отражению удара советских войск и противник. Правда, после упорных оборонительных боев силы немецко-фашистских войск ослабели. Официальные документы, захваченные у немцев, а также показания пленных говорили о колоссальных потерях противника. Так, например, взятый в плен фельдфебель 11-й роты 315-го пехотного полка 167-й пехотной дивизии Хонфер показал, что его рота до 3 августа имела в своем составе лишь 42 человека и то вместе с тылами. Но как докладывала наша разведка, гитлеровцы быстро пополняли свои потрепанные в боях части маршевыми командами.

К началу августа 1943 года на Белгородско-Харьковском направлении действовала 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф», имевшая 18 дивизий, из них 4 танковых. Общая численность ее доходила до 300 тыс. человек; она имела свыше 3,5 тыс. орудий и минометов и до 600 танков. С воздуха группировка немецких войск поддерживалась силами 4-го воздушного флота в составе до 900 самолетов.

Немецко-фашистские войска опирались на хорошо развитую в инженерном отношении оборону. Тактическая зона обороны состояла из главной и второй полосы общей глубиной до 15—18 км. Главная полоса обороны глубиной 6—8 км состояла из двух позиций, на каждой позиции

были оборудованы опорные пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой траншеями полного профиля.

В опорных пунктах противник имел значительное количество дзотов. Вторая полоса обороны состояла из одной позиции глубиной в 2—3 км. Между главной и второй полосами проходила промежуточная позиция.

Следует отметить, что местность в полосе действия наших войск была сильно изрезана речками и ручьями, с большим количеством балок и промоин. Реки имеют высокие и крутые западные берега и текут в основном с севера на юг. Много лесных участков, расположено как по балкам, так и на высоких местах. Местность густо заселена, но слабо развита сеть удобных дорог. При оценке местности мы убеждались, что географические условия давали возможность противнику выбирать выгодные для обороны рубежи.

Хочется особо подчеркнуть, что противник, ведя оборонительные бои, широко использовал населенные пункты как опорные узлы сопротивления. Особое значение немецко-фашистское командование уделяло удержанию Харькова. Харьков имел исключительное значение как промышленный центр и узел железных, шоссейных и улучшенных грунтовых дорог. В нем сходятся 6 магистральных железных дорог и 4 шоссейных. В северной и южной частях города расположены крупные сортировочные станции — Северный Пост и Основа. Вокруг Харькова противник оборудовал два кольцевых обвода и использовал вблизи города несколько посадочных площадок.

Планируя разгром немецко-фашистских войск в районе Белгорода и Харькова, Советское командование стремилось максимально сократить время на подготовку операции. Было принято решение: не производя сложных перегруппировок, нанести мощный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новую Водолагу для рассечения группировки противника на две части и последующего охвата и разгрома основных ее сил. Войска Воронежского фронта должны были наступать на запад в направлении Ахтырки, а войска Степного фронта поворачивать на юг — на Харьков, одновременно свертывая оборону врага по правому берегу Северного Донца. При подходе соединений Степного фронта к Харькову, Юго-Западный фронт, которым в это время командовал генерал армии Р. Я. Малиновский, должен был нанести удар силами 57-й армии в западном направлении и обойти Харьков с юга. Для поддержки боевых действий советских войск с воздуха привлекались 2-я и 5-я воздушные армии и авиация дальнего действия.

В соответствии с этим решением Военный совет Воронежского фронта — командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин, член Военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба генерал-майор С. П. Иванов — решил главный удар нанести силами 6-й и 5-й гвардейских, 1-й танковой,

5-й гвардейской танковой армии с целью разгромить противостоящие силы 4-й танковой армии противника и развивать удар подвижными соединениями в общем направлении на Золочев — Валки, обходя Харьков с запада.

Военный совет Степного фронта принял решение главный удар нанести правым крылом фронта — силами 53-й армии под командованием генерал-майора И. М. Манагарова и одним корпусом 69-й армии, которым командовал генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин, при поддержке их авиацией 5-й воздушной армии генерал-майора С. К. Горюнова.

Ближайшая задача армий правого крыла Степного фронта заключалась в том, чтобы прорвать укрепленную полосу противника на всю тактическую глубину и, развивая успех вводом в прорыв 1-го механизированного корпуса на участке 53-й армии, окружить и уничтожить Белгородскую группировку врага и овладеть Белгородом. Последующая задача была такова: развивая наступление в быстром темпе и неотступно преследуя противника вдоль западного берега реки Северный Донец, овладеть Харьковом. Ввод 1-го механизированного корпуса предусматривалось осуществить после прорыва стрелковыми войсками тактической глубины обороны противника на 7—8 км и, по возможности, в первый день операции.

Оперативное построение фронта планировалось в один эшелон, а оперативное построение армий — в два эшелона. Это вызывалось необходимостью прорыва глубокоэшелонированной обороны противника.

Как уже отмечалось, командование Степного фронта учитывало упорство предстоящих боев. Поэтому подразделения и части непосредственно перед наступлением обучались безостановочной атаке на глубину второй позиции главной полосы обороны противника. Для практической отработки вопросов взаимодействия пехоты со средствами усиления на учения привлекались танки, самоходно-артиллерийские установки, батальонная и полковая артиллерия.

Наступление советских войск на Белгородско-Харьковском направлении началось утром 3 августа после мощной трехчасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации 2-й и 5-й воздушных армий. В 13 часов после вклинения стрелковых войск 5-й гвардейской армии в главную полосу обороны противника были введены в сражение 1-я и 5-я гвардейская танковые армии с задачей: передовыми бригадами завершить прорыв тактической зоны обороны противника и основными силами развивать успех в оперативной глубине.

В первый же день наступления войск Воронежского и Степного фронтов оборона противника на направлении главного удара была прорвана на всю тактическую глубину. Танковые армии Воронежского фронта, развивая успех, прорвались на глубину 26 км. Войска 53-й армии и

правого фланга 69-й армии Степного фронта продвинулись за день на 7—8 км.

4 августа бои продолжались на всем фронте наступления. Однако на второй день наступления темп продвижения стрелковых войск снизился на 3—5 км, так как противник усилил сопротивление. Развивая наступление, наши войска 5 августа овладели сильно укрепленным узлом обороны врага Томаровкой и в тот же день штурмом овладели Белгородом.

Вечером 5 августа в ознаменование освобождения Орла и Белгорода в Москве был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. С тех пор салюты в Москве в ознаменование побед Красной Армии стали славной традицией.

В последующие дни советские войска развивали наступление в оперативной глубине: вскоре войска Воронежского фронта своим правым крылом овладели Боромлей и выдвинулись к опорным пунктам противника — Ахтырке, Котельве, а войска Степного фронта подошли вплотную к внешнему харьковскому оборонительному обводу.

Выход советских войск к Харькову с севера, запада и юго-востока создавал угрозу окружения войск противника. Немецко-фашистское командование прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы остановить дальнейшее наступление наших войск и удержать город. К 11 августа оно перебросило из Донбасса на Харьковское направление три танковых дивизии и сосредоточило их для нанесения контрудара по войскам Воронежского фронта, прорвавшимся в район южнее Богодухова. Но этот контрудар, как и последовавший затем контрудар в районе Ахтырки, не дал положительных результатов. Войска фронта развивали наступление в юго-западном направлении.

В то время, когда войска Воронежского фронта отражали контрудары немецких танковых дивизий в районе Богодухова и Ахтырки, войска Степного фронта завязали бои на подступах к Харькову.

Остановлюсь несколько подробнее на боях непосредственно за город.

Уже после овладения Белгородом командованию Степного фронта было ясно, что противник сделает все от него зависящее, чтобы удержать Харьков в своих руках. Это подтверждалось и всеми данными нашей разведки. На харьковское направление вскоре прибыли, в частности, танковые дивизии СС «Райх», «Мертвая голова», «Викинг» и 3-я танковая дивизия, которые до этого находились на Изюм-Барвенковском направлении против войск Юго-Западного и Южного фронтов. Вскоре стало известно также, что немецко-фашистское командование начало переброску в район Харькова моторизованной дивизии «Великая Германия», которая до этого была переброшена из-под Харькова в район Орла.

В целях быстрейшего разгрома всей группировки в районе Харькова и освобождения города, войска Степного фронта были усилены двумя

армиями: 57-й армией под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Гагена из состава Юго-Западного фронта и 5-й гвардейской танковой армией под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова из состава Воронежского фронта. Правда, эта армия ко времени вхождения в состав фронта была уже ослабленной, так как в течение длительного времени вела ожесточенные бои с противником. В ее составе насчитывалось около 160 танков и самоходных орудий. Однако включение в состав фронта двух армий значительно облегчало решение задачи по овладению Харьковом.

Учитывая сложившуюся обстановку, Военный совет фронта решил уточнить задачи объединениям фронта.

Ночью 10 августа нами была подписана директива войскам фронта. В директиве указывалось, что противник пытается на тактически выгодных рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову. Войскам фронта было приказано 11 августа в 9.00 перейти в решительное наступление.

5-й гвардейской танковой армии предстояло нанести главный удар в направлении Пересечная — Люботин, к исходу дня выйти в район Буды, Коротич, Огульцы и отрезать пути отхода противнику на запад.

53-й армии ставилась задача в течение дня выйти на фронт Пересечная — западная окраина Харькова и перерезать шоссе и железную дорогу, идущую из Харькова на запад, 1-му механизированному корпусу под командованием генерал-майора М. Д. Соломатина — выйти в район Гавриловки.

69-я армия должна была нанести удар правым флангом в обход лесного массива и к исходу дня выйти на северную окраину Харькова.

7-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова имела задачу нанести удар левым флангом в направлении Ново-Александровки и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова.

57-я армия должна была нанести главный удар в направлении Основы и к исходу дня выйти на южную окраину Харькова, Основу и Безлюдовку, на левом фланге развивать энергичное наступление в направлении Рогани и обеспечить себя слева по реке Уды. Было дано указание все танковые бригады этой армии объединить под одним командованием и с посаженным на танки десантом пехоты ввести в прорыв с задачей выйти на южную окраину Харькова и перерезать дороги, идущие из города на юг.

Большое внимание было уделено вопросам управления войсками. Поэтому в директиве особо подчеркивалось, чтобы командующие армиями имели свои наблюдательные пункты непосредственно на направлении главного удара армий. Вместе с командующим армией должен был находиться и командующий артиллерией армии со своим штабом.

В решительном наступлении на Харьков ответственную задачу должна была выполнить авиация фронта; 5-й воздушной армии было приказано прикрыть главную группировку 5-й гвардейской танковой и 53-й армий, штурмовыми и бомбардировочными ударами оказать им содействие в наступлении, а также не допустить подхода резервов противника на рубеж Пересечная — Харьков. Таким образом, основные усилия авиации фронта сосредоточивались в полосах действий этих двух армий. Объяснялось это тем, что соединения 5-й гвардейской танковой и 53-й армий наносили удар непосредственно юго-западнее и южнее Харькова, где противник, боясь окружения своей группировки, должен был оказать особо сильное сопротивление.

Таким образом, операцию по овладению Харьковом намечалось осуществить нанесением нескольких сильных ударов с дальнейшим охватом Харькова с северо-запада и юго-востока.

На рассвете 11 августа войска фронта продолжали наступление и весь день вели ожесточенные бои с врагом, упорно оборонявшим опорные пункты и узлы сопротивления, расположенные севернее оборонительного обвода и прикрывавшие к нему подступы. Особенно упорные бои развернулись за Русскую Лозовую, совхоз имени 13 лет РККА, Русские Тишки и Черкасские Тишки, где наступала 69-я армия. Мне хорошо запомнились героические бои 305-й и 375-й дивизий севернее Харькова. 305-я дивизия, которой командовал полковник И. А. Данилович, после сильных упорных боев подошла к северной окраине Русской Лозовой. Попытки наших частей захватить село атакой с ходу не увенчались успехом. Противник считал, что этот укрепленный пункт являлся своего рода ключом к Харькову и поэтому ожесточенно сопротивлялся. В это время части 375-й стрелковой дивизии под командованием полковника П. Д. Говоруненко, наступавшие восточнее 305-й стрелковой дивизии, прошли через большой лес и ликвидировали засевшие в нем группы автоматчиков. Сопротивление врага несколько ослабело. К исходу дня 305-я и 375-я стрелковые дивизии совместными атаками с севера и северо-востока освободили Русскую Лозовую.

12 августа начался штурм внешнего обвода. После мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации соединения фронта атаковали вражеские позиции.

К исходу дня части 53-й армии захватили Шептушин в 18 км северо-западнее Харькова и северную часть Дергачей. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Достаточно, например, указать, что только в районе Шептушина было уничтожено более 1100 гитлеровских солдат.

69-я армия в результате ожесточенных схваток вышла на южную окраину села Циркуны в 10 км северо-восточнее города.

7-я гвардейская армия, встречая упорное сопротивление, успеха не имела.

57-я армия, ликвидировав узел сопротивления Каменная Яруга, продолжала вести успешное наступление и к исходу дня подошла к промежуточному оборонительному рубежу, проходившему по западному берегу реки Роганка в 10 км восточнее Харькова.

На другой день, 13 августа, наши войска, развивая успех, достигнутый в предыдущих боях, развернули бои на всем фронте. Противник оказывал упорное сопротивление. В своих контратаках он широко использовал танки. Немецко-фашистская авиация группами по 20—60 самолетов то и дело бомбила боевые порядки наших войск. Только 12 августа вражеская авиация совершила около 600 самолето-пролетов.

В результате боев 12 и 13 августа войска фронта, прорвав внешний оборонительный обвод, на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова. Эти бои продолжались вплоть до 17 августа.

Немецко-фашистское командование принимало меры по централизации управления войсками. Оперативная группа «Кемпф», действовавшая против Степного фронта, в связи со значительным ее усилением 16 августа была реорганизована в 3-ю армию под командованием генерала танковых войск Вернера Кемпфа. Назначение этого генерала командующим 3-й армией было не случайным. Выходец из старого пруссачества Вернер Кемпф еще в 1905 году вступил на службу в пехотный полк. В 1912 году в чине лейтенанта он был переведен в морскую пехоту, где в течение первых двух лет мировой войны занимал разные должности, а затем служил в морском корпусе в качестве офицера генерального штаба. Позднее Кемпф снова перешел в сухопутную армию и после окончания войны занимал ответственные должности в военном министерстве рейхсвера. В период германо-польской войны он в чине генерал-майора командовал 4-й танковой бригадой. Во время французской кампании 1940 года он уже командовал 6-й танковой дивизией. За верность Гитлеру в августе 1940 года получил чин генерал-лейтенанта, а за особые заслуги во время операций на западе был награжден «Рыцарским крестом». Находясь на советско-германском фронте, он занимал командные должности, в том числе командовал оперативной группой «Кемпф», названной по его имени. Верный служака «фюрера», Вернер Кемпф яростно проводил в жизнь приказ Гитлера «удержание Харькова любой ценой», не останавливаясь перед жестокими репрессиями против солдат и офицеров, проявлявших признаки трусости и нежелание драться на русском фронте.

В течение 18 и 19 августа бои продолжались с еще большим ожесточением. Особенно упорными они были в полосе 53-й армии, в районе лесного массива северо-западнее Харькова. Обойдя этот массив основными силами, части армии овладели им и к исходу 20 августа захватили цепь узлов сопротивления противника, созданных на реке Уды — Пересечная,

Гавриловка, Куряж. Эти узлы как бы запирали пути для дальнейшего наступления наших войск западнее Харькова.

69-я армия, используя успех 53-й армии, сосредоточила свои главные усилия на правом фланге и начала быстро обходить Харьков вдоль северо-западного и западного фасов городского обвода.

Чтобы воспретить противнику отход из Харькова и ускорить овладение городом, командующий фронтом принял решение силами 5-й гвардейской танковой армии нанести удар на Коротич в 8 км западнее города и перерезать пути отхода вражеским соединениям.

21 августа развернулись особенно упорные бои на переправах реки Уды в районе Гавриловки, Надточий, непосредственно в западных пригородах Харькова.

Большую помощь наступающим войскам оказывали славные летчики фронта. Только 21 августа соединения 5-й воздушной армии произвели 561 самолето-вылет и уничтожили 16 танков, 100 автомашин и 4 склада боеприпасов противника.

С наступлением темноты сопротивление противника было сломлено и наши части захватили плацдармы на южном берегу реки Уды.

Мы придавали особое значение форсированию этой реки. Вскоре наши инженеры построили переправы для 5-й гвардейской танковой армии, которая 22 августа перешла в наступление и к вечеру этого же дня захватила Коротич. Для врага создавалась угроза полного окружения его войск в районе Харькова.

18 августа возобновили наступление и соединения 57-й армии. Ей была поставлена задача наступать в общем направлении на Мерефу, а одной дивизией — по южному берегу реки Уды с целью обеспечения левого фланга основной группировки армии.

Противник прекрасно понимал, каковы будут результаты этого наступления. Ведь в случае выхода армии в район Мерефы вся его группировка была бы окружена плотным кольцом наших войск. Враг решил любой ценой остановить войска 57-й армии. Как потом стало известно, противник бросил против частей армии 355-ю пехотную дивизию из своего резерва. Ломая сопротивление врага, соединения 57-й армии к исходу 22 августа подошли вплотную к восточной окраине Безлюдовки, в 8 км южнее Харькова.

Таким образом, к исходу 22 августа вражеская группировка оказалась в полуокружении. В распоряжении противника осталась лишь одна железная и шоссейная дорога, идущие из Харькова на Мерефу и Красноград. Но и эти дороги находились под ударами нашей авиации.

Для нас, участников боев за Харьков, на всю жизнь останется памятной ночь с 22 на 23 августа 1943 года. Перед нами открывалась панорама ночного города, освещаемого вспышками, взрывами, пожарами и сотрясаемого страшным орудийным гулом.

Огромные массы войск были сосредоточены на сравнительно небольшой территории, прилегающей к Харькову. Воины нашего фронта прекрасно понимали, что начинается решающий этап победоносного наступления на харьковском направлении — штурм города. Мы знали, что в городе томятся наши братья — советские люди, перенесшие все страдания гитлеровской оккупации. Харьковчане уже слышали грозную поступь дивизий Красной Армии, их сердца переполнялись радостью: близок час освобождения! Советские братья — воины Красной Армии — у стен города!

Гитлеровские войска, несмотря на безнадежное положение, упорно сопротивлялись. Во все дни нашего наступления ни на одном из участков фронта не было, пожалуй, столь ожесточенных контратак противника. В результате отхода войск врага к Харькову его боевые порядки еще больше уплотнялись. Непосредственно в черте города оказалось большое количество войск врага. Здесь оборонялись 320-я, 168-я, 106-я, 282-я и 39-я пехотные и 6-я танковая дивизии.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн приказал генералу Кемпфу удержать город любой ценой. Отборные гитлеровские войска упорно дрались, чтобы выиграть время для подхода резервов и в дальнейшем добиться перелома в ходе сражения в свою пользу. Из показаний пленных стало известно, что войскам противника был зачитан приказ Гитлера, в котором говорилось что ни один немец не имеет права уйти из Харькова. Солдатам были обещаны награды.

Оценивая сложившуюся обстановку, командование фронта понимало, что враг еще силен. Для его полного окружения потребуются большие усилия. Между тем, противник мог еще маневрировать своими войсками, используя открытый коридор, не занятый нашими войсками, непосредственно юго-западнее города. Поэтому все наши мысли были направлены на то, чтобы лишить врага этой возможности и воспрепятствовать отводу его живой силы и техники из города.

По указанию командующего фронтом генерала И. С. Конева в 19 часов 45 мин. 22 августа я отдал приказание командующему 69-й армии. Вот его содержание:

«Командующему 69-й армии. Манагаров вышел на фронт Старый Люботин — Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин, Харьков горит. Слышны большие взрывы.

Командующий фронтом приказал: 94 гв. сд. по боевой тревоге и танковую бригаду форсированным маршем сосредоточить восточнее Куряжа и, не медля ни одной минуты, силами 94 гв. сд., 305 сд. и танковой бригады через Савченки... перейти в наступление в направлении Залютино, отрезая пути отхода противнику из Харькова. С фронта не медля приказать войскам перейти на штурм города Харькова.

Действия должны быть решительными и энергичными».

К вечеру 22 августа и у немецкого командования исчезли все надежды на длительное удержание города. Дело в том, что врагу не принесли успеха контрудары его танковых дивизий против Воронежского фронта в районе Богодухова и Ахтырки. Еще 19 августа враг вынужден был в этом районе перейти к обороне. А это давало возможность войскам Воронежского фронта успешно наступать западнее Харькова. Крайне тяжелая обстановка сложилась для гитлеровских войск и на других участках советско-германского фронта. Как известно, к 18 августа войска Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно завершили Орловскую наступательную операцию и вышли на подступы к Брянску. К этому же времени противник отходил на западном направлении в районе Смоленска. Южнее нас успешно наступали войска Юго-Западного и Южного фронтов в Донбассе.

Все это вынудило немецко-фашистское командование принять решение о выводе из Харькова остатков своей группировки, чтобы спасти ее от полного уничтожения.

Заключительные бои за Харьков развернулись в ночь с 22 на 23 августа. Чтобы не дать возможности противнику вывести свои войска, оборонявшие Харьков, вечером 22 августа всем армиям был отдан приказ о ночном штурме города. Выполнение задачи по непосредственному овладению городом возлагалось на войска 69-й и 7-й гвардейских армий.

Всю ночь с 22 на 23 августа в городе шли ожесточенные уличные бои. Противник превратил все каменные постройки в своего рода доты. Нижние этажи домов использовались в качестве огневых позиций артиллерии средних калибров; верхние этажи занимались автоматчиками, пулеметчиками. Все подступы к городу, въезды и улицы на окраинах были сплошь заминированы и перекрыты баррикадами.

Вспоминая теперь бои за город и в его предместьях, хочется еще раз сказать о героизме советских воинов всех родов войск, который они проявили в борьбе с врагом. Ночью, при свете зарева, стоявшего над Харьковом, советские воины умело обходили укрепленные позиции противника, просачивались в его оборону и смело атаковали вражеские гарнизоны с тыла.

Утром 23 августа истерзанный врагом город был в руках советских войск. К 12.00 Харьков окончательно был очищен от гитлеровских войск.

В результате ночного штурма противнику были нанесены огромные потери. Только в районе Харькова и его пригородах на поле боя осталось свыше 7 тыс. немецких солдат и офицеров. Противник потерял массу боевой техники, разбитые и деморализованные остатки гитлеровских войск, преследуемые нашими танками и авиацией, в панике бежали на юго-запад за реки Мерефу и Мжу.

23 августа 1943 года во всех частях и соединениях был объявлен приказ Военного совета Степного фронта. В приказе говорилось:

«В результате репительного штурма и прорыва сильно укрепленных оборонительных полос противника... доблестные воины Степного фронта 23 августа 1943 года овладели Харьковом.

В боях за Харьков все бойцы, офицеры отличились в мужестве и умении бить ненавистного врага.

Объявляю всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу благодарность.

Вечная память погибшим в боях за Родину!

Слава героям!

Доблестные воины, вперед на запад, за полный разгром немецких оккупантов!»

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, десять дивизий Степного фронта — 89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия, 252-я, 84-я, 299-я, 116-я, 375-я, 183-я стрелковая, 15-я, 28-я и 93-я гвардейские стрелковые дивизии удостоились высокого воинского отличия: им было присвоено наименование «Харьковских». Ряд частей, много генералов, офицеров, сержантов и красноармейцев получили правительственные награды.

Так закончилась одна из героических страниц борьбы Красной Армии за освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков.

* * *

Около пятидесяти дней длились ожесточенные бои к югу от Курска. В ходе оборонительного сражения, а затем контрнаступления наши войска разгромили крупную группировку врага.

Армии Воронежского и Степного фронтов, разгромив вражеские войска в районе Белгорода и Харькова, нависали теперь над всем южным крылом германского фронта, заняв выгодное положение для дальнейшего развития наступления с целью освобождения всей Левобережной Украины с последующим форсированием Днепра.

У меня, как участника боев за Харьков, на всю жизнь останется в памяти митинг трудящихся в освобожденном городе. Это было 30 августа у памятника Т. Г. Шевченко. Город в то время ликовал. Он был украшен яркими транспарантами и флагами. Везде гремела музыка.

На митинге с большой речью выступил член Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев. Он выразил глубокую благодарность от имени украинского народа командованию и всему личному составу Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов.

— Наши генералы, бойцы и офицеры стойко сражались,— заявил Н. С. Хрущев.

Все для фронта, все для победы! Теснее сплотим свои ряды под знаменем, которое принесло нам победу.

Вперед на запад! Вперед за Украину!»

Уже 23 августа в город прибыли советские и партийные органы Украинской ССР.

Под руководством Коммунистической партии харьковчане приступили к возрождению своего любимого города.

И. Е. КУЛАГИН

Бывший начальник отдела ремонта
и эвакуации Степного фронта

НАМ ПОМОГАЛИ ХАРЬКОВЧАНЕ

3 августа 1943 года войска Воронежского и Степного фронтов завязали бои за Харьков.

Для обеспечения боевых действий войск Степного фронта был заранее разработан подробный план танко-технического обеспечения боевых операций бронетанковых и механизированных соединений по освобождению Харькова от фашистских захватчиков.

Руководство инженерно-танковой службой в период боевых действий осуществлялось следующим образом.

При командующем бронетанковыми и механизированными войсками фронта была создана постоянная оперативная группа из офицеров штаба и танко-технической службы. В задачу этой группы входило, в частности, поддержание непосредственной связи с наступающими бронетанковыми и механизированными частями фронта, организация ремонта и эвакуация бронетанковой техники в полосе действия своих войск. Все фронтовые ремонтные и эвакуационные части были подтянуты ближе к фронту.

Такая организация танко-технического обеспечения позволила значительно повысить боеготовность войск, так как все эвакуированные и отремонтированные танки сразу же возвращались в свои части.

Наши войска успешно продвигались вперед, и необходимо было в короткие сроки ремонтировать боевую технику. Настроение у всех нас было радостное: каждый понимал, что скоро мы будем в Харькове.

По решению Военного совета фронта для быстрейшего восстановления выходящей из строя бронетанковой техники нам разрешалось, кроме штатного личного состава ремонтных частей, широко привлекать к ремонтным работам специалистов из гражданского населения. Мы всегда были связаны с партийными и советскими организациями, с населением.

Пожилые рабочие, специалисты МТС, даже инвалиды с большой охотой помогали ремонтировать боевую технику.

Вспоминается эпизод, рассказанный командиром 92-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона подполковником Р. Ф. Николаенко.

Однажды поздно ночью во время горячих боев за Харьков с командного пункта фронта приехал в нашу часть генерал-полковник Куркин. На сборном пункте аварийных машин скопилось много подбитых и отставших танков. Генерал-полковник Куркин внимательно ознакомился с ходом работ и потребовал ускорить ремонт техники. Танкисты-ремонтники плотным кольцом окружили любимого генерала, всем хотелось узнать, как идут дела на передовой. Генерал-полковник Куркин, умевший всегда быстро найти контакт с рядовыми, был в приподнятом настроении. Делясь своими впечатлениями о боевых действиях танкистов Степного фронта, он сказал, в частности:

— Наши части успешно продвигаются вперед, гитлеровцы не ожидали, что мы так быстро освободим Белгород. Немцы упорно сопротивляются, но дела их плохи, скоро будем в Харькове. Быстрее ремонтируйте танки. Танки нужны сейчас как никогда.

92-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон был укомплектован в основном рабочими харьковских заводов, а некоторые были из тех районов, где шли ожесточенные бои.

После посещения ремонтной части командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта многие просились на передовую. С удвоенной энергией взялись люди за работу. Каждому радостно было сознавать, что, ремонтируя танки, он также принимает участие в могучем наступлении советских войск.

По дорогам и полям боев от сборных пунктов поврежденных машин непрерывным потоком шли отремонтированные танки, они двигались к фронту в свои части, чтобы вступить в бой за родной Харьков.

В связи с успешным продвижением войск Степного фронта гитлеровские войска предпринимали отчаянные попытки удержать город.

Фашисты заставляли население Харькова и окрестных сел строить инженерные укрепления вокруг города. Гитлеровцы развернули кампанию оголтелой клеветы на советский народ и его армию. Они утверждали,

в частности, что советским войскам не удастся освободить Харьков. Однако враг не мог устоять перед мощным натиском советских войск.

В последние дни пребывания в городе гитлеровцы насильно отправляли на Запад молодежь, взрывали и жгли заводы, жилые дома, запасы продовольствия. Днем и ночью гремели взрывы и бушевали пожары. Город был погружен во тьму — электростанция не работала, подача воды прекратилась. Оставшееся население — старики, дети, женщины — укрывалось в подвалах домов; немало харьковчан бежало из города.

В эти дни неподалеку от южной окраины Харькова, в районе совхоза «Коммунар», разыгрался большой танковый бой, в котором советские танкисты наголову разбили врага.

В моей памяти запечатлелось много примеров геройства и отваги наших славных танкистов, громивших врага. Не могу не рассказать о таком эпизоде.

Танковая бригада трое суток не выходила из боя, отражая бешеные атаки противника.

Местность вокруг Харькова была пристреляна гитлеровцами. Свои танки и артиллерийские батареи на окраине города они зарыли в землю и вели прицельный огонь с места. Танкисты бригады получили приказ сломить сопротивление врага, энергично развивать наступление и прорвать укрепления обводного рубежа вокруг Харькова. Завязался ожесточенный бой. Наши танки ворвались в расположение немецких войск.

Помню, как вырвавшемуся вперед советскому танку преградили путь три танка противника. Но отважный экипаж не дрогнул и меткими выстрелами поджег фашистские танки. Затем экипаж направил свою машину на укрепление врага и стал расстреливать из пулеметов разбегавшихся гитлеровцев. Но все же немцам удалось поджечь наш танк зажигательной смесью. Пламя охватило машину. Отважный экипаж бросал свой танк с одного места на другое, стремясь сбить огонь. Потом мы потеряли эту машину из виду. Танки бригады возвращались после атаки, но одного танка среди них не было. С тяжелым чувством танкисты поглядывали на место боя. «Погиб экипаж»,— решили все. И вдруг вдали показался танк. Сколько было радости и восторга друзей. Танк подъехал. Открыли люки. Покрытые копотью, в ожогах выходили один за другим из танка члены экипажа... Жаль, я не запомнил имен героев и не имею сведений о дальнейшей судьбе этих людей.

Я рассказал лишь об одном из многих примеров мужества и отваги танкистов в боях за Харьков.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками приказал мне срочно выехать в Харьков, с тем чтобы на месте определить возможности организации ремонта танков на харьковских заводах и заняться размещением ремонтных частей фронта. В этот же день с группой офицеров я выехал в город.

Вот, наконец, и Харьков!..

Нелегко досталась нам эта победа. Немало лучших сынов нашей Родины отдали свою жизнь на поле боя, сражаясь за освобождение города.

На южной окраине Харькова еще шла перестрелка, с Холодной Горы по центру города фашисты вели редкий артиллерийский огонь, снаряды рвались неподалеку от гостиницы «Спартак». Под грохот взрывов и не стихавшую на окраине города стрельбу мы въезжали на Сумскую улицу. Я был свидетелем волнующих встреч харьковчан с советскими воинами-освободителями.

В одном из уцелевших зданий на Сумской улице мы встретились с секретарем городского комитета партии В. М. Чураевым. Я рассказал ему о поставленной передо мною задаче.

В. М. Чураев встретил нас приветливо.

— Дорогие товарищи,— сказал он,— вы видите, какая еще обстановка в городе: все парализовано, заводы взорваны, много еще в городе мест, заминированных фашистами.

У него был очень усталый вид, видимо, в последние дни боев за Харьков спать приходилось мало, к нему непрерывно шли люди, надо было налаживать жизнь города и срочно оказать населению медицинскую помощь, организовать водоснабжение, решить много других неотложных дел.

На прощанье тов. Чураев порекомендовал нам осмотреть заводы и внести свои предложения по организации ремонта техники. «Вечером приезжайте ко мне,— сказал он,— соберем бюро, мобилизуем рабочих, коммунистов. Мы со своей стороны сделаем все».

Мы побывали на нескольких заводах. Уходя из города, фашисты стремились нанести как можно больший ущерб харьковским предприятиям: они взрывали и минировали цеха, уничтожали оборудование.

Поздно вечером мы собрались у тов. Чураева. Он внимательно выслушал наши соображения, и было принято решение срочно организовать ремонт танков в цехах трех заводов.

В эту же ночь по указанию командующего бронетанковыми и механизированными войсками Степного фронта часть фронтовых средств была размещена в Харькове.

Работы было много. Фронту нужны были танки. На подступах к Харькову, на окраинах города скопился большой ремонтный фонд. Фронтовые эвакороты приступили к эвакуации техники.

Большую помощь в организации ремонта оказывали нам коммунисты Харькова, рабочие, инженеры. Они, в частности, откапывали оборудование, приносили даже с квартир свой инструмент. Войска Степного фронта все время поддерживали связь с заводами Харькова. Рабочие вместе с

войсковыми ремонтниками-танкистами оказывали бронетанковым войскам фронта большую помощь в ремонте танков.

Нельзя не вспомнить такой интересный эпизод.

Когда наши войска были уже далеко от Харькова, однажды поздней ночью в штаб фронта прибыли представители харьковских заводов. Они рассказали, что на заводах Харькова развернулись большие работы. Много танков уже отремонтировано, но на заводе были большие трудности с выплатой заработной платы рабочим. Я доложил об этом командующему бронетанковыми и механизированными войсками Степного фронта генерал-лейтенанту Фекленко, назначенному вместо генерала Куркина. Заводу были немедленно перечислены деньги, я получил приказ выехать в Харьков, на месте ознакомиться с состоянием дел и все отремонтированные танки направить своим ходом (железная дорога в то время не работала) на передовую, в танковую бригаду.

Побывав на харьковских заводах, я был поражен большим размахом работ по ремонту танков.

Совместно с представителями обкома партии, с рабочими и инженерами заводов мы собрали большую колонну танков, механиков подобрали из рабочих, и своим ходом танки были направлены на передовую.

Танкисты генерала Ротмистрова успешно форсировали Днепр, ликвидировав внезапно крупные группировки противника, освободили Пятихатки и Кировоград, много других населенных пунктов и успешно развивали наступление.

Решением Ставки Верховного Главнокомандования Степной фронт был переименован во 2-й Украинский фронт.

Перед командованием фронта встала задача — обеспечить боеприпасами и горюче-смазочными материалами быстрый темп продвижения танков.

...Смуглый, худощавый, с густыми усами, среднего роста, в больших очках, в эти минуты генерал Ротмистров, досадливо качая головой, говорил генералу Фекленко:

— Дайте мне скорее горючего, дайте снаряды — и вы посмотрите, что войска сделают.

Когда мы ехали в штаб фронта, генерал Фекленко спросил:

— Сколько у нас во фронтовых ремонтных и эвакуационных частях автомашин?

Я назвал ему количество.

— Так вот что,— продолжал генерал,— ты слышал, что делается у Ротмистрова? Ему нужно быстро оказать помощь. Пусть это немного и не по-инженерному, зато по-боевому. Собирай все летучки, снимай все оборудование, разгрузи запасные части и организуй сегодня ночью подвоз в первую очередь горючего и боеприпасов. Другого выхода нет.

Задание было срочное и необычное.

Собрав большую колонну автомашин, две ночи подряд мы возили для частей генерала Ротмистрова боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Дороги были все разбиты. Трудно приходилось, но задание было выполнено. Когда я доложил генерал-лейтенанту Фекленко о выполнении его приказа и о том, что все оборудование на машины поставлено и ремонт танков организован в соответствии с утвержденным планом, генерал улыбнулся и сказал: «Вот это прекрасно!» — и пожал мне руку.

Войска 2-го Украинского фронта продолжали наступление.

П. И. БУНЯШИН

Генерал-майор запаса,
бывший командир 84-й Краснознаменной
Харьковской стрелковой дивизии

МУЖЕСТВО, ОТВАГА, СТОЙКОСТЬ

I

Борьба за Харьков началась задолго до выхода частей Красной Армии на ближние подступы к городу. Первым этапом сражения следует считать тот момент, когда советские войска остановили бронированные немецко-фашистские орды в районе Белгорода и Курска. Измотав и обескровив их в оборонительных боях, наши части вырвали инициативу из рук обанкротившегося немецкого командования и сами перешли в решительное наступление.

84-я стрелковая дивизия входила в состав 53-й армии Степного фронта. Она вступила в бой за Харьков 5 августа 1943 года в районе села Стрелецкого. Цель развернувшегося наступления — захватить Белгородский укрепленный район. Его немцы называли «северным неприступным бастионом Украины» и пытались во что бы то ни стало удержать Белгород в своих руках. Гитлеровцы прекрасно понимали, что от судьбы этого района во многом зависит и судьба Харькова.

Необычное волнение испытывало наше командование накануне вступления в бой. Ведь большая часть дивизии, особенно ее рядового и сержантского состава, в боях ранее не участвовала и была плохо подготовлена. Беспокойство усилилось, когда стала известна обстановка, в условиях которой предстояло вступление дивизии в сражение. В ходе ожесточенного боя, разгоревшегося за командную высоту 212,8, нужно было пройти

«перекатом» через боевые порядки 252-й стрелковой дивизии и овладеть высотой.

Я принял решение ввести в бой вначале только два батальона — по одному от 201-го и 382-го стрелковых полков под командованием опытных, инициативных командиров старшего лейтенанта Тувова и капитана Пащенко. После короткой, но мощной артиллерийско-минометной подготовки батальоны перешли в наступление. Старший лейтенант Тувов первый поднялся в атаку. С возгласом: «За Родину! Вперед!» он бросился на врага. Мужественному примеру последовали все офицеры обоих батальонов. Увлекаемые храбростью своих командиров, воодушевленные их героическим примером и бесстрашием, бойцы смело атаковали высоту и после непродолжительной рукопашной схватки овладели ею.

Отразив несколько контратак противника, части дивизии к исходу дня продвинулись еще на 8 километров и вышли на рубеж хутора Водяного.

В этом первом бою на Белгородско-Харьковском направлении уничтожено было много военной техники, солдат и офицеров противника, захвачены большие трофеи. Только один второй батальон 201-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Тувова истребил до 170 гитлеровцев и 9 взял в плен.

Наши солдаты и офицеры вели себя мужественно и смело. Боец узбек Кара Усаров в рукопашной схватке уничтожил трех гитлеровцев, а Султан Хамраев двух взял в плен. Старший сержант пулеметчик Дворецкий, отражая контратаку, огнем своего пулемета сразил 20 фашистских солдат и одного офицера. Командир отделения 201-го полка Абдурахман Мустафаев заметил раненого командира взвода. С возгласом: «Взвод, слушай мою команду! За Родину, вперед!» повел он солдат в наступление. Вскоре Мустафаев сам был ранен, но продолжал командовать до тех пор, пока взвод не выполнил поставленной задачи. При этом истреблено было свыше 20 гитлеровцев и двое взяты в плен. Бойцы Прокопенко и Иманов, будучи ранеными, отказались покинуть поле боя и продолжали сражаться.

Примеров смелости, храбрости, выдержки, высокого наступательного порыва в этом первом бою было немало.

Итоги дня показали, что боевая учеба, воспитательная работа, проводившаяся три месяца, дали отличные результаты. Несмотря на многонациональный состав частей дивизии, они представляли собой единую дружную, братскую семью. Для нее характерны были непоколебимая преданность своей матери-Родине, высокое сознание воинского долга, товарищеская взаимопомощь. Все эти качества наших солдат и офицеров — отражение морально-политического единства, дружбы народов СССР, их высокого патриотизма

II

Немецко-фашистские войска, основательно потрепанные в боях в районе Белгорода, предпринимали отчаянные попытки остановить победоносное наступление Красной Армии. Они использовали заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи, яростно цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую высоту, минировали дороги.

Задача частей Красной Армии состояла в том, чтобы, преодолевая один вражеский рубеж за другим, не снижать темпа наступления, не давать противнику передышки. Части 84-й стрелковой дивизии в этих боях широко применяли тактику маневрирования и ночных действий небольшими подразделениями. С наступлением темноты подразделение скрытно выдвигалось как можно ближе к противнику, а затем в назначенный час при сильной огневой поддержке всех частей дивизии стремительно атаковало гитлеровцев.

Углубившись в расположение врага на 3—4 километра, наши бойцы, маневрируя, открывали огонь из автоматов, бросали гранаты, пускали в разных направлениях разноцветные ракеты, кричали «ура». Все это вызывало беспорядочную стрельбу и панику среди оборонявшихся гитлеровских частей. Атакованный после этого с фронта враг оставлял занимаемые позиции и в беспорядке начинал отходить. Благодаря такому методу прорыва обороны на узком участке фронта частям дивизии удавалось вести наступление высокими темпами. За сутки мы проходили в среднем по 12—15 километров.

Так, пядь за пядью отвоевывалась советская земля. Все время маневрируя, обходя вражеские опорные пункты, уничтожая их с тыла, широко применяя ночные действия, воины дивизии пробивали дорогу на Харьков.

Преодолевая ожесточенное сопротивление и неоднократные контратаки противника, наши части 13 августа вышли на рубеж Семеновка — Лужок, что в 8—9 километрах северо-западнее Харькова. За восемь суток дивизия продвинулась вперед более чем на 90 километров, овладела сорока двумя населенными пунктами, в том числе железнодорожной станцией Казачья Лопань, районным центром Микояновка. Особой ожесточенностью отличались бои за населенные пункты Слатино, Микояновку и высоты 186,3, 201,7, 183,6.

За это время частями дивизии было уничтожено 15 танков, 6 самоходных орудий «фердинанд», 77 шестиствольных минометов и 52 миномета 81-миллиметровых, 148 пулеметов, 114 орудий разных калибров, 38 автомашин, 35 повозок. Убито и ранено до 7000 фашистов; захвачены склад с боеприпасами, 2 склада с горючим, 38 танков, 6 самоходных орудий, 18 минометов, 201 пулемет, самолет и многое другое; взято в плен 98 солдат и офицеров.

Пройденный дивизией путь от села Стрелецкое до Семеновки характеризовался высоким тактическим искусством наших офицеров. Он отмечен мужеством, отвагой, воинским мастерством солдат и сержантов. Высота 210, 5 контролировала большой участок местности и являлась важным опорным пунктом в обороне противника. Обойти ее не представлялось возможным. Тогда командир 2-го батальона 201-го стрелкового полка старший лейтенант Тувов решил атаковать высоту двумя взводами с флангов и тем самым отвлечь внимание немцев. Когда задача была выполнена, основные силы батальона атаковали высоту в лоб. Важный опорный пункт противника был разгромлен с малыми потерями. Полк получил возможность продвигаться вперед.

Высота 201,7 преградила путь наступления 41-му стрелковому полку. Попытка овладеть ею с фронта не дала результатов. Тогда командир полка направил группу разведчиков во главе с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Миклашевским в обход опорного пункта. Отважные разведчики, маскируясь кукурузой и подсолнухом, незаметно просочились через боевые порядки противника и атаковали высоту с тыла. Действия разведки немедленно были поддержаны другими подразделениями полка. Опорный пункт гитлеровцев оказался в руках советских воинов.

Это произошло настолько быстро и неожиданно для фашистов, что они не сумели оказать серьезного сопротивления. Услышав шум боя в районе высоты 201,7 и будучи уверенным в том, что ее русским не взять, командир 2-го батальона 394-го мотополка 3-й танковой дивизии немцев Юрген Биллер выехал сюда на мотоцикле. Но вместо своих солдат Биллера встретили наши разведчики и взяли его в плен вместе с ординарцем.

В районе этой же высоты бойцы 1-й минометной роты 41-го стрелкового полка во главе с лейтенантом Дубровиным захватили 6 минометов и свыше 300 мин. Повернув минометы в сторону противника, наши солдаты открыли огонь по врагу, уничтожив при этом много фашистов, в беспорядке отступавших на запад.

III

В жизни воина бывают такие минуты, когда он, распаленный азартом боя, обретает незаметно для себя могучую силу и совершает поступок, о котором раньше и не помышлял. Два чувства, неразрывно связанные между собой, руководят им в это время: беспредельная любовь к Родине и жгучая ненависть к врагу. И нет тогда для него никаких преград. Так рождаются герои, так родился и героический поступок Александра Кривоноса.

Он был в головном дозоре своей наступающей роты. Дозор двигался через поле, засеянное подсолнечником. Около балки поле внезапно оборвалось.

— Черт возьми, вот это ловко! — прошептал Кривонос и отпрянул назад к своему напарнику. Впереди стояли пять шестиствольных минометов и три тяжелых орудия. Около минометов возился один немецкий солдат. Еще четыре солдата грузили ящики с минами на автомашину. Возле орудий, беззаботно разговаривая, сидела группа немецких солдат. Окопов вблизи не было. По-видимому, орудия были подготовлены к отходу и расчет ожидал тягачей. Кривонос послал напарника с донесением в роту, а сам забросал гитлеровцев гранатами, застрочил из автомата. Фашисты не успели и опомниться, как большая часть их была уничтожена. Остальные немецкие солдаты, не подозревая, что имеют дело только с одним советским бойцом, бросились наутек.

Окрыленный успехом, подбадриваемый дружными криками «ура» спешивших на помощь товарищей сержант Кривонос бежал вперед. В метрах ста пятидесяти были дома. Александр заметил, как в самый крайний бросилось несколько фашистов. Разгоряченный боец вслед за ними вскочил на крыльцо. В этот момент он не думал, что бежит один, а врагов много. В небольшом коридорчике было две двери — одна напротив другой. Сержант рванул левую. Комната оказалась узлом связи. Перед Кривоносом сидел солдат и что-то кричал в микрофон. Сержант схватил оказавшийся под руками телефонный аппарат и, прежде чем враг успел обернуться, раскроил ему череп. Затем Александр снова выскочил в коридор, распахнул другую дверь. Группа фашистов застыла в страхе. Какую-то долю секунды длилась зловещая тишина. Ее нарушила длинная очередь из автомата, а затем взрыв гранаты. Комната наполнилась дымом, криками, стонами. А Кривонос уже выскочил на улицу, расстреливал бегавших по двору гитлеровцев.

Все это произошло так быстро, что когда подошла рота, ей здесь делать было нечего.

— Как же сумел ты один за несколько минут уничтожить полсотни гитлеровцев? — задали сержанту вопрос. А Александр Кривонос ответил:

— Уж очень я зол на них!

Высокое мужество, стойкость, беззаветную преданность Родине проявляли воины всех специальностей. Каждый боец на своем посту стремился как можно лучше выполнить свой долг.

Группа воинов саперного батальона дивизии — младший сержант Воронов, ефрейторы Пухов, Кривошапка и Серегин — под сильным артиллерийским и минометным огнем в короткий срок восстановили разрушенный мост в селе Камышеваха. Благодаря этому части дивизии получили возможность продвигаться вперед, не снижая темпа наступления.

Санинструктор роты 201-го стрелкового полка Валя Быкова в самые жаркие моменты боя, под огнем оказывала помощь раненым. Когда не было раненых в своей роте, она отправлялась в соседние подразделения. За несколько дней Валя перевязала и вынесла с поля боя 22 раненых бой-

ца с их оружием. В одном из боев Валя была сама ранена, но мужественно продолжала работать, пока не были эвакуированы все раненые.

Отважная разведчица комсомолка Нина Курицина во время одной сильной контратаки, видя, как дрогнули находящиеся впереди бойцы ее роты, первая поднялась на врага и с возгласом: «Бейте гадов!» устремилась вперед. Воодушевленные примером храброй разведчицы, солдаты бросились в атаку и отбросили врага. В этом бою Нина уничтожила восемь фашистов.

Отделение связи, возглавляемое сержантом Федором Кочетовым, вело телефонную связь в 41-й стрелковый полк. Неожиданно связисты встретили группу гитлеровцев, застрявшую в тылу наших войск. Сержант не растерялся. Отделение смело вступило в бой и в короткой схватке уничтожило 12 фашистов. Кочетов лично сразил пять гитлеровцев. Получив ранение, командир отделения не оставил своего поста до тех пор, пока не была установлена телефонная связь с полком.

Боец 382-го стрелкового полка Василий Корешков во время наступления на поселок Дергачи все время был впереди своей роты. Сблизившись с противником, Корешков с возгласом: «Вперед на Харьков!» бросился в атаку, увлекая за собой остальных бойцов. В этом бою отважный солдат уничтожил пять фашистов и одного взял в плен.

Большой выдержкой и смелостью отличался наводчик противотанкового орудия ефрейтор Николай Шитов. Во время наступательных боев, двигаясь с орудием в боевых порядках пехоты, он метким огнем уничтожил много фашистов. Однако с танками врага ему еще не приходилось встречаться. Но вот наступило и это время. 10 августа 1943 года в районе села Безруковки противник контратаковал наши подразделения пехотой, поддержанной танками. Шитов и на этот раз проявил большую выдержку и самообладание. Подпустив танки на близкое расстояние, он открыл меткий огонь из своего орудия. С первого же выстрела поджег головную машину. Остальные танки стали разворачиваться, изменяя направление. Шитов воспользовался тем, что один из танков подставил левый борт и выстрелил в него. Танк сначала вспыхнул, а затем взорвался. Умелые действия ефрейтора Шитова отмечены правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

Желание принять активное участие в боях за освобождение Харькова было настолько велико, что многие бойцы и офицеры, будучи раненными, отказывались эвакуироваться в тыл. Командир минометного расчета 2-го батальона 201-го стрелкового полка Паракшеев в ответ на предложение отправиться на медицинский пункт заявил:

— Перед нами Харьков. Мой миномет очень необходим для его освобождения, а вы говорите мне «уходите в санчасть»...

IV

На рубеже Семеновка — Лужок части нашей дивизии были остановлены заблаговременно организованной обороной противника. Гитлеровцы, назвавшие Харьков «замком украинских пространств», не жалели ни людей, ни техники для того, чтобы удержать этот замок в своих руках. Противник в течение длительного времени создавал сильные укрепления на подступах к Харькову. На рубеже Полевое — Семеновка фашисты имели хорошо оборудованные позиции. Лесной массив, расположенный за первой линией обороны, не давал возможности просматривать ее глубину и создавал благоприятные условия для скрытного маневра.

Два дня войска 53-й армии атаками с фронта безуспешно пытались прорвать оборону немцев. Тогда командующий армией генерал Манагаров решил использовать опыт ночных действий, накопленный в предыдущих боях 84-й стрелковой дивизией. 14 августа Манагаров приказал мне подготовить и осуществить прорыв.

Для выполнения этой задачи был назначен батальон 41-го стрелкового полка. Действия его под командованием старшего лейтенанта Еременко начались не с наступлением темноты, как это практиковалось раньше, а глубокой ночью, когда бдительность противника была ослаблена. Батальон незаметно ползком почти вплотную придвинулся к траншеям гитлеровцев и приготовился к атаке. По сигналу открыли сильный огонь из всех видов оружия. Прокатилось громкое «ура». Казалось, что началась атака на широком фронте. А бой повел лишь один батальон. Траншеи противника он забросал ручными гранатами, затем дружно и смело атаковал. После короткой рукопашной схватки оборона противника была прорвана. Батальон углубился в лес. Этот успех был немедленно использован остальными подразделениями 41-го стрелкового полка. И к утру 15 августа наши воины продвинулись более чем на три километра, захватили высоту 208,6. Так создана была благоприятная обстановка для прорыва обороны противника на этом важном направлении.

Действия 41-го стрелкового полка были использованы другими частями дивизии, а также соединениями 53-й армии. В ночь с 15 на 16 августа в направлении действий 41-го стрелкового полка были введены 201-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии и 252-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Анисимова. В прорыв ввели и механизированный корпус генерала Соломатина.

Так, используя успешные действия 41-го стрелкового полка в тылу врага, войска 53-й армии начали широкий обходный маневр, угрожая основным коммуникациям противника, связывающим Харьков с тылом.

Двое суток сражался 41-й стрелковый полк в тылу врага. За это время им уничтожено было 20 автомашин с войсками и боеприпасами, 4 мотоцикла, 3 артиллерийские и 2 минометные батареи и до 300 гитлеровцев.

Вместе со стрелками громила гитлеровцев 3-я батарея отдельного истребительно-противотанкового дивизиона под командованием старшего лейтенанта Вялых. 15 августа в три часа ночи батарея совместно с подразделением 41-го полка наступала в направлении высоты 208,6. На переправе через приток реки Лопань артиллеристы вынуждены были несколько задержаться и отстать от стрелков. Переправившись на противоположный берег, батарея неожиданно встретилась с противником, засевшим на опушке леса. Фашисты открыли огонь.

Положение создалось критическое. В этот момент бойцы услышали спокойный и уверенный голос своего командира, старшего лейтенанта Вялых. Он приказал развернуть орудия к бою и открыть огонь, а сам с группой бойцов бросился в атаку на врага. Жаркая схватка длилась около 30 минут. Фашисты не выдержали натиска и обратились в бегство, оставив на поле боя 20 солдат и офицеров, 3 миномета, 2 ручных пулемета и 12 автоматов.

Бессмертной славой покрыл себя командир батареи 45-миллиметровых орудий старший лейтенант Полтаракин. За два дня в тылу врага огнем его батареи было уничтожено 7 автомашин с боеприпасами и другим военным имуществом и до 70 гитлеровцев. Во время одной из контратак противник пытался замкнуть кольцо окружения одного из батальонов 41-го стрелкового полка. Батарея старшего лейтенанта Полтаракина в упор расстреливала фашистов. У одного из орудий вышли из строя командир орудия и наводчик. Полтаракин сам встал к орудию и продолжал вести огонь. Контратака была отражена, но мужественный артиллерист старший лейтенант Полтаракин пал смертью героя.

Большую роль в успешном ночном прорыве сыграла разведгруппа 41-го стрелкового полка под командованием помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Завертяева. Для того чтобы разведать глубину обороны противника, установить наличие его резервов в лесу северо-западнее Харькова и была направлена в тыл фашистам эта группа. 28 автоматчиков в ночь с 11 на 12 августа вышли в район села Куряж. Они прошли свыше 15 километров, совершая неожиданные, дерзкие налеты на гитлеровцев.

14 августа от группы Завертяева поступило донесение. В нем говорилось, что противник усиленно обороняет только опушку леса, а в глубине тыла не располагает подготовленной системой обороны и крупными резервами. Бойцы, доставившие это донесение, прошли днем через боевые порядки фашистов и привели с собой пленного солдата, захваченного при переходе линии фронта. Опросом пленного был установлен стык между двумя немецкими частями. В него и был направлен удар 41-го стрелкового полка в ночь с 14 на 15 августа.

А группа Завертяева действовала в тылу врага по 17 августа. За это время она уничтожила свыше 300 гитлеровских солдат и офицеров, 3 мо-

тоцикла, 6 пулеметов, 2 орудия, сожгла и подорвала 12 грузовых и 2 легковые автомашины. Отважный офицер Завертяев лично уничтожил огнем из автомата и гранатами 62 немецких солдата и 4 офицера, поджег 4 автомашины.

В период с 16 по 19 августа части нашей дивизии с упорными ожесточенными боями продолжали наступление, отвоевывая у противника километр за километром, отражая неоднократные контратаки. 20 августа части дивизии совместно с подразделениями 28-й гвардейской стрелковой дивизии выбили немцев из села Гавриловки, а к исходу дня вышли к реке Уды и частью сил форсировали ее.

В нашем успешном продвижении большую роль сыграли ночные действия группы автоматчиков 201-го стрелкового полка. 66 бойцов направились в тыл противника в ночь на 20 августа. Проникнув в глубь обороны гитлеровцев до 1,5 километра, они нарушили их огневую систему и подорвали устойчивость обороняющихся частей.

Исключительной ожесточенностью отличались бои 21 и 22 августа. За эти дни дивизия овладела железнодорожной станцией Шпаковка, высотами 123,1, 112,5, являвшимися важными опорными пунктами в системе обороны противника, а также перерезала дорогу Харьков — Люботин. Враг не мог примириться с потерей важной коммуникации. Он неоднократно пытался снова овладеть ею.

И здесь вновь отличился 41-й стрелковый полк. Действуя энергично и смело, он глубоко вклинился в оборону противника в районе урочища Шамрайка и совхоза «Коммунар» (в двух километрах северо-восточнее Люботина). Пытаясь вернуть потерянные позиции, немецко-фашистские войска в течение дня шесть раз контратаковали подразделения полка. Каждая контратака поддерживалась 12—20 танками, а в последних двух контратаках противник применил огнеметные танки. Но ничто не могло сломить железной воли советских бойцов и офицеров.

Образцы храбрости, мужества и отваги показали коммунисты и комсомольцы полка. При отражении одной из контратак выбыл из строя командир 2-го батальона. Командование принял на себя парторг старший лейтенант Муленков. Под командованием его батальон продолжал мужественно сражаться.

В районе совхоза «Коммунар» отличился отважный истребитель вражеских танков командир противотанкового орудия старший сержант Иван Маширь. Ему не раз приходилось вступать в единоборство с немецкими танками, и каждый раз Маширь выходил победителем. На его счету было уже несколько подбитых танков и бронемашин. Свой счет отважный боец начал вести еще на Волге. В боях за Харьков Маширь отличался исключительной выдержкой и хладнокровием. Танки противника он расстреливал с короткой дистанции.

— Самое главное,— говорил старший сержант,— это не теряться, а спокойно наблюдать, подпускать танки ближе, а затем в удобный момент бить их. Чем меньше прицел, тем вернее выстрел...

Именно так и вел себя Маширь в районе совхоза «Коммунар».

В конце дня немцы пошли в шестую контратаку. Вышел из строя командир 41-го полка майор Каргин. Казалось, что бойцы не выдержат этой самой яростной контратаки. Но полк не дрогнул. В командование вступил находившийся в это время в полку начальник оперативного отдела штаба дивизии бесстрашный и инициативный майор Лепешкин.

Солдаты и офицеры полка дрались с исключительным мужеством и отвагой. При активном содействии и помощи других частей дивизии полк отбил все контратаки противника. В ночь с 22 на 23 августа передовые подразделения 41-го и 201-го стрелковых полков ворвались на окраину города Люботина.

К этому времени судьба немецко-фашистских войск, оборонявших Харьков, была уже решена. Действиями войск Степного и Воронежского фронтов Харьков был зажат в железные клещи. Оставалось небольшое горлышко, на которое все сильнее давили части Красной Армии. Боясь окружения, фашисты поспешно эвакуировались из Харькова. 23 августа наши войска окончательно сломили сопротивление фашистов и вступили в город.

В тот же день на мой наблюдательный пункт прибыл генерал-полковник Иван Степанович Конев. Он высоко оценил боевые действия дивизии, заявив, что умелый маневр ее в лесном массиве под Харьковом сковал действия немецко-фашистских войск и в значительной мере предрешил успех битвы за Харьков. Поблагодарив меня за умелые действия, командующий фронтом приказал передать его благодарность всем бойцам и офицерам дивизии, а лучших из них представить к правительственным наградам.

Вечером 23 августа в политотделе по радио был принят приказ Верховного Главнокомандующего. Наряду с другими соединениями 84-й стрелковой дивизии за отличные боевые действия присваивалось наименование «Харьковской», а всему личному составу объявлялась благодарность.

В частях дивизии начались митинги и беседы. Бойцы и офицеры праздновали одну из славных побед, одержанных над немецко-фашистскими захватчиками. Приказ Верховного Главнокомандования был встречен с огромным воодушевлением. Выступления воинов на митингах были проникнуты высоким чувством патриотизма, неизмеримой любовью к Родине. Настроения и чувства, переживаемые личным составом дивизии в эти часы, хорошо передал в своем выступлении отважный разведчик лейтенант Уридия. Он заявил:

—За успешные боевые наступательные действия нашей дивизии присвоено наименование «Харьковской». Это обязывает нас еще смелее

и решительнее гнать и истреблять немецких захватчиков, еще беспощаднее громить гитлеровцев. Славное знамя Харьковской дивизии мы пронесем через огонь боев до полной победы над врагом.

Велика была победа, одержанная воинами-освободителями Харькова. Но пусть знают наши дети и внуки, что эта победа была достигнута ценою большого напряжения воли, физических и моральных сил.

Многие лучшие сыны нашей Родины сложили свои головы в ожесточенных боях на подступах к Харькову. Так пусть же живет в веках славная и вечная память о тех, кто отдал свою жизнь за счастье советских людей, за их светлое будущее.

И. К. МОРОЗОВ

Гвардии генерал-майор запаса
бывший командир 81-й
гвардейской дивизии

БИТВА У СТЕН ГОРОДА

1

После пятидневных боев южнее Белгорода наши гвардейцы преследовали врага. Гитлеровские войска отступали на Харьков, и украинская земля горела под ногами фашистских бандитов.

Разведчики гвардии старшины Харуна Кулаева вместе с партизанами уничтожили один из штабов полка 168-й пехотной дивизии немцев. Это была та самая дивизия, которая вместе с 19-й танковой, возглавляемой генералом фон Шмидтом, хотела уничтожить гвардейскую Дальневосточную дивизию под Белгородом на берегу Северного Донца. Теперь хваленые гитлеровские вояки поспешно отступали.

Наши разведчики и партизаны действовали только ночью. Они не ввязывались в бои и незаметно для врага обходили населенные пункты. Задача стояла сложная — кратчайшими путями, любыми средствами разведать рубежи Веселое, Терновая, Циркуны, Пруд, Большая Даниловка, Старый Салтов, Кулиничи, Харьковский аэродром.

8 августа разведывательная группа гвардии лейтенанта Николая Ипатенко захватила немецкого офицера связи. Через него установили, что перед фронтом гвардейских полков гвардии майора Титаренко и Медведева появились новые немецкие части 282-й пехотной дивизии. Они были усилены танками и подразделениями шестиствольных минометов.

Эта дивизия, введенная в бой из резерва, должна была любой ценой остановить продвижение гвардейцев Дальневосточной дивизии.

Выслушав мой доклад о переходе к обороне 282-й дивизии немцев у населенных пунктов Зеленое и Нескучное, командарм приказал 9 августа с рассветом, после артиллерийской подготовки и удара авиации, атаковать противника, прорвать его оборону и наступать на Харьков.

И вот артиллеристы 173-го гвардейского полка гвардии майора Поляковского, 97-го полка «катюш» гвардии полковника Чумака при свете луны вышли на огневые позиции.

Тишину ночи разорвала мощная артиллерийская подготовка. Позиции немцев штурмовала и авиация. Потом все затихло. Пехотинцы кричали танкистам:

— Давай, давай братцы! За вашими коробочками веселее наступать.

Ждали сигнала атаки — залпа «катюш». И вот с шипеньем, с вихрем пыли полетели через наши головы термитные мины с длинными огненными хвостами. И сразу же взревели танковые моторы, раздалось русское суворовское «ура» гвардейской пехоты. Вперед, в атаку!

Оборона 282-й пехотной дивизии немцев была прорвана. В упорных боях наша 81-я гвардейская дивизия разгромила фашистов и к исходу дня 9 августа овладела населенными пунктами Зеленым, Нескучным и северной окраиной Веселого.

В ночь с 10 на 11 августа командование 282-й немецкой пехотной дивизии хотело скрытно сосредоточить силы для внезапной контратаки. Разведчики гвардии лейтенанта Николая Ипатенко и гвардии старшины Харуна Кулаева помогли раскрыть замыслы противника. Ипатенко радировал из Петровки, что южнее ее сосредоточено до полка пехоты и 60 танков. Харун Кулаев отбивал на ключе, что у Камашного до двух батальонов пехоты и 20 танков.

11 августа в 8.00 по танкам и пехоте противника был нанесен удар нашими бомбардировщиками и штурмовиками. А затем последовал залп «катюш», и танки с десантами полков гвардии майора Ивана Медведева и гвардии подполковника Григория Скарута устремились в образовавшийся прорыв к Циркунам.

Вслед за танками двигался отдельный истребительный дивизион. Его вел гвардии капитан Георгий Сушицкий. За храбрость, быстроту действий и точность огня батарей его звали ястребом. Танкисты знали артиллеристов Сушицкого и верили им. Они никогда не подведут. И гвардии лейтенант Ипатенко докладывал: «Нахожусь в лесу северо-западнее Циркунов. Наша авиация и «катюши» нанесли точный удар по танкам и пехоте противника. Большинство танков горит, остальные расползаются, как черепахи, к пруду, что восточнее Циркунов. А пехота спешно занимает траншеи юго-восточнее Петровки и вдоль дороги севернее Циркунов у пруда.

До батальона пехоты на велосипедах и артиллерия продвигаются по дороге Харьков — Большая Даниловка...»

Данные разведки сразу же учитываются. Ускоряется движение частей, подразделений второго эшелона дивизии, меняют свои позиции артиллеристы и гвардейские минометчики подполковника Чумака — виртуозы точных залпов гвардии. Преодолевая огневое сопротивление и контратаки немцев, 238-й гвардейский полк гвардии майора Ивана Медведева батальонами гвардии майора Владимира Свечникова, гвардии капитанов Якова Завадского и Даниила Гарбузова охватил Циркуны с северо-запада.

235-й гвардейский полк гвардии подполковника Григория Скаруты батальонами гвардии капитанов Николая Денисова, Афанасия Лутая и старшего лейтенанта Дмитрия Глуховцева охватил Циркуны и Циркуновский пруд с северо-востока. Фашисты оказались зажатыми между прудом и поселком. К 21 часу стрелковые батальоны, поддержанные танкистами и огнем артиллерийских дивизионов, точными залпами «катюш» разгромили более двух батальонов немецкой пехоты, до батальона танков, много артиллерии и освободили Циркуны.

У гитлеровцев оставался один выход — через пруд. Они решили форсировать его с севера на юг. Для этого из Большой Даниловки подбрасывали переправочные средства. Советское командование предложило немцам сдаваться в плен. Но в ответ последовал яростный огонь артиллерии. Пришлось нам принять другие меры. В бои ввели 233-й гвардейский полк. Перед ним поставили задачу — закрыть немцам выход через Циркуновский пруд.

Еще раз мы попытались образумить гитлеровцев. Вечером агитмашина остановилась у дороги Циркуны — Харьков. И немцы услышали четкие слова заместителя начальника политотдела дивизии гвардии майора Шмелева: «Солдаты германской армии, сложите оружие! Сопротивление напрасно. Вы окружены, и если не сдадитесь в плен, будете уничтожены на северном берегу пруда».

Гитлеровцы ответили огнем из шестиствольных минометов. Потом бросились к переправе. Но туда же направили огонь своих батарей наши гвардейцы. И два батальона немецкой пехоты, до трех дивизионов артиллерии и до двух рот танков были уничтожены.

После ночного разгрома у Циркуновского пруда фашисты стали отходить, ожидая подкрепления из Харькова. К вечеру 13 августа противнику удалось подтянуть свежие силы. Организованным огнем и контратаками наше наступление было остановлено. Но полки гвардейской дивизии стойко закрепились на рубежах. Ночью они готовились штурмом освобождать вторую столицу Украины.

II.

В штаб 25-го гвардейского корпуса я прибыл по вызову. Меня встретили старый сослуживец по первой Тихоокеанской дивизии начпокор гвардии полковник Колесник и начальник штаба гвардии полковник Овсянников. Они объявили, что нашу дивизию решено перебросить в район совхоза имени Фрунзе. Мне необходимо срочно явиться к командарму генералу Шумилову.

Вместе с командующим артиллерии дивизии гвардии подполковником Евсеевым мы направились на ВПУ — вспомогательный пульт управления командующего. Он находился на восточных скатах высот, недалеко от одной из усадьб совхоза имени Фрунзе. Выскочив из леса, мы в колонне по одному, двигаясь в затылок за высоким адъютантом, подбежали к наспех оборудованному ВПУ. В это время из землянки вышел командарм. Идя нам навстречу, сказал громким басом:

— Ваша гвардейская Дальневосточная будет наступать на Кулиничи — станция Основа. Через нее атаки на центр города. Выйдете к памятнику Тарасу Шевченко.

К утру 14 августа части нашей дивизии заняли новые рубежи. Соседом слева была 15-я гвардейская дивизия. Разграничительная линия проходила по большому фруктовому саду, заросшему бурьяном. На деревьях уже не было фруктов, их убрали немцы. Тут же, на участках совхоза имени Фрунзе, лежали ящики с колосьями пшеницы. Гитлеровцы тоже подготовили их для отправки в Германию, но не успели вывезти.

После артиллерийско-минометной подготовки полки 81-й дивизии перешли в атаку. Они прорвали оборону противника и продолжали наступать в новых для них направлениях. По западному скату огромной балки в центре боевого порядка 233-го полка продвигалась гвардейская рота гвардии капитана Василия Кужеева. В ее составе был и прославленный взвод гвардии старшины Харуна Кудаева. А левее по восточному скату балки наступал гвардейский батальон гвардии капитана Николая Яркова.

Еще 13 августа фашистское командование заметило нашу перегруппировку, а 14-го уже почувствовало успешное продвижение советских войск. Всеми средствами фашисты решили нас остановить. С этой целью они и бросили на нас более ста самолетов. Пираты Гитлера выстроились в необычный для авиации строй — в две колонны, самолет за самолетом на дистанциях от 50 до 100 метров. Интервал между воздушными колоннами был 600—800 метров.

Одна из колонн шла строго по центру балки и левее вдоль сада, тянущегося с севера на юг. С высоты 1500—2000 метров самолеты один за другим сбросили смертоносный груз. Он состоял из разного калибра бомб и кассет с взрывающимися минами, разбрасывающими во все стороны огромное количество осколков.

Немцы растянули этот бандитский удар на глубину более двух километров и захватили им боевой порядок 233-го гвардейского полка гвардии майора Титаренко. Подвергся этому пиратскому налету батальон гвардии капитана Ивана Качанова, особенно рота гвардии капитана Василия Кужеева. Пали смертью храбрых многие герои прославленного взвода гвардии старшины Харуна Кудаева. Сам он получил тяжелое ранение.

Харун Аскарович Кудаев — сын кабардинского народа, юрист по профессии — в тяжелую для Родины годину добился снятия с него брони и поступил в Грозненское пехотное училище. Но положение на фронтах было тяжелое, и вскоре курсанты встали в строй, пошли в бой. Воевал Харун Кудаев у стен Волгограда и на Дону, под Орлом и на Курской дуге, под Белгородом и Харьковом...

Большие потери понес гвардейский батальон гвардии капитана Николая Яркова. Мужественный и бесстрашный командир, друг гвардейцев, 25-летний герой погиб в бою за свой народ, за свою Отчизну.

И все же удар гитлеровской авиации не сломил нашу волю. Наоборот, пиратские действия гитлеровцев еще больше закалили ее, усилили нашу ненависть к врагу, порыв к быстрейшему освобождению Харькова.

Стремясь отомстить врагу, все наши воины рвались в бой.

Короткий, мощный, плотный артиллерийский налет, ответный удар нашей авиации — и мы продолжаем наступление. При активной помощи рабочих разрушенных фашистами предприятий наши воины полностью уничтожили подразделения гитлеровцев в пригороде Харькова.

Громя подходившие резервы противника, части дивизии к исходу 15 августа вышли на рубежи: 283-й гвардейский полк гвардии майора Ивана Медведева северо-западнее села Кулиничи оседлал левым флангом шоссейную дорогу Старый Салтов — Харьков; 235-й гвардейский полк гвардии полковника Григория Скаруты южнее Горяево; 233-й гвардейский полк гвардии майора Степана Титаренко на ходу пополнялся и наступал на правом фланге дивизии. Артиллерия гвардии майора Поляковского и гвардии капитана Сушицкого сменяла огневые позиции и перемещалась на новые. 97-й гвардейский минометный полк «катюш» гвардии подполковника Чумака готовился с утра следующего дня обрушиться на скопление войск врага.

Ночью разведчики 235-го гвардейского полка во главе с гвардии лейтенантом Николаем Ипатенко доложили о передвижении противника к нашему фронту и вдоль него. Вся ночь прошла в тревогах за левый фланг дивизии, за 235-й полк. Пришлось обращаться за помощью к левому соседу — командиру прославленной гвардейской дивизии генералу Василенко. Он по-дружески ответил:

— Знаю, почему звонишь. Беспокоишься за своего левого сына? Ложись отдохни. За правым флангом на стыке с тобой я введу своего третьего сына...

Сыновьями мы, обычно, называли своих командиров полков при личных разговорах по телефону. Генерал Василенко пожелал мне спокойной ночи, крепкого двухчасового сна и положил трубку.

На заре без единого выстрела немцы атаковали левофланговый батальон гвардии капитана Кирилла Слаева, а потом весь 235-й гвардейский полк. Дивизия, ломая сопротивление противника, вырвалась вперед. Но сосед справа отстал и оголил правый фланг. Враг не замедлил воспользоваться этим. После сильного огневого налета гитлеровцы перешли в контратаку. И тут пришел на выручку товарищам смелый, инициативный командир 233-го гвардейского полка гвардии майор Степан Титаренко. Двигаясь во втором эшелоне за правым флангом дивизии, он со своими подразделениями обрушился на противника, разгромил его, закрыл образовавшуюся брешь. Только когда подоспел полк соседней дивизии генерала Лосева, гвардии майор Титаренко оставил преследование врага.

К концу дня части нашей дивизии завязали бои за Основу и железную дорогу, идущую из Рогани на Харьков.

III

В Харькове слышались взрывы, видны были облака пыли и дыма. Группы разведчиков лейтенанта Николая Ипатенко и Владимира Кузнецова через Основу проникли в центр города, на площадь Дзержинского. Гвардии лейтенант Кузнецов пробрался в сожженное здание штаба Харьковского военного округа и из какого-то подземелья передавал о варварских разрушениях города, о расстрелах советских патриотов. Гвардии лейтенант Ипатенко охрипшим голосом докладывал, что находится у разрушенного моста через реку Уды, что в ночь с 14 на 15 августа противник начал вывозить из Харькова награбленные ценности. Эвакуируются госпитали, а за ними следуют какие-то подразделения, вероятно, раненые и охрана.

Сообщения разведчиков требовали ускорить наступление, быстрее двигаться вперед, спасать харьковчан, спасать город.

Подаю команду форсировать выдвижение второго эшелона. Затем с командиром танкового полка и адъютантом едем в правофланговый 238-й гвардейский полк. Здесь уже идет совещание. Командир полка гвардии майор Медведев со своим замполитом гвардии майором Смирновым, командирами батальонов гвардии майором Свечниковым, гвардии капитаном Завадским и старшим лейтенантом Гарбузовым решили создать штурмовые группы. В каждую такую группу предложили ввести стрелковое отделение, пару саперов, одного-двух огнеметчиков и один танк.

— А противотанковые пушки пойдут следом за танками,— добавил начальник артиллерии полка гвардии майор Макеев.

Тут же на первый случай мы создали десять штурмовых групп и назначили время общей атаки.

23 августа в 3 часа ночи стрелковые подразделения, усиленные артиллерией и минометами, танками и саперами, перешли в наступление. Политработники, секретари партийных и комсомольских организаций дивизии, полков, батальонов и дивизионов успели разъяснить задачи штурмовым группам. Отдельные политработники провели беседы среди пригородного населения.

Гвардейцы 238-го полка гвардии майора Медведева успешно продвигались через Основу и выходили к центру Харькова. 233-й полк гвардии майора Титаренко уничтожил подразделение противника в районе южнее станции Основа и, с ходу форсировав реку Уды, оседлал шоссе Харьков—Мерефа и Харьков — Бабаи. 235-й гвардейский полк гвардии подполковника Скаруты с дивизионами гвардии капитанов Оглоблина и Гохокидзе овладел юго-западной окраиной села Гуты.

Резервы дивизии — учебный батальон на машинах отдельного гвардейского артиллерийского дивизиона нашей дивизии и гвардейского дивизиона «катюш» 97-го полка — успешно отразили контратаку пехоты противника на северо-восточной окраине села Жихарь.

Курсанты рот старших лейтенантов Полевина, Окулесского, Кирова и Поликарпова были остановлены огнем и контратаками противника северо-восточнее поселка Бабаи. Сильный артиллерийско-минометный огонь вели фашисты и по боевым порядкам 233-го и 236-го гвардейских полков из районов Покотиловки, «Червоного шляха» и западного берега реки Уды.

Но ничто уже не могло спасти гитлеровцев от разгрома.

IV

На станцию Основа подходило пополнение. Его принимал начальник отдела штаба дивизии гвардии капитан Николай Ситников. За подкреплением прибывали офицеры из полков и отдельных частей. Здесь заправлялись автомашины и танки, сосредоточивались раненые. Основа, которая еще совсем недавно была в центре нашего тяжелого наступления, стала нашим тылом. Сюда везли все необходимое для боя и жизни гвардейцев. И герои-солдаты в минуты относительного затишья вели друг с другом беседы, рассказывали о жарких схватках с врагом. С переднего края спешили сюда и вездесущие неугомонные политработники, чтобы помочь обслужить воинов тыла.

Вот с привокзальной площади раздается знакомый голос. Это выступает заместитель начальника политотдела гвардии майор Шмелев.

— Дорогие товарищи гвардейцы! По поручению командования и политотдела дивизии поздравляю вас с отличными успехами в боевых дей-

ствиях. А тех, кто прибыл к нам на пополнение,— поздравляю с вступлением в гвардейские полки.

Речь политработника Шмелева была очень короткой. После него начальник дивизионного клуба гвардии капитан Еркалов объявил:

— Перед вами выступит ансамбль песни и пляски нашей Дальневосточной гвардейской дивизии. Исполняется песня «Дорогая Москва». Солисты — гвардии лейтенант Алиханов и писарь строевой части штаба дивизии гвардии рядовой Галина Стрижевская, аккомпанируют на аккордеоне гвардии рядовой Камыш и на баяне гвардии рядовой Юрий Лапшин.— И в тихую украинскую ночь ворвалась песня о столице нашей Родины.

Со станции Основа по незнакомой нам улице в темную августовскую ночь мы двинулись в путь за удаляющимися артиллерией и танками. Надо было побывать в частях, у командира 238-го полка гвардии майора Медведева, наступавшего на правом фланге дивизии.

Впереди — автоматчики под командованием гвардии сержанта Годуменко, отделение бывалых солдат — курсантов учебного батальона и саперы во главе с прославленным разведчиком, минером и подрывником сержантом Красюковым. Всеми ими командовал лихой и храбрый донской казак, адъютант комдива гвардии капитан Федор Казмин.

Немецко-фашистские оккупанты не хотели оставлять вторую столицу Украины. Но удары, знакомые им по битве на Волге и Курской дуге, заставляли, хотя и бешено сопротивляясь, отходить на Полтаву, Красноград, Первомайск, Балаклею. Надо было срочно принимать дополнительные меры по уничтожению противника, отступавшего через поселок Южный на Мерефу и через Бабаи, Безлюдовку на Змиев.

Наши танки, пехота, артиллеристы и огнеметчики все сметали на своем пути и успешно продвигались вперед.

Командир полка майор Медведев, когда мы, спотыкаясь о провода, спускались к нему в подвал, разговаривал с командиром разведывательной группы гвардии лейтенантом Кузнецовым. Тот докладывал, что гвардейцы дивизии полковника Серюгина скоро будут в центре Харькова. Медведев поблагодарил Кузнецова за сообщение и сказал, что скоро и его гвардейцы будут у памятника Тарасу Шевченко.

Перед полком майора Медведева поставлена была задача — вместе с идущим навстречу полком дивизии полковника Серюгина разгромить фашистов в центре Харькова.

Побывав у Медведева, мы снова через Основу помчались в 233-й полк гвардии майора Титаренко. Потом вместе с ним часов в шесть утра прибыли в расположение 1-го и 3-го батальонов. Ракеты одна за другой взлетали в воздух и, описывая разноцветные дуги, зависали на парашютах

или, падая, разбивались о землю, осыпая ее множеством искр. Впереди нас в темноте ревели моторы.

Это отступают гитлеровцы. Солдаты и офицеры волнуются, что-то кричат, вероятно, помогают машинам. А шоферы не переносят темноты, нет-нет да и включат то фары, то подфарники. Видно, что фашисты до предела напряжены и трусят. Но почему же молчат наши гвардейцы? Гвардии майор Титаренко объясняет, что батальоны капитанов Андреева и Антонова выжидают. Они откроют огонь, как только фашисты подойдут ближе к боевым порядкам.

Вскоре мы услышали четкую артиллерийскую команду: «По колонне автомашин противника осколочным, батарея, огонь!». И еще не дошло до нас окончание этой фразы, как впереди послышалась другая команда чуть запоздавшего командира восьмой стрелковой роты гвардии старшего лейтенанта Павла Горбатенко. Титаренко похвалил этого храброго офицера. Но не успел высказать все, что хотел. Совсем рядом раздался надорванный хриплый голос комбата гвардии капитана Андрея Антонова:

— А-а-а! Разбегаетесь господа фашисты! Далеко ли вы убежите?

И тотчас же приказал командиру роты Павлу Горбатенко растянуть бойцов по фронту вдоль дороги и уничтожить всех, кто бежит на Мерефу.

На левый фланг дивизии мы приехали, когда уже светало. Командир полка Скарута доложил, что в четыре часа он вел бой с противником, контратаковавшим из поселка Бабаи. А сосед слева полк генерала Скворцова всю ночь вел тяжелый бой у реки Уды, южнее поселка Бабаи.

Ранним утром командир полка гвардии майор Медведев из Харькова доложил: «Вышел на площадь к памятнику Тарасу Шевченко, встретился с воинами 89-й гвардейской Белгородской дивизии полковника Серюгина».

И в памяти моей встал образ этого простого, богатырского склада человека, дерзновенно храброго воина. Вспомнились и наши совместные тяжелые бои, когда мы дрались с фашистами на западном берегу Северного Донца на рубеже Гостищево — Собыкино—Киселево—Сажное—Шахово.

Велика была радость встречи наших дивизий в освобожденном Харькове. Ведь совсем недавно они вместе громили под Белгородом группу «Кемпф», а теперь вместе доколачивали ее у стен второй столицы Украины.

С. И. АРШИНСКИЙ

Полковник запаса, бывший начальник политотдела 183-й Харьковской четырежды орденоносной дивизии

СЛОВО О ГЕРОЯХ

23 августа 1943 года после ожесточенных боев наша дивизия совместно с другими частями и соединениями Красной Армии освободила Харьков — вторую столицу Украины.

Этот день стал знаменательной датой в истории дивизии — ей было присвоено наименование «Харьковской», личный состав получил благодарность Верховного Главнокомандования.

Необходимо также напомнить и о том, что наша 183-я стрелковая дивизия принимала участие в освобождении Харькова первый раз в феврале 1943 года.

В жестоких боях с немецкими захватчиками за Харьков рождались сотни героев, чьи подвиги золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны.

Никогда не забудется подвиг Героя Советского Союза майора Энвера Эмбулатовича Ахсарова, совершенный при освобождении Харькова в феврале 1943 года.

Было это так. Несколько дней шли жестокие бои за Харьков. Стремясь во что бы то ни стало удержать город, немцы отчаянно защищались на близких подступах к нему. Они бросили в бой свои отборные части —

полки «Райх» и «Великая Германия». В три раза превосходящими силами контратаковали гитлеровцы полк Э. Э. Ахсарова. Трижды советские воины отбивали эти контратаки, уверенно продвигаясь вперед и наконец овладели последним населенным пунктом перед городом — Новой Баварией. Но враг продолжал контратаковать.

И вот в один из самых решающих моментов боя майор Ахсаров с кличем «За Родину! За наш славный город! За мной, орлы!» бросился вперед, увлекая за собой всех воинов. И перекрывая гул орудий, пулеметный треск и пьяный визг немцев, прокатилось наше могучее «ура». Ахсаров погиб, но бойцы внесли тело героя в освобожденный Харьков, как знамя.

В те дни были сотни примеров подобного мужества и героизма.

Исключительную стойкость, преданность нашей партии, Родине в боях за освобождение Украины проявил сержант Ужвей. На участок, где стояло его орудие, немцы бросили большое количество танков и пехоты. Три танка подбил отважный артиллерист. А немцы все наседали. Ужвей остался один у орудия, но продолжал сражаться. Четвертый танк с бешеной скоростью надвигался на него. Разбило пушку, но Ужвей не сошел со своего рубежа. Он схватил гранату и бросился на вражеский танк. Так сражались воспитанные нашей партией герои-воины, коммунисты Ахсаров, Ужвей и другие.

В борьбе с гитлеровскими полчищами в районе Харькова и на других участках фронта закалялась наша дивизия. В период тяжелых наступательных боев пали смертью храбрых многие воины-коммунисты и комсомольцы. Но в строй вставали новые бойцы, в партийные организации увеличивался поток заявлений с просьбами о приеме в партию. В каждом из них говорилось: «Хочу в бой идти коммунистом».

Несмотря на тяжелые бои, потери, партийные организации дивизии росли и крепли. В каждом подразделении, в каждой роте были созданы партийные организации. Дивизия имела крепко сколоченный партийно-политический аппарат.

Наша дивизия с честью выдержала испытание. 7 июля 1943 года немцы подошли к линии обороны дивизии в районе станции Прохоровка. До 150 танков атаковало 285-й стрелковый полк, которым командовал коммунист подполковник Александр Карпович Карпов (теперь он инвалид Отечественной войны и проживает в Харькове). С исключительным мужеством сражались воины с врагом. В первый же момент боя было подбито 5 танков, что вызвало замешательство у противника.

Замечательные образцы стойкости в борьбе с гитлеровцами показала рота лейтенанта Кадурина. Более 15 танков бросил противник на рубеж роты, но никто из бойцов не сделал ни шагу назад. В этом же бою командир взвода лейтенант Капралов с противотанковым ружьем вступил в

единоборство с фашистскими бронированными чудовищами. Два танка подбил он из своего ружья и два танка вывел из строя сражавшийся с ним рядом старший сержант Шведов. Это заставило отступить остальные танки.

Особенно отличились в боях артиллеристы, которыми командовал коммунист майор Оржешко. Они уничтожили 14 танков. Таким образом, только на участке 285-го стрелкового полка было уничтожено 67 немецких танков и истреблено более 600 гитлеровцев.

А всего на прохоровском плацдарме наша 183-я дивизия уничтожила 100 танков и истребила более двух полков пехоты противника. Во всех решающих боях политработники-коммунисты всегда были впереди, их примеру следовали комсомольцы, все бойцы и офицеры.

Бои под Прохоровкой, на дальних подступах к Харькову, вошли в историю нашей дивизии как самые ожесточенные. Несмотря на превосходство в силах, противник был остановлен и разгромлен.

Во время наступления в районе Дальней Игумении погибли от прямого попадания тяжелого снаряда в блиндаж командир дивизии генерал-майор Костицын, начальник политотдела полковник Толкунов, заместитель командира дивизии по артиллерии подполковник Попов и другие. После гибели генерал-майора Костицына командование принял начальник штаба дивизии полковник Леонид Дмитриевич Василевский.

Прибыв в распоряжение политуправления Степного фронта, я получил срочное назначение в эту дивизию в качестве начальника политотдела.

С разгромом немцев в районе Прохоровки бои развернулись за освобождение Белгорода, а затем и Харькова. Это были трудные дни, так как части нашей дивизии, уставшие и несколько ослабленные большими потерями под Прохоровкой, получили задачу штурмом взять Харьков.

Противник упорно оборонялся. Он сильно укрепил район Белгорода и Харькова, однако это не снизило наступательного порыва нашей дивизии.

В условиях непрерывных боев вся работа политического отдела дивизии сосредоточивалась непосредственно в полках, батальонах, дивизионах и ротах.

Партийная комиссия дивизии (секретарем был майор Федоров) свои заседания проводила на передовой, в основном в ночное время. Выдача партийных документов производилась почти ежедневно прямо в землянках. Это объяснялось тем, что каждый принятый в партию, идя в бой, хотел иметь партийный билет. Поэтому политический отдел дивизии всеми силами стремился удовлетворить желание принятых в партию.

Работники политотдела майор Ольховский, капитаны Ахов, Сорокин, старшие лейтенанты Василенко, Дорохов, Телегин, как правило, большую часть времени находились в боевых порядках частей, показывая пример

мужества и отваги. Они систематически обобщали опыт боевых действий, направляли работу партийных организаций.

В процессе боев перед каждой сложной операцией проводились партийные собрания, на которых коммунистам ставились конкретные задачи.

Большим праздником было вручение правительственных наград. Командир дивизии и командиры полков вручали ордена и медали награжденным непосредственно на передовой. Примеры мужества, храбрости и отваги награжденных становились достоянием всей дивизии. Это имело большое воспитательное значение.

Командование дивизии в тяжелые минуты боя всегда находилось в районе расположения полков, мы стремились быть непосредственно в боевых порядках.

В боях за Харьков особо отличились заместитель командира 227-го стрелкового полка майор В. М. Катанцев, заместитель по политчасти майор Русских, майор Купда, командир 285-го стрелкового полка подполковник А. К. Карпов, заместитель по политчасти Ионов, командир 623-го артполка майор Садовников, заместитель по политчасти майор Бахурец и другие.

Бои за Харьков развернулись в начале августа 1943 года. Наша дивизия оказалась на главном направлении удара: Белгородское шоссе — пограншкола — Померки.

Противник оказывал упорное сопротивление, опираясь на мощный пояс кольцевой обороны вокруг Харькова.

В этих боях личный состав дивизии проявил замечательное мужество и отвагу, впереди шли коммунисты.

Так было и во время боя в районе Померок 13—14 августа. Высокое военное мастерство и храбрость проявил заместитель командира 227-го стрелкового полка по политчасти майор Русских; он повел бойцов в атаку, уничтожил из автомата четырех гитлеровцев. Его пример воодушевил бойцов, придал им новые силы. Враг был выбит с занимаемых им позиций.

В этом же бою отличился комсорг 227-го стрелкового полка старшина Тихончук, руководивший действиями воинов при отражении контратаки противника. Раненный, он отказался идти в лазарет, а когда вопреки его желанию Тихончук был доставлен на излечение, он тут же покинул лазарет, вернулся на передовую и продолжал драться с врагом.

О высоком наступательном порыве нашей дивизии и ее мужественной борьбе за Харьков свидетельствуют бои 19 августа 1943 года на дальних окраинах города. На рубеже 227-го стрелкового полка немцы перешли в яростную контратаку. Командир роты, кандидат в члены партии Скугатов, комсорг батальона сержант Таратута, пулеметчик рядовой Хренов метким огнем и гранатами отразили контратаку.

В этом бою пулеметчик узбек Кушев был дважды ранен, но продол-

жал вести огонь до тех пор, пока противник не отступил. Так же отважно сражался вместе с ним азербайджанец Мамедов, подавший перед боем заявление о приеме в партию. В бою он захватил немецкий пулемет.

В боях в районе Померок отличились комсомольцы Бондаренко и Степанов. Они взяли в плен немецкого офицера, захватили станковый пулемет, выбили фашистов из дома и уничтожили их. В этом же бою отличились 50-летний старшина Мордовин и пулеметчик рядовой Куранов, которые дважды отбили контратаки большой группы немцев.

В ходе боев за Харьков в нашей дивизии получило широкое развитие снайперское движение. Известный снайпер нашего фронта кандидат в члены партии Виталий Безголосов уничтожил только в боях за Харьков 32 гитлеровца.

21 августа к нам в дивизию приехал член Военного совета фронта Н. С. Хрущев и член Военного совета 69-й армии генерал-майор Щелаковский. Они ознакомились с ходом боев на окраине города, где наступал 227-й стрелковый полк.

И вот наконец 23 августа советские войска штурмом овладели Харьковом. В этот день в 4 часа 30 минут части дивизии очистили от противника площадь имени Дзержинского.

Харьковчане встречали нас со слезами радости на глазах, забрасывали цветами, обнимали, целовали. И когда мы смотрели в эти дорогие нам изможденные лица людей, на сожженный фашистскими варварами Харьков, мы поклялись беспощадно громить врага.

В день освобождения города политработники нашей дивизии провели 38 митингов, на которых присутствовало более 8 тысяч человек.

Наша попытка вместе с местными партийными работниками провести общегородской митинг в 11 часов утра была сорвана артиллерийским обстрелом из района Новой Баварии.

В мобилизации личного состава на быстрейшее освобождение Харьковщины большую роль сыграла дивизионная газета «За нашу победу». Она была первым боевым помощником политотдела и командования дивизии. На ее страницах обобщался боевой опыт лучших воинов и подразделений, рассказывалось о героических подвигах коммунистов, комсомольцев, всех бойцов и командиров.

За время боев за Харьков редакция газеты выпустила ряд листовок и специальных номеров, посвященных боевым традициям дивизии, бессмертным подвигам наших воинов.

Самоотверженно трудились работники редакции гвардии майор Морозов, литературные сотрудники капитан Моргулис, старший лейтенант Савин. Они всегда находились в боевых порядках. Газета «За нашу победу» была любимым спутником наших доблестных воинов.

После освобождения Харькова наша дивизия доукомплектовывалась и 23 дня стояла в городе. За этот период мы установили тесные дружеские связи с трудящимися города. Политотдел дивизии провел большую массово-политическую работу на заводах — электромеханическом, тракторном и других.

Пополненная личным составом 183-я Харьковская дивизия героически сражалась на фронтах Великой Отечественной войны и покрыла свои боевые знамена немеркнущей славой.

А. П. ДИКАНЬ
Гвардии капитан запаса

РЕШАЮЩАЯ БИТВА ЗА ХАРЬКОВ

23 августа 1963 года исполняется 20 лет со дня освобождения второй столицы Украины — нашего любимого Харькова.

В числе соединений, дравшихся за город и удостоенных почетного наименования «Харьковских», находилась прославленная 15-я гвардейская ордена Ленина, Краснознаменная стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Е. И. Василенко, а начальником политотдела был полковник К. А. Страхов.

10 августа командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Конев издал приказ, который подписали также член Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков и начальник штаба генерал-лейтенант М. В. Захаров:

«1. Противник пытается на отдельных неподготовленных, но тактически выгодных для него рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову.

2. Армиям фронта ставлю задачу: «Окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и занять Харьков».

3. Во исполнение этой задачи приказываю:

В 9.00 11 августа 1943 г. армиям фронта перейти в решительное наступление. Создать массированные группы артиллерии на направлении главного удара в полосе каждой армии.

Артиллерийская подготовка — 30 минут.

...Командующему 7-й гвардейской армии (в состав армии входила и 15-я гвардейская дивизия.— *А. Д.*) ударить левым флангом в направлении Новая Александровка и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова» [1].

Получив боевой приказ, гвардейцы приступили к его выполнению. Предстояли упорные кровопролитные бои. На пути к Харькову им нужно было преодолеть серьезные препятствия. В населенных пунктах Дубовое, Соломино, Пушкарский, Недоступовка, Никольское, Солнцево и других фашисты создали свои мощные узлы сопротивления. Они сконцентрировали в них крупные силы пехоты, танков, артиллерии.

И вот развернулись решающие бои за Харьков. Сражения не прекращались ни днем, ни ночью. Захватчики контратаковали в сутки по 8—10 раз. Прикрываясь огнем «тигров», «пантер», их автоматчики пытались прорвать боевые ряды гвардейцев, выйти им в тыл. Но все попытки фашистов терпели крах. Они отступали, оставляя на поле боя много убитых солдат и офицеров.

Вот один из эпизодов борьбы за Харьков. Успешно форсировав реку Северный Донец, 44-й полк захватил узкую полосу болотистого берега восточнее села Соломино. Позиции были явно невыгодны для гвардейцев. Каждый куст, холмик, окоп, траншею немцы легко просматривали, держали под мощным прицельным огнем. Единственный выход из этого положения — штурмом овладеть позициями врага. Тщательно подготовившись, бойцы в едином порыве бросились на это село, но атака захлебнулась. Перегруппировав силы, полк повел наступление по западному берегу реки на хутор Веселый и занял его.

На рассвете следующего дня стремительным броском гвардейцы 50-го полка прорвали передний край немцев у хутора Пушкарский. Их порыв настолько был мощным, что бойцы с ходу, несмотря на сильное сопротивление захватчиков, заняли выгодную высоту, а к вечеру освободили колонию «Дубовое». Использовав успех 50-го полка, воины 44-го полка штурмом заняли Соломино.

Развивая наступление на Харьков, гвардейцы 15-й дивизии очистили от фашистов Никольское, Недоступовку, Солнцево, Русские Тишки. Вечером радио сообщило радостную весть — Верховное Главнокомандование объявило воинам 15-й дивизии третью благодарность — благодарность за освобождение Белгорода.

Подлинным праздником для советских воинов явилось вступление их

---

[1] Архив Министерства обороны СССР, ф. 69А, оп. 9880 с, д. 19, приложение 5.

на землю родной Украины. Население горячо встречало своих долгожданных освободителей.

Но враг оказывал упорное сопротивление. В связи с этим командующий войсками Степного фронта генерал-полковник И. С. Конев издал такой приказ, подписанный также начальником штаба генерал-лейтенантом М. В. Захаровым, командующим армиями, в том числе и 7-й гвардейской М. С. Шумилову:

«Противник продолжает свои попытки удерживать подступы к г. Харькову, усиливая свои позиции отдельными наспех переброшенными частями. Войска задачу дня 12 августа не выполнили.

Приказываю: Командармам поставленную армиям задачу моим приказом № 00550/ОП выполнить 13 августа... Требую от командармов организации боя 13 августа и проявления решительности в выполнении задачи. Командиры полков, дивизий и корпусов обязаны лично наблюдать поле боя и руководить войсками, непрерывным управлением в ходе боя маневрировать огнем артиллерии для обеспечения успешного выполнения задачи» [1].

В утренней дымке 13 августа взору гвардейцев представились окраины исстрадавшегося Харькова. Из рук в руки передавалась листовка политотдела, в которой говорилось:

«Товарищ, друг!

Перед тобой истерзанный врагом, но гордый и непреклонный Харьков. Он ждет часа своей свободы. Он ждет, когда ты поднимешь над ним алое знамя Советов.

Напряги все силы! Не теряй ни минуты!

За наш любимый Харьков — вперед!»

Воодушевленные призывом, стремясь быстрее освободить один из самых больших городов Родины — Харьков, глубоко уверенные в победе над врагом, советские воины решительно двинулись вперед. Сломив ожесточенное сопротивление фашистов, бойцы на плечах отступавших захватчиков ворвались в Большую Даниловку, Пятихатки, подошли к высоте 182,9, превращенной фашистами в свой опорный пункт. Все подступы к ней гитлеровцы обнесли колючей проволокой в несколько рядов, сильно обстреливали из батарей, минометов, танков, самоходных пушек. Неоднократные попытки с ходу занять высоту не принесли успеха. Командование и политотдел дивизии решили взять ее штурмом. Личный состав сделал необходимые приготовления, выдвинулся на исходные позиции, пополнил боекомплект патронов, гранат, засек огневые точки гитлеровцев. Затем молниеносным броском все кинулись на фашистов. Воины 47-го полка под руководством своего командира гвардии майора Батьянова и его заместителя по строевой части харьковчанина гвардии капитана

[1] Архив МО СССР, ф. 69А, оп. 9880 с, д. 19, приложение 6.

Медведева захватили противотанковый ров, а бойцы других частей — участок западнее него. Высота пала. Как упорно ни сопротивлялись гитлеровцы, они вынуждены были отступить, оставив на поле боя много раненых и убитых солдат и офицеров.

Уничтожая разрозненные группы немецких автоматчиков, действовавших, как правило, в лесах, воины бросились к городу. Отступая, немецкие изверги все взрывали, предавали огню, а советских людей угоняли в рабство. Город был окутан клубами черного, едкого дыма, из отдельных зданий вырывались языки пламени.

Воины-гвардейцы ждали той минуты, когда ворвутся в родной город и отомстят врагу за муки и горе жен, матерей, отцов, детей, братьев и сестер, за все то, что враг причинил любимому Харькову. Артиллерист рядовой тов. Бердик писал накануне в дивизионной газете:

«Из своей огневой позиции я вижу родной дом, завод, где работал. Там сейчас немцы. Они осквернили мой очаг. Мои близкие, друзья, соседи зовут меня: «Приходи скорее, выручай!» На ближних подступах к городу мой расчет беспощадно истребляет фашистских мерзавцев. Немцы несколько раз контратаковали наш 47-й полк, но мы не дали им продвинуться вперед ни на шаг».

Свое гвардейское слово тов. Бердик сдержал. Он уничтожил сотни фашистов, десятки их танков, автомашин, орудий, минометов, пулеметов. Были дни, когда его расчет без передышки по нескольку часов бил по врагам, отражая их яростные контратаки.

Гитлеровское командование придавало Харькову огромное стратегическое значение, через него проходили железнодорожные и шоссейные магистрали на восток, юг, запад. Немцы называли его «восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине» [1].

Добровольно сдавшийся в плен накануне освобождения города Рудольф Гольнов заявил, что будто бы 12—14 августа в Харькове был Гитлер. Он посетил госпитали и приказал легкораненых вернуть в части, а тяжелораненых увезти в Киев. Фюрер отдал приказ, в котором говорилось: «Положение тяжелое, но не безнадежное. Уверен, что каждый из вас, мои солдаты, будет драться до последнего дыхания, потому что Харьков — основной опорный пункт на востоке Украины» [2].

Приказ читали перед строем во всех частях, без всяких комментариев. Фашисты стянули на харьковском направлении отборные свои войска: крупные соединения пехоты, танков, артиллерии, авиации, построили мощные оборонительные сооружения. Гвардейцы встретили на своем пути яростное сопротивление и вынуждены были занять оборону:

---

[1] «Правда» за 26 августа 1943 г.

[2] Юрий Жуков. Укрощение тигров. М., 1961, стр. 261.

44-й и 47-й полки оборудовали огневые позиции на переднем крае, а 50-й полк — во втором эшелоне.

Шли тяжелые кровопролитные бои. От разрывов бомб, артиллерийских снарядов, мин разных калибров содрогалась земля. Казалось, все вокруг было охвачено огнем. Ни на минуту не затихали сражения. Воины валились с ног от бессонных ночей, усталости, но не теряли бодрости духа. В короткие минуты затишья то в одном, то в другом месте раздавалась песня:

Родина нас воспитала,
Все наши помыслы с ней!
Гвардия — тверже металла,
Гвардия — смерти сильней!

Десять дней дрались гвардейцы в районе совхоза им. Буденного, поселков Шевченки, Глубокий Яр, Кулиничи. Фашисты организовали там круговую оборону, заминировали подступы к своему переднему краю, создали много крупных огневых точек, дотов и дзотов, прикрываемых большим количеством танков, самоходных орудий, пушек, стоящих на прямой наводке, имели огромную плотность войск на этом участке: их пехотный батальон полного состава занимал расстояние в один километр по фронту.

Гвардейцы несколько раз пытались прорвать оборону гитлеровцев и развить наступление на район заводов и станции Основа, но успеха не имели. Немцы отбивали все их атаки. Они ежедневно получали свежие подкрепления и восполняли ими свои огромные потери. Об упорных сражениях говорит такой пример. 20 августа воины 44-го полка за весь день продвинулись вперед всего на 300 метров, выбив захватчиков лишь из 16 стрелковых ячеек.

Гитлеровцы вводили в бой тяжелые танки, самоходные орудия, батальоны, полки пехоты, вооруженные автоматическим оружием. Их автоматчики просачивались в овраги, лощины, делали засады на полях кукурузы, подсолнуха, пытались выйти в тыл гвардейцам. Но захватчики везде встречали достойный отпор. Только в одном бою батальон, которым командовал офицер тов. Макаренко, уничтожил «тигра» и 50 гитлеровцев. В другом сражении пулеметчики тт. Уртминцев и Максимов истребили до двух взводов немцев. Неувядаемой славой покрыли себя у стен Харькова гвардии старший сержант тов. Шостка, сержант тов. Самойлов, рядовой Иван Черников и сотни их боевых друзей.

В ожесточенных битвах за родной город погиб известный всей Красной Армии бесстрашный истребитель фашистов, снайпер Афанасий Гордиенко. Произошло это так. Фашисты неистово били из пулеметов и автоматов по наступавшим подразделениям 50-го полка. Огонь не давал воинам возможности поднять головы, и они залегли. В любую минуту гитлеровцы могли расстрелять лежавших на открытой местности наших

бойцов. Это хорошо понимал Афанасий Гордиенко. Не раздумывая ни минуты, он быстро пополз по кювету вперед к дому, откуда строчил вражеский пулемет. В 20 метрах Афанасий, ясно различая гитлеровских солдат, приподнял свою снайперскую винтовку и дважды выстрелил. Оба фашиста уткнулись в землю. Встав во весь рост, Гордиенко крикнул своим боевым друзьям — «Вперед!» В эту секунду вражеская пуля и сразила его.

Весть о смерти Афанасия мгновенно разнеслась по всему переднему краю дивизии, ее тылам. Однополчане в едином порыве бросились на немцев, жестоко отомстили им за своего товарища. Клятву, данную Афанасием Гордиенко на могиле снайпера Героя Советского Союза Николая Яковлевича Ильина при вручении ему винтовки погибшего,— «Я отомщу за тебя, мой учитель, мой боевой друг. Буду бить фашистов так, как ты — беспощадно, по-гвардейски» — герой сдержал: он истребил 413 захватчиков.

Навеки обессмертил свое имя, освобождая родной город, младший лейтенант 47-го полка Алексей Акимович Деревянко. Нельзя без волнения читать строки его письма, написанного им накануне сражения своей матери Евдокии Силовне. В нем говорилось:

«Мама! Скоро грянут бои. Они — близко, за рекой. Ты боишься потерять меня. А разве я собираюсь умирать? Нет. Жить хочется в 22 года. О, как хочется жить, мама! Но враг наш злой, война жестока, пуля не выбирает. Драться надо не на жизнь, а на смерть. Может, и придется сложить голову в борьбе, но знай, мама, погибну, так только геройски. Зазря крови немцам не отдам...»

Получила ли Евдокия Силовна это письмо, неизвестно. Но ее сын — командир артиллерийского взвода гвардии младший лейтенант Алексей Акимович Деревянко — остался верен клятве до последнего своего вздоха. Гитлеровцам дорого обошлась смерть славного сына нашей Родины. 15 танков и батальон вражеской пехоты бросились на позицию, которую занимал отважный офицер. Алексей имел только одно орудие. Но герой не дрогнул, не отступил, а вступил с врагом в смертельную неравную схватку.

Наводчик сержант Леонтьев первым же снарядом поджег головной танк. Разъяренные гитлеровцы обрушили на смельчаков одинокой пушки тонны металла. Горячий осколок впился в гвардейца, и тот упал. Его место занял заряжающий Кирянов. Вскоре и его тяжело ранило. А 14 стальных чудовищ с черными крестами по бокам неумолимо приближались все ближе и ближе. Вокруг, как пчелы, свистели пули автоматчиков. Увидев, что весь расчет пушки вышел из строя, Деревянко подбежал к ней и один начал бить по фашистам.

«Мы, советские люди, никогда не отступали!» — воскликнул Алексей. Грянул выстрел. Остановилась вторая машина. Герой посылал врагу один снаряд за другим. Он метко разил танки и пехоту. Уже горели, как факе-

лы, четыре гитлеровских «тигра», но остальные упорно лезли вперед на огневую. Пятого младший лейтенант прошил насквозь, но шестой с ходу подмял под себя пушку и героя, не успевшего снова ее зарядить и выстрелить. Родина высоко оценила смелость, отвагу, бесстрашие своего славного сына. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил гвардии младшему лейтенанту Алексею Акимовичу Деревянко высокое звание Героя Советского Союза.

Бить врага, как Деревянко, стало не только девизом, но и делом всех воинов дивизии. Их мощь с каждым днем возрастала.

15 августа командование поставило войскам новую боевую задачу:

«1. Противник в прежней группировке пытается упорно сдерживать наше наступление непосредственно на подступах к Харькову.

2. Армиям Степного фронта ставлю задачу 17 августа 1943 года прорвать оборону противника и ударом на флангах окружить и уничтожить харьковскую группировку и занять город Харьков».

Командующему 7-й гвардейской армией было приказано с утра 17 августа тремя стрелковыми дивизиями прорвать оборону врага на фронте: отметка 185,0—184,1— тракторный завод и нанести удар на железнодорожную станцию Основа. К вечеру выйти на фронт Филиппово, Карачовка, перерезать пути отхода противника на юг в район Филиппово. Артиллерийскую плотность огня на один километр фронта создать не менее 140—150 стволов.

...В ночь с 15 на 16 августа и днем продолжать боевые действия отдельными отрядами, изматывая противника, вскрывая его оборону [1].

Создав необходимую огневую мощь, непрерывно подвергая шквальным огневым налетам передний край и тылы немцев, 15-я дивизия успешно продолжала наступать. Немцы уже ничего не могли предпринять, чтобы задержать победоносное продвижение гвардейцев вперед. Их силы иссякли. Войска Красной Армии с трех направлений вплотную обхватили город. Кольцо окружения сжималось все сильнее. Оставался узкий проход по дороге на Мерефу — Красноград. Видя свою обреченность, захватчики пытались бежать по этой дороге. Но и эта их попытка провалилась.

Разведчики и штурмовые группы, в состав которых входило по 10—15 воинов, просачивались в глубь обороны немцев, нарушали там телефонную связь, взрывали склады с боеприпасами, горючим, разрушали железные и шоссейные дороги, мосты на них, сообщали артиллеристам точные координаты укреплений, огневых батарей, минометов, скопления танков, пехоты.

В ночь на 22 августа на помощь штурмующим Харьков подошли боевые машины 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта

---

[1] Архив МО СССР, ф. 69А, оп. 9880 с, д. 19, приложение 8.

П. А. Ротмистрова. Они помогли войскам еще активнее наступать. Захватчики упорно сопротивлялись, но к вечеру огонь их слабел с каждым часом. Прикрываясь огнем дальнобойных орудий, немцы начали отступать. Воины, разгоряченные боем, не сразу это заметили. Вскоре разведка обнаружила, что враг отходит. Бойцы 44-го и 47-го полков бросились преследовать немцев. Уничтожив их мелкие группы прикрытия. они заняли в 3.00 23 августа совхоз «Украинка» юго-восточнее поселка имени Кирова, а в 4.00 достигли уже восточной окраины города. Здесь враг снова оказал яростное сопротивление. Сломив его, гвардейцы заняли кирпичный завод, а в 8.00 — опытную сельскохозяйственную станцию, затем вошли в Харьков. Жители с восторгом встречали их. Девушки, женщины, дети, старики горячо обнимали, целовали своих спасителей, дарили им букеты цветов, угощали свежими фруктами, овощами. Счастье победы не могли затмить даже развалины, пламя бушевавших пожаров.

На стенах домов жители города читали поздравление Военного совета и Политуправления Степного фронта:

«Граждане города Харькова, товарищи, братья, сестры! Дорогие друзья! Наши харьковчане! Поздравляем вас с величайшим праздником, с днем освобождения от проклятой фашистской нечисти».

Освободив юго-восточную часть города и станцию Основа, гвардейцы 15-й дивизии заняли боевые позиции по реке Уды, готовясь к новым сражениям. Проходя через свой любимый город, рядовой тов. Бердик так и не сумел забежать домой. Он только и смог передать родным маленькую записку. Проехал мимо своего дома с батареей и лейтенант тов. Донченко. Родина звала своих сыновей еще быстрее гнать на запад немецких захватчиков. Только артиллеристу тов. Барову удалось на некоторое время получить отпуск. Первым долгом он забежал в театр им. Шевченко, где до войны работал художественным руководителем. Его обступили сослуживцы, они расспрашивали о боевых делах, рассказывали сами о зверствах немцев в городе.

Днем личный состав дивизии узнал о приказе Верховного Главнокомандования в котором говорилось:

«Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев» [1].

Этим приказом 15-й гвардейской ордена Ленина, Краснознаменной стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование «Харьковская», а личному составу объявлена четвертая благодарность.

---

[1] «Правда», 1943, 24 августа.

Столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным воинам двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В ответ на это командование дивизии от имени личного состава писало в Ставку Верховного Главнокомандования:

«Нам, гвардейцам, выпала большая честь освободить вторую столицу Украины — родной Харьков. Приказом от 23 августа 1943 года нашей части присвоено наименование «Харьковская». Высокая оценка боевых действий вдохновляет гвардейцев на новые подвиги во славу Родины, на еще более беспощадное истребление заклятого врага.

Мы смотрим только вперед — на Запад. Заверяем, что наша часть, носящая отныне почетное имя освобожденного Харькова, впредь, преодолев любые трудности, пронесет это звание с честью, по-гвардейски».

Слово воинов не разошлось с делом. Они успешно гнали остатки разгромленных фашистских войск на запад. Форсировав реку Уды, бойцы 50-го полка два дня вели ожесточенные бои на ее западном берегу за сильно укрепленное большое село Карачевку. Вместе с 44-м полком на третий день они освободили его. Атака настолько была стремительной, что гитлеровцы не только не успели сказать сопротивление, но бежали, бросив технику и даже своих раненых. Потеряв Карачевку, гитлеровцы отступили до Мерефы.

Мужество, отвагу проявили в этих боях артиллеристы истребительного дивизиона, наступавшие вместе с пехотинцами. Воины прямой наводкой истребляли гитлеровцев, их технику. В критическую минуту боя выдвинулся вперед со своей батареей командир дивизиона гвардии майор тов. Мироничев. Оставив возле каждого орудия по два воина для охраны, он с остальными атаковал укрепленный немцами пункт и занял его. Фашисты несколько раз бросались в контратаку с целью вернуть его, но каждый раз терпели поражение, отступали, оставляя на поле боя десятки своих солдат и офицеров.

Дивизия успешно продвигалась вперед. Но ежеминутно приходилось уточнять маршруты, направления, разминировать улицы, дома. В этом деле гвардейцам помогали работники военной комендатуры, которую возглавлял в первые дни генерал-майор Николай Иванович Труфанов, ныне генерал-полковник в отставке. Саперы дивизии наводили мосты, переправы.

Нелегким был путь гвардейцев 15-й дивизии к победе. В сентябре они форсировали Днепр северо-западнее Днепродзержинска, освободили Кривой Рог, затем преодолели водные преграды Ингулец, Южный Буг, Днестр, сражались за города Бендеры, Бельцы, Жмеринку, позади них остались реки Нида, Пилица, Варта, Одер. Сильные бои пришлось вести на Сандомирском плацдарме, в Бреслау, Гроссенхайне. Закончили войну харьковчане в столице Чехословакии — Златой Праге.

Советское правительство высоко отметило боевые подвиги личного состава дивизии, наградив 9314 солдат, сержантов и офицеров орденами и медалями. 19 воинов удостоены высокого звания Героя Советского Союза — это гвардии старшие сержанты 50-го гвардейского Ченстоховского Краснознаменного стрелкового полка Петр Филиппович Торгунаков, Василий Никитович Плесинов, гвардии старшины Иван Степанович Федорок, Николай Яковлевич Ильин, гвардии политрук Хусейн Бережевич Андрухаев, гвардии старший лейтенант Павел Александрович Самохин, майоры Анатолий Иванович Алексеев, Михаил Ефимович Колосов; гвардии старшина 47-го гвардейского Пражского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого стрелкового полка Алексей Васильевич Митряков, гвардии младший лейтенант Алексей Акимович Деревянко; гвардии сержанты 44-го гвардейского Силезского Краснознаменного ордена Александра Невского стрелкового полка Николай Филиппович Сердюков, Апповен Васильевич Ростомян, гвардии старшины Петр Алексеевич Гончаров, Михаил Степанович Сохин; гвардии младший сержант 43-го гвардейского Одерского Краснознаменного ордена Суворова артиллерийского полка Гайфутдин Гафиятович Аскин, гвардии старший сержант Михаил Поликарпович Хвастанцев, гвардии старшина Захар Григорьевич Лыщеня; гвардии старшины 11-го гвардейского Краснознаменного отдельного саперного батальона Андрей Хагикович Мелконьян и Григорий Васильевич Яровой.

Воспитанники дивизии Герои Советского Союза И. С. Федорок, П. А. Самохин, Г. В. Яровой, М. С. Сохин, А. В. Митряков, А. Х. Мелконьян и другие сейчас трудятся на благо нашего великого социалистического государства в своих родных краях.

16 орденов украшают боевые знамена дивизии, полков, спецподразделений, носящих имена многих городов, освобожденных ими, личный состав получил 15 благодарностей от Верховного Главнокомандующего. В феврале 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил дивизию орденом Суворова II степени, в апреле 1945 года за плацдарм на Одере и освобождение города Опельна — орденом Кутузова II степени, а 11 мая — вторым орденом Красного Знамени за героизм и отвагу, проявленные в боях за Прагу.

Многие воины пришли в дивизию в начале войны рядовыми, а закончили ее командирами подразделений, частей, начальниками служб. А. Ф. Зайчик начал работать оружейным мастером, а стал начальником артиллерийского снабжения полка, командир артвзвода тов. Шведко, младший политрук тов. Кацнельсон из командиров взвода выросли — первый до начальника штаба, а второй — до командира дивизии.

Некоторые ветераны соединения освободители города сейчас живут в Харькове. Бывший командир 50-го гвардейского Ченстоховского Краснознаменного стрелкового полка майор Владимир Иванович Медведев рабо-

тает начальником городского управления Харьковской областной конторы Госбанка, бывший командир санроты этого полка майор медицинской службы Александр Иванович Петров — начальником госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны, живет в Харькове также бывший секретарь партийной комиссии дивизии подполковник Андрей Степанович Дементьев. Общественность города всегда выражает им сердечную благодарность за свое освобождение.

Д. Г. МАКАРЕНКО

Генерал-майор войск связи запаса,
бывший начальник связи 53-й армии

СВЯЗЬ РАБОТАЛА БЕСПЕРЕБОЙНО

В годы Великой Отечественной войны в жестокой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за честь и свободу нашей Родины связисты Красной Армии так же, как и воины других родов войск, покрыли себя неувядаемой славой. Телефонист М. Р. Абросимов за совершенный им подвиг приказом министра обороны СССР навечно зачислен в списки своей части. Связист П. В. Костючек повторил бессмертный подвиг Александра Матросова. 230 воинов-связистов удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 100 человек стали кавалерами всех трех степеней ордена Славы. Десятки тысяч связистов за ратный труд награждены орденами и медалями Советского Союза. Сотни частей связи за коллективный ратный труд награждены орденами и знамена многих из них украшены двумя и более орденами.

Внимание и забота Коммунистической партии и военного командования о войсках связи помогли связистам в дни суровых испытаний решать труднейшие задачи управления войсками в особенно сложных условиях начального периода войны. Несмотря на невероятные трудности и острый недостаток средств связи в начале войны, войска связи обеспечивали командованию и штабам управление войсками в сложной боевой обстановке.

Успеху многих боевых операций Красной Армии, в том числе в Курской битве и при освобождении Харькова, в значительной мере спо-

собствовала четкая работа средств связи и организация бесперебойного управления войсками в ходе боя. В освобождении Харькова летом 1943 года связисты 53-й армии вместе с воинами всех родов войск проявили мужество, отвагу и массовый героизм, о примерах которого мне, участнику этих боев, и хотелось бы рассказать.

В условиях высокой подвижности войск, частого перемещения пунктов управления и запрещения пользоваться в целях маскировки радиосредствами при совершении марша от Касторной к Гостищево связистам армии удавалось поддерживать непрерывную связь проводными и подвижными средствами и обеспечивать командованию армии и фронта своевременное получение донесений от войск и передачу им необходимых распоряжений.

Умелые инициативные действия армейской эскадрильи связи, ее командира майора Сырова, штурмана капитана Степанюка, командира звена капитана Бакланова, летчиков лейтенантов Жирнова, Горяинова и других, а также командиров линейных частей и подразделений связи майора Бушуева, капитана Захарова, капитана Попкова, старшего лейтенанта Графова, лейтенанта Золотаревича и многих рядовых связистов обеспечивали своевременное установление связи и непрерывное управление в наиболее трудные и ответственные периоды маневра войск армии и выполнение ими поставленных боевых задач.

К 23 июля 1943 года соединения 53-й армии, взаимодействуя с войсками 69-й армии, заняли Шахово, Гостищево, Смородино и ряд других населенных пунктов севернее Белгорода, вышли к позициям фашистских войск, с которых они начали свое наступление 5 июля.

За две недели, с 9 по 23 июля, войска 53-й армии совершили трехсоткилометровый марш, в том числе около 30 километров с боями, вышли к главной полосе вражеской обороны в полной готовности к решительному наступлению, которое и началось 3 августа 1943 года.

В ходе маневра войск 43-й армии от Касторной до района Гостищево связистам армии пришлось испытать наибольшие трудности. Штабы соединений, двигавшиеся с колоннами подчиненных им войск, останавливались на короткое время, меняя места своего расположения по нескольку раз в сутки. Но благодаря высокому чувству патриотического долга и проявляемой инициативе рядовых, сержантов и офицеров, проводная связь с войсками поддерживалась непрерывно. Особенно восхищала нас в те дни работа связистов под командованием капитана Захарова, лейтенантов Рыбакова, Бойко и Золотаревича.

Напряженный труд связистов в период маневра был высоко оценен Военным советом армии.

В период с 24 июля по 2 августа 1943 года войска Степного фронта на Белгородско-Харьковском направлении вели боевую разведку, улуч-

шали свои позиции, подвозили боеприпасы, производили перегруппировки и готовили все необходимое для предстоящего наступления.

Место и направление главного удара в целях маскировки и внезапности хранилось в строжайшей тайне. Для отвлечения внимания противника от места и направления готовившегося наступления позиции фашистских войск в районе высоты с отметкой «Сар» и южнее Непхаево непрерывно атаковали части 214-й и 233-й стрелковых дивизий 53-й армии. Под прикрытием частых атак этих дивизий и активных действий нашей авиации войска армии выходили в исходные районы и готовились к наступлению, а связисты оборудовали узлы и строили линии связи, чтобы так же, как и в ходе маневра, обеспечить четкость и непрерывность управления и организацию взаимодействия войск в наступлении.

В 5 часов утра 3 августа 1943 года орудия и минометы дали первый залп по вражеским укреплениям и началась пристрелка артиллеристов по разведанным целям, а в 6 часов открыли огонь артиллерия и минометы всех калибров.

Два часа мы наблюдали величественную картину артиллерийской и авиационной подготовки, в ходе которой позиции фашистских войск окутывало густое облако пыли и дыма. Орудийные залпы сменялись залпами гвардейских минометов, грохот которых дополнялся гулом наших штурмовиков и бомбардировщиков, вереницы которых направлялись громить в тылу захватчиков штабы, склады, резервы и другие объекты. Наши сердца в те минуты наполнялись высокой гордостью за могущество своей Родины, и в этой канонаде мы видели месть за горе и слезы, которые принесли нам захватчики в 1941 году.

В 8 часов утра в атаку перешли танки и пехота дивизий первого эшелона армии. К 10 часам они прорвали главную и к исходу дня вторую полосы обороны фашистских войск.

В течение 4 августа войска 53-й армии вели ожесточенные бои с тактическими резервами и 6-й танковой дивизией противника за форсирование болотистой Возолки и населенные пункты Казацкое, Стрелецкое и Болховец. На этом рубеже, прикрывавшем Белгород с запада и открывавшем пути на Харьков, фашистские войска оказывали наиболее упорное сопротивление, но, несмотря на это, наступление советских войск продолжалось. Танкисты 35-й и 37-й механизированных бригад 1-го механизированного корпуса первыми форсировали Возолку и, развивая успех стрелковых дивизий, в середине дня 5 августа заняли населенные пункты Грязное и Репное, перерезав железную и шоссейную дороги Белгород — Харьков и отрезав пути отхода гитлеровским захватчикам на юг. К 15 часам 5 августа 1943 года Белгородский гарнизон был полностью разгромлен и «северный неприступный бастион Украины», как называло гитлеровское командование Белгород, был взят советскими войсками и навсегда освобожден от фашистских захватчиков.

В период боевых действий войск 53-й армии с 3 по 6 августа связисты всех соединений и частей армии выдержали особенно трудные испытания и решили наиболее сложные задачи обеспечения управления войсками и организации их взаимодействия в ходе боя.

Фронт прорыва вражеской обороны войсками 53-й армии составлял 6 километров. Перед наступлением армия строилась в три эшелона и в сравнительно узкой полосе — 6 километров по фронту и около 8 километров в глубину (от фронта в тыл) — было сосредоточено несколько стрелковых дивизий и бригад механизированного корпуса, бригад артиллерийской дивизии прорыва, отдельные танковые полки, зенитно-артиллерийская дивизия, две саперных бригады и другие специальные части, имевшие в своих штатах несколько сот радиостанций и кабеля общей протяженностью более двух тысяч километров, около тысячи телефонных аппаратов. Всю эту технику связи обслуживали несколько тысяч связистов.

Отделу связи штаба армии и отделениям связи штабов соединений необходимо было спланировать, а с началом боя привести в действие и организовать четкую работу всей этой огромной массы людей и техники. Офицеры отдела связи подполковник Плющ, инженер-подполковник Малин, майор Баранов, командиры армейских частей связи майор Бушуев, капитаны Захаров и Дедковский, начальники связи соединений подполковник Ковалев, майор Скоблов и многие другие отдали трудной и сложной работе организации связи все свое умение, ум и сердце, а в бою, когда нужно было устранять повреждения средств связи и организовать взаимодействие войск на поле боя, не щадили своей жизни.

В ходе боя в тактической глубине обороны фашистских войск 3—5 августа и особенно за населенные пункты Березов, Казацкое и Болховец вражеская авиация очень часто наносила удары по боевым порядкам наших войск и причиняла массовые повреждения средствам связи. Связисты мужественно и своевременно восстанавливали разрушенные линии и поврежденные узлы связи. Военный техник Алексеев и сержант Евгения Цветкова при бомбардировке передового узла связи в хуторе Гонки не оставили своих постов, не ушли в укрытие, а мужественно продолжали выполнять свои обязанности и обеспечивать управление войсками. Кабельные взводы под командованием старших лейтенантов Дурандина, Графова и лейтенанта Бойко вслед за танками и пехотой под огнем вражеской артиллерии, сквозь дым и через минные поля наводили линии связи и обеспечивали управление дивизиями первого эшелона. Офицеры отдела связи подполковник Плющ, майор Шмаков и капитан Вышинский находились в боевых порядках пехоты, обеспечивая взаимодействие войск. Капитан Вышинский был тяжело ранен в голову, а майор Шмаков контужен взрывной волной вражеской бомбы. Отвагу и мужество проявили и многие другие связисты.

С началом наступления войск Воронежского и Степного фронтов 3 августа 1943 года и до освобождения Харькова войска 53-й армии действовали на главном направлении, тесно взаимодействуя с соединениями 5-й гвардейской армии Воронежского фронта и 69-й армии Степного фронта. Командующий войсками Степного фронта генерал-полковник Конев с оперативной группой почти безотлучно находился в штабе или войсках 53-й армии. Ему приходилось пользоваться средствами связи 53-й армии для связи с другими армиями фронта и организации их взаимодействия. Это повышало ответственность связистов за свою работу, требовало дополнительного расхода средств связи. С гордостью выполняли связисты свой воинский долг, обеспечивая бесперебойную работу средств связи на всех участках. Особенно отважно и мужественно трудились они в ходе боев за внешний оборонительный обвод Харькова, когда уже видели перед собой густое облако дыма, стоявшее над городом.

На внешнем обводе войскам 53-й армии противостояли в два раза большие силы врага и фронт действий ее войск был в два раза шире, чем это было севернее Белгорода. Однако, несмотря на это, советские воины преодолели мощную вражескую оборону, они проявили массовый героизм, отвагу и высокое воинское мастерство.

В боях за Харьков связисты наших армейских частей должны были наводить шестовые и кабельные линии к командным и наблюдательным пунктам командиров дивизий и от них продолжать эти линии к командным и наблюдательным пунктам командиров полков, действовавших на главном направлении дивизии, то есть строить ось связи. Командиры полков, как правило, находились в боевых порядках пехоты, и линии связи тянулись до передовых позиций пехоты. Связистам приходилось наводить линии связи через места, подвергавшиеся непрерывному воздействию артиллерийского и пулеметного огня противника, они выходили устранять повреждения в любых условиях боевой обстановки.

Фашистские захватчики яростно сопротивлялись, переходили в контратаки, стремились удерживать свои позиции. В ночь на 15 августа воины стрелкового батальона 41-го полка 84-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Еременко внезапной и решительной атакой прорвались через проволочные заграждения и траншеи ошеломленных гитлеровцев и углубились в их оборону на 3 километра. В образовавшуюся брешь вместе с пехотинцами устремился кабельный взвод армейских связистов под командованием лейтенанта Рацера.

Успешные действия 41-го стрелкового полка 84-й дивизии в глубине вражеской обороны и устойчивая связь с ним помогли командованию армии точнее определить систему обороны фашистских войск и принять дополнительные меры для ее прорыва.

Весьма эффективными были действия 252-й стрелковой дивизии. На узком участке фронта было выдвинуто на прямую наводку более 60 ору-

дий, которые одновременно ударили по переднему краю вражеской обороны. Под прикрытием их огня пошел в атаку стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Мигова. Отважные пехотинцы прорвались за передний край обороны противника и вскоре достигли дома лесника, где сходился узел дорог и находился пункт управления и тактический резерв фашистских войск. Здесь было уничтожено более 100 гитлеровских солдат, захвачены трофеи и нарушено управление войсками противника.

Решительные и инициативные ночные действия наших разведывательных подразделений значительно ослабили вражеское сопротивление и позволили частям 252-й стрелковой дивизии взломать вражескую оборону на значительном участке, завязать бой за крупный населенный пункт Пересечное, находившийся глубоко в тылу фашистских войск.

Вместе с частями 252-й стрелковой дивизии по лесным тропинкам продвигались и наводили линии связи кабельный взвод армейских связистов под командованием лейтенанта Бойко и группа связистов, возглавляемая военным техником Сухоруковым, с радиостанцией и средствами для развертывания передового узла связи на наблюдательном пункте командующего армией.

16 августа и в последующие дни в лесном массиве северо-западнее Харькова происходили ожесточенные бои. Пытаясь восстановить свою оборону по северным опушкам лесного массива, фашистские войска непрерывно контратаковали, их авиация наносила бомбовые удары по боевым порядкам, артиллерийским позициям и пунктам управления наших войск. В ходе этих боев личный состав армейских частей связи и соединений армии проявлял большую инициативу, мастерство, неоднократно показывал образцы мужества и отваги.

Кабельный взвод под командованием лейтенанта Рацера строил линию связи за передовыми частями 41-го стрелкового полка 84-й дивизии и вместе с ними оказался в тылу фашистских войск. На рассвете 16 августа 41-й полк столкнулся с колонной пехоты и танков гитлеровцев. Завязался жаркий бой, в ходе которого наши пехотинцы подбили два танка и уничтожили около ста фашистских солдат. Однако вражеские танки и пехота стали теснить советских воинов. В этот критический момент боя лейтенант Рацер определил по карте координаты фашистских танков, сообщил их на командный пункт армии. Полку была немедленно оказана помощь огнем артиллерии. Еще 6 танков и более 150 фашистских солдат остались на месте боя. Оставив у телефона и радиостанции радиста сержанта Чугорину, лейтенант Рацер сражался в этом бою со своим взводом вместе с пехотинцами. Лейтенант был ранен, но не ушел с поля боя. За проявленные мужество и инициативу лейтенант Рацер, сержант Чугорина и другие связисты были удостоены боевых наград.

Инициативу, мужество и отвагу проявили связисты под командованием лейтенантов Бойко и Рыбакова, капитанов Дедковского, Лиханова и Филиппова, старших лейтенантов Графова и Дурандина. Связисты обеспечивали бесперебойность управления и взаимодействие войск на поле боя и очень часто сами вступали в бой с фашистскими захватчиками.

К исходу 18 августа 1943 года лесной массив северо-западнее Харькова в основном был очищен от фашистских захватчиков и упорные бои продолжались за населенные пункты Пересечная, Куряж и Гавриловка, южнее лесного массива и западнее Харькова. Наблюдательный пункт командующего 53-й армией и передовой армейский узел связи были оборудованы в районе высоты 197,3 севернее Пересечной, а штаб армии и оперативная группа Степного фронта переместились в деревню Дергачи западнее районного центра Дергачи. В течение 19 августа войска нашей армии, преодолевая ожесточенное сопротивление и отражая контратаки фашистских захватчиков, овладели населенными пунктами Пересечная, Гавриловка и к утру 20 августа вышли на северный берег реки Уды. Батальон гвардейцев 28-й гвардейской дивизии форсировал Уды, прорвался к пригороду Харькова — Коротич и завязал бой на его северной окраине. К исходу 20 августа войска 53-й армии форсировали в нескольких местах реку Уды, заняли населенные пункты Синелицевка, Шпаки и ряд других опорных пунктов вражеской обороны южнее Уды.

Продвижение войск 53-й армии на юг в обход Харькова с юго-запада навстречу войскам 57-й армии Степного фронта, наступавшим юго-восточнее города, угрожало харьковской группировке фашистских войск полным окружением, и потому сопротивление гитлеровских захватчиков на этих направлениях значительно возросло.

С утра 21 августа во взаимодействии с танкистами 5-й гвардейской танковой армии войска 53-й армии решительно атаковали позиции фашистских войск по высотам южнее реки Уды и у населенных пунктов Люботин, Коротич и Песочин. Ожесточенные бои продолжались в течение 21 и 22 августа. Фашистские захватчики непрерывно переходили в контратаки крупными силами пехоты и танков. Но вражеское сопротивление было сломлено, и к исходу 22 августа танкисты 5-й гвардейской танковой армии заняли Коротич и передовые отряды 5-го механизированного и 18-го танкового корпусов прорвались к поселкам Покотиловка и Высокий у шоссейной дороги Харьков — Мерефа, а дивизии 53-й армии заняли Песочин, Подворки и Старый Люботин, перерезав шоссейную дорогу Харьков — Полтава.

Фашистские захватчики предприняли отчаянные попытки избежать окружения. Они бросили в контратаки крупные силы пехоты и танков, оттеснили передовые отряды 5-й гвардейской танковой армии от Покотиловки и Высокого и стали отступать по единственной еще не перехваченной советскими войсками дороге Харьков — Мерефа.

В период боев с 12 по 22 августа 1943 года на ближних подступах к Харькову связисты армейских частей связи и частей связи соединений 53-й армии в сложнейших условиях боевой обстановки обеспечивали бесперебойное управление и организацию взаимодействия огромного количества войск, применявших большое количество боевой техники. Четко работали линии и узлы связи. Не щадя своей жизни вносили связисты свой скромный вклад в общее дело победы над врагом.

Навсегда остались в памяти эпизоды отважной и четкой работы военного техника Сухорукова, механика Бочарова, телефонисток харьковчанки Клавы Момот и ленинградки Жени Кузьминой, а также радистки сибирячки Журиковой. В условиях непрерывных бомбардировок вражеской авиации, под артиллерийским и минометным огнем работали они четко и уверенно на передовом узле связи, обеспечивая командующему Степным фронтом и командующему 53-й армии управление войсками, ведущими бой за Харьков.

Не менее четко работали связисты и узла связи штаба 53-й армии, находившегося в селе Дергачи. Они обеспечивали управление войсками нашей армии, обслуживали оперативную группу штаба Степного фронта, организацию взаимодействия войск фронта. Через этот узел связи командующий Степным фронтом генерал-полковник Конев отдал приказ о штурме Харькова. Вот как это было.

В течение дня 22 августа войска 5-й гвардейской танковой и 53-й армий, выполняя приказ о завершении окружения Харькова, вели ожесточенные бои за Люботин, Коротич и другие пункты юго-западнее Харькова. Командующий Степным фронтом генерал-полковник Конев с рассвета 22 августа непрерывно находился на высоте 197,3 севернее Пересечной, откуда хорошо просматривался ход боя от Старого Люботина до Коротича и Песочина. В ходе боя генерал Конев отдавал распоряжения и указания командующему 5-й воздушной армии генералу Горюнову, командиру штурмового авиационного корпуса генералу Рязанову, начальнику инженерных войск фронта генералу Цирлину и другим начальникам. Генерал Конев вел очень много переговоров по телефону с командующим 5-й гвардейской танковой армией генералом Ротмистровым, командиром 48-го стрелкового корпуса генералом Рогозным и с командирами дивизий 53-й армии. Узел связи на высоте 197,3 работал с очень большой нагрузкой, четко и бесперебойно, обеспечивая прямую телефонную связь с командирами соединений.

День 22 августа 1943 года был для нас самым напряженным за весь период Белгородско-Харьковской операции.

Во второй половине дня генерал Конев потребовал обеспечить ему прямые телефонные переговоры с начальником штаба Степного фронта генералом Захаровым, командующими армиями и штабом Воронежского фронта. Он вел их через узел связи штаба 53-й армии в деревне Дергачи

в хате колхозницы Марины Васильевны Балаклицкой. Я не был свидетелем всех этих переговоров, но около 18 часов был вызван к генералу Коневу. В то время он разговаривал с генералом Захаровым. Перед командующим на столе лежала развернутая карта. В руке он держал телефонную трубку. Я отчетливо услышал слова: «Надо поднять войска на штурм города». Вскоре переговоры были закончены и генерал Конев приказал мне принять меры к безотказной работе узла связи на высоте 197,3.

Примерно в 21 час 22 августа была получена из штаба фронта и передана в войска армии телеграмма такого содержания: «Манагаров вышел на фронт Старый Люботин, Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин, Харьков горит. Слышны большие взрывы. Командующий фронтом приказал: ...не медля поднять войска на штурм города Харькова. Действия должны быть решительными и энергичными. Об отданных приказах и исполнении донести. Начальник штаба Степного фронта Захаров».

В течение ночи на 23 августа 1943 года мы с высоты 197,3 наблюдали ожесточенный ночной бой в районе поселка Октябрь, Холодной Горы, в направлении Липовой Рощи и Покотиловки. Это воины 89-й гвардейской, 375-й и 107-й стрелковой дивизий 53-й армии и танкисты 5-й гвардейской танковой армии штурмовали юго-западные окраины Харькова. Узел связи работал с прежней нагрузкой и четкостью. Командиры частей и соединений армии докладывали о ходе боя и успешном продвижении вперед.

Примерно в 5 часов утра 23 августа 1943 года, когда уже совсем рассвело, через телефонистку Момот один из подполковников потребовал к телефону кого-нибудь из ответственных начальников. Чтобы выяснить, в чем дело, я первым взял трубку и услышал взволнованный голос — «нахожусь на площади Дзержинского, сопротивления не встречаю, продолжаю движение к вокзалу». Я передал подполковнику, что сейчас попрошу к телефону командующего, и доложил о сообщении. Генерал Конев выслушал доклад, положил трубку и, подойдя к командующему 53-й армии, негромко сказал: — «Ну, Манагаров, поворачивай все на Люботин».

Через несколько минут начали поступать радостные донесения из многих других районов города о вступлении наших частей в Харьков и боях на некоторых его улицах. Донесения поступали по телефону и радио, их принимали телефонистки Момот, Кузьмина и радистка Журикова. Четко работали техник Алексеев и механик Бочаров.

Связисты не щадя жизни выполняли свой воинский долг, участвуя в освобождении нашего родного города.

Н. А. ВИШНЕВСКИЙ
Генерал-лейтенант запаса

САЛЮТ РОДИНЫ

Чем дальше отодвигаются от нас по времени события Великой Отечественной войны, тем зримее становится их огромное значение, нагляднее и ярче раскрывается перед всем миром величие подвига, который совершил советский народ под руководством Коммунистической партии, разгромив злейшего врага человечества — германский фашизм.

Важное место в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками занимает освобождение Харькова — крупнейшего индустриального центра страны, второй столицы Украины. Оно вошло славной страницей в летопись Великой Отечественной войны.

Мне довелось сражаться с фашистскими оккупантами на Белгородско-Харьковском направлении, принимать непосредственное участие в освобождении Харькова. Как очевидец, хочу рассказать о героических подвигах советских воинов, партийно-политической работе, проводившейся в ходе боевых действий в войсках 69-й армии, где я был начальником политотдела.

Соединения и части нашей армии, входившей в состав Степного фронта, в числе первых перешли в наступление на Белгородско-Харь-

ковском направлении. Противник упорно сопротивлялся. Но час его пробил. Развивая стремительное наступление, наши соединения в тяжелых боях 3 и 4 августа овладели населенными пунктами на подступах к Белгороду, а 5 августа стрелковые дивизии во взаимодействии с частями соседней армии штурмом овладели Белгородом.

В честь этой победы в тот же день столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. Над страной прогремел первый салют Родины.

Двум нашим дивизиям, которые первыми ворвались в город Белгород, было присвоено наименование «Белгородских».

Высокая оценка советским народом, партией и правительством боевой деятельности войск армии вызвала новый патриотический подъем и наступательный порыв у всего личного состава, стремление как можно скорее освободить советскую землю от гитлеровских оккупантов и оказать помощь народам Европы в освобождении от фашистского рабства.

Взятие Белгорода открывало путь на Харьков. Войска армии, нанося сокрушительные удары, преследовали яростно сопротивлявшегося противника. Гитлеровцы отводили свои основные силы в район города, ожесточенно оборонялись на промежуточных рубежах, одну за другой предпринимали безуспешные попытки сдержать наше наступление.

Вот и освобожденные земли Харьковщины — милая, родная сердцу украинская земля. Редкие участки засеянных полей, посевы не обработаны. Сорняками и бурьянами поросли необозримые просторы когда-то плодоносных полей. Некоторые деревни уничтожены дотла, сожжены оккупантами, в остальных — много домов сожжено или разрушено.

Трудно забыть те дни. По всем дорогам, в районы, освобожденные от оккупантов, возвращались местные жители, которые горячо благодарили воинов-освободителей. Многие из них на месте брошенных хат нашли пепелище или груду развалин и вынуждены были первое время жить в наскоро вырытых землянках.

С горячей любовью к Родине в сердце, с огромной ненавистью к фашистским захватчикам шли войска в бой за освобождение Харькова и всей советской земли от оккупантов.

Наступательный порыв наших частей нарастал. Моральное состояние войск противника после разгрома Орловско-Белгородской группировки гитлеровцев резко понизилось.

Войска нашей армии приближались к Харькову. Бои становились все напряженнее и упорнее. Наконец 23 августа 1943 года после ожесточенных боев соединения армии во взаимодействии с частями соседних армий сломили упорное сопротивление гитлеровцев и штурмом взяли Харьков.

Всю ночь на 23 августа над городом стояло огромное зарево и раздавались сильные взрывы. Это фашистские головорезы жгли и взрывали красавец город: заводы, фабрики, жилые дома, учебные заведения, культурные учреждения, мосты — все, что поддавалось разрушению.

Много тяжелых ран нанесли озверевшие варвары городу. Проиграв битву за Харьков, они в бессильной ярости мстили его зданиям, памятникам, сокровищницам культуры, издевались над населением. Трудно даже описать все разрушения, произведенные в Харькове фашистами.

Ночью, когда зарево над городом стало усиливаться, наши войска пошли в решающую атаку. Соединения армии наступали на северо-западную, северную и северо-восточную окраины города.

Взломав и преодолев систему обороны противника, первыми ворвались в город 89-я и 93-я гвардейские и 375-я, 183-я стрелковые дивизии.

В 3 часа 30 минут 23 августа была взята железнодорожная станция Харьков. А к 10 часам — полностью очищена от противника юго-западная часть города. Первым ворвался в город и завязал уличные бои стрелковый полк под командованием майора Нефедова. В уличных боях бойцы 1-й роты этого полка кандидат в члены ВКП(б) Красников и член ВЛКСМ Бояркин захватили пленных немецких солдат.

На плечах отступающего противника наши солдаты и офицеры ворвались в город и завязали уличные бои. В 4 часа 30 минут была освобождена площадь Дзержинского. Воины майора Сажинова водрузили красный флаг на здании городского Совета. Красные флаги гордо поднялись также над зданиями Госпрома и почтамта. В 10 часов части вышли на реку Уды.

Натиск наших бойцов был решителен. Гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. В. Тихомирова наступала на северо-восточную окраину города. Преодолевая минные поля и сильное огневое сопротивление противника, солдаты и офицеры очищали от врага квартал за кварталом. При штурме города в боевых порядках подразделений погиб смертью храбрых командир полка гвардии майор Г. А. Рудик. К исходу дня части дивизии уже вели бои на правом берегу реки Уды.

Смело расчищали себе путь вперед автоматами и гранатами бойцы подразделения, которым командовал офицер Ибрагимов. Отважно действовали бойцы подразделения офицера Калинина, которые овладели Южным вокзалом, и многие другие. Геройски сражался автоматчик-харьковчанин Степан Супруненко. Очищая от врага Сумскую улицу, на которой он жил до войны, Супруненко уничтожил пулеметный расчет фашистов. Узнав о том, что его сестру угнали в фашистское рабство, славный воин сильнее сжал автомат и поклялся бить врага еще крепче.

Нельзя умолчать также о славном подвиге людей очень опасной даже на войне профессии — саперов. В годы войны саперы и минеры, каждую

минуту рискуя жизнью, отважно прокладывали нашим войскам путь через минные поля. И сейчас еще им приходится сталкиваться с последствиями тех грозных лет: они продолжают подвиг, выполняя боевые задачи по ликвидации неразорвавшихся авиационных бомб и складов боеприпасов, зарытых в земле гитлеровцами при отступлении.

Инженерные части нашей армии под руководством опытного и энергичного командира — полковника Агроскина провели большую работу по обеспечению проходов в минных полях, разминированию отдельных зданий и сооружений.

Еще до сих пор на некоторых домах Харькова сохранились надписи: «Мин нет. 23.8.1943 г. Егоров» или «Мин не обнаружено. Иванов». И хотя буквы этих надписей потускнели и стали едва заметны — они дороги сердцу каждого харьковчанина как свидетельство мужества и бесстрашия скромных тружеников войны — саперов и минеров.

О большой плодотворной работе саперов и минеров свидетельствует тот факт, что инженерные части нашей армии восстановили и построили в Харькове 15 мостов, разминировали площади в 18 квадратных километров, 73 отдельных заводских корпуса, 816 зданий и жилых домов, сняли солидный смертоносный груз — 4161 мину.

Преследуя сопротивлявшегося противника, части армии вместе с соседними соединениями в середине дня 23 августа полностью овладели Харьковом. Это была большая победа. Вот какими волнующими строчками откликнулся на это событие крупнейший советский поэт Демьян Бедный:

Над Харьковом взвилось родное наше знамя
И засверкала вновь советская звезда,
Он снова наш, он снова с нами,
Освобожденный — навсегда!

Победа наших войск под Харьковом была новым триумфом могущества советского оружия. Она зажгла зарю освобождения многострадальной Украины. Сердце каждого советского патриота, временно находившегося под пятой фашистских поработителей, переполнилось радостью. Грозная поступь советских полков свидетельствовала: близок час освобождения.

23 августа 1943 года столица нашей Родины Москва от имени Родины посвятила свой второй по счету салют доблестным войскам, освободившим Харьков, двадцатью залпами из 224 орудий. В числе 10 дивизий, получивших почетное наименование «Харьковских», было 4 соединения нашей армии: 89-я гвардейская «Белгородская», 93-я гвардейская, 183-я и 375-я стрелковые дивизии.

Высокая оценка ратного труда наших воинов вдохновила нас на дальнейшие подвиги во имя окончательного разгрома гитлеровцев, еще выше подняла наступательный порыв войск армии, их стремление скорее освободить нашу Родину от фашистских захватчиков.

Население Харькова с радостным волнением и восторгом встречало освободителей. Наконец харьковчане, долго страдавшие под игом фашистской оккупации, покинули свои убежища и высыпали на улицы. Они, настоящие хозяева города, сразу же приступили к очистке дворов и улиц от завалов.

В памяти встают незабываемые картины тех дней. По улицам освобожденного города идет пехота, движется артиллерия, грохочут танки. У каждого дома стоят жители. Они горячо приветствуют своих освободителей, преподносят им цветы, восхищаются могучей техникой Красной Армии. Словно сейчас вижу взволнованного старого рабочего, заводского кочегара Никанора Павленко, который, обнимая бойца, сказал: «Сынки вы мои родные. Большое вам спасибо за освобождение нас от фашистского рабства».

Над полуразрушенными домами взвились красные знамена, сохраненные патриотами флаги. На одном из транспарантов слова: «Хай живе Червона Армія!» Стихийно возникают митинги. А у моста через р. Лопань вокруг агитатора 93 гв. сд. офицера Брыскина собралась толпа людей. Они внимательно слушают рассказ воина о жизни Советской страны, о победах на фронтах Отечественной войны, боевых подвигах гвардейцев, освободивших Харьков.

К вечеру первого дня в районах города уже начали действовать органы Советской власти.

Навсегда запомнилось харьковчанам 30 августа. В этот день на площади у памятника Т. Г. Шевченко состоялся большой митинг, на который собралось более 25 тысяч жителей города. Среди его участников можно было увидеть лучших представителей украинской интеллигенции: поэтов Павла Тычину, Максима Рыльского и Мыколу Бажана, академика Л. А. Булаховского, кинорежиссера и кинодраматурга А. П. Довженко, народных артистов СССР М. И. Литвиненко-Вольгемут, И. С. Паторжинского, И. С. Козловского, композитора Ф. Е. Козицкого и других.

Бурными аплодисментами встретили участники митинга появление на трибуне члена политбюро ЦК нашей партии, Первого секретаря ЦК КП(б)У, члена Военного совета Воронежского фронта товарища Н. С. Хрущева, членов ЦК КП(б)У и правительства Украины тт. М. С. Гречуху, Д. С. Коротченко, командующего Степным фронтом генерала армии И. С. Конева, генералов и офицеров Красной Армии.

Митинг открыл секретарь Харьковского горкома КП(б)У В. М. Чураев.

Генерал армии И. С. Конев, выступая на митинге, передал харьков-

чанам боевой привет от войск Степного фронта и поздравил их с освобождением от фашистских захватчиков. С взволнованными речами выступили также профессор А. В. Терещенко, инженер завода «Серп и молот» тов. Борзый. Они призвали собравшихся ответить на освобождение города самоотверженным трудом по восстановлению любимого города. На митинге выступил также командир прославленной 98-й гвардейской Белгородско-Харьковской дивизии полковник М. П. Серюгин.

Тепло встретили участники митинга выступление руководителя большевиков Украины товарища Н. С. Хрущева.

Товарищ Хрущев приветствовал воинов, доблестно сражавшихся за освобождение Харькова, призвал их изгнать врага с Советской земли, а трудящихся города — умножить свои усилия по восстановлению родного города. В заключение своей речи Н. С. Хрущев сказал:

— Все для фронта! Все для победы! Теснее сплотим ряды вокруг Коммунистической партии! Вперед — на запад, вперед — за Украину!

С большим подъемом участники митинга приняли приветственное письмо воинам — освободителям Харькова.

Митинг вылился в волнующую демонстрацию огромной любви народа к родной Коммунистической партии, твердой решимости армии и народа изгнать фашистских оккупантов из пределов любимой Родины, уничтожить фашистского зверя.

* * *

Победы нашей армии летом 1943 года в боях на Белгородско-Харьковском направлении и взятие Харькова неразрывно связаны с большой воспитательной работой среди воинов в частях и соединениях, которую проводили командиры-единоначальники, политорганы, политработники, партийные и комсомольские организации.

Главной задачей всей партийно-политической работы было воспитание у личного состава горячей любви к социалистической Родине, ненависти к ее врагам, решительности, настойчивости в достижении поставленной цели, обеспечении высокого наступательного порыва, героизма и отваги в бою.

Содержание, формы и методы партийно-политической работы определялись конкретной обстановкой, боевой задачей, которая стояла перед нами на том или ином этапе наступления.

На самых опасных участках боевых действий находились коммунисты и комсомольцы. Они поддерживали в частях и подразделениях высокий наступательный дух, железную воинскую дисциплину и бдительность, сплачивали воинов в дружную боевую семью. Силой личного примера, беззаветного героизма и мужества коммунисты и воспитанники славного

ленинского комсомола увлекали бойцов вперед на взятие новых и новых рубежей обороны противника.

Ярким показателем огромного авторитета партийных организаций, каждого коммуниста является большая тяга бойцов и командиров в ряды партии. Только в июле 1943 года в частях и соединениях армии было подано 1143 заявления о приеме в члены партии и 2856 — в кандидаты в члены ВКП(б). За это время мы приняли в члены партии 732, а в кандидаты — 1656 человек.

Успешные августовские бои вызвали новую волну политического подъема у личного состава, стремление многих из них связать свою судьбу с партией.

Так, например, в августе 1107 бойцов и командиров подали заявления о приеме в члены ВКП(б) и 3374 — в кандидаты в члены партии. Из них было принято в члены партии 756, в кандидаты — 2310. Разница в цифрах, подавших заявления и принятых в партию объясняется главным образом выбытием в госпитали.

В числе принятых в партию — воины многих национальностей, населяющих нашу Родину.

В партию и комсомол шли лучшие люди. Так, в 31-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригаде подал заявление о приеме в кандидаты партии командир орудия сержант П. И. Абашкин. Лучшей характеристикой отважного воина были его боевые дела: в жестоком бою он подбил 6 танков, в том числе три «тигра». В тот же день, когда сержант Абашкин совершил этот подвиг, его приняли в партию и наградили орденом Отечественной войны I степени.

Только в одной из наших гвардейских стрелковых дивизий за 13 дней боев за Харьков было принято в партию 176 солдат, сержантов и офицеров, отличившихся в боях. Бюро первичных парторганизаций и партийные комиссии при политотделах соединений, как правило, рассматривали дела о приеме в партию в день поступления заявлений, в короткие минуты перерывов между боями. Партийные и комсомольские документы выдавались непосредственно на поле боя.

В жестоких сражениях выбывали коммунисты. Однако эта убыль полностью восполнялась за счет притока в партию лучших воинов. Так, если в июле 1943 года партийные организации армии насчитывали 10 116 коммунистов, то на 1 сентября того же года — 11 098.

Наряду с количественным ростом в парторганизациях происходили и качественные изменения. Они накапливали значительный опыт внутрипартийной и политико-массовой работы в боевых условиях. Выросли кадры партийного и комсомольского актива — парторги, комсорги, члены бюро, агитаторы, редакторы боевых листков.

Значительное оживление партийно-политической работы в войсках произошло после реорганизации, в соответствии с решением ЦК партии,

структуры партийных и комсомольских организаций армии, созданием батальонных и дивизионных партийных и комсомольских организаций. Укрепление единоначалия, повышение роли командиров, изменения в структуре политического аппарата, партийных и комсомольских организаций сыграло большую роль в улучшении всей работы по воспитанию личного состава.

В тяжелых боях за Харьков первичные партийные организации батальонов и дивизионов держали первый серьезный экзамен. Здесь же испытывались и наши политотделы, заместители командиров по политчасти, их умение руководить партийно-политической работой в новых условиях. И нужно сказать, что суровую проверку боем политорганы и молодые первичные парторганизации с честью выдержали. Они оказали большую помощь командованию в решении боевых задач: сумели поддержать в войсках высокий наступательный порыв и боевой дух, большую политическую активность.

Парторги, комсорги, члены бюро принимали непосредственное участие в боях, сплачивали личный состав в единую боевую семью, вселяли в воинов веру в победу, мобилизовывали их на героические подвиги.

Можно привести много примеров, которые подтверждают это. Взять партийную организацию 1-го стрелкового батальона гвардейской Белгородско-Харьковской дивизии, где парторгом был старший лейтенант тов. Куземченко. Все коммунисты батальона имели партийные поручения. Они регулярно выступали перед бойцами с беседами на темы: «Значение освобождения города Харькова», «Положение на фронтах Отечественной войны». Когда была получена боевая задача — взять город, в ротах и батареях были проведены партийные и комсомольские собрания по вопросу: «Задачи коммунистов и комсомольцев в боях за Харьков». Выпущены боевые листки, листовки-молнии с призывом: «Там, где гвардия,— враг не пройдет».

Коммунисты и комсомольцы, все бойцы поклялись с честью выполнить боевую задачу. Они оказались верными своему слову. Образец мужества и героизма показал командир взвода пулеметной роты этого батальона — парторг роты Яхтин. С возгласом «За нашу любимую Родину вперед, на врага!» он поднял бойцов, которые гранатами в рукопашном бою отбили контратаку фашистов, нанеся им большие потери. В этом бою коммунист Яхтин пал смертью героя.

Умело действовали в сложных боевых условиях парторг батальона старший лейтенант Покрышкин, секретарь партбюро артиллерийского полка старший лейтенант Авалиани и многие другие.

Основной формой воспитательной работы в боевой обстановке было непосредственное общение политработников, коммунистов с личным соста-

вом частей и подразделений. Неписанным законом стало у нас: первым среди коммунистов был заместитель командира по политической части. Он был образцом воина-большевика.

Руководствуясь ленинскими принципами укрепления связи партии с массами, политработники, парторги частей и подразделений армии вели повседневную агитационно-массовую работу среди личного состава, живо откликались и по-партийному реагировали на все, что волновало воинов. Партийные организации широко популяризировали героизм, смелые, инициативные и решительные действия отдельных воинов, подразделений и частей. А таких примеров было много, ибо героизм стал массовым явлением.

Вот только несколько эпизодов.

...В знойном полуденном воздухе послышался шум моторов и скрежет гусениц. На высоту, где находился рубеж старшего сержанта И. Н. Шведова, шли в контратаку фашистские танки. Бойцы припали к противотанковым ружьям. Из лощины появилась башня танка, за нею другая, третья. Танков было много, сразу и не сосчитать. Бойцы готовились к бою. «Не стрелять! Подпустить танки как можно ближе!» — приказал Шведов. Не один раз Шведов встречался лицом к лицу с врагом. Но сегодня он впервые шел в бой коммунистом. У его сердца лежал новенький билет кандидата в члены ВКП(б).

Снаряды неистово рвали землю. Все вокруг окутал густой черный дым. С противотанковым ружьем в руках Шведов следил за головным танком. Расстояние сокращалось. «Огонь!» — подал, наконец, команду Шведов и сам выстрелил раз, другой. Танк остановился. Запылала машина, подбитая сержантом Муравьевым. Но остальные танки подходят все ближе и ближе. Справа приближается средний танк. Шведов бьет в бензобак. Это уже вторая подбитая им бронированная крепость врага. Но вокруг еще много бронированных чудовищ, стремящихся пробить железную стойкость советских воинов. Вдруг что-то черное, грохочущее закрыло солнце. Шведов едва успел убрать ружье и присесть на дно окопа. Танк всей своей тяжестью навалился на окоп. В глаза, уши, нос воина набилась земля. Но нелегко сломить советского патриота. Почувствовав, что танк прошел, Шведов поднял ружье и ударил в заднюю часть вражеской машины. Раздался оглушительный взрыв. Яркий сноп пламени охватил танк.

Весь день группа бойцов, возглавляемая героем Шведовым, вела неравную схватку и отстояла рубеж. За этот бой Шведов был награжден орденом.

В боях за Харьков наши части широко использовали штурмовые группы, укомплектованные смелыми и опытными воинами, преимущественно коммунистами и комсомольцами. Отлично действовали штурмовые группы

младших лейтенантов Красанова и Молчанова. Их боевой опыт был обобщен в листовках и доведен до всего личного состава.

Можно привести еще много примеров личного героизма бойцов и командиров. Вот еще один из них. В одном из расчетов станкового пулемета храбро сражалась молодая советская патриотка комсомолка Ольга Лосева. Однажды девушка возвращалась с пункта боепитания с патронами и услыхала, как вдруг захлебнулся и умолк знакомый голос «максима». Ольга подбежала к пулемету и увидела, что весь расчет вышел из строя. Стрелять было некому. Не раздумывая ни минуты, Лосева зарядила пулемет и начала в упор расстреливать наступающих гитлеровцев. Десятки вражеских солдат остались на поле боя. Контратака была отбита. За проявленную инициативу, мужество и отвагу в бою Лосева была награждена орденом Красной Звезды. О подвиге юной патриотки командование полка сообщило матери Лосевой — Ольге Павловне и райкому комсомола.

Надо сказать, что во всех соединениях армии привилось чудесное правило — о героических подвигах воинов, отличившихся в боях за нашу Родину, посылать сообщения родным, их товарищам по работе — на предприятия и в колхозы. Тексты этих писем и ответы на них от родных, друзей и коллективов трудящихся зачитывались командирами и политработниками всему личному составу частей, печатались в дивизионных газетах.

Скажем, наводчик батареи коммунист гвардии сержант Акакий Кварацхвелия в одном из боев на подступах к Харькову подбил из своего орудия 4 фашистских танка. За стойкость и мужество в бою он был награжден третьей правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

О подвиге Кварацхвелия командование написало письмо его родителям. В ответ на имя командира части отец героя писал: «...Мы впервые узнали от Вас, что наш Акакий награжден правительственными наградами. Мы с матерью гордимся его подвигами. Передайте сыну наше родительское спасибо и пусть он и впредь так же героически сражается и идет все вперед и вперед до полной победы над фашизмом».

В ответ на письмо начальника политотдела подполковника Бочарова о подвиге старшего сержанта В. Чугунова, подбившего танк «тигр», мать героя М. М. Чугунова писала: «...не передать той радости, которая охватила меня, когда я прочитала Ваше письмо. Строки письма были залиты слезами материнской радости. Я горжусь сыном и благодарю Советскую власть, которая помогла мне вырастить и воспитать такого сына. Отец Володи также сражается на фронте. Я работаю в колхозе и отдаю все свои силы в помощь фронту, родной Красной Армии».

Письма от командования родным и их ответы тепло воспринимались солдатами и сержантами, вдохновляли их на новые подвиги во имя Родины.

В боях за Харьков отличились тысячи и тысячи солдат и офицеров. Достаточно сказать, что за эту операцию были награждены орденами и медалями 8400 воинов нашей армии. Награды, как правило, вручал командир соединения, части или его заместитель по политчасти в торжественной обстановке, в момент затишья перед строем личного состава. После вручения наград проводились митинги и, если позволяла обстановка, обед или ужин, концерт самодеятельности или демонстрировалась кинокартина.

Успехи частей и соединений 69-й армии в боях за освобождение Харькова неразрывно связаны с большой идеологической работой, которая проводилась в войсках. Для проведения идейно-политической работы в войсках были использованы разнообразные формы и методы агитации и пропаганды — лекции и доклады, политинформации и беседы, митинги и собрания, армейская печать, наглядная агитация, кино, радио, художественная самодеятельность.

В напряженной боевой обстановке наиболее распространенной и действенной формой политической агитации были беседы. Так, перед штурмом Харькова командиры и политработники провели беседы на темы: «Освободить Харьков — таков приказ Родины», «Штурмовая группа — главное звено городского боя». В каждом взводе был свой агитатор из числа коммунистов, комсомольцев, а в отделении — чтец из наиболее грамотных, политически развитых и отличившихся в боях воинов.

Разнообразные формы работы среди бойцов использовали наши политработники. Так, политотдел одной из дивизий периодически издавал блокнот в помощь агитаторам, в котором помещались материалы о победах Красной Армии, о героизме воинов дивизии. Широкое распространение получила во всех соединениях и такая форма, как выпуск боевых листков-летучек, листовок о важнейших событиях, героических подвигах советских воинов с призывом следовать их примеру.

Большое внимание уделялось наглядной агитации. Пламенные слова лозунгов, написанных на стенах домов, заборов, иногда на стенах окопов, как, например: «Гвардеец! Сильнее удары по врагу!», «Хай живе вільний Харків!» — воодушевляли бойцов в борьбе за освобождение Харькова.

Важную роль в воспитании воинов, мобилизации их на выполнение боевых задач сыграли митинги. Вот принятое на одном из них решение: «Били гитлеровские части зимой, побьем их и летом, очистим советскую землю от ненавистного врага. В боях за нашу Родину добьемся, чтобы наша гвардейская дивизия стала и орденоносной».

Свое обещание воины-гвардейцы выполнили с честью. За отличные боевые действия дивизии было присвоено наименование «Белгородско-Харьковской», она награждена орденами Суворова II степени и Красного Знамени. Многие части дивизии были также награждены орденами Советского Союза.

В связи с освобождением Белгорода и Харькова, объявлением благодарности войскам армии и присвоением четырем нашим дивизиям почетного наименования «Харьковских», во всех соединениях и частях прошли митинги. Только в частях и подразделениях одной из стрелковых дивизий на них выступило утром 24 августа 129 солдат, сержантов и офицеров. Они горячо благодарили партию и правительство за высокую оценку боевых действий, обещали действовать еще лучше.

В ряде случаев митинги проводились на могилах погибших воинов с участием освобожденного от фашистской оккупации гражданского населения. Такой митинг, например, был посвящен памяти героически погибших в бою командира полка гвардии капитана Чуева и его заместителя майора Фокина.

Утром 24 августа после освобождения Харькова состоялся митинг у могилы бывшего командира полка, славного сына осетинского народа Героя Советского Союза гвардии майора Энвера Эмбулатовича Ахсарова, павшего смертью храбрых в бою за Харьков в феврале 1943 года и похороненного на Холодной Горе. Бойцы полков, где проходили митинги, поклялись у могил своих командиров отомстить за их кровь гитлеровским оккупантам.

Личный состав армии регулярно снабжался газетами. В частях читались сводки Совинформбюро, материалы о жизни страны, статьи А. Толстого и других авторов, отрывки из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» и т. д.

Командиры и политорганы постоянно заботились о культурном обслуживании воинов. В каждой дивизии были кинопередвижки, а при армейском Доме Красной Армии действовал ансамбль песни и пляски, дававший в частях ежемесячно в среднем по 25—30 концертов. Только в августе 1943 года по путевкам Главного политического управления в войсках армии выступали фронтовая концертная бригада Рязанского областного Дома искусства и ансамбль песни и пляски Приволжского военного округа, которые дали в сложных полевых условиях 78 концертов. Военный совет армии объявил благодарность коллективам артистов бригады и ансамбля.

Части армии отражали многонациональный состав нашего государства. Все воины различных национальностей были спаяны могучей боевой дружбой, выступали в боях как единое целое, могучее, нерушимое. Ни один человек во время этих тяжелых испытаний не проявил растерянности и слабости. В боях за Харьков рядом стоят имена русского — сержанта Тихонова — командира пулеметного расчета и украинца — автоматчика Супруненко с Харьковщины, истребившего много солдат и офицеров противника, грузина — гвардии сержанта Кварацхвелия — бесстрашного истребителя танков и казаха — Оромбаева — отважного пулеметчика, татарина — командира отделения Закирова, принявшего в бою

командование взводом, и армянина — сержанта Набояна — командира героически сражавшегося орудийного расчета, туркмена Анинбаева, подбившего в бою три танка противника, киргиза Сатвалдеева и многих других.

В ходе боев дружба воинов росла и укреплялась. Для работы с воинами нерусской национальности в каждом подразделении выделялись внештатные агитаторы из числа воинов, в совершенстве владеющих языком этой национальности и русским языком.

Значительную работу в этом отношении проводил, в частности, агитатор политотдела армии по работе среди воинов нерусских национальностей майор Башкоев, бывший секретарь Тянь-Шаньского обкома КП(б) Киргизии. Он был хорошо подготовлен, знал несколько языков национальностей Средней Азии. Часто бывая в частях, он проводил беседы с бойцами и инструктировал агитаторов подразделений.

Большую роль в воспитании воинов сыграли фронтовая, армейская и дивизионные газеты. Наша армейская газета «Вперед, к победе!», дивизионная печать систематически помещали материалы о положении на фронтах Отечественной войны, героическом труде советского народа, о международных событиях. Армейская и дивизионные газеты обобщали и пропагандировали опыт боевых действий подразделений, отдельных воинов, их героизм в боях с фашистами, призывали воинов к новым подвигам.

В дни вступления на территорию Украины и напряженных боев за Харьков газеты выходили под лозунгом: «Здравствуй, родная Украина! Мы идем вызволять тебя из проклятой фашистской неволи» — и призывали воинов напрячь все силы и освободить Харьков и землю Украины.

«Украина будет советской!» — в статье под таким заголовком дивизионная газета «Боевое знамя» призывала: «Товарищи гвардейцы-белгородцы! Мы вступили на украинскую землю. С каждым днем крепнут наши удары по врагу. Близится день освобождения всей Советской земли. Перед нами Харьков! Еще крепче напор по врагу — и город будет освобожден. Украина была и будет Советской республикой».

Политорганы армии вели работу среди местных жителей населенных пунктов, освобожденных от фашистских оккупантов. Наиболее распространенными формами этой работы были митинги, доклады и беседы.

Так, командиры и политработники только одной нашей дивизии при вступлении в Харьков провели в разных районах города 38 митингов, на которых присутствовало до 8000 человек населения. Самый большой митинг состоялся у памятника Т. Г. Шевченко. Помимо этого, агитгруппа клуба дивизии дала 3 концерта в с. Русские Тишки и других населенных пунктах. Выражая благодарность за концерт, один престарелый колхозник сказал: «Фашисты только расстрел да виселицу обещали, пришли наши — и песня пришла». Армейский Дом Красной Армии и клубы дивизий организовали также в Харькове и освобожденных населенных пунк-

тах демонстрацию кинофильмов, выступления армейской самодеятельности.

Командиры и политорганы поддерживали постоянную связь с освобожденными городами и селами, оказывали возможную помощь в восстановлении разрушенного хозяйства. Скажем, комсомольцы гвардейских харьковских дивизий обратились к командованию с предложением учредить красные вымпелы для вручения лучшим комсомольско-молодежным бригадам города Харькова. Эта инициатива была одобрена Военным советом армии. Мы учредили 30 переходящих вымпелов Харьковских дивизий для вручения лучшим комсомольско-молодежным бригадам за проявленный трудовой героизм при восстановлении разрушенного фашистскими захватчиками городского хозяйства, промышленности и транспорта города. Воины, отличившиеся при освобождении Харькова, вручали их передовикам производства.

Используя все формы и методы партийно-политической работы, политотделы армии и соединений, политаппарат частей и партийные организации в ходе боевых действий тесно сплотили личный состав вокруг родной Коммунистической партии, мобилизовали солдат, сержантов и офицеров на героические подвиги в боях за освобождение от фашистских оккупантов города Харькова.

20 лет отделяют нас от памятного события — дня освобождения Харькова. В борьбе с врагом многие советские люди отдали за победу самое дорогое, что есть у человека — жизнь. Родина скорбит о погибших, помнит и свято чтит их бессмертный подвиг.

«Никогда не изгладится из памяти народа,— сказал товарищ Н. С. Хрущев, выступая на собрании представителей общественности Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны,— великий подвиг славных воинов Советской Армии, Военно-Морского Флота, доблестных партизан и партизанок, павших смертью храбрых в боях против фашистских захватчиков...

Огромные жертвы понес наш народ, отстаивая свободу и независимость нашей Родины. Это были жертвы во имя великого, благородного дела. И теперь, спустя двадцать лет после начала Великой Отечественной войны, спустя 16 лет после ее окончания, наша страна достигла небывалых высот в развитии своей экономики, культуры, науки, техники и твердой поступью идет вперед, к новым победам» [1].

---

[1] «Правда», 1961, 22 июня.

П. Х. ГОРДИЕНКО
Подполковник запаса

ЛЕГЕНДАРНАЯ ДИВИЗИЯ

В горниле Великой Отечественной войны 89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия окрепла, возмужала и покрыла себя поистине неувядаемой славой. Уже 28 июня 1941 года дивизия ушла на фронт.

Сдерживая натиск фашистских орд, полки этой дивизии нередко сами переходили в наступление, выбивали противника из захваченных им населенных пунктов. Истребляя живую силу и технику врага, наши воины свято помнили наказ трудящихся — стойко оборонять нашу Родину от фашистских захватчиков, не щадить ни сил, ни жизни для полной победы над врагом.

Уходя на фронт, наши бойцы клялись с честью выполнить этот наказ земляков: драться с врагом, как дрались их предки, отцы и братья, как подобает драться воинам Красной Армии.

Связь, поддерживаемая все время с советскими людьми путем обмена письмами и делегациями, придавала нам силу, еще теснее связывала нас с тылом, делая тыл и фронт едиными в борьбе за разгром врага, за защиту свободы и независимости нашей Родины.

В первых боях воины дивизии учились мастерству истреблять живую силу и технику врага, закаляли свою волю к победе, учились ненавидеть

врага и бить его наверняка. Успешное проведение ряда боевых операций способствовало вселению уверенности в победе над коварным врагом.

Личный состав дивизии стремился бить его так, как били его воины прославленных уже гвардейских частей и соединений; воевать так, чтобы Родина сказала спасибо.

После разгрома фашистских захватчиков на Волге дивизия в составе 3-й танковой армии, успешно продвигалась в направлении Харьков — Полтава. Только за первые пять дней наступления было уничтожено до 2500 фашистских солдат и офицеров, захвачено 635 автомашин, 39 орудий, 6 танков, 16 артиллерийских тягачей, много другого оружия и боеприпасов.

За успешные боевые действия по окружению и уничтожению 3-го горнострелкового итальянского корпуса, 25 января 1943 года всему личному составу дивизии была объявлена благодарность. 10 февраля дивизия освободила Печенеги, 12 февраля — Рогань, а 16 февраля полк майора Середы овладел Харьковским тракторным заводом. Дивизия с боем вступила в Харьков, где сердечно была встречена жителями исстрадавшегося города.

26 февраля дивизия выходит на подступы к Полтаве, закрепляясь на рубеже: Снежков Кут — Сидоренково — Благодатное. 7 марта приказом командования дивизия перебрасывается за Северный Донец, где преграждает путь противнику. 18 апреля 1943 года за образцовое выполнение заданий командования и высокое воинское мастерство, дивизия получила звание гвардейской.

Когда в начале июля 1943 года немцы повели наступление на Курской дуге, гвардейцы лицом к лицу встретились с противником, преграждая ему путь к Курску. С 11 июля дивизия ведет тяжелые оборонительные бои под Белгородом против 500 немецких танков. В районе Заячье — Сажное наш 270-й гвардейский стрелковый полк успешно отбивал многочисленные атаки вражеской пехоты, поддерживаемой 23 танками. Измотав и обескровив противника, дивизия 19 июля переходит в наступление и успешно освобождает ряд крупных населенных пунктов (Кривцево, Шахово, Киселево). За время боев в этом районе дивизией было уничтожено около 5000 вражеских солдат и офицеров, 37 танков, 19 орудий, 21 мотоцикл, 168 пулеметов, захвачено 1158 винтовок, 3 самолета и много других видов оружия.

Продолжая наступление, дивизия вместе с другими частями Красной Армии, утром 5 августа 1943 года освобождает от немецких захватчиков Белгород. В этих боях было уничтожено до 4000 гитлеровцев. За успешные боевые действия по освобождению Белгорода дивизия дважды получала благодарность, а столица нашей Родины Москва салютовала гвардейцам из 120 орудий. Дивизия была удостоена наименования «Белгородской».

Возмужавшая, получившая боевой опыт дивизия вступила в бои по освобождению Харькова. С 12 по 19 августа 1943 года гвардейцы ведут бои на подступах к Харькову. За это время были освобождены от немецких захватчиков Черкасская Лозовая, Лозовеньки и другие населенные пункты.

Командование поставило перед дивизией задачу пробиться на запад, обойти Харьков, выйти на вражеские коммуникации по линии Харьков — Полтава, оседлать эти дороги, сорвав подход вражеских подкреплений.

Весь личный состав частей дивизии отлично знал, что Харьков не просто советский город, но и гигант советской индустрии, вторая столица Советской Украины, ключ к освобождению Донбасса и всей Украины, где тысячи советских людей томились под ярмом немецких оккупантов.

Воспитанию всего личного состава способствовало укрепление ротных партийных организаций. В партию принимали воинов, отличившихся в боях. В боевые подразделения направлялись коммунисты из тыловых и хозяйственных подразделений. Партийные ряды дивизии периодически пополнялись коммунистами-добровольцами из города Горького.

К 12 августа 1943 года в большинстве боевых подразделений — ротах, батареях — была, если не парторганизация, то партийно-комсомольская группа во главе с парторгом. Подразделения, в которых имелись парторганизации не знали страха в борьбе с врагом, проявляли находчивость, смекалку и воинскую хитрость. Этим подразделениям всегда сопутствовала победа. Большое внимание уделялось и росту комсомольских организаций.

Вся эта работа приводила к тому, что некоторые подразделения были полностью партийно-комсомольскими, на сто процентов состояли из коммунистов и комсомольцев. Так, например, взвод противотанковых орудий стрелкового батальона 267-го гвардейского стрелкового полка состоял из одного члена партии, пяти кандидатов партии и двенадцати комсомольцев. И не случайно, что этот взвод, следуя непосредственно в боевых порядках пехоты, сопровождая ее огнем, уничтожая живую силу и технику противника, пробивая брешь в обороне врага, обеспечивал успешные боевые действия своих подразделений. Только в боях под Харьковом этот взвод уничтожил пять вражеских танков, одну самоходку и в упор расстрелял 8 вражеских дзотов.

Партийная комиссия при политотделе дивизии во главе с ее секретарем майором Жилинским (погиб смертью храбрых в боях за освобождение Украины), находясь в боевых порядках, ежедневно производила прием в партию воинов, проявивших образцы мужества, отваги и героизма. Во время боев за Харьков было принято в партию свыше 200 воинов, отличившихся в боях.

К 22 августа части дивизии успешно обошли Харьков с запада, перерезали вражеские коммуникации и вышли на дорогу Харьков — Полтава, в районе Подворки — Песочин.

Тяжелыми были бои у водных рубежей, сильно укрепленных противником, в многочисленных балках, оврагах и лесах, превращенных врагом в узлы сопротивления и оборонительные линии.

Части дивизии к 22 августа правым флангом вышли на шоссе Ольшаны — Харьков, левым флангом заняли Подворки.

23 августа в 4 часа утра наши воины овладели западной окраиной Харькова, а к 7 часам 270-й гвардейский стрелковый полк вышел на площадь Дзержинского. 267-й гвардейский полк овладел станцией Харьков-Южный, вышел по улице Свердлова к реке Лопань. 273-й гвардейский стрелковый полк к 8 часам утра из района Песочин вышел к западной окраине города.

В боях за Харьков дивизия уничтожила свыше 1500 гитлеровцев, 8 танков, 28 пулеметов, 2 орудия, одну минометную батарею, 13 дзотов, подавила огонь 4 артиллерийских и 5 минометных батарей.

Успешно развивая наступление, 23 августа 1943 года гвардейцы дивизии освободили ряд кварталов. Со слезами радости встречали нас харьковчане.

Второй салют Москвы прозвучал в честь наших воинов-гвардейцев. Дивизия получает второе почетное наименование — «Харьковская» и стала называться 89-й гвардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизией.

Бои за Харьков были продолжением разгрома гитлеровских полчищ, начавшегося под Орлом и Белгородом летом 1943 года.

В этих боях дивизия, как и другие войска Красной Армии, показала себя зрелой, обученной и закаленной, способной вести оборонительные и наступательные бои. В боях за Харьков сказались возросшее мастерство командиров в управлении войсками на поле боя, зрелость политработников, партийных и комсомольских организаций в выполнении боевого приказа командира, умение коммунистов воспитывать личный состав в духе высокого сознания своего воинского долга, беспримерного служения Родине, любви к партии и Советскому правительству.

Воспитывая в личном составе массовый героизм, партийные и комсомольские организации умело, терпеливо и настойчиво учили воинов искусству добиваться победы над врагом в любых условиях боя. Коммунисты всегда были в авангарде. На самых трудных участках боя они вдохновляли гвардейцев и личным примером учили побеждать.

Во время наступления в районе шоссе Подворки — Песочин, батальон 267-го гвардейского полка под командованием Гапонюка 22 августа был прикован огнем противника к земле, нес большие потери и не мог продвигаться вперед. Парторг батальона Макалкин вместе с командиром минометной роты коммунистом Сухоносовым и группой бойцов проб-

рался по лесу в тыл противника. Гранатами они забросали гитлеровцев, захватили вражескую минометную батарею и вели из нее огонь по противнику, обеспечивая успешное наступление своего батальона.

Снайпер Бочаров в боях за Черкасскую Лозовую и Лозовеньки ночью переправился через реку Лопань, замаскировался в тылу врага и за день уничтожил 24 гитлеровца. Рассказывая затем об этом подвиге, взводный агитатор Амельнов сказал, что такой подвиг может повторить буквально каждый советский воин, и тут же с наступлением темноты сам перебрался через реку Лопань, уничтожил вражеский пулеметный расчет. Станковый пулемет, три винтовки, один автомат и документы пяти убитых гитлеровцев Амельнов принес в расположение своей роты.

Самоотверженная работа коммунистов, их бесстрашие в боях рождало среди личного состава массовый героизм, примеры которого трудно перечислить.

Приведу лишь некоторые из них. 20 августа 1943 года в боях за Харьков в районе Северный пост противник одиннадцатью танками контратаковал одно из наших подразделений. Стрелковый взвод лейтенанта Егорова принял на себя танковую атаку противника. Командир взвода Егоров и рядовой Есикпаев Джансин подбили гранатами два немецких танка, а солдат Юрсупов на левом фланге взвода из противотанкового ружья подбил третий танк. Атака противника была отбита.

В районе хутора Сиряки (Залютин Яр) саперы подразделения Александра Ивановича Бабкова, прокладывая путь пехоте, за одну ночь (без фонарей, на ощупь, рискуя каждую секунду быть подорванными в темноте на вражеской мине) извлекли и обезвредили 76 вражеских противотанковых мин.

Взвод лейтенанта Долгих одним из первых ворвался в Харьков, где сержант Файзулин водрузил первый красный флаг на крыше одноэтажного домика под номером 152 по Верхне-Гиевской улице. Саперы Заднепрянский и Чернов на окраине Холодной Горы захватили вражескую пушку, уничтожив ее расчет гранатами.

Комсорг батальона 270-го гвардейского стрелкового полка Субботин с группой бойцов первым захватил несколько домиков на окраине Харькова, подавив находящиеся в них огневые точки противника, чем обеспечил наступление своего батальона. Командир батареи, коммунист Ятченко, будучи раненным, продолжал оставаться в строю и руководил боем. Только за 22 августа его батарея уничтожила один танк «тигр», 9 вражеских пулеметов и 59 гитлеровцев.

Младший лейтенант Самойченко за день боев 21 августа, отбивая контратаки немцев, сам уничтожил 10 гитлеровцев. Кандидат в члены партии сержант Черных, пробравшись в районе села Лозовеньки в расположение противника, забросал дзот гранатами, уничтожив при этом 18 гитлеровцев.

18 августа взвод лейтенанта Бочарова из батальона 267-го стрелкового полка, обеспечивая наступление своего батальона, уничтожил 2 танка, 3 орудия, 4 пулемета, 5 минометов и до сотни гитлеровцев, захватив 80 винтовок и автоматов противника. Расчет младшего сержанта Григория Падалки в боях за Алексеевку (окраина Харькова) уничтожил вражескую минометную батарею, чем обеспечил успешное продвижение своего подразделения.

18 августа, отбивая контратаки противника, батарея Карпинского уничтожила 9 дзотов, 8 автомашин и бронетранспортеров, склад с боеприпасами и до 200 гитлеровцев. А на станции Залютино в это время артиллеристы Гарланова подбили и сожгли 40 вагонов с боеприпасами противника. Минометчики Кабулова в боях с 18 по 23 августа уничтожили два самоходных орудия, 3 минометных батареи и до двух рот противника.

Наши воины не щадили своей жизни. Многие раненые не покидали переднего края. Стоит вдуматься в такие волнующие факты. Связист Ивашенко, будучи раненным, продолжал мужественно выполнять задачу до самого вступления в Харьков. Тяжело раненный парторг полка Полянский только в Харькове согласился эвакуироваться в госпиталь. Наши бойцы, командиры и политработники показывали образцы быстрого и самостоятельного решения задач, демонстрировали зрелое воинское мастерство. Начальник штаба 270-го гвардейского стрелкового полка майор Сергиенко в ночь на 23 августа возглавил подвижной отряд, сильным броском пробился на площадь Дзержинского и в 4 часа утра доложил, что полк овладел центром города и водрузил красное знамя на высотном здании Госпрома.

В это же самое время подразделения 273-го гвардейского полка умело дрались в районе пивоваренного завода, где особенно отличилась рота старшего лейтенанта Веденева и взвод лейтенанта Котлярова. Отделение старшего сержанта Лукьянова из 267-го гвардейского стрелкового полка прочно закрепилось в районе Южного вокзала.

Успешные боевые действия дивизии в районе Лозовенек, Алексеевки, Северного поста, выход на западную окраину Харькова сыграли решающую роль в освобождении города.

Командир 267-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Григорий Алексеевич Середа, воспитанник Харьковского военного училища, на знакомой с юных лет местности сумел искусно провести боевую операцию по захвату дороги Харьков — Полтава. Отвлекая одним батальоном внимание противника, Середа двумя батальонами с фланга нанес решающий удар по врагу, чем обеспечил захват дороги Подворки — Песочин, расчистив путь для нашего вступления в Харьков.

Пропагандист политотдела дивизии гвардии майор Антипов постоянно находился в боевых порядках частей, обучая политработников и пар-

тийно-комсомольский актив искусству ведения партийно-политической работы в бою, обеспечения образцового выполнения боевого приказа. Пламенным словом и личным примером Антипов воспитывал воинов в духе беззаветной любви к Родине, ненависти к врагу. Увлекая за собой воинов, Антипов погиб в боях за Харьков.

Эти и многие другие командиры и политработники были на деле душой воинских коллективов, не жалели ни сил, ни самой жизни во имя победы над жестоким врагом.

Боеспособность дивизии продолжала возрастать. Части дивизии состояли из замечательных патриотов и имели лучшее вооружение и боеприпасы, своевременно доставляемые в боевые порядки. Тыл страны обеспечивал фронт всем необходимым.

Вскоре после освобождения Харькова за форсирование реки Днепр и завоевание плацдарма южнее Кременчуга, а в дальнейшем, за развитие наступления по освобождению Украины, 37 воинов нашей дивизии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. За освобождение Польши и форсирование реки Одер дивизия награждается орденом Суворова. За взятие логова фашистского зверя — Берлина — полки и отдельные батальоны дивизии получили наименование «Бранденбургских», «Померанских» и награждены орденами Советского Союза.

За мужество, отвагу и героизм в годы Великой Отечественной войны 56 воинов дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи воинов награждены орденами и медалями Советского Союза.

Большой, трудный, но славный боевой путь прошла эта поистине легендарная дивизия.

А. Д. ЛЕВАШЕВ
Гвардии подполковник запаса

МАССОВЫЙ ГЕРОИЗМ

Весной 1943 года 28-я гвардейская стрелковая дивизия была переброшена с Северо-Западного фронта на Курскую дугу. Она явилась частицей тех больших резервов, которые были выделены нашим командованием для освобождения Украины от немецко-фашистских оккупантов.

Звание гвардейской дивизия заслужила еще в период наступательных боев зимой 1942 года.

В трудных условиях лесисто-болотистой местности и бездорожья стрелковая дивизия с приданными ей лыжными батальонами сибиряков освободила от немцев 102 населенных пункта Старорусского, Полавского и Залучского районов, Ленинградской области, ныне Новгородской области. Она успешно громила полки 290-й немецкой пехотной дивизии. За 74 дня упорных наступательных боев в январе — марте 1942 года была освобождена территория, равная 1440 квадратным километрам. Тысячи советских граждан были вырваны из кровавых рук гитлеровцев. 3 мая 1942 года дивизия была переименована в 28-ю гвардейскую стрелковую.

Мне вспоминается низкий, довольно большой сарай, вблизи города Кшень, Курской области. Судя по обломкам сельскохозяйственных орудий, разбросанным по углам, до войны это был колхозный ток. В этом сарае собралось около 300 командиров и политработников 53-й армии — будущих освободителей Харькова.

Большинство офицеров разместилось на скамьях, сделанных из старых жердей. За столом президиума — командующий 53-й армией генерал-майор Манагаров, члены Военного совета генерал-майоры Царев и Горо-

хов, начальник политотдела армии полковник Шмелев. В «зале» — представители всех родов войск. Такого представительного собрания генералов и офицеров за два года войны мне видеть не приходилось. Происходило это 11 июня 1943 года.

Участникам собрания было рассказано о международном положении, о наших союзниках по войне, о положении на фронтах, о работе в тылу тружеников фабрик, заводов и колхозов. Особое внимание было уделено предстоящим наступательным боям, говорилось о том, что наша страна выделила огромные людские и технические резервы, какие мы сейчас имеем на Курской дуге.

Собрание нацелило командиров и политработников на развертывание боевой и политической подготовки во всех частях и подразделениях перед решающим штурмом.

Мы, как говорится, видели уже себя на берегах Днепра, на западной границе. Ведь все мы тогда горячо надеялись на открытие второго фронта в Европе в 1943 году...

После армейского совещания в полках дивизии развернулась напряженная боевая подготовка. Бойцам и офицерам пришлось как бы перестраиваться в способах ведения наступательного огня.

Одно дело воевать в лесисто-болотистой местности в условиях Ленинградской области. Совсем другое дело наступать в условиях открытой местности. Кроме того, если на Северо-Западном фронте мы не видели «тигров» и «фердинандов», то здесь они были налицо.

Все эти обстоятельства наложили отпечаток и на содержание всей партийной работы.

Как всегда, перед боями усилился приток в партию. До начала Курской битвы мне пришлось работать ответственным секретарем дивизионной партийной комиссии.

За время после армейского совещания с 11 июня и до 5 июля 1943 года парткомиссия дивизии приняла в кандидаты партии 130 человек бойцов, сержантов и офицеров, отличившихся в последних боях, и перевела из кандидатов в члены партии свыше двухсот человек. Таков был приток в партию перед нашим историческим наступлением.

С началом немецкого наступления 5 июля 1943 года 28-я гвардейская стрелковая дивизия выступила из Касторного на запад. Однако из Солнцевского района, Курской области, дивизию круто повернули на юг в направлении Белгорода. В районе Прохоровки мы увидели развороченные танки «тигры» и самоходные орудия «фердинанды». По сотням подбитых немецких танков было видно, что наступление гитлеровцев не застало нас врасплох. 30 июля мы заняли оборону в 18 километрах севернее Белгорода. Дивизия вступила в бой 3 августа. Справа и слева от нас было еще по одной стрелковой дивизии. Направление — на Белгород.

Воспроизвожу запись из своего фронтового дневника.

«**3 августа.** 5 часов утра — мощная артиллерийская подготовка. В 5 часов 50 минут все пришло в движение. Пошла вперед наша знаменитая пехота, пошли танки и совсем низко пролетели сотни ИЛов. Ожесточенное сопротивление противника сломлено. Наступление развертывается стремительно. Переходим окопы первой линии немецкой обороны, дальше — огневые позиции артиллерии противника.

За день боев потери артполка незначительны. Убитых двое, раненых 10 человек.

5 августа. Заняли пригород Белгорода, крупный населенный пункт — Стрелецкое. Пересекли железнодорожную линию Тамаровка — Белгород. Орудия артполка в боевых порядках пехоты и ведут огонь прямой наводкой. Пехотинцы с большой охотой помогают орудийным расчетам перекатывать орудия вперед.

Командир 89-го полка майор В. Орехов и его заместитель по политической части майор А. Синягин похвалили действия командира орудия 1-й батареи сержанта Ивана Железко, который подбил два немецких танка и обеспечил продвижение 2-го батальона.

Дело было так: из-за возвышенности вышли три танка противника. Первый Т-6 («тигр») и два танка Т-4. За наводчика был сам командир орудия Железко. Он не дрогнул. С расстояния 400 метров несколькими выстрелами сумел подбить оба фашистских танка Т-4. Они завертелись на одном месте и остановились. Гитлеровский экипаж Т-6, увидев другие подбитые немецкие танки, дал задний ход и скрылся за бугром. Он побоялся сделать разворот, чтобы не подставить более уязвимую часть брони. Сержант Железко был награжден за этот подвиг орденом Красного Знамени.

7 августа. Обстановка настолько быстро меняется, что и обдумывать ее некогда. На скорую руку написал донесение в политотдел. Получили вчерашние газеты. Еще раз довели до всех сводку Совинформбюро о взятии Орла и Белгорода. Со взятием Белгорода борьба на Белгородско-Курском направлении без оперативной передышки переросла в борьбу на Харьковском направлении с той только разницей, что наше наступление развертывается в более широком масштабе и более высокими темпами. Заняли совхоз «Тракторист», от Белгорода 30 км, а до Харькова 55.

9 августа. Мы уже были в Дубовке — первом населенном пункте Украины, освобожденном нашей дивизией. 2-й дивизион артполка поддерживает пехоту 92-го стрелкового полка. Ширина полосы наступления 800 метров. Это не то, что на Северо-Западном фронте. Там ширина полосы наступления полка была не менее 3 километров. Боец Земляков привел на командный пункт 19 пленных фрицев. Появление такой толпы демаскировало КП. Немцы дали минометный огонь по своим. Командир полка подполковник Сухан приказал немедленно отвести их в тыл. Большинство пленных раненые, грязные и оборванные. После освобождения

мы составили акт о зверствах фашистов в Дубовке и Слатино. Жители рассказали нам об издевательствах бургомистра Парайфера и управляющего фон Бессера, которые накануне бежали.

12 августа. Ожесточенные упорные бои развернулись на подступах к Харькову. Полки дивизии дерутся за станцию и районный центр Дергачи. Фашисты оказывают нам упорное сопротивление. Здесь мы взяли пленных, которые говорили, что не ели двое суток. Находясь у Дергачей, мы получили отрадное сообщение, что наши наступающие части перерезали железную дорогу Харьков — Полтава.

13 августа. После ночного боя наши части заняли Дергачи. Старуха Василиса Федотова спрашивает:

— А что, милые, проклятые фашисты больше не вернутся?

Отвечаем:

— Нет, больше никогда не вернутся!

15 августа. Гитлеровцы упорно не желают нас пускать в Харьков.

20 августа. Идут ожесточенные бои на окраинах Харькова.

23 августа. Полки нашей дивизии вели бои за поселок Коротич. Перерезали железную дорогу Харьков — Полтава. Овладели железнодорожной станцией Коротич. При взятии станции отличились орудийные расчеты 5 и 7-й батарей. Вдоль железнодорожной насыпи при помощи пехоты им удалось подтянуть орудия на расстояние 400 метров и разбить бронированную платформу и огневые точки противника.

23 августа к концу дня наши войска окончательно овладели Харьковом. Нашей 28-й гвардейской стрелковой дивизии присвоено наименование «Харьковской». После освобождения Харькова все мосты были разрушены. Реку Лопань приходилось переезжать вброд. Гитлеровцы взорвали Южный вокзал. Уходя из города, фашисты оставили исстрадавшимся жителям руины, частную торговлю и бешеные цены.

Продолжая наступление, 29 августа мы окончательно овладели Коротичем. Харьков остался позади».

В ходе наступления огромную роль сыграла партийно-политическая работа. Она обеспечивала наши успехи на всех этапах боевой жизни подразделений. Разумеется, по форме и методам партийная работа в период наступления существенно отличалась от работы в период обороны.

Описываемый период характерен ежедневными боями и стремительными наступлениями. В течение одного дня боевая обстановка быстро менялась. Перед подразделениями ставилось в день по несколько задач, часто отличных друг от друга. Для того чтобы обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев, партийные и комсомольские организации должны были действовать наиболее оперативно.

В полках дивизии проводились собрания первичных партийных и комсомольских организаций, где говорилось о задачах коммунистов и комсомольцев в наступлении в условиях открытой местности.

Этот вопрос диктовался тем, что до этого дивизия, как я уже говорил, воевала в условиях лесисто-болотистой местности.

Период наступления характеризовался значительным ростом партийных и комсомольских рядов, массовым героизмом.

На войне люди быстрее познаются. В первом же бою нетрудно увидеть смелого и храброго воина.

Партийная комиссия политотдела дивизии обсуждала заявления о приеме в партию и решения партийного бюро полка непосредственно в подразделениях, а через несколько дней начальник политотдела выдавал документы принятым в партию. Это были торжественные минуты. Сколько волнений и радости переживал воин, получающий небольшую красную книжечку — партбилет. Иной волновался больше, чем в бою.

К моменту боев на Харьковском направлении в 61-м гвардейском артиллерийском полку состояло в партии 50 процентов личного состава и 30 процентов — в комсомоле.

В период боев за Харьков в партию было принято 56 отличившихся бойцов, сержантов и офицеров нашего полка.

Партийные и комсомольские организации полка обеспечили авангардную роль коммунистов и комсомольцев в наступлении. Орудийные расчеты, поддерживая огнем наступающие стрелковые роты полков дивизии, находились в боевых порядках пехоты. В полку не было ни одного случая невыполнения приказа или проявления трусости.

Большое значение имела агитационно-пропагандистская работа. Бойцы любили дивизионную, армейскую и фронтовую газеты. В окопе, блиндаже, на привале боец-агитатор развертывает газеты и читает вслух.

Существенно дополняло партийно-политическую работу в подразделениях чтение маленьких брошюр, рассказывавших о наших замечательных предках Александре Невском, Минине и Пожарском, Суворове и Кутузове и др. Брошюры воспитывали в каждом советском воине патриотизм, чувство гордости и уважения к героическому прошлому русского народа. Очень хорошо сказал об этом поэт-фронтовик сержант П. Нурберды:

...Над нами русская сияла слава,
И в изумленье привела весь мир
Великая Советская держава...

Ведя войну с гитлеровскими захватчиками, доблестные советские воины приумножили славу своего народа.

Приятно вспомнить, что большая партийно-политическая работа среди личного состава во время боев за освобождение Советской Украины давала обильные плоды, рождала массовый героизм. Коммунисты и комсомольцы всегда были в первых рядах, в авангарде.

Н. П. КОНСТАНТИНОВ
Подполковник в отставке

НА ИЗЮМСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Сейчас, через двадцать лет, пережитое четко встает в памяти отдельными, на всю жизнь запомнившимися яркими боевыми эпизодами. В Изюме, который стал тогда для меня, северянина, особенно дорогим и в котором я поселился после увольнения из армии, многое и теперь напоминает о том времени.

Случается, что я с пионерами иду на места боев. Невдалеке, всего в полукилометре от улицы и дома, где я теперь живу, высится гора Кремянец, когда-то командная высота Изюмского плацдарма. Несколько ниже, у подножья горы, в сквере стоит памятник на могиле командующего танковым корпусом генерал-лейтенанта П. Волоха. Здесь, невдалеке, он погиб при прорыве обороны противника. На горе и рядом с ней еще заметны следы давних окопов. А на самом видном и высоком месте установлен монумент. Это — братская могила воинов, павших смертью храбрых в боях на Изюмском плацдарме в марте-апреле 1943 года. Среди них есть и мои боевые друзья и товарищи, солдаты и офицеры 223-го стрелкового полка, которым я командовал до окончания войны.

Хорошо помню, правый фланг нашей обороны упирался в реку Северный Донец юго-западнее Ковалевки, а левый фланг также подходил к

Северному Донцу юго-восточнее хутора Веприцкого. В задачу нашей обороны входило: любой ценой удержать плацдарм и город Изюм, измотать и как можно больше уничтожить живой силы и техники противника, сковать на этом плацдарме крупные силы гитлеровцев, не дав им возможности перебрасывать силы к Харькову.

Более месяца начиная с 15 марта фашистские войска ежедневно и непрерывно атаковали нашу оборону, делая в некоторые дни до пяти атак и используя массированный огонь авиации, артиллерии, бросая вперед крупные соединения танков и пехоты.

Это был непрерывный и жестокий бой. Немцы, неся огромные потери, стремились во что бы то ни стало сбросить нас с Изюмского плацдарма, этих ворот Донбасса, имевших важное стратегическое значение. Но все яростные атаки противника разбивались о героическую стойкость наших воинов.

Весь участок перед краем обороны полка был густо устлан трупами немецких солдат и завален исковерканной техникой врага — танками, бронетранспортерами, автомашинами. Трупный запах, перемешанный с пороховой гарью, в теплые дни дурманил бойцам головы, нечем было дышать.

Самый напряженный день из всего периода оборонительных боев, кажется, был день 4 апреля 1943 года. Фашисты, решив, очевидно, покончить с нами, сосредоточили на узком участке у Ковалевки крупные силы танков, пехоты и при поддержке массированного огня артиллерии и авиации пошли на решительный штурм нашей обороны.

Положение было очень тяжелым. Противнику удалось ворваться в наши окопы, но после ожесточенной рукопашной схватки он был вышвырнут из окопов и с большими потерями отошел на свои исходные позиции.

Чтобы описать этот рукопашный бой в окопах, надо быть поистине художником слова. Мне же трудно передать это словами. Стараясь не терять управления боем, я видел и слышал в сплошной пыли над окопами автоматные очереди в упор, разрывы гранат, звучные удары прикладами винтовок и автоматов, лопатками, нечеловеческие стоны и крики. Под конец боя окопы сплошь были завалены убитыми и ранеными.

Немцы, несмотря на их явное превосходство в силах, не выдержали и бежали, расстреливаемые в спину.

Мы в этих оборонительных боях тоже понесли значительные потери. Но наши воины в основном были уже обстрелянные и закаленные в боях. Каждый дрался за десятерых.

В бою 4 апреля в рукопашной схватке погиб смельчак майор Попов. Смертельно был ранен и умер затем в медсанбате знаменитый снайпер, гроза немцев Волков, который счет убитым фашистам начал еще под Москвой, а в Изюме довел его до 160.

В бою впереди всегда были коммунисты и комсомольцы. Заявления в партию подавали перед боем. Особенно отличалась героизмом молодежь.

Помню, как бесстрашно воевал старший сержант комсомолец И. Тимофеев. В оборонительных боях он связками гранат и зажигательными бутылками уничтожил пять немецких танков. В бою 4 апреля Тимофеев, рискуя жизнью, забрался в подбитый немецкий танк и, открыв огонь из пулемета, нанес большие потери наступающей немецкой пехоте.

Гитлеровцы перешли к обороне. Позже, уже в июле 1943 года, 53 дивизия, в состав которой входил наш полк, пополнилась и вместе с другими войсковыми соединениями 1-й гвардейской армии получила задачу прорвать оборону противника и при благоприятных условиях занять Барвенково и Лозовую.

Танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Волоха массированной атакой должен был прорвать оборону противника на Изюмском плацдарме в направлении села Малая Камышеваха и, приняв на танки десант автоматчиков 223-го стрелкового полка, с ходу взять Барвенково.

В пять часов утра 17 июля началась артиллерийская подготовка. Еще до нее стрелки 223-го стрелкового полка на лодках приступили к форсированию Северного Донца в направлении села Семеновки. Но начало форсирования было неудачным. Спущенные на воду четыре лодки с автоматчиками 3-го батальона попали под обстрел.

На подавление уцелевших огневых точек противника были выдвинуты на берег Донца два взвода 45- и 76-миллиметровых пушек, которые прямой наводкой уничтожили эти огневые точки.

После этого на лодках была переправлена через Донец 7-я стрелковая рота старшего лейтенанта Егорова. Рота, отразив контратаку немцев, прочно заняла небольшой плацдарм для развертывания боевых действий всех подразделений полка.

Но при отражении контратаки в бою на правом берегу Донца в рукопашной схватке геройски погиб командир роты старший лейтенант Егоров.

Форсировав Донец, подразделения 223-го стрелкового полка развернули наступление на Семеновку и главный опорный пункт противника — высоту 182,5, что северо-западнее Семеновки. Причем, начиная от Донца вся лесистая местность до Семеновки (около 4—5 километров) была покрыта минными полями, проволочными заграждениями и дотами. Для преодоления этой полосы пришлось потратить много сил, и только к 15 часам она была окончательно преодолена. Но главный опорный пункт — высота 182,5 — продолжал оказывать упорное сопротивление, несмотря на усиленную бомбежку нашими штурмовиками. Тут у немцев были вкопаны танки, орудия прямой наводки, вырыты окопы полного профиля, установлены железобетонные колпаки для пулеметчиков, организована система перекрестного и фиксирующего огня дотов. К тому же высота была густо заминирована и опутана проволокой.

Пять раз подразделения полка бросались в атаку на эту высоту, но все атаки были отбиты. И только к вечеру 17 июля удалось окончательно сломить сопротивление противника и овладеть этим важным опорным пунктом.

И в этом бою комсомольцы полка проявляли примеры мужества и героизма. В последней атаке пал смертью храбрых секретарь бюро ВЛКСМ полка младший лейтенант (фамилию, к сожалению, не помню). Он первым ворвался с автоматчиками на высоту, водрузил на ней красное знамя, но был насмерть срезан пулеметной очередью.

В дальнейшем боевая обстановка очень осложнилась. Немцы подтянули от Харькова новые соединения и, стремясь сбросить нас с захваченного плацдарма, продолжали атаки, в особенности на высоту 182,5.

Характерным для наших обороняющихся подразделений был случай у высоты 182,5. В 12 часов дня 18 июля при очередной атаке рота немецких автоматчиков просочилась в лес с целью атаковать высоту 182,5 с тыла. Но в лесу на небольшой высотке фашисты наткнулись на минометную роту нашего 3-го батальона, которой командовал капитан Татаров. Немцы подошли к огневым позициям минометчиков так близко, что использовать огонь минометов уже было невозможно. Тогда капитан Татаров быстро организовал круговую оборону минометных расчетов и, используя автоматы, винтовки, трофейный пулемет, а главное 82-миллиметровые мины как ручные гранаты, не только отбил атаку, но и полностью уничтожил роту автоматчиков, а оставшихся 35 гитлеровцев взял в плен.

В ночь с 18 на 19 июля к высоте 182,5 подошли наши танки из корпуса генерала Волоха, а в 8 часов утра подразделения полка вместе с танками предприняли атаку на Андреевку. Но время, внезапность удара были уже утрачены, и немцы, имея превосходство в силе, отбили эту атаку с большими для нас потерями. В этом бою погиб геройской смертью заместитель командира 3-го стрелкового батальона по политчасти старший лейтенант Махнатьев. Боевой славой покрыли себя в этом бою заместитель командира 2-го батальона по политчасти капитан С. Орловский и начальник штаба этого же батальона капитан Владимир Труханов, ныне живущий и работающий в Донбассе, поэт, автор поэмы «Под Изюмом».

В этой же атаке я получил тяжелую контузию и ранение.

Позже полк вместе с дивизией после пополнения был влит в состав другой армии и доблестно участвовал в боях за Харьков, действуя в обход Харькова и в других операциях наших войск.

В Великой Отечественной войне бойцы и офицеры нашего полка покрыли себя неувядаемой славой. Но во всей истории полка, на всем его боевом пути изюмское сражение — самая памятная и значительная страница.

В. Г. КАЛЬНИЦКИЙ
Пенсионер

ФЕВРАЛЬ, 1943

Воскресное утро 22 июня 1941 года было в Харькове солнечным, теплым... Вместе со всей семьей я собрался за город, в лесопарк. Не знал я в то утро, что через несколько часов весть о начале войны громом обрушится на людей...

Как только по радио было передано сообщение о вероломном нападении фашистов, харьковчане поспешили на свои заводы и фабрики, в свои учреждения. Везде ощущались собранность и подтянутость, нигде не было и подобия паники.

В то время я был членом Коминтерновского райисполкома и заведующим районным отделом здравоохранения. К 4 часам дня всем врачам района, подлежавшим мобилизации, были вручены повестки для явки в райвоенкоматы.

Уже на другой день на город легла печать военного времени. На запад начали продвигаться артиллерия и другие войска. А через несколько недель началась эвакуация предприятий и учреждений на восток, вывозились из города дети, население. Все проводилось в полном порядке и спокойствии. В те дни райисполком направил меня для работы в комиссии по эвакуации населения с Донецкого и Балашовского

вокзалов. Мы все перешли на казарменное положение, заняв подвальное помещение клуба, где также находился и командный пункт нашего района.

Ежедневно высоко в небе можно было наблюдать самолеты, но город бомбежке до поры до времени не подвергался.

Первая бомбежка города была в начале августа. Бомба попала в жилой дом на Слесарном переулке.

Затем бомбежки с каждым днем учащались и, наконец, приняли регулярный характер — ежедневно с 6 до 7 часов вечера. Жертв и разрушений было много.

К тому времени в Харьков начали с запада прибывать поезда с ранеными бойцами и для их размещения в городе разворачивались госпитали. Для них были выделены все студенческие общежития и большинство больниц. Поезда с ранеными все прибывали и прибывали...

Разворачивались работы по превращению каждой улицы, каждого дома в крепости. Город готовился к уличным боям. Всей этой работой руководили коммунисты.

Был отдан приказ об организации дивизии народного ополчения. Командиром ее был назначен Михаил Федорович Юрченко, комиссаром— секретарь райкома партии и начальником штаба дивизии — Сидорченко (имени и отчества не помню). Тем же приказом меня назначили начальником медико-санитарной службы дивизии.

Началась усиленная подготовка дивизии народного ополчения.

Утром 22 октября послышалась пушечная канонада в западной части Харькова. Поступили сведения, что идут бои на подступах к Холодной Горе, а затем прибыло распоряжение отходить по направлению к Старому Салтову. Выехав из города, мы наблюдали воздушные бои самолетов и панораму горящего Харькова. В Старый Салтов прибыли только 23 октября к вечеру, так как по дороге впритык двигались автомашины и приходилось часто останавливаться из-за массированных налетов фашистских самолетов. Из Старого Салтова таким же образом продвигались на Купянск, куда прибыли 25 октября.

Освобожденный от призыва в армию по возрасту, я был направлен партией для работы в Свердловск на должность заместителя заведующего областным отделом здравоохранения. Все мысли, все чувства были обращены к родному городу. Что с Харьковом? Что с харьковчанами? И вот в феврале 1943 года снова прибыл в Харьков, очищенный от гитлеровцев 15—16 февраля.

Город представлял сплошные руины, особенно центр, Коминтерновский и Краснозаводской районы.

В те дни я занялся сбором некоторых материалов, документов, газет, в которых говорилось о моем родном городе, о боях за Харьков. В моих архивах сохранились газеты того времени. Вот что писала одна из них:

«Метель над украинской степью, воющая косматая февральская метель. Она слепит глаза, забивает дыхание. Снежные хлопья падают на дороги, и они сливаются с белыми безграничными просторами. Это путь наступления. И по-прежнему по военным дорогам на самых больших скоростях проносятся танки, пушки, грузовики, штабные машины.

Полночь. Гудит, грохочет и дрожит земля от железного лязга. Густую мглу поминутно разрывает холодный свет автомобильных фар. И все это несется на запад, на Харьков.

Ожесточенные бои за Харьков шли задолго до того, как бойцы с Безымянной высоты увидели очертания его красивых зданий, башен и парков. Сражения эти шли на дальних и ближних подступах к Харькову, на железнодорожных станциях, разъездах, дорогах, в степях, селах, лежащих на пути. Это большая победа, в которой сказалась стратегия командования Красной Армии и беспримерная доблесть наших пехотинцев, кавалеристов, танкистов, артиллеристов, летчиков, саперов».

После того как советские войска полностью очистили Воронеж и стремительно продвинулись вперед, немцы стали лихорадочно расчищать и совершенствовать прошлогодний рубеж на реке Оскол, на линии Щигры — Тим — Короча — Волчанск и южнее по реке Северный Донец вдоль лесистого и высокого западного берега. Немецкие инженеры и саперы днем и ночью торопливо возводили новые оборонительные сооружения. Направление главного удара фашисты ждали с востока, примерно в районе южнее Белгорода и южнее Чугуева. Восточный берег Северного Донца на участке Волчанск — Старый Салтов — Печенеги, откуда шли лучшие и кратчайшие пути на Харьков, был особенно сильно укреплен. Здесь, по мнению германского командования, предстояли решительные бои за Харьков.

Вот как развивались дальнейшие события. Не надеясь на свои линейные войска, на остатки дивизий, разбитых на дальних подступах к Харькову, немецкое командование вывело на оборонительные рубежи эсэсовский корпус, состоящий из трех дивизий: мотодивизии «Великая Германия» и танковых дивизий «Райх» и «Адольф Гитлер». Эти дивизии долгое время пребывали во Франции. Теперь немецкое командование, стремясь поправить свои дела, спешно перебросило их на советско-германский фронт. Кроме того, там был сосредоточен ряд пехотных дивизий и специальных частей.

Командующий эсэсовским корпусом отдал приказ своим войскам: «Любой ценой не допустить прорыв русских на Харьков».

Немцы приготовились встретить удар. Но удар им был нанесен внезапно и не в том месте, где они его ждали.

Советские войска форсировали Северный Донец севернее Белгорода и после упорных боев заняли этот город. Таким образом, оказавшись на западном берегу реки, наши части обошли основные силы противника

и его главные узлы сопротивления. Части генерал-лейтенанта Москаленко начали наступление в направлении на Харьков. Наши войска устремились вдоль железной дороги и овладели станциями Казачья Лопань и Дергачи.

Части генерал-майора Мартиросяна подошли к Харькову. Ожесточенный бой завязался вблизи города на разъезде Зайчик, куда спешно были переброшены эсэсовцы. Понеся большие потери, противник отошел на Северный пост. После упорной схватки наши бойцы ворвались на северо-западную окраину Харькова и вышли в район Холодной Горы.

Перед бойцами во все стороны расстилался Харьков — суровый, опаленный, в пороховом дыму. Кровопролитные схватки завязались на Лагерной и Афанасьевской улицах, потом на железнодорожном полотне. Заняв станцию, бойцы свернули на улицу Свердлова и заставили немцев, обороняющих этот район, отойти за реку Лопань. Сражение перебросилось уже в центр. Здесь оно приняло исключительно упорный и тяжелый характер. Сутки длился бой за здание Госбанка. К центру подоспели подразделения вражеских автоматчиков. Гитлеровцев пришлось выбивать почти из каждого дома, с каждого этажа... От здания к зданию пробирались наши бойцы, занимая квартал за кварталом.

Двигавшиеся по Белгородскому шоссе наши подразделения овладели пригородами Померки и Алексеевка и наступали на северную окраину.

Советские пехотинцы и танкисты, обойдя город с запада, овладели в районе Гавриловки важным шоссе и, таким образом, получили возможность, развивая наступление на город, одновременно громить и уничтожать немцев, пытавшихся вырваться из Харькова.

Юго-западнее им был нанесен удар нашими кавалеристами. Смяв эсэсовский полк, входящий в мотодивизию «Великая Германия», наши кавалеристы вышли к одной узловой железнодорожной станции. Здесь им удалось перерезать железную дорогу и шоссе — выход из Харькова, на который немцы весьма рассчитывали.

Нанося удары по вражеским флангам и выйдя противнику в тыл с севера и юга, советские части одновременно атаковали немцев и с фронта. Тут пехотинцы встретили яростное сопротивление эсэсовских дивизий. После многодневных боев за мосты и переправы бойцы прорвали линию обороны на участке Печенеги — Чугуев и, тесня первый эсэсовский полк дивизии «Адольф Гитлер», подошли к населенному пункту Рогань. Немцы неоднократно переходили в контратаки при поддержке танков и авиации. Они стремились во что бы то ни стало отбросить наши войска и приостановить движение танкистов с юго-востока.

С боями продвигались вперед наши танкисты. Сломив вражескую оборону, они ворвались на территорию Харьковского тракторного завода. Расширяя прорыв, ночью по Змиевской улице хлынули пехотинцы под командованием генерал-майора Зайцева.

В особенно тяжелых условиях приходилось наступать нашим частям, действующим с востока и северо-востока. Здесь, на подступах к городу, пытались задержать наступающих два эсэсовских полка, поддержанных 60 танками. Укрепившись вдоль шоссе Липцы — Харьков, они неоднократно переходили в контратаки. Так, расположенные чуть влево от шоссе поселок Байрак и совхоз имени Фрунзе дважды переходили из рук в руки. Обходным движением подразделение Тертышного ударило немцам в тыл и овладело ближайшим к городу населенным пунктом Кулиничи. Это был последний опорный пункт эсэсовцев. В ночь на 16 февраля советские части стремительным штурмом ворвались в восточное предместье города — поселок Халтурина — и решительно двинулись затем к центральным городским магистралям, где бойцы полковника Костицына уже вели бой за площадь Дзержинского, городской сад имени Шевченко и прилегающие к ним улицы.

Сады, здания, подвалы, чердаки — все это стало полем боя. Обгорелые остовы домов, щебень, пепел, кровь на мостовой, исковерканные пушки и автомобили на перекрестках — таков был облик Харькова тех дней...

Исключительную трудность представляли уличные бои. В рукопашных схватках, шаг за шагом очищали советские бойцы огромный лабиринт улиц и переулков.

Утро 16 февраля. Еще в переулках раздается сухой треск пулеметов, гремят винтовочные выстрелы, еще то и дело волокут из подворотен эсэсовцев, но сражение в городе уже закончилось. Харьков снова стал свободным, над ним гордо реет красное знамя.

16 февраля 1943 года со слезами радости встречали харьковчане своих освободителей. В городе были вывешены красные флаги.

Сообщение об освобождении Харькова передавалось лондонским радио несколько раз. Радиокомментаторы посвятили ему свои обзоры. Радиообозреватель Роберт Фрезер заявил в своем выступлении, что весть о занятии советскими войсками Харькова прозвучит для германских армий как еще один удар погребального колокола. В другой лондонской радиопередаче подчеркивалось, что освобождение Харькова от немцев, которые захватили этот город еще в октябре 1941 года, является огромным достижением Красной Армии. Занятие Харькова, говорилось в радиопередаче, умножает славу советского народа в его освободительной борьбе. Радиокомментатор Хейстингс заявлял, что занятие Харькова Красной Армией означает новый этап борьбы на советско-германском фронте и открывает перед Красной Армией широкие перспективы.

Во всех радиопередачах подчеркивалось большое значение Харькова как крупного промышленного центра и важнейшего узла железнодорожных коммуникаций.

Агентство «Рейтер» передавало, что все лондонские газеты единодушно отмечают большое стратегическое значение новой победы советских войск.

Газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» писала, что гитлеровское командование намеревалось удержать Харьков любой ценой. Немцы надеялись, что с наступлением весны и весенней распутицы занятие Харькова советскими войсками станет неосуществимой задачей. Все эти надежды немцев, писала газета, растаяли раньше, чем русские снега. Военный обозреватель этой же газеты подчеркивал, что немцы в боях за Харьков понесли огромные потери в людях и в боевой технике. Занятие Харькова советскими войсками еще больше подорвет дух немецких войск.

По мнению военного обозревателя «Дейли экспресс» Ричардса, Красная Армия одержала величайшую стратегическую победу в этой войне. «Дейли экспресс» также писала в передовой статье, что новая победа Красной Армии еще больше подорвет дух немецких войск.

«Дейли телеграф энд морнинг пост» в передовой статье подчеркивала крупное стратегическое значение Харькова и отмечала, что глубокое проникновение через брешь, образовавшуюся в районе Харькова, открывает Красной Армии большие стратегические возможности.

Английское телеграфное агентство передавало, что весть о занятии Харькова Красной Армией была воспринята в Лондоне как крупнейшая сенсация. В Англии рассматривали это событие как важную победу Красной Армии.

Английское министерство информации также подчеркивало в своем сообщении большое стратегическое значение занятия Харькова, который служил базой германского наступления летом 1942 года и который является одним из крупных железнодорожных центров СССР.

Военный обозреватель агентства «Рейтер» писал, что взятие Харькова является самым большим военным успехом советских войск после их победы на Волге. Харьков был крупным укрепленным пунктом немцев на всем южном фронте. Немцы усовершенствовали оборонительную систему города со всей тщательностью и считали Харьков неприступным. Однако русские, умело атакуя и сражаясь с исключительным мужеством и воодушевлением, преодолели немецкие укрепления и сломили отчаянное сопротивление немецких войск.

Известный английский публицист Гарвин в статье, опубликованной в газете «Санди экспресс», писал, что новые советские победы по своему значению «превосходят всякий полет воображения. Успехи Красной Армии пошатнули гитлеризм до самой глубины. Она своими победами открыла перед союзниками значительно более непосредственные и более широкие возможности, чем об этом можно было думать, когда Рузвельт и Черчиль встретились в Касабланке. Тогда их представления о времени, силе, настоятельности и масштабах операций союзников казались предельными. Теперь эти представления должны быть заново пересмотрены, если только союзники хотят использовать создавшееся для них в результате новых невиданных успехов Красной Армии возможности».

Западные демократии, писал Гарвин, по долгу чести уже давно должны были бы прийти со всеми имеющимися в их распоряжении силами на помощь русским армиям и русскому народу, которые проливают значительно больше крови и приносят значительно больше жертв во имя общего дела, чем все другие союзники вместе взятые. И в этом просроченном обязательстве (речь идет об открытии второго фронта союзниками.— *В. К.)* западные державы выполнили бы только то, что диктуется их собственными жизненными интересами. Гарвин подчеркивал, что двойной удар по Гитлеру в Европе, предпринятый западными державами и Россией, мог ускорить разгром гитлеризма в том же году.

Вашингтонский радиообозреватель Суинг заявил, что изгнание немцев из Харькова является радостной и значительной новостью. Несмотря на то, что немцы отступают уже в течение всех зимних месяцев, Харьков они решили держать любой ценой. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что русские разгромили в Харькове несколько германских отборных дивизий, в том числе две танковых и одну моторизованную. Важность Харькова определяется не только тем, что он является крупным экономическим и промышленным центром, но и тем, что он является одним из самых крупных в России железнодорожных узлов. Занятие советскими войсками Харькова создает для германских войск новую угрозу и представляет собой новый, неслыханной силы удар по германской армии.

В тот период мне пришлось наблюдать жизнь освобожденного города.

Жизнь в Харькове постепенно стала налаживаться, очищались улицы от мусора и следов уличных боев. С каждым днем город приобретал подобие мирного, хотя и прифронтового города. Постепенно начинает показываться на улицах запуганное немцами население. Налажено хлебопечение и открыты продовольственные магазины, поликлиники и больницы. Начали функционировать бани. Возобновилось трамвайное движение.

8 марта харьковчане торжественно отмечали Международный женский день.

Но вот возникли слухи, что где-то немцы прорвались и не сегодня-завтра могут вновь занять Харьков.

12 марта была объявлена эвакуация всех учреждений и гражданского населения, так как город из стратегических соображений должен быть оставлен.

И опять начались трудные дни новой эвакуации. Автомобильного транспорта было мало и пришлось пешком, несмотря на слякоть и грязь (наступила сильная оттепель), уходить из Харькова на Старый Салтов и Чугуев и далее — на восток.

В мрачные дни гитлеровской оккупации харьковчане твердо верили, что Красная Армия вновь освободит Харьков. В это верили все советские люди.

И этот день наступил — 23 августа 1943 года.

21 августа 1943 года я приехал в Купянск, который почти ежедневно в те дни подвергался бомбежке. 23 августа там было получено радостное известие об освобождении Харькова нашими войсками. Вместе с врачом Акимовой я получил разрешение выехать в Харьков на пожарной автомашине.

В 5 часов вечера 23 августа 1943 года я вновь увидел родной истерзанный Харьков. На площади Тевелева еще рвались артиллерийские снаряды, так как немцы, отступая, продолжали обстреливать центр города из Красной Баварии. Харьков представлял жуткую картину запустения и разрушения.

Через город беспрерывно проходили советские войска, танки, «катюши», и это вселяло в сердца измученных харьковчан чувства уверенности и надежды...

В течение месяца весь горизонт на западе был еще по ночам освещен заревом уходящей все дальше и дальше на запад войны. Город постепенно приходил в себя.

Начались трудовые будни харьковчан...

Г. И. АНИСИМОВ
Бывший командир 252-й дивизии

ХАРЬКОВСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

23 августа 1943 года голос московского диктора передал по всем радиостанциям Советского Союза оперативную сводку Советского Информбюро: сегодня наши войска в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьковом. Среди соединений, которые особенно отличились в боях за освобождение города, была названа и наша, 252-я стрелковая дивизия. В ознаменование освобождения города ей было присвоено почетное наименование «Харьковская». Этим самым нам оказали большую честь.

Боевая слава пришла к нам, конечно, не в один день. Бойцы и офицеры частей и подразделений ковали ее в упорных кровопролитных боях, во время нелегких дней учений, приближенных к фронтовой обстановке с первых же дней формирования соединения.

Положение на фронтах торопило, и уже 11 июля 1941 года мы погрузились в эшелоны и отправились на театр военных действий.

С начала июля 1941 до августа 1942 года на Калининском фронте дивизия участвовала в боях против гитлеровцев. После этого нас ненадолго отвели в тыл, где мы пополнились личным составом и обучали бойцов и офицеров.

9 сентября этого же года части нашей дивизии были переброшены в район Волгограда на станцию Неткачево. 18 октября, совершив 180-километровый марш, дивизия влилась в состав фронта, оборонявшего город. 20 октября мы активно включились здесь в боевые действия против гитлеровцев.

На Волге дивизия дралась вплоть до 2 февраля 1943 года, принимая самое активное участие в разгроме и ликвидации окруженной немецкой группировки.

Затем наше соединение участвовало в освобождении целого ряда районов страны. Вспоминаются упорные наступательные бои, которые способствовали взятию города Белгорода.

После мощной артиллерийской подготовки, преодолев проволочные заграждения на металлических кольях и сплошные минные поля противника, дивизия перешла в решительное наступление.

Сбитые с рубежа Редин и дороги на Вислое, фашисты под давлением наших частей отходили главными силами в южном и юго-западном направлении, прикрывая отступлевие усиленными отрядами пехоты с танками и артиллерией. К утру 4 августа 1943 года противник отошел на свои старые оборонительные позиции. Неотступно преследуя гитлеровцев, наши части стремительно продвигались вперед и ворвались в их основную линию обороны на рубеже Яхонтово — высота 218.0.

На рассвете 4 августа усиленный передовой отряд одного нашего стрелкового полка решительным ударом овладел Раковым. Развивая успех, главные силы полка в составе двух стрелковых батальонов к вечеру этого дня овладели Казацким и, продолжая развивать успех в направлении переправ у Стрелецкого, вышли к мосту через реку Возолка у Пушкарного.

В течение ночи наши батальоны вели упорный бой за переправы, а на рассвете 5 августа снова повели наступление в южном направлении, преследуя отступающих гитлеровцев.

В это время подразделения другого нашего полка захватили мосты в западной части Казацкого и через реку Возолка у Стрелецкого, а к 24.00 4 августа всеми батальонами вышли на переправы через Возолку, отражая непрекращающиеся контратаки противника.

Особенно успешно действовали под Белгородом стрелковые полки под командованием подполковника Павлюка и майора Глибка.

Прорыв обороны противника в районе Редина и стремительное продвижение дивизии вперед на правом заходящем крыле армии, выход на северо-западные скаты высоты 213,6 и форсирование реки Возолки способствовали успешному завершению операции по взятию Белгорода, за эту операцию дивизия получила благодарность Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта.

Как известно, попытка Гитлера июльским наступлением в районе

Курской дуги захватить инициативу на советско-германском фронте потерпела полный крах. Наши войска не только разгромили ударные группировки немцев, но и в ходе контрнаступления нанесли противнику крупное поражение, после которого немцы стали отходить на Харьков.

Вот как характеризовал успешные действия наших войск в районе Белгорода бывший начальник штаба немецкого Западного фронта генерал Зигфрид Вестфальд в статье «Между двумя решающими сражениями»: «После поражения под Сталинградом и Тунисом он жаждал побед. Поэтому он решил провести наступление на огромный «Курский выступ», глубина которого от Курска на запад составляла почти 100 километров. Намечалось группами армий «Центр» и «Юг» нанести концентрированный удар по сходящимся операционным направлениям и взять в клещи русские войска, находившиеся в выступе.

Операция «Цитадель» началась 5 июля 1943 г. наступлением группы армий «Центр» в районе Орла и группы армий «Юг» близ Белгорода. В наступление перешло в общей сложности 19 танковых и моторизованных, а также 16 пехотных дивизий. Северная ударная группировка скоро натолкнулась на глубокоэшелонированную оборону русских. Попытки пехотных и инженерных частей расчистить дорогу танками стоили больших потерь в живой силе и технике, но оказались безрезультатными. Группа армий «Юг» вначале добилась некоторого успеха, но в середине июля все-таки пришлось отказаться от дальнейшего проведения операции. Особенную тревогу вызвали потери танков в «белгородской мясорубке». Немецким бронетанковым войскам так никогда и не удалось оправиться от удара, полученного под Белгородом. Советский маршал Конев назвал эту битву «лебединой песней немецких танковых дивизий» [1].

После взятия Белгорода войска Степного фронта перешли к решительному преследованию противника в направлении Харькова.

С 5 по 15 августа наша дивизия находилась в резерве командующего армией, двигаясь маршем по маршруту: Стрелецкое — Андреевка — Дементьевка — совхоз НКВД — Дергачи. К утру 15 августа обстановка на нашем участке сложилась такая: передний край проходил по северной окраине Полевого, северной окраине Семеновки, северным скатам высоты 183,6 и южной окраине Лужка.

Командующий армией поставил перед нами боевую задачу — силами двух полков в направлении леса и северо-западной окраины Гавриловки разгромить противника и ударом с запада содействовать овладению городом Харьковом.

---

[1] Из книги «Роковые решения», перевод с английского. Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1958, стр. 212.

Один наш полк занял исходные позиции восточнее Полевого. Прежде чем достигнуть опушки леса и ворваться в него, следовало форсировать безымянный ручей, который обстреливался методическим огнем противника. Наши саперы под жестоким огнем фашистов в короткий период построили переправу. По ней без промедления стали продвигаться подразделения.

Первым форсировал ручей и с боем вышел в лес батальон под командованием старшего лейтенанта Мигова. Вслед за ним начали переправу другие батальоны этого же полка, два наших стрелковых полка, которые находились во втором эшелоне дивизии, были готовы в любую минуту атаковать противника и развить успех наступающих подразделений.

Наши стрелковые части, четко взаимодействуя с артиллерией и бронебойщиками, ломая сопротивление противника, продвигались вперед. Враг жестоко сопротивлялся. К тому же мы шли по слишком пересеченной местности с густым, трудно проходимым лесом.

Стрелковый батальон под командованием капитана Попкова, шедший в авангарде, мог наступать лишь по двум дорогам, которые оседлал противник и прикрывал артиллерийско-минометным огнем и станковыми пулеметами.

Густой лес не давал возможности развернуть артиллерийские средства для поддержки наступающей пехоты. Тогда мы предприняли обходный маневр, целью которого было зайти противнику во фланг. Когда 5-я стрелковая рота 2-го батальона под прикрытием леса выдвинулась на поляну к дому лесника, противник обратился в бегство. К бойцам, прорвавшим оборону противника, быстро подтянулись остальные роты и батальоны. Общим рывком полк ворвался в лес в восьмистах метрах восточнее дома лесника.

Противник интенсивно обстреливал наш полк артиллерийско-минометным огнем. Несмотря на это, батальоны не прекращали продвижения вперед. К вечеру 17 августа полк уже оседлал дорогу Семеновка — Куряж, лишив противника возможности передвигаться по ней и подбрасывать подкрепление в районе Семеновки.

К этому времени один наш полк после боя закрепился в одном километре севернее подсобного хозяйства, а другой — достиг перекрестка дорог и просек. Разгром противника в лесу у деревни Гавриловки открыл дорогу на Харьков.

Прорыв обороны фашистов на участке Полевое — Семеновка был осуществлен при полном взаимодействии с дивизионной и приданной артиллерией. Находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, она мощными огневыми налетами и прямой наводкой подавляла огневые точки противника, уничтожала танки, прикрывая наступление наших подразделений. Части дивизии в этом наступлении танков не имели, а с танками противника успешно боролась наша полковая артиллерия, которая,

все время находясь в боевых порядках стрелковых полков, отражала контратаки прямой наводкой.

Операция по прорыву обороны противника на рубеже Полевое — Семеновка и выход в тыл гитлеровцев, которую провело наше соединение, нарушило управление противника, рассекло его боевые порядки, ослабило фланги, что несомненно ускорило занятие Полевого и Семеновки стрелковыми дивизиями, которые действовали с флангов нашего соединения. Это также создало возможность пропустить части механизированного корпуса для развития нашего успеха.

18 августа части нашей дивизии перегруппировались в новом направлении Пересечная — Курортная и к 18.00 заняли исходное положение. В новой полосе для наступления нам предстояло овладеть высотой 188.8.

19 августа после двух огневых налетов нашей артиллерии по переднему краю обороны противника полки атаковали высоту. Несмотря на упорное сопротивление врага, этот рубеж был взят.

Противник никак не хотел примириться с важной потерей и спустя некоторое время, подтянув резервы, предпринял две контратаки по флангам нашего полка. Контратаки были успешно отбиты.

Заняв важную в тактическом отношении высоту, мы подтянули ПТР, орудия полковой артиллерии были выведены в боевые порядки полков, что позволило отразить все попытки противника вновь овладеть высотой 188,8.

Противнику ничего не оставалось делать, как откатиться в направлении Пересечной. В ночь на 20 августа наши стрелковые полки перешли в наступление и к рассвету полностью овладели Пересечной.

Новая победа. Новая задача. Она заключалась в том, чтобы форсировать реку Уды, овладеть железной дорогой и двигаться в направлении Старого Люботина.

Противник упорно удерживал подступы к железной дороге, вел непрерывный огонь по переправам на Удах. Но наши саперы в сложнейших условиях под огнем врага наводили переправы, и в ночь на 21 августа части дивизии возобновили наступление. К 5.00 21 августа мы достигли разъезда Курортная, овладели железной дорогой, один из наших стрелковых полков ворвался в совхоз «Коммунар».

Противник предпринимал яростные контратаки, чтобы вернуть утерянные рубежи. Однако все его попытки потерпели провал.

Подтянув артиллерию и боеприпасы, наши части продолжали наступление и вскоре освободили Старый Люботин. Напряженные дни боев характеризовались массовым героизмом бойцов и офицеров. Примеров мужества и отваги просто не счесть. Но о некоторых хочу коротко рассказать.

3 августа к вечеру немцы предприняли отчаянную попытку вернуть во что бы то ни стало одну высоту и лес, расположенный южнее ее. Это были ключевые позиции на шоссе Курск — Харьков.

Отблески лучей заходящего солнца осветили картину боя на высоте и в лесу. Батальон огнеметных немецких танков, выплевывая струи огня длиною до 60 метров, как на параде, двигался вдоль опушки прямо на высоту.

За танками шли густые цепи немецкой пехоты.

Командующий фронтом генерал Конев и командующий армией генерал Манагаров, находившиеся в этот момент на наблюдательном пункте в районе одного из наших полков, прильнули к биноклям и увидели, как сначала один, затем второй... пятый... восьмой танки противника остановились, а затем вспыхнули. Это заработала наша артиллерия прямой наводки под командованием командира артполка дивизии подполковника Евгения Николаевича Попова.

Артиллеристы открыли также ураганный огонь по цепям немецкой пехоты.

Первая контратака немцев на высоту была отбита. Через 40 минут началась вторая, затем третья контратаки. Наши артиллеристы метко и быстро поражали цели. О том, как они поработали, судите сами. Только один дивизион израсходовал для отражения контратаки около 400 гаубичных снарядов. Генерал Конев, обращаясь к генералу Манагарову, спросил:

— Кто это так удачно сметал артогнем немецкие цели?

— Третий дивизион артполка,— последовал ответ.

«Награждаю всех офицеров 3-го дивизиона орденом Красного Знамени,— сказал командующий фронтом,— а Вы, товарищ Манагаров, своей властью наградите солдат и сержантов этого дивизиона».

Через несколько дней в минуту затишья, перед строем артполка в присутствии командующего фронтом и командарма бойцам и офицерам были торжественно вручены награды.

А вот другой не менее яркий пример. В самый разгар боя в районе деревни Гонки группа наших воинов заметила на окраине деревни в кустах тяжелую 150-миллиметровую пушечную батарею немцев, ведущую огонь по боевым порядкам полка. Смелым броском бойцы подавили батарею. Немецкие орудия смолкли.

Мне бы хотелось отметить еще и такую важную особенность боев на Белгородско-Харьковском направлении. Наш офицерский состав стал серьезнее и глубже понимать поставленные перед ним задачи. Творчески решая их с учетом малейших изменений в обстановке, каждый командир стремился развивать даже незначительный тактический успех своего подразделения, если он соответствовал идее боя. Остановлюсь только на одном эпизоде, который подтверждает эту мысль.

Наши наступающие части встретили прочный рубеж обороны Полевая — Семеновка, которым противник прикрывал северо-западную часть

города. Здесь занимали оборону две пехотных и одна танковая дивизия немцев. Кроме того, противник располагал резервом в количестве тринадцати пехотных батальонов. Огневых средств у немцев тоже было более чем достаточно: 12 батарей шестиствольных минометов и 18 дивизионов легкой и тяжелой артиллерии, которые могли сковывать значительные силы наступающих на узком участке фронта. К тому же и местность была на руку противнику: высоты и лесные участки затрудняли маневр крупных сил нашей пехоты и танков, а на флангах оборонительного рубежа находились два мощных опорных пункта, не допускавшие обхода.

Стрелковый батальон получил ограниченную задачу — захватить небольшой участок леса. Ночной бой был непродолжительным. Пехота втянулась в лес, и это обеспечило ей скрытность дальнейших действий. На этом направлении как раз проходил стык между двумя дивизиями противника, ранее обнаруженный нашей разведкой. Становилось очевидно, что именно здесь можно разрубить пополам рубеж вражеской обороны, чтобы затем уничтожать противника по частям.

Поскольку противник оказывал сначала незначительное сопротивление нашей пехоте, батальон старшего лейтенанта Мигова должен был расширить захваченный участок и создать выгодные условия для действий главных сил. Однако старший лейтенант Мигов обнаружил большие возможности для смелого рывка вперед. Он понял, что здесь можно выйти на все дороги, связывающие оборонительный рубеж противника с тыла. Приступив к действиям, Мигов запросил по радио поддержку артиллерии на случай, если ему встретятся контратакующие группы танков на дорогах. В его распоряжение была выделена противотанковая артиллерия, которая двигалась по просекам.

Противник вскоре заметил просачивание нашей пехоты в лес и начал фланговые контратаки, стремясь закрыть образовавшуюся брешь. Но в это время был введен в бой полк, который стал выдвигаться к фланговым опорным пунктам немцев: Полевое на западе и Семеновка на востоке. Этот полк старался отвлечь на себя большую часть контратакующих вражеских групп, чтобы батальон старшего лейтенанта Мигова и двинувшийся вслед за ним батальон капитана Попкова смогли в короткий срок полностью парализовать неприятельский тыл.

Требовалось нарушить работу связи в тылу у немцев, создать на возможных путях отхода минные заграждения и засады. Все это в известной степени удалось сделать. Противник стал терять управление на своих основных позициях. Центром особенно сильных боев стал уже его ближайший тыл. Немцы бросили сюда танки, самоходные орудия, пехоту, намереваясь окружить оба наступающие батальона.

Но опытные офицеры Мигов и Попков учли одну особенность тактики противника: пока он обладает танками — его пехота дерется, нет танков —

она отходит. Поэтому, когда разведка донесла о готовящейся контратаке, командиры батальонов предприняли все меры, чтобы нанести врагу возможно большие потери в танках. На направления контратак высылались саперы. Они ставили мины на дорогах, просеках, и немало немецких танков подорвалось на заграждениях.

Умелый маневр заграждениями и огневыми средствами, постоянная взаимная информация принесли успех нашим батальонам. Им удалось окружить у дома лесника и уничтожить около 200 солдат и офицеров противника.

Этот поучительный лесной бой обнаружил тактическую зрелость всего офицерского состава батальона. Командиры хорошо изучили местность, правильно расставили силы, выделив особые группы, отвлекавшие на себя внимание немцев, а также отряды для атаки. Небольшие группы нашей пехоты, как и было предусмотрено планом боя, дерзкими налетами заставили немцев преждевременно развернуться в боевой порядок. Этот момент и был избран для решительной атаки, которая завершилась полным разгромом противника.

Результат превзошел все ожидания: два батальона, инициативно действовавшие в тылу у немцев, помогли войти в проделанную брешь сначала всей дивизии, а затем и другим крупным общевойсковым и танковым соединениям. В создавшейся обстановке фланговые опорные пункты противника потеряли свое значение и были им брошены. Наши главные силы, энергично развивая успех, захватили плацдарм, необходимый для решительных ударов по крупной вражеской группировке, оборонявшей Харьков. Это было достигнуто уже на третий день боев благодаря тому, что не был упущен момент перерастания тактического успеха в оперативный.

Я подробно остановился на этом примере, чтобы показать, насколько важно и ценно стремление командира, выполняющего ограниченную задачу, видеть перспективы успешного развития наступательной операции в целом. Вот это стремление и есть то новое, что приобрел в ходе сражений офицерский состав нашей дивизии. Это новое является важнейшим составным элементом тактики маневрирования. Когда командир осуществляет, скажем, обход или охват, и это ему удается, он, как нам кажется, неизменно должен спрашивать себя: возможен ли успех больший, чем тот, который уже достигнут. Здесь на первый план должна выступать смелая и разумная инициатива, которая всегда найдет поддержку у вышестоящего командира.

16 августа, вскоре после прорыва обороны на рубеже Полевое—Семеновка и разгрома противника в лесу западнее Харькова на мой наблюдательный пункт приехал командующий фронтом генерал Конев. В разговоре со мной он высказал мысль о том, что за успешное выполнение боевых заданий командование дивизии заслуживает самой высокой оценки...

Командующий фронтом уехал. А через несколько дней последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом боевого Красного Знамени за отличие в боях по освобождению Харькова от немецких захватчиков.

Высоко был отмечен наш скромный ратный труд во имя Родины. Дивизии было присвоено наименование «Харьковской», ее наградили орденом Красного Знамени. И хотя с тех пор пропло уже много лет, каждый раз, когда я вспоминаю о боевом пути соединения, его прекрасных людях, глубоко преданных Коммунистической партии и народу, я испытываю глубокое волнение. Я горжусь теми, кто своей самоотверженностью и смелостью обеспечил победу над врагом и вместе с живыми глубоко склоняю голову перед памятью тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с ненавистными поработителями.

Б. К. КОЛЧИГИН

Генерал-лейтенант в отставке, бывший командир 34-го стрелкового корпуса

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ

Зимой 1943 года войска Юго-Западного и Воронежского фронтов, преследуя разбитого на Волге врага, вышли на дальние подступы к Харькову. Но наши наступательные действия были временно приостановлены. Необходимо было произвести перегруппировку войск и подтянуть тылы, которые значительно отстали от ударных передовых частей, что ощутимо сказывалось на продовольственном снабжении войск и подвозке боеприпасов. Нужно было навести соответствующий порядок, создать прочную материальную базу для дальнейшего могучего наступления наших войск. Ведь предстояли ожесточенные бои по преодолению сильной оборонительной полосы врага.

На подступах к Харькову гитлеровцы соорудили мощную глубоко эшелонированную укрепленную полосу. Фашисты рассчитывали обескровить советские войска, измотать их и затем самим перейти в наступление.

Следует сказать, что гитлеровцы имели все шансы на временный успех. Стоило только взглянуть на стратегическое расположение войск в этом районе, как становилось абсолютно ясно: на стороне врага были весьма значительные преимущества. Он занимал очень выгодные и сильно

укрепленные позиции на возвышенной местности правого берега реки Северный Донец. Особенно враг укрепил Змиевской узел. Здесь были доты и дзоты, минные поля и проволочные заграждения, противотанковые надолбы, глубокие рвы и др. Да и сама местность здесь очень удобна для обороны. Перед крутым и высоким правым берегом лежала многокилометровая низменная равнина, изрезанная множеством речушек, лиманов и трудно проходимых болотистых мест. Вся оборонительная полоса гитлеровцев была до предела насыщена огневыми средствами и новейшей техникой.

Позади советских войск простиралось необозримое пространство, где только что прошел фронт, оставив после себя огромные разрушения. А за спиной врага были вполне исправные дороги и мосты, по которым беспрерывным потоком подвозились подкрепления, продовольствие, вооружение, боеприпасы.

Наши окопы, вырытые тогда по берегу реки Северный Донец, представляли собой плохое укрытие от обстрела врага. Вскоре же положение еще больше осложнилось. Река Северный Донец разлилась от полых вод, и окопы оказались залитыми водой, войскам пришлось перебраться с берега на незалитые высоты. Это были весьма неудобные и невыгодные с тактической точки зрения позиции. Немцы просматривали и простреливали не только их, но и все подходы к ним. С таких позиций, конечно, трудно предпринять какую-либо серьезную операцию. К тому же впереди было очень широкое водное пространство, где все замеченное, даже плывущее слегка покачивающееся бревно или кучу мусора, враг, приняв за подозрительный предмет, накрывал артиллерийским и минометным огнем.

Воинам — и рядовым бойцам, и командирам — приходилось идти на всевозможные ухищрения. Все же до спада воды мы оставались на этих позициях, напряженно готовились к большим операциям, к наступлению, к новому удару по врагу.

Первого мая командование Юго-Западного фронта приказало мне принять 34-й стрелковый корпус. Его войска заняли боевые позиции по левому берегу Северного Донца общей протяженностью более 100 километров.

Наша первостепенная и главная задача состояла в том, чтобы, используя кратковременную передышку, как можно лучше и быстрее подготовить войска к новому наступлению, к быстрейшему освобождению одного из крупнейших промышленных центров Украины — города Харькова, к полному изгнанию врага с советской земли. Принимались меры к повышению боеспособности войск.

Незабываемыми остались в памяти дни, когда на боевые позиции корпуса приезжал Р. Я. Малиновский, ныне Маршал Советского Союза, министр обороны Союза ССР. Он бывал в нашем корпусе неоднократно, подробно интересовался состоянием подготовки к наступлению, посещал

передний край, лично поверял контрольными выстрелами по разным целям правильность подготовки данных. Тов. Малиновский оказал командованию корпуса конкретную помощь в деле быстрейшей и всесторонней подготовки к наступлению.

Нельзя не вспомнить и о благородном поступке командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонова. Будучи тяжело больным, он перед своим отъездом из армии на лечение прибыл в наш корпус и дал ряд практических советов, помог улучшить средства связи.

Когда вода стала убывать, войска корпуса под покровом ночи снова перебрались к зеркалу реки. Это было сделано скрытно, мы пошли на хитрость. Пришлось, например, применить на заболоченной воде насыпные окопы, врагу казалось, будто наши позиции находятся далеко от реки, на старых рубежах. Об этом свидетельствовали артиллерийские налеты и бомбардировки. В этом мы убедились и тогда, когда заняли город Змиев и захватили вражеские оперативные карты. На этих картах наши позиции помечены по высоткам, давно оставленным нами. В случае наступления фашистов этот недостаток их разведки, конечно, обошелся бы им очень дорого, артподготовка прошла бы впустую, а наступление провалилось бы, вражеская пехота при первой же атаке была бы уничтожена нашими войсками.

Правда, воспользовавшись тем, что готовящееся нами наступление на Змиев было отменено и перенесено под Изюм, враг сделал попытку атаковать наши позиции. Но эту атаку мы отбили, хотя гитлеровцы провели большую артподготовку с помощью сильных минометных частей.

Затем наши войска внезапным ударом прорвали оборону врага в районе Змиева и стремительно пошли вперед. Однако, прежде чем рассказать об этом прорыве, хотелось бы вспомнить некоторые эпизоды из боевых действий наших доблестных воинов, рассказать об их героизме и отваге в борьбе с врагом в период нашего пребывания в обороне на рубеже реки Северный Донец.

Еще в те дни, когда войска корпуса прибыли к берегам Северного Донца, на одном из участков фронта разыгрался ожесточенный бой. Гитлеровцы сконцентрировали крупные силы и обрушили удар на один из полков 25-й гвардейской дивизии, которой в то время командовал Герой Советского Союза гвардии полковник К. В. Билютин.

...Был обычный мартовский день. Один из тех дней, когда все время кажется, что или еще не рассвело, или надвигаются сумерки. Шел мокрый снег с дождем. Одежда бойцов, намокшая и тяжелая, как железный панцирь, сковывала движения. Под такой одеждой, как под ледяной кожурой, деревенело тело. Солдаты лежали в холодной квашне — смеси грязи со снегом, вели жестокий бой с озверелым врагом. Вокруг серым ковром тянулась все та же однообразная вязкая масса. Кое-где чернела грязная вода, а на холмиках тускло белел снег.

Вдруг воины услышали впереди быстро приближающийся страшный и отвратительный рев. На участок, обороняемый взводом под командованием храброго и волевого офицера Петра Николаевича Широнина, ринулись фашистские танки.

Во взводе Широнина было всего 25 бойцов, но они не дрогнули. Гвардейцы мужественно вступали в смертельную схватку с врагом. Навстречу танкам полетели гранаты, бутылки с горючей жидкостью. Машины взрывались, пылающими факелами останавливались в нескольких шагах перед воинами. Но на поле боя появлялись новые и новые машины.

Отважные воины не уступали врагу ни одной пяди земли. Бронированная сила фашистов оказалась слабее железной воли воинов-гвардейцев. Танковая атака гитлеровцев разбилась о стойкость и мужество советских воинов. Из 25 воинов погибло 20. Всем широнинцам присвоено звание Героя Советского Союза.

Так под Харьковом широнинцы повторили бессмертный подвиг панфиловцев, совершенный под Москвой.

До прихода в 34-й стрелковый корпус Герой Советского Союза гвардии полковник К. В. Билютин командовал стрелковым полком 25-й гвардейской стрелковой дивизии, в который входил героический взвод П. Н. Широнина. Позже тов. Билютин был назначен командиром 6-й Краснознаменной Орловской стрелковой дивизии 34-го стрелкового корпуса. К. В. Билютин отличался большим тактом, выдержкой и скромностью. Это был очень спокойный и рассудительный офицер, заботливый командир. Он был хорошо дисциплинирован и не мог терпеть малейшего проявления недисциплинированности в войсках. Бойцы и офицеры любили полковника Билютина, брали с него пример. Стрелковая дивизия под его командованием в составе 34-го стрелкового корпуса участвовала в прорыве обороны врага в районе города Змиева.

Много героических подвигов совершили советские воины в боях за Харьков. Выдающуюся роль здесь сыграли наши славные разведчики. Как известно, во время обороны большая и сложная работа ложится на разведку. От ее действий во многом зависит и успех готовящегося наступления.

Наша разведка с самого начала действовала очень успешно, в особенности по захвату так называемых «языков». Действия разведки были настолько ощутимы, что вскоре фашисты не на шутку переполошились и приняли крутые меры. Они ввели круговую оборону, наводнили всю местность против нашего корпуса специальными подразделениями со сторожевыми собаками. Захват пленных стал невозможен. Встала задача — как быть, как доставать «языки».

Командование армией всегда ставило в пример всем частям и соединениям работу разведки 34-го корпуса. Поэтому наши разведчики не

могли согласиться ни на малейшее ослабление своей работы. И они нашли выход из положения.

Однажды ночью солдат-разведчик доставил в штаб пленного немца. Гитлеровец был настолько ошеломлен и перепуган, что, казалось, лишился способности говорить. Только спустя некоторое время пленный пришел в себя и обрел дар речи. Первое, о чем он рассказал, это — как был схвачен русским солдатом.

— Мы с унтер-офицером,— говорил гитлеровец,— были в дзоте у своего пулемета. Вдруг вблизи послышался какой-то непонятный шум. Унтер-офицер немедленно вышел узнать, в чем дело. Но через минуту в дзот вскочил русский солдат. Он сорвал с моей головы пилотку, засунул ее мне в рот, моментально связал руки, набросил на голову мешок, повалил на землю и поволок меня. Все произошло так быстро, что я не успел глазом моргнуть. Я был буквально парализован внезапным появлением русского и потерял всякую способность сопротивляться...

Оказалось, новая тактика наших разведчиков заключалась в том, что они стали действовать в одиночку. Используя ночную темноту, воины незаметно проникали в траншеи врага, убивали ножами встретившихся на пути фашистов и овчарок, захватывали пленных и уводили в свои траншеи.

Наиболее отличился в этом солдат-разведчик, который первым взял «языка» из немецкого дзота. За эту операцию солдат был награжден высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени. К сожалению, я не запомнил его фамилию. Помню только, что он был уралец.

Надолго останется в памяти и героический подвиг саперов.

Однажды командующий фронтом поставил перед нашим корпусом боевую задачу: взорвать в тылу противника мост через реку Мжу. Этот мост соединял сообщение между двумя укрепленными узлами гитлеровцев: Змиевом и Эсхаром. Мост усиленно охранялся. Взорвать его было делом нелегким.

Командование поручило выполнение этой задачи отделению саперов.

Помню, воины под покровом ночи пересекли передний край, добрались до моста и на рассвете взорвали его.

В лагере врага возник невообразимый переполох. Гитлеровцы подняли на ноги все живое, моментально перерезали пути отступления, прочесали всю местность, прилегающую к мосту, прощупали каждый кустик, каждую пядь земли за много километров от места взрыва. Но смельчаки словно в воду канули. Фашисты не могли даже напасть на их след. Искали тщательно, с овчарками. Однако все их потуги были тщетны.

А советские воины, выполнив боевое задание командования, не спешили уходить. Они действительно здесь же у взорванного ими моста «канули» в воду, покрытую густым камышом. Саперы спрятались там, где гитлеровцы и не подумали их искать. А когда тревога улеглась, совет-

ские воины выбрались из воды и двинулись в путь. Они сразу же завернули в небольшое село. Там их укрыла одна колхозница. Бойцы просушили одежду, отдохнули и отправились в обратный путь.

По дороге они взяли в плен гитлеровского солдата, но при переходе линии фронта, возле Донца вынуждены были застрелить его, так как были обнаружены врагом.

Можно было бы еще немало вспомнить боевых эпизодов, преисполненных пафосом героизма, в период нашего пребывания в обороне на берегах реки Соверный Донец, а также всевозможной изобретательности с целью ввести в заблуждение врага. Так, например, корпусной инженер очень успешно инсценировал из досок, дерна и котелков с бензином «места сосредоточения танков». Приняв их за настоящие танки, фашистская авиация бомбила.

Хочется рассказать о том, как был осуществлен прорыв сильно укрепленной вражеской обороны в районе Змиева. Данная операция значительно ускорила и облегчила освобождение Харькова от немецко-фашистских захватчиков.

Наш 34-й стрелковый корпус, повторяю, занимал довольно обширный участок фронта и находился на стыке двух фронтов: Юго-Западного и Степного. Это повышало ответственность личного состава корпуса за состояние обороны данного района. Пришлось немало поразмыслить над тем, как лучше осуществить прорыв вражеской обороны, как сделать, чтобы потери в людях были самыми минимальными. Нельзя было просто взламывать оборону врага, она была достаточно крепка, и это вызвало бы огромный урон в живой силе и технике, а также потерю времени, что дало бы возможность врагу подтянуть резервы. Необходимо было предпринять хитрый маневр, который ошеломил бы врага, спутал, как говорится, все его карты.

Дело в том, что во всей оборонительной системе немцев на Харьковском направлении главную роль играли Змиевской и Чугуевский укрепленные узлы. С падением этих узлов открывался путь на Харьков и выход на тактический простор Приднепровья. При разработке плана в его основу был положен молниеносный захват Змиева обходным путем. Прорыв осуществлялся в двух направлениях: у станции Эсхар и под Коробовым хутором. Войска, прорвав оборону немцев у станции Эсхар, делали стремительный марш по тылу врага через большой лесной массив и выходили к Змиеву с севера, обойдя и, таким образом, парализуя всю сложнейшую и мощную северо-восточную и восточную оборонительную систему врага.

Группа войск под Коробовым хутором в то время, когда внимание врага было отвлечено боями за Змиев с севера, форсировала реку Северный Донец и обошла город с юга, парализовав юго-восточную укрепленную полосу гитлеровцев.

Вся эта операция осуществлялась двумя стрелковыми дивизиями, за которыми с занятого нами плацдарма в наступление пошла целая армия.

Еще раньше, во время наступления, корпусу дали захваченное у немцев оружие — пушки, гаубицы. Из этих трофейных орудий наши воины быстро научились метко стрелять по вражеским огневым точкам и различным целям вражеских позиций.

Осуществляя прорыв, командование корпуса решило не делать артподготовки, а вести обычный обстрел обороны врага из трофейных орудий. В то же время намечалось широко применить и стрелковое оружие.

Итак, ведя огонь по вражеским позициям из кочующих трофейных орудий, мы начали форсирование Северного Донца в районе Эсхара. Штаб нашего корпуса под командованием полковника Германа работал творчески, быстро и очень точно. Саперы корпуса приготовили в достаточном количестве лодки и плоты, и теперь они были использованы для переправы войск через Северный Донец. Как и предполагалось, враг был застигнут врасплох. Гитлеровцы опомнились слишком поздно, когда через реку уже переправилось несколько наших батальонов.

С одним из первых стрелковых батальонов в атаку шел заместитель командира корпуса по политической части полковник Челядинов. Это был смелый и храбрый офицер. Во время наступления он всегда находился в боевых порядках передовых стрелковых подразделений и всю политработу направлял на обеспечение выполнения боевых заданий корпуса. Следует подчеркнуть, что не только тов. Челядинов, но и все политработники корпуса и даже работники юстиции находились в боевых порядках стрелковых рот и батальонов, личным примером увлекали бойцов в бой, героически сражались с врагом. В первых рядах атакующих шли коммунисты, комсомольцы.

В наступление шла 152-я стрелковая дивизия под командованием очень способного и опытного командира генерал-майора Каруна (впоследствии погибшего под Днепропетровском).

Войска опрокинули врага, глубоко врезались в его оборону, стали успешно продвигаться вперед. В это время 6-я Краснознаменная Орловская стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника Билютина сосредоточилась для атаки у Коробова хутора.

Собрав у двух исходных пунктов для прорыва вражеской обороны названные две дивизии, мне пришлось оставить между ними никем не занятое пространство в 35—40 километров и расположить свой наблюдательный пункт северо-восточнее села Шелудьковки. При мне имелась всего-навсего комендантская команда штаба корпуса и батарея зениток для прикрытия. Конечно, этот шаг был рискован. Ведь осталось открытым столь большое пространство фронта. Но все это было необходимо,

тем более, что 228-я стрелковая дивизия под командованием полковника Куликова, входившая в 34-й стрелковый корпус, обороняла участок влево, до Балаклеи.

Наступление 152-й дивизии неожиданно застопорилось. Мне пришлось покинуть наблюдательный пункт и поехать в Эсхар, чтобы помочь командиру 152-й дивизии исправить положение. Продвижение наших войск тотчас же пошло быстро. Умелую распорядительность на переправе по быстрейшей переброске войск проявили подполковники Кривобок и Краснов. Войска опрокинули сопротивляющегося врага, совершили быстрый марш по густому лесу и вышли к северной окраине Змиева. Здесь завязались упорные бои. Гитлеровцы стали спешно перебрасывать сюда войска, оголяя юго-восточный участок своей обороны.

В это время 6-я дивизия под командованием гвардии полковника Билютина, воспользовавшись пешеходным мостиком на поплавках, который быстро навели саперы, форсировала Северный Донец, прорвала на узком участке оборону врага и стала обходить город с юга. Была отрезана и парализована вся юго-восточная укрепленная полоса гитлеровцев с противотанковыми сооружениями, естественной крепостью — неприступной возвышенностью, минными полями, проволочными заграждениями, со всеми мощными огневыми средствами.

Осуществив прорыв обороны врага и заняв Змиев, корпус создал плацдарм для успешного наступления наших войск. С этого плацдарма 46-я армия под командованием генерал-майора Глаголева развернула наступление.

От захваченных в плен гитлеровцев стало известно, что в селе Тарановке, в четырех километрах на запад от Змиева, сосредоточивается 15-я танковая дивизия, переброшенная из Франции. Завязались ожесточенные бои. Фашисты бросили на 46-ю армию не только танковые части, но и эскадрильи бомбардировщиков. Все же враг уже не смог остановить могучего наступления советских войск.

34-й стрелковый корпус при помощи реактивных установок — «катюш»,— овладел Большой Гомольшей, южнее Змиева, расположенной на возвышенной местности. Но дальнейшее наше продвижение застопорилось. На высоте восточнее Большой Гомольши путь преградили «фердинанды». Побывав на высоте, я убедился, что наши 76-миллиметровые пушки бессильны против лобовой брони «фердинандов», маневрирующих лишь вперед и назад, без разворотов. Пришлось приказать вытащить на высоту батарею гаубиц. Своим огнем они быстро привели «фердинанды» в чувство. Наступление продолжалось.

Корпус захватил у фашистов склад мин. Наши минометчики приспособили их к батальонным минометам и стреляли ими по врагу. В стремительном наступлении, когда подвозка боеприпасов не всегда была своевременной, эти мины весьма пригодились нашим минометчикам.

Затем завязался упорный бой за населенный пункт Верхний Бишкин. В этом бою героически сражались наши танкисты.

23 августа Харьков был освобожден советскими войсками. Участие 34-го корпуса в освобождении Харькова отмечено приказом Верховного Главнокомандования.

О боевых действиях 34-го стрелкового корпуса в газете «Правда» за 24 августа 1943 года была помещена большая статья за подписью военных корреспондентов «Правды» Я. Куприна и Д. Акульшина под заглавием: «Умелый маневр». Поскольку корреспонденция представляет собой немаловажную ценность как исторический документ, отражающий борьбу советских войск, в частности 34-го стрелкового корпуса, за освобождение Харькова от немецко-фашистских захватчиков, хочется воспроизвести ее полностью.

«Этот участок фронта,— писала «Правда»,— был флангом битвы за Харьков, которая сегодня увенчалась блестящей победой советского оружия. Еще вчера здесь гремел бой. Кругом свежие воронки, подпалины от мин, посеченные деревья и кустарники. Всюду валяются стреляные гильзы, разбитые ящики из-под немецких гранат, рассыпанные патроны и снаряды. У обочины дороги громоздятся целые штабеля мин, извлеченные нашими саперами. По крутому спуску к Донцу бредут партии пленных немцев. Бой передвинулся на запад, откуда доносится рокот пулеметов, раскаты орудийных залпов. На горизонте видны облака дыма и пыли, обозначающие передний край.

Мы — на отобранной у немцев высоте. Отсюда как на ладони виден город Змиев, раскинувшийся в углу, образованном от слияния реки Мжа с Северным Донцом. В другом смежном углу — железнодорожная станция Змиев с рабочим поселком и западнее — большой лесной массив.

Оттуда был нанесен наш удар по врагу. Змиев был вторым после Чугуева укрепленным узлом немцев, охранявшим важные подступы к Харькову. Немцы называли Змиев с его окрестностями «неприступным фортом». Здесь правый берег Северного Донца представляет собой возвышенную гряду, поросшую густым дубняком и орешником. Скаты ее обрывисты. Сама природа создала в этих местах длинный эскарп с отвесными кругами высотой до 15—20 метров. От их подножья на восток тянется широкая открытая долина, прорезанная Донцом, множеством лиманов и заболоченными лугами.

«Языки», захваченные перед боем, рассказывали на допросах о большой насыщенности немецкой обороны огневыми средствами. То же самое подтверждали наши разведчики. Вся сложная система огня, построенная здесь противником, предназначалась для прикрытия подступов к городу с юго-востока.

Донец был форсирован севернее — там, где немцы меньше всего ожидали. Одна наша часть, внезапно появившаяся на правом берегу,

начала обтекать всю вражескую оборонительную полосу с фланга. Немцы были выбиты из прибрежных населенных пунктов: Зидьки, Замостье и станции Змиев. На этом участке враг упорно сопротивлялся, но удержать наступающих не мог.

Наши бойцы продвинулись вперед, обходя неприятельские укрепления с тыла. Немцы бросили в контратаку все, что было у них под рукой во втором эшелоне, надеясь ударом по правому флангу смять наше подразделение, прорвавшееся к берегу реки Мжи. Но командир части, совершив свой смелый маневр, предвидел это и усилил фланги. Контратакующие немецкие автоматчики и саперы были встречены сильным пулеметным и минометным огнем.

Отбивая атаки с фланга, наши бойцы одновременно начали форсировать реку Мжу. Преодолев ее, передовой отряд зацепился за северо-западную окраину города. Здесь он использовал развалины спирто-водочного завода и перешел к обороне. Немцы поспешно стали перебрасывать сюда подкрепления, снимая их с соседнего участка южнее Змиева. На северо-западной окраине города завязались рукопашные бои.

Перегруппировка фашистских войск не ускользнула от наших разведчиков. Они установили, что немцы ослабили свою оборону южнее города. Этим и воспользовалось наше командование и ввело в действие другую часть. Они форсировали Северный Донец и с малыми потерями преодолели укрепленную полосу немцев. Затем, выйдя на правобережные высоты, части начали обтекать город с юга на север.

Это был хорошо продуманный ход. Все немецкие дзоты и окопы, минные поля и проволочные заграждения, тянувшиеся на юг, были также обойдены, как и с севера. Клещи вокруг сильно укрепленного узла немцев на Донце неумолимо сжимались.

Враг заметался. Он не мог воспользоваться своими усовершенствованными укреплениями, а артиллерия его была бессильна что-либо сделать. Все перемешалось. Создавшаяся долгими месяцами немецкая оборона с большой огневой насыщенностью оказалась бесполезной, а силы, оборонявшие город,— под угрозой окружения.

Наши части занимали улицу за улицей. Немцы пытались вырваться, отступив на запад, но им наперерез уже вышли наши бойцы. Клещи замкнулись. Бой был короток. Немцы потеряли только убитыми до 500 солдат и офицеров, много военной техники. Мы захватили 500 пленных, 5 складов боеприпасов и много других трофеев.

С освобождением Змиева наши войка вышли на тактический простор и стали успешно продвигаться на запад. Немецкие резервы, шедшие на помощь Змиевскому гарнизону из глубины, уже не смогли остановить их.

Фланговый удар, наносившийся нашими войсками в направлении Харькова, развивался. Это была ощутимая поддержка частям, дравшимся за освобождение второй столицы Украины».

Много лет прошло с тех пор. На месте жестоких боев вырос новый лес, изгладились рвы и траншеи, заросли травой воронки от бомб и снарядов, ликвидированы разрушения и построены новые дома, выросло новое поколение людей, которое узнает о суровых днях Великой Отечественной войны по книгам и воспоминаниям ее участников. Но никогда не забудутся, навсегда останутся в памяти те боевые дни. Вечно живой будет слава о героях, не щадивших ни крови, ни жизни во имя победы над врагом, во имя свободы и величия любимой социалистической Родины.

М. Д. СОЛОМАТИН
Генерал-полковник
танковых войск запаса

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Бои за освобождение Харькова в 1943 году, по существу, начались с того момента, когда героические войска наших фронтов разгромили в Курской битве сильные немецко-фашистские наступательные группировки на орловском и белгородском направлениях и сами перешли в наступление.

После провала наступательных действий на курском направлении гитлеровское командование потребовало от своих войск любой ценой удержать Харьковский район и город Харьков. На этот важнейший участок фронта были возвращены несколько танковых дивизий, ранее переброшенных отсюда против советского Юго-Западного фронта.

На Белгородско-Харьковском направлении гитлеровцы создали на выгодных рубежах ряд оборонительных полос, сильно укрепив их в инженерном отношении. Перед оборонительными рубежами и на всех дорогах они создали противотанковые и противопехотные минные поля. Боевые порядки пехоты противника были значительно насыщены противотанковой артиллерией, штурмовыми орудиями и танками. Весьма активно действовала и немецкая штурмовая и бомбардировочная авиация.

Таким образом, войскам Степного фронта под командованием генерала армии И. С. Конева, которые находились на Белгородско-Харьковском направлении, пришлось действовать в сложных условиях. Наш 1-й механизированный корпус входил в состав войск Степного фронта, на-

ходясь в подчинении командующего 53-й армией генерала И. М. Манагарова, которая наступала в первом оперативном эшелоне фронта, нанося удар в обход Белгорода и Харькова с запада.

За первые три дня боев с немецко-фашистскими захватчиками войска корпуса самостоятельно и во взаимодействии с другими соединениями армии продвинулись на 23 километра, освободили 15 населенных пунктов, а к исходу дня 5 августа механизированные бригады под командованием подполковников С. Д. Миронова, С. Н. Горбунова и В. В. Ершова, заняли Грязное, Красное и командную высоту на шоссе Белгород — Харьков. Выйдя на этот рубеж, механизированный корпус преградил путь отхода немецко-фашистским войскам из Белгорода по шоссейным дорогам. Гитлеровцы начали поспешно отступать на юг по долине реки Северный Донец. 5 августа Белгород был полностью очищен от фашистских оккупантов.

От Белгорода корпус продолжал наступать в полосе между железной и шоссейной дорогами Белгород — Харьков. Двигаться приходилось по долинам рек с сильно заболоченными берегами, многие участки были заминированы противником. К тому времени прошли сильные грозовые дожди, дороги раскисли и стали трудно проходимыми для автотранспортных средств. Все это резко снижало маневренность войск и темп наступления.

На пути продвижения вперед корпус должен был овладеть крупным населенным пунктом Микояновкой. В нашем первом эшелоне наступали две механизированные бригады. Третья продолжала вести бой с вражескими войсками южнее Белгорода, которые отходили от города и стремились прорваться на шоссе Белгород—Харьков. На эту бригаду возложили задачу — обеспечивать левый фланг корпуса. Танковую бригаду оставили во втором эшелоне, она перемещалась вслед за механизированными частями в направлении Грязное.

Наступление развивалось очень медленно. Пехота противника, усиленная тяжелыми танками и самоходными орудиями «фердинанд», оказывала нам упорное сопротивление. Обойти опорные пункты врага было трудно из-за глубоких оврагов и заболоченных пойм рек. Чтобы повысить темп наступления, усилили первый эшелон танковой бригадой под командованием полковника С. И. Хилобока. Она была введена в бой из-за левого фланга механизированной бригады в направлении Микояновки с задачей прорваться в тыл противника и нанести удар с востока по его группировке, действующей в районе Микояновки.

К исходу дня 6 августа наш танковый полк с десантом мотопехоты занял Долбино в 7 километрах севернее Микояновки. При этом танкисты уничтожили три тяжелых танка, три противотанковых орудия, две бронемашины, четыре станковых пулемета и до 100 солдат и офицеров противника. Особенно отличился в боях экипаж танка коммуниста лейтенанта В. В. Середина. Герои-танкисты на горящей машине атаковали врага

я огнем с ходу уничтожили три вражеских танка. А орудийный расчет комсомольца Маркина отразил контратаку взвода тяжелых танков противника и отстоял рубеж, занятый мотопехотой бригады. Наступление продолжалось и ночью. На рассвете 7 августа мы захватили аэродром противника вместе с четырьмя боевыми самолетами, которые не успели подняться в воздух. Эту операцию блестяще выполнила группа разведчиков в составе Антона Пикунова, Григория Литвинова, Николая Шиша, Сергея Губеженского. Ворвавшись под покровом ночи на вражеский аэродром, смельчаки захватили пушку и открыли из нее огонь. На аэродроме поднялась невообразимая паника. Не понимая в чем дело, гитлеровцы, как очумелые, метались по летному полю. Побросав оружие и снаряжение, так и не успев поднять в воздух самолеты, они бежали с аэродрома.

С быстротой молнии весть об этом удачном дерзком налете стала известна всему личному составу корпуса. Политработники и агитаторы, рассказывая о героическом поступке разведчиков, призывали всех воинов следовать их примеру, действовать так же бесстрашно и находчиво.

7 августа была занята Микояновка. Корпус продвинулся на 14 километров, освободил 16 населенных пунктов и 3 железнодорожные станции, среди них станцию Наумовку.

По мере нашего приближения к Харькову сила сопротивления врага нарастала. Чтобы ускорить наступление, надо было во что бы то ни стало прорваться в тыл противника и обойти его сильные арьергарды, преграждавшие нашим наступающим войскам путь вдоль железной и шоссейной дорог Белгород — Харьков. Чтобы добиться этой цели, мы создали ударную группу в составе танковой бригады, отдельных мотоциклетного, мотострелкового батальонов и истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Ее возглавил заместитель командира корпуса по строевой части Герой Советского Союза полковник Дмитрий Дмитриевич Погодин. Ударная группа должна была прорваться из района Микояновки в направлении Петровки, Журавлевки, совхоза «НКВД», овладеть Дергачами и отрезать путь отхода противника на Харьков.

Несмотря на решительные и смелые действия ударной группы, ей, однако, не удалось прорваться во вражеский тыл. К исходу дня 8 августа она заняла лишь Долбнивку, в четырех километрах юго-восточнее Казачьей Лопани. Но все же выход группы в этот район облегчил механизированным бригадам борьбу за Казачью Лопань.

В бою за этот населенный пункт особенно смело и решительно действовал мотострелковый батальон под командованием капитана А. Н. Шиляева, который сумел скрытно, по балкам, обойти село с запада, ворваться в его центр и быстро занять выгодные позиции.

Противник, силы которого были значительно большими, пытался уничтожить прорвавшихся до подхода всей бригады. Его артиллерия и минометы вели по нашим бойцам губительный огонь. В атаку двинулись

танки врага, за ними шла гитлеровская пехота. Но наш батальон не дрогнул. Бронебойщики отделения сержанта В. М. Прилубщикова меткими выстрелами из противотанковых ружей подбили несколько вражеских танков, заставив остальных повернуть назад. Отлично действовали в этом бою и наши наводчики В. П. Храбцов и Я. С. Панкратов.

Снова и снова бросались гитлеровцы под прикрытием танков в атаку, и каждый раз советские воины заставляли их отступить. Когда казалось, что нет уже сил выстоять против бешеного натиска врага, на самых опасных участках появлялся командир батальона капитан Шиляев. Его спокойствие и мужество ободряли бойцов, и они дрались с еще большей стойкостью. Батальон ни на шаг не отступил с захваченных позиций и удержал их до подхода остальных подразделений бригады. Но мотопехотинцы понесли тяжелую потерю — при отражении одной из атак пал смертью героя их отважный командир капитан А. Н. Шиляев.

В бою за Казачью Лопань отличились также танкисты взводов лейтенантов Л. Сороки, Н. К. Ломтева и младшего лейтенанта И. Н. Шишкина. Во время атаки они уничтожили минометную батарею и до ста гитлеровцев. Особенно смело действовал коммунист младший лейтенант И. Н. Шишкин. Его танк был подожжен вражеским снарядом, но он не покинул поля боя. На объятой пламенем машине отважные танкисты продолжали уничтожать противника, пока мотопехота не заняла северную окраину села. Много раз ходил в атаку танковый десантник старший сержант Н. М. Кудряшов. На его счету числится не один десяток уничтоженных вражеских солдат. В бою за Казачью Лопань он также был десантником. Держась за скобу башни своего танка, он беспощадно уничтожал меткими автоматными очередями минометные и орудийные расчеты противника. За отвагу, проявленную в этом бою, Кудряшов был награжден орденом Красной Звезды.

Мужество и отвагу проявили люди различных воинских специальностей. Водитель артиллерийского тягача красноармеец Санников в ходе наступления при смене огневых позиций артиллерии был ранен. Ему предложили срочно эвакуироваться в лазарет. Однако он категорически отказался и остался в строю до конца боя, пока Казачья Лопань не была полностью освобождена нашими войсками.

Водители транспортных автомашин ефрейторы Елисеев и Хроменко под сильным артиллерийско-минометным огнем противника бесперебойно доставляли боеприпасы танковым подразделениям, ведущим бой за Казачью Лопань.

В результате смелых действий мотопехотинцев Казачья Лопань — важный опорный пункт врага — была очищена от немецко-фашистских захватчиков. За один только день боев 8 августа корпус продвинулся на 15 километров и освободил 15 населенных пунктов.

Враг яростно сопротивлялся. Буквально каждый метр советской зем-

ли нам приходилось отвоевывать в жестоком бою. Помнится, в те дни в корпусной газете появилось стихотворение Б. Сейтакова «Вперед!»:

Пусть горьких слез не льет Отчизна-мать,
Покровы скорби ей не надевать.
Мы не позволим честь ее топтать!
Кто любит Родину свою —
Вперед!
Кто нежит в памяти зеленый луг,
Дым очага и детский смех вокруг,
Кто любит милую семью —
Вперед!
Нет, не на то нам жизнь дана,
Чтоб мертвым пеплом стала вдруг она!
Вперед, сквозь воздух, душный дочерна,
Сквозь дымовую кисею —
Вперед!

С призывом «Вперед!» части корпуса, как и все войска Степного и Воронежского фронтов, ломали сопротивление врага, освобождали землю Советской Украины. Стремясь ускорить продвижение, подразделения корпуса наступали днем и ночью. Причем днем танки с десантом автоматчиков действовали самостоятельно или совместно с мотопехотой и стрелковыми частями. Ночью же, как правило, боевые действия вели небольшие группы, которые не давали противнику возможности закрепиться на выгодных рубежах и старались проникнуть в его тыл.

Уже 9 августа наши механизированные бригады освободили населенный пункт Мироновку, заняли Камышеваху и вышли в район совхоза «НКВД», где завязали бои. Одну механизированную бригаду вывели во второй эшелон. За этот день войска корпуса продвинулись на 15 километров, возвратив свободу жителям 14 населенных пунктов.

Но такой темп наступления никого не удовлетворял. Поэтому командующий 53-й армией генерал-майор И. М. Манагаров приказал корпусу в 5 часов 10 августа сосредоточиться и в 8 часов атаковать противника на рубеже южнее Мироновки, Безруковки и, развивая наступление в направлении Полевое — Коротич, к исходу дня овладеть населенным пунктом Коротич. Тем самым пути отхода противнику из Харькова на запад были бы отрезаны. Корпусу предстояло прорвать вражескую оборону и за день преодолеть до 40 километров.

Поскольку на перегруппировку войск и подготовку прорыва отводилось всего лишь три часа, а также, учитывая очень плохое состояние размытых дорог, командование корпуса решило использовать в первом эшелоне только две механизированные бригады, которые находились вблизи

новой полосы наступления. На правый фланг для действий южнее Мироновки выводилась механизированная бригада, действовавшая на южной окраине. Она перегруппировывалась несколько восточнее для наступления на Безруковку. Танковая бригада из района совхоза «НКВД» перемещалась для наступления во втором эшелоне, куда также передвигалась в полосу наступления корпуса для действий во втором эшелоне еще одна бригада.

Несмотря на все наши усилия, задачу, поставленную перед корпусом, в первый день выполнить не удалось. В течение 10 августа наши части, ведя ожесточенные бои, продвинулись лишь на 5 километров. Особенно сильное сопротивление противник оказал южнее Мироновки, где вела бой одна наша механизированная бригада. Ее бойцы и офицеры героически сражались, стараясь прорваться в тыл врага, и в начале боя добились некоторого успеха. Так рота под командованием героя многочисленных танковых атак коммуниста капитана Матвея Нестеровича Бортовского прорвала оборону противника и, ведя огонь из танков на ходу, разгромила до батальона его пехоты. Враг танковой контратакой старался выбить роту Бортовского. Но наши танкисты, воодушевляемые отважным командиром, огнем с места подбили пять танков гитлеровцев, а остальные обратили в бегство. Особенно метко поражал огнем немецкие танки экипаж лейтенанта Кузнецова.

Смело и решительно действовали в этом бою также мотострелковые подразделения. Например, батальон под командованием старшего лейтенанта Пахомова, используя успех танкистов, ворвался в траншеи противника и в рукопашном бою уничтожил до 100 гитлеровцев и 48 взял в плен. Батальон во главе с капитаном В. И. Башлыковым гранатами уничтожил 95 вражеских солдат и офицеров. Здесь особенно отважно дрались сержанты Валериев, Козлов, Цыганков, рядовые Мерзляков, Шейчаков. Младший сержант Цыганков, тяжело раненный, продолжал оставаться в строю до тех пор, пока подразделения батальона вместе с танковой ротой Бортовского не отразили вражеской контратаки и не закрепились на захваченном рубеже. Одна наша бригада при содействии стрелкового соединения заняла 10 августа Безруковку.

С утра следующего дня для наращивания сил бригад первого эшелона мы ввели в бой в направлении Полевого танковую бригаду. Однако и после этого наступление шло очень медленно. Войска за день продвинулись незначительно и были остановлены сильным огнем противника, который укрепился на заранее подготовленных позициях.

С 11 до 19 августа наш корпус вел наступление в тесном взаимодействии с войсками первого оперативного эшелона. Враг особенно сильно сопротивлялся на заранее подготовленном к обороне рубеже: высóты в 5 километрах северо-западнее Полевого—северная опушка леса в 2 километрах от Полевого — высота в 1 километре юго-западнее Дергачей. Все

попытки прорвать вражескую оборону на этом рубеже оказались безуспешными. Тогда командующий 53-й армией И. М. Манагаров принял очень смелое решение: скрытно вывести всю пушечную артиллерию и часть танков на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Артиллерия и танки, подготовленные в дневных условиях для стрельбы прямой наводкой, должны были с наступлением темноты по общему сигналу одновременно открыть огонь по обороне противника. Разгром вражеских войск предполагалось завершить ночной атакой.

Замысел командующего армией полностью удался. Ночной удар советских войск ошеломил противника. Его оборона была прорвана. Войска корпуса во взаимодействии с двумя стрелковыми дивизиями 19 августа овладели юго-западной опушкой леса восточнее Пересечного.

В этот день снова отличились танкисты роты капитана М. Н. Бортовского. Огнем и гусеницами своих танков они громили врага, расчищая путь мотопехоте. Успешно действовали и артиллеристы. Батарея артиллерийского дивизиона механизированной бригады успешно отразила контратаку вражеских танков в лесу южнее Полевого. Героически сражались в этой батарее парторг Толяренко и командир орудия Пуков. Они умело вели огневое состязание с вражескими танками, расстреливая их буквально в упор.

Ночной атакой мотопехота корпуса заняла крупный населенный пункт Пересечное и с ходу преодолела реку Уды. При форсировании реки большую отвагу проявили наши саперы Бабич, Кручков, Анищенко. Под непосредственным руководством командира роты капитана М. П. Зайцева под сильным артиллерийско-минометным огнем противника саперы быстро навели переправу для танков и орудий. Благодаря этому танковые части и артиллерия без задержки преодолели реку. Плацдарм на ее западном берегу был не только удержан, но и расширен.

21 августа командующий 53-й армией приказал механизированному корпусу, продвигавшемуся от Пересечного в западном направлении, повернуть фронт наступления на юг, овладеть районом Люботин, Коротич и отрезать пути отхода противника на запад.

Перегруппировка войск корпуса проводилась под огнем противника, который продолжал занимать высоты западнее Пересечной. Это сильно затрудняло перемещение войск на новое направление.

Три дня мы ожесточенно боролись с противником, который выдвинул мощный танковый заслон против наших войск. Особенно прочно враг занимал высоты севернее станций Люботин, Коротич. На этом рубеже гитлеровцы сосредоточили большое количество огнеметов.

Несмотря на сильное сопротивление врага, к утру 22 августа бригады корпуса вышли к шоссе Харьков — станция Люботин. Но дальше продвинуться не смогли. Правда, одной танковой роте все же удалось прорваться в Коротич. Однако остальные силы не сумели своевременно

использовать этот успех, и танковая рота оказалась в очень тяжелом положении. Она вынуждена была сражаться в тылу врага, пока не были выведены из строя все танки.

В ходе боев за Харьков начиная с дальних подступов немецко-фашистские войска оказывали нам упорное сопротивление на заранее подготовленных рубежах и предпринимали множество контратак пехотой и тяжелыми танками «тигр», усиленными самоходными орудиями «фердинанд». Сильно изрытая оврагами местность затрудняла маневр наступающих советских войск, облегчала положение противника.

Однако какие усилия ни предпринимали гитлеровцы, чтобы удержать в своих руках Харьков и Харьковский район, им этого сделать не удалось. Войска Степного фронта во взаимодействии с другими фронтами разгромили врага и очистили от фашистской нечисти большую территорию Советской Украины. Ночным штурмом к утру 23 августа был освобожден и Харьков — вторая столица Украины.

Больше двух недель с 6 по 23 августа наш механизированный корпус вел непрерывные бои на подступах к Харькову. За это время мы прошли около 100 километров и освободили от немецко-фашистских захватчиков 80 населенных пунктов. Войска корпуса нанесли гитлеровцам большие потери: уничтожили 132 танка и самоходно-артиллерийских орудия, 10 бронемашин, 35 артиллерийских и минометных батарей, 12 противотанковых орудий, 240 пулеметов, 36 самолетов, 151 автомашину, 58 мотоциклов, разрушили 24 дзота, убили 8211 гитлеровских солдат и офицеров, взяли в плен 580.

В боях за Харьков многие подразделения и воины нашего соединения показали высокие образцы мужества и отваги. Весь личный состав корпуса, как и каждый воин фронта, был охвачен высоким наступательным порывом. На мой взгляд, очень удачно подметила это корпусная газета «В бой за Родину», где в те дни было напечатано такое четверостишие:

Пересей дороги атакой,
Врагу не дай подняться опять!
Каждая роща, каждая хата,
Каждое поле зовут: «Наступать!»

В простой, непритязательной форме стихи выражали главное — стремление всего личного состава корпуса беспощадно громить врага, чтобы как можно быстрее очистить любимую Родину от фашистских захватчиков.

После освобождения Харькова корпус продолжал успешно громить врага. Мы стремительно продвигались к Днепру.

В. В. СЕМАКОВ

Бывший заведующий военным отделом
Харьковского областного комитета партии

ОСВОБОЖДЕННЫЙ НАВСЕГДА!

Доблестные части Красной Армии дважды освобождали Харьков от немецко-фашистских оккупантов — 16 февраля и 23 августа 1943 года. Оба раза я был в городе с первых дней его освобождения. То были незабываемые дни. Думаю, что воспоминания о них заинтересуют читателей, особенно молодых харьковчан.

До Великой Отечественной войны я работал первым секретарем Харьковского сельского райкома партии. В октябре 1941 года, когда нависла угроза захвата Харькова немецко-фашистскими войсками, я вынужден был эвакуироваться. Работал в Москве.

Наступил 1943 год. Красная Армия разгромила немцев на Волге, быстро очищала Советскую землю от чужеземных захватчиков. Наступление наших частей было настолько стремительным, что уже к началу февраля оккупанты были изгнаны из ряда районов Украины.

9 февраля мне позвонили из ЦК КП(б)У, который в то время находился в Москве, и предложили приготовиться к отъезду в родные места. А 11 февраля вместе с большой группой партийных и советских работников Украины я уже выехал специальным поездом из Москвы на Украину.

Среди пассажиров поезда были руководящие работники центрального

республиканского аппарата и разных областей Украины. Наша харьковская группа насчитывала всего 27 человек: секретари обкома партии тт. Епишев, Петров, Лебедь, заведующий отделом пропаганды тов. Назаренко, секретари горкома партии тт. Чураев, Смирнов, зав. отделом пропаганды тов. Пинчук, несколько секретарей райкомов партии и другие работники партийного и советского аппарата.

Поезд продвигался очень медленно. Проехали разрушенный и еще безлюдный Воронеж, словно вымершие Лиски, полусожженный и полуразрушенный Острогожск. 16 февраля, будучи в пути, мы узнали по радио об освобождении Харькова. Радости нашей не было границ. Наконец, 17 февраля прибыли на станцию Купянск-Узловая. Дальше поезда не ходили, так как еще не восстановили мосты и не был перешит железнодорожный путь с немецкого на наш.

Наконец мы прибыли грузовой автомашиной в Харьков. С чувством глубокого волнения въезжали мы в родной город, который находился полтора года под пятой немецко-фашистских оккупантов. Трудно передать словами то, что мы увидели. Куда ни глянь — всюду грязь и запустение, сожженные и разрушенные дома, груды щебня и кирпича. Снег на улицах не убирался всю зиму, пройти можно было лишь по узким протоптанным тропинкам.

Возле здания городского Совета, сожженного захватчиками, нашу машину окружила большая толпа горожан.

— Откуда, товарищи? — спросил кто-то.

— Из Москвы.

— Цела ли Москва? Где сейчас правительство? Жив ли Калинин? Воюем ли мы с Японией? Что слышно насчет второго фронта? Что будет с теми, кто увезен в Германию? — забросали нас вопросами.

Толпа росла. Вскоре тут возник стихийный митинг. Мы по очереди выступали, рассказывали о текущем моменте, о советской действительности. Очень кстати пришлись захваченные нами газеты, журналы и кой-какая литература. Раздали их тут же собравшимся.

В память врезался и такой эпизод того волнующего дня. Какая-то старушка, пробившись сквозь толпу, подошла к нашей машине и дрожащей рукой протянула мне пачку папирос. Это был не обычный подарок... Подумать только, более полутора лет сохраняла старушка нераспечатанной заветную довоенную пачку папирос «Харьков» с изображением главного почтамта. Такое внимание тронуло нас до слез.

Вечерело. Над городом быстро сгущались сумерки. Нигде не увидишь ни одного освещенного окна, ни одного зажженного фонаря на улицах. Не встретишь одинокого прохожего. Город словно вымер.

Обком партии разместился в небольшом одноэтажном домике по улице Фрунзе, возле политехнического института, где до войны располагался детский сад. В период немецко-фашистской оккупации этот особняк зани-

мал какой-то крупный фашистский чиновник, поэтому здание довольно хорошо сохранилось. В ту же ночь состоялось заседание бюро обкома партии, на котором был намечен план работы.

Я получил назначение исполнять обязанности секретаря Дзержинского райкома партии и председателя райисполкома. Никаких помощников мне не дали. Их надо было находить самому.

С чего же начинать? Как укомплектовать аппарат райкома партии и райисполкома?

Времени для размышлений не было. Нужно было действовать, поднимать народ на строительство оборонительных рубежей вокруг города, восстановление городского хозяйства, организовать помощь армии.

На второй день ко мне, в райком партии, разместившийся в доме табачников возле Госпрома, буквально валом повалил народ. Приходили разные люди: рабочие и служащие, инженеры и врачи, учителя и домохозяйки. Они предлагали свои услуги, требовали работы. Разбираться подробно в деловых качествах каждого из них не было времени. Подходя к каждому посетителю чисто интуитивно, я после краткой беседы тут же назначал его на работу. За сравнительно короткий срок укомплектовал таким образом отделы райисполкома: жилищный, коммунальный, народного образования, здравоохранения, торговый и даже финансовый.

Познакомился с состоянием хозяйства в районе. Картина была безотрадной. Много домов было разрушено до основания, в чудом уцелевших выбиты стекла, рамы, двери, выломан паркет, который, видимо, пошел на топку.

В жилых квартирах обогревались железными печками или наскоро слепленными на паркете кирпичными плитками. Коноти и грязи хоть отбавляй. Водопровод не работал, об электрическом освещении нечего и говорить. Большинство школьных и институтских зданий фашисты или разрушили или привели в негодность.

Несмотря на это, ценой больших усилий нам удалось в течение нескольких дней открыть в районе пять школ, несколько детских садов и яслей, оборудовать три госпиталя для раненых бойцов Красной Армии. Начали работать даже две столовые, хотя никакого централизованного снабжения продуктами, конечно, еще не было. Быстро шло восстановление завода маркшейдерских инструментов.

Из эвакуации в город прибывали все новые группы людей. Дело пошло веселее. Работы по восстановлению разрушенного хозяйства расширялись. Но, странное дело, в городе почти не прекращалась стрельба, которая к ночи обыкновенно усиливалась. Сейчас трудно сказать, кто стрелял. Оружия можно было тогда достать сколько угодно. Но до нас доходили слухи, что в городе неспокойно, что обнаружены отдельные спрятавшиеся немецкие автоматчики. Собственно, так оно и было в действи-

тельности. Враг находился близко, в город просачивались шпионы и диверсанты. Агентура врага распространяла среди населения провокационные слухи. Это создавало напряженность, сковывало активность жителей.

Работать и жить приходилось в сложных условиях. Помню, 8 марта, в Международный женский день, в театре оперы и балета было организовано торжественное заседание, на котором присутствовали товарищи Хрущев, Корниец, Гречуха, Корнейчук и другие видные партийные и советские работники. Заседание проходило днем. Во время его работы немцы начали бомбежку города. Немецкие бомбардировщики группами по девять «юнкерсов» заходили со стороны Шатиловки и обрушивали свой смертоносный груз на центр города...

Положение было чрезвычайно напряженным. Накануне Совинформбюро передало, что немцы, сосредоточив на узком участке фронта до 27 дивизий, в том числе 12 танковых, перешли в контрнаступление и заняли Красноград, Лозовую и ряд других районов Харьковской области. Над Харьковом снова нависла угроза. Было получено указание начать эвакуацию. Тысячи харьковчан уходили из города, не желая второй раз оставаться на оккупированной территории.

Мы еще оставались в городе. Однако теперь приходилось в целях конспирации менять место своего нахождения. Обком партии перебрался в бомбоубежище под домом «Саламандра» по Сумской улице. Связь с обкомом поддерживалась через специальных посыльных.

В ночь на 10 марта мы все собрались в обкоме партии. Обстановка была тревожной. Всю ночь фашисты бомбили город, кругом полыхали пожары. 10 марта я с группой товарищей находились в бомбоубежище под Госпромом. Связной, посланный мной в обком партии, возвратился и сообщил, что в «Саламандре» обкома уже нет. Нужно было решать, как быть дальше. Чтобы сориентироваться в обстановке, я вышел на площадь. Обратил внимание на усилившуюся стрельбу в стороне парка культуры и отдыха имени Горького. Вниз по Сумской улице бежали люди. Я пересек под углом площадь Дзержинского и стал подходить к Сумской. Немецкие бомбардировщики в это время усилили бомбежку района заводов и Московской улицы. Находясь во дворе ветеринарного института, я размышлял, что же предпринимать.

Внезапно три немецких танка, стреляя на ходу, с автоматчиками на броне, пронеслись вниз по Сумской улице. Воспользовавшись наступившей темнотой, я перебежал Сумскую, вышел на улицу Гиршмана и дальше по улице Красина спустился к реке. Кое-как перебрался на ту сторону реки, направился в район заводов. В сторону ХТЗ двигались воинские части и гражданское население. Справа и слева полыхало зарево пожаров. В районе селекционной станции я еще раз оглянулся на Харьков. Над городом стояло зловещее зарево, слышались разрывы бомб, грохот ору-

дийных выстрелов. Трудно передать чувства горечи и злобы к врагу, которые наполняли тогда мое сердце.

До Чугуева двигались под непрерывной бомбежкой врага. Утром 11 марта прибыл в Чугуев, где уже собрались все работники обкома партии, секретари некоторых райкомов. Здесь сосредоточилось много военной техники и воинских частей. Немцы обрушили на Чугуев бомбовой удар огромной силы. Бомбежка продолжалась непрерывно с вечера 11 марта до 9 часов утра 12 марта. Центр города был разрушен до основания, но мост через реку Северный Донец каким-то чудом уцелел. Наши части переправились на другую сторону реки и заняли прочную оборону по Северному Донцу, которую немецко-фашистские полчища так и не смогли сломить.

* * *

После захвата немцами Харькова в марте 1943 года Харьковский обком и горком партии, а также областные советские учреждения переместились в Купянск и сразу же развернули большую работу по восстановлению хозяйства в освобожденных районах и оказанию помощи частям Красной Армии. В то время мы располагали сравнительно большой территорией Харьковской области, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. В нее входили Шевченковский, Купянский, Двуречанский, Ольховатский, Боровской, Велико-Бурлуцкий районы и часть районов Чугуевского, Изюмского, Балаклеевского, Змиевского, Старосалтовского, Печенежского и Савинского.

Наступила весна. Можно ли организованно провести посевную кампанию, если нет ни тракторов, ни лошадей, ни семян, а в деревнях остались только женщины да дети. Жизнь ответила на этот вопрос утвердительно. Посевная была проведена. Семена собирали буквально по килограммам у колхозников, как тягловую силу использовали коров. В чрезвычайно трудных условиях матери и жены солдат, их дети еще раз доказали, что они сто́ят своих мужей и отцов — бесстрашных воинов.

Вскоре я получил новое назначение — заведующим военным отделом обкома партии. В мою обязанность входило оказывать всемерное содействие воинским частям в строительстве фортификационных сооружений, мобилизуя для этого гражданское население. Основная связь у меня установилась с командованием 57-й армии, которая занимала участок фронта Волчанск — Чугуев. Командовал ею генерал-лейтенант Гагин, начальником штаба армии был генерал-майор Карпухин. Армия тщательно готовилась к прыжку через Северный Донец. С каждым днем наши части пополнялись новой боевой техникой.

Только я, что называется, освоился с новыми обязанностями, как вдруг в начале августа получил указание связаться с Военным советом 7-й

гвардейской армии. В обкоме партии мне предложили немедленно следовать в распоряжение члена Военного совета этой армии генерал-майора З. Т. Сердюка и захватить с собой бригады московских корреспондентов «Последних известий» и Всесоюзного радиокомитета, прибывших в Купянск.

Я не мог, конечно, знать тогда истинной цели этой поездки. Но, как впоследствии выяснилось, перед армией, в которую я выехал, была поставлена задача овладеть Харьковом, тогда как роль 57-й армии сводилась к тому, чтобы сковывать силы противника. Следовательно, части 7-й армии должны были раньше других ворваться в Харьков. А так как исторические события битвы за Харьков и первые дни в освобожденном городе следовало запечатлеть на магнитофонную ленту и кинопленку, то меня, как хорошо знающего все дороги к Харькову и сам город, командировали сопровождать московскую бригаду корреспондентов.

По пути в 7-ю гвардейскую армию мы побывали в нескольких авиационных частях, наносивших в те дни удары по врагу с воздуха: в полках штурмовиков майора Володина, у истребителей Героя Советского Союза майора Меркушева. Здесь мы узнали, что немцы уже давно приступили к эвакуации города и теперь наши летчики бомбят отступающего противника в районах Ольшан и Люботина.

Штаб армии, куда мы следовали, находился в селе Веселом. Добираясь до него, переправились на правый берег Донца, вступили на территорию, недавно освобожденную от немецко-фашистских оккупантов. Первое селение, в которое вошли за Донцом, была деревня Избицкое. От этой деревни остались только груды кирпича да торчащие кое-где обгорелые трубы. Все заросло высоким бурьяном. Ни одного жителя не осталось здесь.

Наконец добрались до села Веселого. Оно находилось от переднего края наших частей километрах в шестнадцати. Член Военного совета генерал-майор З. Т. Сердюк, которого я знал еще раньше, когда он был первым секретарем Киевского обкома партии, принял нас очень тепло.

Вскоре мы перебазировались в район села Циркуны. Отсюда уже виден был Харьков. Над ним высоко поднимался черный дым пожарищ, и по ночам стояло багровое зарево.

22 августа к нам на минуту заехал генерал-майор Сердюк и сказал: «Готовьтесь, завтра будем в Харькове». Всю ночь на 23 августа не смолкал грохот боя. В 4 часа ночи наши части овладели Померками, Сокольниками, Большой Даниловкой, Алексеевкой, районом лесопарка, Журавлевкой, захватили Шатиловку и вышли на площадь Дзержинского.

В 14 часов 23 августа мы со стороны Циркунов въехали в Харьков. Бой продолжался где-то на восточной и юго-восточной окраинах города. Но это был уже не тот Харьков, какой мы видели в феврале и марте. За 5 месяцев пребывания в нем фашисты еще больше разрушили его. Они сожгли и взорвали сотни лучших зданий, дочиста ограбили город, увезли

даже трамвайные рельсы и троллейбусные провода, прихватили с собой мебель, оборудование магазинов, столовых, даже дрова.

Гитлеровцы дополнительно угнали на принудительную работу в Германию пятьдесят тысяч человек. Десятки тысяч харьковчан были расстреляны и повешены. На территории клинического городка, где находился военный госпиталь, фашистские изверги уничтожили 41 раненого командира Красной Армии, а около 400 раненых красноармейцев сожгли живьем вместе с одним из корпусов окружного военного госпиталя.

Но и этих зверств немецко-фашистским варварам оказалось мало. Они разграбили и сожгли исторический музей и картинную галерею. Взорвали и уничтожили гордость харьковчан — Дворец пионеров, гостиницы «Интернационал», «Красная», «Спартак», «Астория», здания военной академии, аэроклуба, обкома партии, Дома проектов, почтамта, железнодорожного вокзала. Из 33 институтов полностью были разрушены 28. Развалины стояли на месте крупных заводов и фабрик, электростанции, лучших больниц и поликлиник. Скверы и бульвары были частично вырублены и запущены. Заросли бурьяном трамвайные линии. Даже на площади Дзержинского в трещинах асфальта пророс бурьян. Были выведены из строя водопровод и канализация.

В городе осталось немногим больше 190 тысяч жителей. По далеко не полным данным, фашистские изверги расстреляли, повесили и замучили в концлагерях свыше 60 тысяч харьковчан, около 15 тысяч заморили голодом, свыше 150 тысяч увезли на принудительную работу в Германию.

После освобождения Харькова нашими доблестными воинами немцы еще долго сопротивлялись на ближайших юго-восточных подступах к городу. Они закреплялись по реке Уды в районе Липовой рощи, Карачевки, поселков Бабаи, Хорошево. Почти неделю немцы обстреливали город из дальнобойных орудий. Только 28 августа они выпустили по району, прилегающему к площади Дзержинского, около 50 снарядов.

Но это были уже жалкие потуги обреченных на гибель. Жизнь в городе, освобожденном навсегда, входила в свою мирную колею. 30 августа в Харькове состоялся грандиозный митинг, посвященный освобождению города от немецко-фашистских захватчиков. На митинге выступил Н. С. Хрущев.

* * *

Еще гремели залпы орудий в предместьях, еще с адским грохотом падали немецкие снаряды и бомбы, а в городе уже полным ходом развернулись восстановительные работы.

Казалось, потребуются десятки лет, чтобы залечить тяжелые раны, нанесенные немецко-фашистскими захватчиками. Но на восстановление города вышло буквально все население от мала до велика. Прежде всего

нужно было освободить улицы от завалов разрушенных зданий, построить временные мосты через реки Харьков и Лопань, расчистить железнодорожный узел и подготовить его к приему поездов. Одновременно нужно было решить проблему снабжения жителей продовольствием. Временно была разрешена частная торговля. Открылись мелкие закусочные, буфеты, ларьки.

При активной помощи населения партийные органы успешно решали все эти задачи.

25 августа начала выходить областная газета «Соціалістична Харківщина». А уже 26 августа в некоторые областные и городские учреждения был дан электрический свет от прибывшего энергопоезда. В Харьков приехали правительственные республиканские учреждения — Совнарком, ЦК КП(б)У, наркоматы. 30 августа уже работали несколько государственных столовых и 6 кинотеатров, по городу были установлены громкоговорители. Впервые после долгого молчания харьковчане снова услышали голос родной Москвы. К 1 сентября было восстановлено железнодорожное движение Харьков — Москва через Белгород. Харьков начал получать из центральных областей продовольствие, строительные материалы. Открылись государственные магазины. 1 сентября в 50 школах Харькова начались занятия.

Интересы фронта требовали быстрейшего восстановления промышленности. Харьковчане хорошо понимали это. Уже во второй половине сентября заводы велосипедный, «Свет шахтера» и некоторые другие приняли заказы фронта. 28 ноября вступила в строй первая харьковская электростанция. 29 ноября по городу пошел первый трамвай: Не прошло и года, на ХТЗ, разрушенном гитлеровцами до основания, была дана первая плавка стали, «Серп и молот» снова начал выпускать молотилки марки МК-1100, электромеханический завод дал первые после освобождения электромоторы. Начали выпускать продукцию и многие другие заводы. За один год было восстановлено свыше 300 предприятий города.

Харьковчане явились инициаторами ценного патриотического движения тех дней — движения добровольческих восстановительных бригад, действующих под лозунгом: «Любите свой город, восстанавливайте его своими силами». Этот почин был подхвачен и в других городах Украины.

Восстановление Харькова еще раз наглядно показало всему миру, на что способны советские люди, глубоко любящие свою Родину, родную Коммунистическую партию.

М. Х. ГОЛЬБЕРТ

Бывший командир взвода
93-й гвардейской Харьковской дивизии,
гвардии старший сержант, ныне пенсионер

ЗНАМЯ НА ЗАВОДСКОЙ ТРУБЕ

Советские войска взяли Белгород! А вот нашим стал и первый населенный пункт родной Харьковщины — Липцы. Фашистская погань вынуждена отступать с временно оккупированной территории. Все ближе и ближе двигаемся ко второй столице Украины — индустриальному Харькову.

Надо ли говорить, какую огромную радость испытывали мы, ступив ногой на родную украинскую землю! Громя гитлеровцев, наши войска захватили большие военные трофеи. Но самым радостным впечатлением для нас были встречи с населением. Крепкие объятия, улыбки, слезы. Скромные по времени войны угощения были для солдат дороже самых изысканных блюд. Ведь несколько помидоров или, скажем, огурцов давали от чистого сердца. Люди делились последним, а попробуй, было, отказаться...

Вспоминаются бои за Циркуны. Это была упорная и ожесточенная схватка. Сражение длилось 10—12 часов. Немцы не смогли устоять перед наступательным порывом советских бойцов и, понеся большие потери, вынуждены были откатиться назад.

Короток солдатский отдых. Получив небольшое пополнение, продолжаем продвигаться в сторону Харькова.

На всю жизнь мне запомнилось 14 августа. В этот день меня вызвал к себе командир полка майор Рудик. Иду к нему опушкой леса и вижу батарею «катюш». Возле них командир батареи. Он стоит с картой в руках перед прибором. Догадываюсь: готовится наступление на Харьков. Оказалось, действительно, артиллеристы готовились вести обстрел городского парка имени Горького, где закрепились гитлеровцы.

Был яркий, солнечный день. Харьков был виден как на ладони. Командир батареи «катюш», узнав, что я местный житель, попросил уточнить координаты. Я охотно выполнил его просьбу. Чтобы убедиться в правильности моей корректировки, командир вызвал машину на линию огня и послал один снаряд в направлении цели. Вскоре самолет-разведчик доложил, что снаряд лег в центр парка. Командир батареи поблагодарил меня за помощь, и я направился дальше. На командный пункт к командиру полка, несмотря на непредвиденную задержку в пути, явился своевременно. Как и положено, доложил о прибытии. Зачем меня вызывали, я мог строить только предположения: на войне бывают всякие неожиданности. Но то, что я услыхал, превзошло все мои ожидания. Командир полка доверил моему взводу водрузить победоносное красное знамя над родным Харьковом. Бойцы с радостью стали тщательно готовиться к выполнению почетного боевого задания. Не помню точно — 15 или 16 августа командир полка созвал всех командиров батальонов и меня для точного указания на местности объекта атаки. Когда мы подползли под огнем противника на территорию кирпичного завода, занятого гитлеровцами, командир полка приподнялся, чтобы показать объект. Это стоило ему жизни. Его убило осколком разорвавшегося снаряда. Это была вторая тяжелая утрата: в этот день погиб и начальник дивизионной разведки Васильев. Фашисты вели по нас огонь из самоходной установки, замаскированной между трубой и печью, с расстояния 150—200 метров. В минуту затишья мы вынесли тело командира полка из зоны обстрела и перенесли его в село Русские Тишки. Не успели дойти до санитарной роты, как немцы начали обстреливать население. Домик, в котором помещалась санрота, был разрушен прямым попаданием.

Мы похоронили майора Рудика в селе Циркуны. Смерть любимого командира еще больше сплотила бойцов, усилила их наступательный порыв. Бойцы горели желанием поскорее освободить простиравшийся перед ними город.

21 августа 1943 года был отдан приказ: штурмовать Харьков со всех сторон.

Наш взвод хорошо понял свою задачу и без промедления приступил к ее выполнению. Подготовив ручной пулемет, знамя и древко, мы поползли к кирпичному заводу. Немцы сильно обстреливали нас, но, несмотря на это, нам удалось ползком пробраться к сушилке кирпичного завода. Здесь разделились на две группы. Первая группа, в состав которой входил

и я, с пулеметом проскочила к трансформаторной будке. Вторая группа по сушилке пробиралась к трубе. Ракеты освещали всю территорию завода. Мы отвлекали внимание фашистов пулеметным огнем, давая возможность товарищам идти вперед. При поддержке артиллерии, которая била по территории завода и вокруг него, вторая группа продвинулась до трубы.

Наша группа тоже под ураганным огнем подползла к трубе. Все время территория завода обстреливалась как фашистами, так и с нашей стороны. Добравшись, наконец, до трубы, мы установили, что наружных скоб нет. Разыскали ход в подвал, через который можно было пролезть в трубу.

Первым спустили в подвал на связанных поясах тов. Химченко. Прошло совсем немного времени и мы услыхали пулеметную очередь и звук падающего тела. Вторым полез сибиряк Васильев. Он появился на верхушке трубы, но тут и его срезала пулеметная очередь. Третьим просится идти подносчик дисков. Но я отдаю ему пулемет и спускаюсь в подвал сам. Взял у убитого бойца знамя, нашел выход в трубу. На ощупь нашел скобы и полез вверх все выше и выше, со скобы на скобу. Добрался до предпоследней скобы и подумал, что если стать на последнюю скобу, то я буду выше трубы. Пришлось продеть ногу в предпоследнюю скобу, а второй упереться в нижнюю. На самую верхнюю скобу хотел прикрепить древко флага, но на нем не оказалось тренчика. Долго не раздумывал: снял пояс и с его помощью прикрепил знамя.

Итак, над трубой кирпичного завода вновь развевается красное знамя. Это было на рассвете 22 августа 1943 года.

Спустившись с трубы в подвал, я подобрал погибших товарищей и на поясах подал их вверх. Когда вышел из подвала, территория завода была полностью нашей. Здесь мы и похоронили двух погибших товарищей. К вечеру 22 августа наши подразделения освободили Б. Даниловку, достигли кожзавода. Дальнейшее продвижение затруднялось, ибо немцы заняли выгодные высоты. За кожзаводом они заминировали противотанковыми и противопехотными минами ров. Пока работали минеры, наши бойцы успели сделать на заборах и стенах зданий, освобожденных от врага, памятные надписи: «Здесь проходили тихомировцы».

Под сильным огнем гитлеровцев минеры разминировали проходы для пехоты. Артиллерия выбивала противника с высот. Наконец и из рва убраны мины. Пехота рванулась вперед и попла в наступление вдоль Журавлевки. Шли по улицам Пушкинской, Артема, Чернышевской.

Когда вышли на улицу Артема, я не мог не забежать к себе домой вместе со своими товарищами. Это было 23 августа 1943 года под утро.

Во дворе увидел соседей, которые вышли из убежищ. Первыми меня встретили с распростертыми объятиями тт. Певная, Лашкина, Болтрушка и другие. Вид у меня был, видимо, не лучше, чем у трубочиста, ибо мои соседи по квартире, несмотря на то, что в городе не было воды, раздобыли несколько ведер и заставили меня умыться и привести себя в порядок.

У себя в квартире я застал столы с остатками еды — там была немецкая кухня. Совсем недолго побыл я дома. Попрощался с соседями и пошел вместе с бойцами добивать врага.

Под сильным артиллерийским обстрелом фашистов наш полк шел все дальше по Пушкинской, Артема и Чернышевской. Продвигаясь вперед, мы дошли до сквера «Победа». Дальше идти я уже не смог. Осколком разорвавшегося снаряда я был тяжело ранен и попал в госпиталь.

Много нелегких фронтовых дорог пришлось мне пройти до окончания Великой Отечественной войны. Многие события навсегда остались в памяти. Но воспоминание о знамени на заводской трубе, при водружении которого во всю силу проявилось мужество и бесстрашие моих боевых товарищей, живет в моей памяти, как одно из самых ярких.

А. И. ШИШЛЯННИКОВ

Полковник запаса,
бывший начальник политотдела
116-й Харьковской стрелковой дивизии

ШТУРМОВЫЕ ГРУППЫ

В апреле 1943 года после завершения битвы на Волге нашу дивизию перебросили на Белгородско-Курское направление. В составе Степного фронта наше соединение получило пополнение. Это были бойцы и офицеры, вернувшиеся после излечения из госпиталей. У них был уже богатый опыт боев с немецко-фашистскими захватчиками в самых различных условиях.

Командиры и политработники со всей тщательностью изучали состав пополнения. Они беседовали с каждым бойцом. Большую роль в воспитательной работе, подготовке к грядущим боям сыграли дивизионная многотиражка и боевые листки. Личный состав прошел сложный курс обучения под огневым валом во взаимодействии с авиацией, танками. Подразделения были усилены противотанковыми ружьями, батальонной артиллерией, группами автоматчиков. В последних числах июля разведчики 656-го стрелкового полка ефрейторы Сидоренко и Ковалев, рядовой Рахимбаев захватили в плен «языка» — немецкого офицера. От него получены были важные сведения. Выяснить обстановку помогла и разведка боем. И вот дивизия у исходных рубежей. Через несколько дней во взаимодействии с соседями мы завязали бой на подступах к Белгороду.

После взятия этого города дивизия вела успешные наступательные бои. Не прошло и двух суток, а мы уже продвинулись на 23 километра и овладели рядом населенных пунктов. Впереди Харьков, жаркие сражения за освобождение второй столицы Украины.

По указанию командующего Степным фронтом мне приказано было сформировать три-четыре штурмовые группы, способные вести бои на улицах, в домах. Эти группы затем свели в отдельный стрелковый батальон. Его обеспечили противотанковыми ружьями, гранатами, ручными пулеметами и автоматами. Храбро действовали бойцы этих групп. Половина из них были коммунисты и комсомольцы. Большую политическую работу в батальоне провел заместитель начальника политотдела майор Слива.

Организация штурмовых групп себя оправдала, как и на Волге. Батальон справился с задачей. Вместе со стрелковыми полками мы выполнили приказ об освобождении Харькова. За успешные действия, за мужество и отвагу многие бойцы и командиры дивизии удостоены были высоких наград — орденов и медалей СССР.

После освобождения Харькова наша дивизия продолжала успешное наступление и вела бои до окончательного разгрома немецко-фашистской Германии.

А. Ф. КОЗИНСКИЙ
Полковник запаса

ПО ТЫЛАМ ВРАГА

В январе 1943 года Воронежский фронт вел наступательные бои от реки Дон до Оскола. Сбивая вражеские заслоны, наша 201-я танковая бригада во взаимодействии с 7-м кавалерийским корпусом уничтожала гарнизоны противника и его резервы, подходившие к фронту. В тяжелых зимних условиях бригада в течение пяти суток прошла с боями по тылам врага более 200 километров, обеспечивая левый фланг южной ударной группировки Воронежского фронта. На рассвете 19 января мы овладели железнодорожным узлом и городом Валуйки и тем самым образовали по реке Оскол от Волоконовки до Уразово внешний фронт окружения россошанской и алексеевской группировок гитлеровских войск. К концу января было закончено их уничтожение.

Шла усиленная подготовка к наступлению на Харьков. В то время я исполнял обязанности заместителя командира 201-й танковой бригады. Командовал ею уроженец Дона полковник Иван Афиногенович Таранов. В конце января его вызвали к командиру кавалерийского соединения. Мы понимали, что это не было случайным, и поэтому я распорядился собрать всех командиров частей в штаб. Через час возвратился Таранов и поставил задачу — готовить бригаду к маршу в направлении Двуречной.

Все разошлись, а у комбрига остались я и начальник политотдела подполковник Александр Акимович Черкасов.

— Мы идем с кавалерийским корпусом в новый рейд,— сказал Таранов. Развернув карту, он провел по ней карандашом от Валуек до Мерефы.— Размах большой, нелегко будет. Нужно довести задачу до сознания каждого бойца и командира и мобилизовать их на выполнение боевого приказа.

Днем мы провели в частях партсобрания, а вечером перед выступлением на марш — митинг. Из выступлений бойцов и командиров можно было сделать вывод о высоком наступательном порыве. Танкисты, воодушевленные удачным январским рейдом до Валуек, были уверены в своих силах при наступлении на Харьков.

Уже вечером 31 января бригада шла в передовом отряде 6-го гвардейского кавалерийского корпуса в направлении Двуречной. Сгущались сумерки, быстро переходили в ночь. Алмазная россыпь звезд покрывала все небо. Крепчал мороз. Поскрипывал снег под ногами бойцов. По обочинам дороги поэскадронно проходила конница.

Пройдя более 40 километров в глубь вражеской обороны, уничтожая на своем пути мелкие гарнизоны и отходящие немецкие части, наша бригада на рассвете 3 февраля сосредоточилась в районе Ленинки (25 километров северо-западнее Купянска), ведя разведку и подготовку к форсированию реки Бурлук.

Днем командир 6-го гвардейского корпуса генерал-майор С. В. Соколов вызвал к себе полковника Таранова и сказал:

— Нам приказано совершить большой марш-рейд по тылам противника, этим парализовать его сопротивление и обеспечить продвижение главных сил 3-й танковой армии к реке Северный Донец.

Бригаде предстояло в условиях бездорожья, по глубокому снегу при 25-градусном морозе пройти 50 километров по тылам противника и сосредоточиться на юго-западной окраине Андреевки. Сплошного фронта в то время не было. В основном шла борьба за дороги и крупные населенные пункты. Стремясь снизить темп продвижения наших войск, враг сильными арьергардами организовывал оборону опорных пунктов, расположенных на направлениях вероятного наступления бригады и кавалерийского корпуса.

5 февраля бригада овладела Волчьим Яром (севернее Балаклеи) и ст. Шебелинка, а на второй день завязала тяжелый и ожесточенный бой за Андреевку и переправу через Северный Донец. Предстояло разгромить крупный гарнизон противника, усиленный танками и артиллерией. Командир бригады понимал, что с ходу и в лоб Андреевку нельзя взять. Тогда он применил свой излюбленный прием. Частью сил сковал противника с фронта, а главными силами во взаимодействии со спешенной конницей обошел Андреевку с запада, отрезал пути отхода противника на Змиев,

а затем стал наносить удары одновременно с севера и запада. Боясь окружения, враг начал отходить по льду реки. Танки настигали его и в упор расстреливали.

В этих боях смело и решительно действовали танкисты. Рота капитана Новикова первой ворвалась в район противотанковой обороны противника и разрезала ее на две части, уничтожив при этом 6 танков, 4 броневика, 3 пушки и около сотни гитлеровцев. Рота лейтенанта Кожара обошла Андреевку с юго-востока, первой вышла к переправам реки, сожгла три танка противника, создав пробку перед переправами. Лейтенант Сапорин со своими танкистами занял на высоком берегу реки выгодные позиции, огнем с места расстреливал танки и отходившую пехоту. Лейтенант Осипов обошел Андреевку с запада и создал видимость окружения, ведя огонь по отступающим немцам.

После захвата Андреевки и форсирования р. Северного Донца 201-я танковая бригада и 6-й гвардейский кавалерийский корпус вышли на оперативный простор и приступили к осуществлению обходного маневра в направлении Алексеевское — Охочее — Новая Водолага — Люботин.

Всю ночь бригада продвигалась на юго-запад, а утром 8 февраля овладела Верхним Бишкином. Воспользовавшись успехом бригады, генерал С. В. Соколов двинул на юг главные силы кавалерийского корпуса и к исходу дня перерезал шоссейную дорогу и железнодорожную магистраль Лозовая — Харьков. Сбивая заслоны противника и уничтожая на своем пути мелкие гарнизоны, танкисты во взаимодействии с кавалеристами развивали достигнутый успех, обеспечивали выход передовых частей кавалерийского корпуса к Мерефе, а главными силами корпуса — в район Рябухино — Тарановка. Наш выход в этот район завершал обход Харькова с юга и создавал угрозу путям отхода харьковской группировке противника на юго-запад. Мы знали, что части 40-й армии успешно продвигались со стороны Белгорода в обход Харькова с запада. С ними и нужно было соединиться в районе Люботина.

Немецкое командование, видимо, поняло, в чем заключается смысл выхода кавалерийского корпуса и танковой бригады в этот район, и перебросило навстречу нам с рубежа реки Северный Донец главные силы танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» в район западнее Мерефы, начало спешно перехватывать танками и мотопехотой переправы через реку Мжу. Обойдя мерефянский узел сопротивления с юга, наша бригада к 7.00 12 февраля сосредоточилась на северной окраине Новой Водолаги, прикрыв главные силы кавалерийского корпуса, которые выходили на рубеж реки Мжи, западнее Мерефы.

Противник пытался воспрепятствовать выходу корпуса в район Люботина. Несмотря на ненастную погоду, вражеская авиация подвергала ударам с воздуха наши боевые порядки. Танкисты и артиллеристы в тече-

ние дня отбили шесть вражеских контратак и после каждой противник оставлял на поле боя 7—10 танков и сотни гитлеровцев.

Немецко-фашистское командование подтягивало свежие силы, наращивало новые удары, стремясь не только сохранить свои пути отхода из Харькова в юго-западном направлении, но окружить и уничтожить части кавалерийского корпуса. Он вынужден был втянуться в тяжелые оборонительные бои с немецким танковым корпусом, оттягивал на себя удар, сдерживал его натиск, не допуская контрударов по левому флангу 3-й танковой армии, которая к этому времени форсировала реку Северный Донец и вела бои на ближних подступах к Харькову. Положение танковой бригады и кавалерийского корпуса осложнялось еще и тем, что противник после интенсивной бомбардировки подавил огневые средства прикрытия тылов в районе Рябухино — Тарановка, овладел ими, выйдя при этом передовыми частями на северную окраину В. Береки, отрезал тылы и пути подвоза как танковой бригаде, так и кавалерийскому корпусу.

Учитывая создавшуюся обстановку, было принято решение отвести соединения кавалерийского корпуса в южном направлении, там перегруппироваться, нанести удар противнику во фланг и через его тылы прорваться в район Люботина на соединение с подвижными частями 40-й армии. Танковой бригаде приказывалось прикрыть отход кавалерии, а к утру 13 февраля выйти в район Охочее и организовать круговую оборону.

Противник обнаружил наш отход только утром 13 февраля. Поняв, что мы нависаем над его тылами, вместо преследования приступил к перегруппировке своих сил, а днем начал подтягивать танковые части к Охочее и с ходу бросить их в бой. Своими атаками с севера и юга, а впоследствии с севера и востока враг рассчитывал разрезать нашу оборону на две части, после чего уничтожить бригаду по частям. Наше положение было критическим, однако все вражеские атаки были отбиты мужественными танкистами и артиллеристами. В эту трудную минуту с особой силой сказалась большая сплоченность личного состава бригады. Коммунисты и комсомольцы были на самых трудных и опасных участках боя и своим примером увлекали весь личный состав на подвиги во имя Родины. Парторганизации в этих, казалось, невероятных условиях напряженных боев принимали лучших бойцов и командиров в партию.

Ввиду того, что враг отрезал наши тылы от боевых порядков бригады и кавалерийского корпуса, наше положение все усложнялось. Бездорожье и сильные метели с морозами повысили расход горючего, а доставка его по воздуху на самолетах У-2 не обеспечивала потребности танковой бригады. Мы были ограничены и не могли производить глубокие маневры, а стоять на месте в обороне было опасно и рискованно, так как боеприпасы были уже на исходе.

Весь день 14 февраля бригада отражала вражеские танковые атаки. Полковник Таранов принял решение идти на соединение с кавалерий-

ским корпусом, выслал в передовой отряд танковый батальон под командованием капитана Погребняка, перед которым поставил задачу — во что бы то ни стало пробиться в район Тарановки. Батальон Погребняка сбил заслон и вышел в район х. Первомайского, но попал на танковые засады противника. Завязался ожесточенный бой. В танк Погребняка попало три снаряда. Машина загорелась. Погребняк попытался под огнем врага пересесть в другой танк, но был срезан пулеметной очередью. Командование принял его заместитель майор Мовчан, проявивший большое мужество и героизм. Батальон с ходу атаковал врага, подавил артиллерийские точки, сжег шесть танков и фактически пробил брешь в обороне противника. Полковник Таранов использовал удачный удар батальона, отбил фланговые атаки врага и вывел бригаду из окружения на соединение с кавалерийским корпусом.

В. П. КОСОБОКОВ
Гвардии лейтенант запаса

БОИ ЗА КАЖДУЮ УЛИЦУ И ДОМ

1-й батальон 218-го стрелкового полка 94-й гвардейской дивизии, в котором я служил командиром взвода автоматчиков, был закален в боях на Курской дуге, имел большой опыт не только в оборонительных, но и в наступательных сражениях. Ветераны взвода, прошедшие путь от Волги до Харькова, старший сержант Радченко, сержант Дворов, младшие сержанты Уваров и Ухлин, ефрейтор Карамышев, связисты разведчики Левченко, Малик и Зорькин, автоматчики Мелик-Парсаданов и Абдулаев, старшина Веленкин и многие другие бойцы всегда являлись примером мужества, отваги и находчивости. Одними из первых ворвались они в Харьков.

Наша дивизия наступала с северо-восточной стороны города. Пройдя с боями Большую Даниловку и Циркуны, взвод, которым я командовал, подошел к городу и занял позицию правее кожзавода на Журавлевке. Вспоминается такой случай. Отделению бойцов-автоматчиков старшего сержанта Радченко было приказано произвести разведку огневых точек и установить примерное количество укреплений, прикрывающих подступы к Харькову в нагорном районе. Под покровом ночи 8 бойцов благополучно прошли передовые вражеские позиции и незаметно достигли первых домов города. Старший сержант случайно заглянул в раскрытое окно

пустого дома и при слабом лунном свете увидел там трех немецких солдат и ручной пулемет. Видимо, это было передовое охранение противника. Возникло решение — захватить фашистов врасплох и доставить «языка» в штаб.

Стремительный прыжок в окно, и прежде чем немцы успели опомниться, они уже были прижаты к полу. Им заткнули рты, скрутили назад руки. Когда казалось, что уже все кончено, один из фашистов вскочил на ноги и начал отчаянно сопротивляться. Завязалась острая, хотя и короткая схватка. Однако поднятый шум привлек внимание немцев, находившихся по соседству. Застрекотали пулеметы, глухо отозвался миномет. Обстановка складывалась не из приятных. Отделению угрожало полное окружение и неравный бой.

Старший сержант принимает решение: отвлечь внимание немцев на себя, а отделение вместе с «языком», пользуясь темнотой, пробивается в свое расположение. Радченко устремляется к минометному расчету, забрасывает его гранатами и скрывается в следующем доме. Среди немцев поднялась невообразимая суматоха и паника. Вдруг старший сержант услышал шепот: «Ползите сюда! Здесь есть укрытие». В этот самый момент в дом полетели немецкие гранаты. Раздумывать было некогда. Радченко инстинктивно подался вперед и вдруг увидел перед собой девушку, которая протянула ему руку и увлекла его по узкому проходу, соединяющему дом с сараем. Указав на видневшуюся за сараем копну соломы, она быстро побежала назад по направлению к дому. Отделение вместе с захваченным «языком» и ручным пулеметом благополучно возвратилось в свою часть. Не было только командира. В следующую ночь он появился со стороны боевого охранения. Спустя несколько дней, когда наши части штурмом ворвались на улицы города, в числе первых встречающих была девушка, спасшая жизнь старшему сержанту,— скромная простая харьковчанка Мария Войтенко.

Немцы предпринимали яростные контратаки одну за другой, не считаясь ни с какими потерями в живой силе и технике. Они заранее готовились к уличным боям: все крупные каменные здания, чердаки и подвалы отдельных домов превратили в огневые точки. Многие улицы сплошь заминировали, на крышах домов были посажены пулеметчики, снайперы, гранатометчики. Но никакие укрепления не смогли спасти немецких фашистов от стремительного натиска наших славных советских солдат. Умело используя опыт боев на Волге, наши воины мелкими штурмовыми отрядами проникали в глубь немецкой обороны и с боем овладевали сильно укрепленными пунктами, отбивая у врага буквально каждый дом, каждую улицу.

И вот, когда казалось, что в огне пожарищ горит не только земля, но и небо, и немцы должны были сдать город, обстановка вдруг на некоторое время изменилась. Гитлеровцы предприняли попытку задержать

наше продвижение. Они поспешно сконцентрировали на одной из высоток в юго-восточной части города сильный огневой кулак для контратаки. Но тут вступили в строй наши гвардейские минометы. Они обрушили на голову врага мощный огневой вал и не только ликвидировали скопление противника, но полностью разгромили его. Путь в Харьков был очищен полностью.

Презирая смерть, бойцы рвались вперед и вперед. Отовсюду доносились возгласы «ура!». В едком дыму пожарищ трещали немецкие автоматы, рвались гранаты и снаряды. Порой трудно было разобраться, где фронт, а где тыл. Гвардейские минометы перенесли свой огонь в глубь немецкой обороны, по беспорядочно бежавшим фашистам. Оккупанты, оставшиеся в живых, поспешно, один за одним, с поднятыми руками вылезали из своих укрытий, громко кричали: «Гитлер капут» — и сдавались в плен. Преследуя отступающего в панике врага, наши передовые части без устали гнали его на запад.

Навсегда остался в моей памяти день 30 августа 1943 года. О нем я и хочу сказать несколько слов.

Наша дивизия была выведена во второй эшелон. Мне нужно было побывать в штабе, который накануне разместился в районе Холодной Горы.

На одной из улиц я увидел много людей. Там были военные, принимавшие участие в боях за Харьков, гражданские лица, прибывшие в освобожденный город с новыми, только что вступившими частями, а больше всего жителей города, с радостью встретивших своих освободителей.

Внимание всех было обращено к человеку среднего роста, в военной полевой форме с генеральскими погонами. Это был член Военного совета Воронежского фронта, Секретарь Центрального Комитета КП(б)У Никита Сергеевич Хрущев. Он рассказывал о наших успехах на фронтах, о международной обстановке, говорил о том, что нужно скорее восстановить разрушенное фашистами народное хозяйство, с корнем уничтожить коричневую чуму и добить зверя в его собственной берлоге.

Эти слова звучали как призыв партии и приказ командования. О них я помнил, форсируя Днепр, освобождая с товарищами Варшаву, в боях за Берлин. Их я не забываю и сейчас.

А. И. СЕЛИВАНОВ
Бывший председатель
Харьковского горсовета

СНОВА ЗА ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

Запомнился мне конец дня 21 июня 1941 года. Вместе с большой группой партийных и советских работников я слушал лекцию о международном положении в большом зале обкома партии. После лекции мы еще долго обсуждали волновавший тогда всех вопрос — будет ли война с фашистской Германией. А на рассвете меня разбудил телефонный звонок.

— Началась,— сказал секретарь горкома партии Виктор Михайлович Чураев...

Десятки тысяч харьковчан уходили на фронт. А на смену им приходили женщины, старики. Люди работали не покладая рук, мужественно перенося все трудности и лишения.

Исполком горсовета с первого дня войны начал работу по защите города и его населения от налетов вражеской авиации. Активно действовал городской штаб МПВО. В боевую готовность были приведены инженерно-техническая и санитарная службы, а также службы укрытия населения, оповещения и другие. Срочно оборудовались бомбоубежища, в парках, скверах, во дворах больших домов рылись траншеи и щели. Все эти работы были успешно завершены до налетов вражеской авиации.

Одновременно подготавливались госпитали и помещения для приема населения, пострадавшего от бомбежек. Для этой цели оборудовались

гостиницы, школы, институты. В связи с тем, что городской автотранспорт поступил в распоряжение армии, для доставки раненых с вокзалов в госпитали, развозки грузов, в частности муки для хлебозаводов, широко использовался электротранспорт.

Все службы МПВО работали по плану, утвержденному областным и городским комитетами партии и суженными исполкомами областного и городского Советов депутатов трудящихся. Особенно хочется отметить слаженные действия санитарной службы города, которой руководили заведующий горздравотделом тов. Сухарев и тов. Мерцалова. Девушки и пожилые женщины самоотверженно трудились в госпиталях, им обязаны жизнью сотни людей.

Городской штаб МПВО работал в самом тесном контакте со службой ПВО армии, что позволяло знать о приближении вражеской авиации, когда она еще находилась на дальних подступах к городу.

В июле начались налеты вражеской авиации. Во время первого массированного налета фашисты стремились вывести из строя ГЭС-2, но бомбы попали не в электростанцию, а в жилые дома. Было много жертв.

Наши зенитчики не давали вражеской авиации безнаказанно летать над городом. Помню, как однажды на моих глазах врезался в землю сбитый фашистский стервятник. Ликованию харьковчан, видевших это, не было предела.

Население города проявляло высокую дисциплинированность и организованность, четко и быстро выполняло указания МПВО при налетах вражеской авиации. Круглые сутки люди дежурили у своих домов, на крышах и чердаках.

Можно бы преувеличения сказать, что у каждого дома были средства защиты от пожаров — инструменты, песок, вода. Когда враг сбрасывал тысячи зажигательных бомб, население мужественно сражалось с огнем.

Во второй половине августа началась эвакуация наиболее важных предприятий и их коллективов. По нескольку эшелонов ежедневно отправлялось на восток.

В средине сентября (числа я не запомнил) Н. С. Хрущев и С. К. Тимошенко пригласили секретаря обкома партии А. А. Епишева, секретаря горкома КП(б)У В. М. Чураева и меня в штаб военного округа на площади имени Руднева. Мы доложили о положении в городе и получили соответствующие указания.

К 15 октября эвакуация промышленных предприятий города была в основном закончена. На восток было отправлено более 300 эшелонов. Это была невиданная по своим масштабам переброска техники, продовольственных ресурсов, людей на тысячи километров.

Во второй половине октября фашистская авиация разбросала над городом листовки. В них говорилось, что немецкие войска вскоре займут

Харьков и перечислялись правила поведения населения при вступлении немецких войск в город. Каждый пункт этих «правил», а их было 8—10, заканчивался одинаково: «за невыполнение — расстрел!»

В конце октября по указанию партийных органов началась раздача населению оставшихся на базах запасов продовольствия, промышленных товаров. Населению разрешили также забрать мебель из учреждений и организаций.

Первые два-три дня люди, за редким исключением, с большой неохотой брали продовольствие, вещи из магазинов, мебель из учреждений. Пришлось дополнительно разъяснять населению, что это необходимая мера, так как, видимо, придется оставить город.

22 октября, по указанию командования, партийные и советские организации покинули город. День был пасмурный. Вражеская авиация летать в это время не могла. Тысячи машин шли по дороге на Чугуев. Это была единственная шоссейная дорога, стороной пробраться было очень трудно: машины увязали в грязи. Остановились мы в селе Рогань, километрах в 15 от города, в штабе командующего армией тов. Цыганова.

23 октября вместе с группой товарищей, которые по заданию областного комитета партии должны были доставить подпольщикам деньги и некоторые материалы, я вернулся в Харьков.

На набережной реки Харьков, в близлежащих улицах и в переулках стояли наши патрули. Через Харьковский мост мы выехали к центру города. Здесь на улицах не было ни души. Не успели проехать по Московской улице и сотни метров, как нам стали махать из подворотен. Мы поняли, что надо быстрее ехать. На большой скорости проскочили площадь им. Тевелева и поехали к Госпрому.

Город будто вымер. Мы были уже недалеко от памятника Шевченко, когда впереди нас начали рваться снаряды. Пришлось свернуть на Бассейную улицу и заехать в какой-то двор. Здесь оказалось довольно много народу.

Товарищи пошли по заданию, а я разговорился с двумя учительницами из 116-й школы.

Выяснилось, что они обращались с просьбой об эвакуации, но их не эвакуировали, а пешком уйти они не решились. Действительно, мы, к сожалению, не могли удовлетворить просьб всех граждан, желавших выехать на восток.

Мои спутники вернулись, и мы выехали в обратный путь. Около института инженеров железнодорожного транспорта нашу машину обнаружили и атаковали несколько самолетов противника. На полной скорости мы проскочили бульвар и небольшую площадь. Впереди начали рваться бомбы. Пришлось повернуть в переулок, выскочить из машины, лечь у стены. Бомбежка длилась минут 5—7, все для нас окончилось благополучно: машина не была повреждена, и мы выехали из города.

В ночь с 23 на 24 октября, подъезжая к Купянску, мы видели зарево над родным Харьковом. Сердце сжималось от боли. Надо было отступать.

Мне довелось побывать в Харькове зимой 1943 года, когда он был первый раз освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

На следующий день после изгнания оккупантов исполком горсовета приступил к работе. Сразу же к нам начали обращаться десятки посетителей. В первую очередь товарищи советовались с нами: как быть, вот остались заводы, предприятия, а организовать работу на них некому. Пришлось в то время назначать директоров всех предприятий, организаций, независимо от их ведомственного подчинения.

Хорошо помню, как в первые дни работы горсовета во время приема граждан нас посетил Н. С. Хрущев. Люди очень тепло приветствовали Никиту Сергеевича. Он дружески отвечал на приветствия и поздравил нас с возвращением в город. Никита Сергеевич побеседовал с несколькими товарищами, а затем, тепло попрощавшись, пожелал нам успехов в работе.

Город оживал. Постепенно восстанавливалась нормальная жизнь. Так прошло недели две. Затем начались ежедневные бомбежки. Особенно пострадал центр города. Это значительно затруднило работу городского Совета.

В марте бомбежки усилились. Тысячи людей обращались в городской Совет с просьбой эвакуировать их. Мы выдавали удостоверения, помогали, чем могли, и люди покидали город, уходя на восток. Работникам горсовета из-за непрерывных бомбежек пришлось переехать в Госпром. Разместились мы в подвальном помещении, около 9-го подъезда. Там мы пробыли несколько дней.

Враг наступал. Надо было вновь покидать город. Вечером 15 марта переехали через реку Харьков. Ночевали вместе с работниками облисполкома, горкома и обкома партии в институте железнодорожного транспорта.

На следующий день мы выехали в район ХТЗ, несколько часов пробыли там и отправились на Чугуев.

Так во второй раз мы покидали Харьков.

В средине августа, после разгрома немцев на Курской дуге и взятия Белгорода, началось наступление наших войск на Харьков. Числа 19—20 августа группа партийных работников выехала в район Липцев, в 25 километрах севернее Харькова. Здесь перед нашими глазами предстала волнующая картина военной мощи нашей армии. Сотни бомбардировщиков в сопровождении истребителей летели на запад, держа курс в тыл противника. Я долго был в прифронтовой полосе, видел много техники, но такую военную мощь видел впервые. Каждый из нас прекрасно понимал, что немцам не удастся удержаться в Харькове.

С разрешения командования мы двинулись дальше и 21 августа были уже на окраине Харькова — в Померках. Затем переехали в район Журавлевки и остановились в двух километрах севернее кожевенного завода.

Отсюда хорошо видна была вся заводская часть Харькова. Наши войска подошли вплотную к городу, а в районе Померок продвинулись вперед, заняли погранучилище и «зацепились» за трамвайный путь.

Пробыв на командном пункте несколько часов, мы слышали частые взрывы, доносившиеся из города. Командир дивизии объяснил нам, что уже неделю днем и ночью немцы методично взрывают заводы, важные объекты коммунального хозяйства, учреждения города.

22 августа в 12 часов дня нам сообщили, что уже можно двигаться в направлении Харькова: войска, видимо, сегодня ночью займут город. Так мы и сделали. В час ночи, когда подъехали к городу — наступила тишина. Продвигались очень медленно, особенно через Салтовский поселок, так как нам было известно, что немцы заминировали этот район.

23 августа мы были уже в центре города.

22 месяца цветущий Харьков, наша гордость, находился под гнетом немецких оккупантов. Трудно описать все ужасы и страдания, пережитые харьковчанами в черные дни оккупации. Фашисты замучили десятки тысяч советских людей — мужчин, женщин, детей. В районе ХТЗ мы обнаружили несколько огромных, шириной в 10 метров каждая, ям, где были замучены наши люди. Братские могилы расстрелянных патриотов были обнаружены в лесопарке.

Фашисты причинили городу громадный материальный ущерб. Были разрушены и разграблены харьковские заводы-гиганты, фабрики, научные учреждения, школы, больницы, выведено из строя коммунальное хозяйство, сожжена лучшая часть жилого фонда города.

Войдя в Харьков, мы с первых же минут пребывания в городе были уверены, что он освобожден навсегда, и сразу взялись за восстановление городского хозяйства.

Здание горсовета сгорело, и нам с большим трудом удалось найти уцелевший дом на углу площади Тевелева. Там мы и расположились.

С первого же дня работы горсовета к нам начали обращаться сотни людей. Всех волновал один вопрос: с чего начать восстановление города.

Горсовет, как и в первый наш приход в Харьков, по согласованию с обкомом и горкомом партии в течение двух-трех дней после освобождения города выдавал удостоверения населению и назначал старших на предприятия. Сотни людей пошли работать исполняющими обязанности директоров заводов, вузов, техникумов, школ, руководителями больниц, торговых предприятий, организаций, учреждений, ведомств.

С первого дня освобождения города харьковчане начали организованно возвращаться на свои предприятия, в учреждения, организации, где они раньше работали. Через несколько дней стало ясно, какими мы силами располагаем. Это облегчило всю нашу дальнейшую работу.

В городе после ухода немцев осталось более 190 тысяч человек. Люди нуждались в немедленной помощи. На улицах можно было встретить муж-

чин и женщин, для которых, казалось, ничего не существовало. Они как будто ничего не замечали, еле передвигали ноги. Трудно было поверить, что это те люди, которых мы знали бодрыми и веселыми, здоровыми и энергичными.

Через несколько дней после освобождения Харькова в город прибыло украинское правительство, работники Центрального Комитета КП(б)У. Был намечен ряд мероприятий по оказанию неотложной помощи городу.

Большое внимание восстановлению Харькова уделял Н. С. Хрущев.

26 августа, через 3 дня после вступления наших войск в город, Н. С. Хрущев провел совещание секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов и других руководящих работников города. На совещании были определены первоочередные задачи партийных и советских организаций по восстановлению промышленности, городского хозяйства и оказанию помощи населению.

Благодаря самоотверженным усилиям железнодорожников, которые, продвигаясь вслед за нашими войсками, быстро восстанавливали разрушенные пути, на третий-четвертый день город начал принимать первые поезда. Из Киргизии, Узбекистана, Казахстана и других братских республик прибывали эшелоны с продуктами и одеждой. Шли грузы с Урала и Сибири.

По поручению Центрального Комитета партии и Правительства в Харьков прибыл Анастас Иванович Микоян. Он встретился с работниками городского хозяйства. Как председатель горсовета, я подробно доложил о положении в городе и рассказал о проводимых мероприятиях по восстановлению городского хозяйства, о планах на будущее. Около часа Анастас Иванович внимательно слушал, одобрил все наши мероприятия и обещал помочь в решении ряда вопросов.

Повседневную помощь городу оказывали Л. Р. Корниец, М. С. Гречуха.

Вскоре после освобождения Харькова на заседании Политбюро ЦК КП(б)У был заслушан мой доклад. Вел заседание Никита Сергеевич. Я подробно доложил о положении дел в городе и разработанных нами мероприятиях по восстановлению промышленности, коммунального хозяйства, культурно-бытовых учреждений. Никита Сергеевич задал много вопросов, интересовался деталями и дал ряд практических советов.

Стремясь быстрее наладить нормальную жизнь города, мы в первую очередь взялись за восстановление энергетической базы. Пока шла подготовка к пуску электростанции, везде, где только можно было, использовались движки и времянки. Но городу нужна была не только электроэнергия, но и вода. Поэтому сразу же после освобождения Харькова начались работы по восстановлению водопроводной сети, разрушенной врагом.

Одновременно с восстановлением энергетического хозяйства и водопроводной сети городской Совет уделял большое внимание снабжению на-

селения хлебом. Вначале работало несколько приспособленных пекарен, а затем мы взялись за восстановление четырех хлебозаводов, в том числе Холодногорского, Баварского и на ХТЗ. Открывались столовые, детские сады, больницы, поликлиники, бани. В городе налаживалась нормальная жизнь.

Для успешного восстановления города необходимо было большое количество строительных материалов. Правительство разрешило харьковчанам собственными силами заготавливать строевой лес, а также дрова на зиму. Тысячи жителей города работали в Изюмском, Змиевском и Валковском лесничествах. Занимались мы и восстановлением парков, в центре города и на площадях высадили более сотни 20-летних деревьев.

Самоотверженно трудились в те дни трамвайщики Харькова. Как только город получил электроэнергию, решено было пустить трамвай. Население, правда, не знало об этом. Я выехал на одном трамвае из Ленинского депо вместе с главным инженером трамвайного хозяйства тов. Евтушенко (сейчас он начальник Харьковского трамвайно-троллейбусного управления). Секретарь горкома партии тов. Чураев вместе с директором трамвайного хозяйства тов. Поздняковым выехали из Коминтерновского депо. Решили одновременно въехать в город на трамваях.

Все мы очень волновались, особенно в последние минуты перед выездом из депо. Помню, Сергей Александрович Евтушенко, потомственный трамвайщик, так разволновался, что никак не мог подняться в вагон. Немного успокоившись, он сам повел трамвай. Когда мы выехали на улицу Свердлова, люди останавливались пораженные, они не верили своим глазам.

А потом началось всеобщее ликование. Трамвай шел по городу, провожаемый радостными возгласами харьковчан. За вагоном бежали дети. Когда мы проезжали площадь Тевелева, я увидел, что какой-то военный догоняет наш вагон. Мне сказали, что это товарищ Чак, старый, потомственный трамвайщик, крупный специалист, который служил в инженерных войсках. Приехав в это время в город, он увидел трамвай и бросился за ним. Пришлось сбавить скорость и взять ветерана в вагон.

Весть о пуске трамвая молнией разнеслась по городу. На следующий день трамвай уже перевозил пассажиров. Правда, много вагонов на линию выпустить мы не смогли: электроэнергии не хватало.

Активную помощь харьковчанам оказывали воинские части. Помнится, первые дни после освобождения города не на чем было подвозить муку. Трамваи тогда еще не работали, лошадей не было. Прибыл эшелон хлеба, а доставить муку в пекарню не можем. Я поехал в танковый корпус, обратился к командиру за помощью. Нам выделили до полусотни машин с бойцами. Воинские части активно помогали в подвозе топлива, строительных материалов.

Огромную работу по восстановлению разрушенных врагом харьковских мостов провел инженерный полк, которым командовал тов. Яковлев. Немалый вклад внесли бойцы этой части и в строительство сложных водопроводных сооружений.

Через месяц после освобождения Харькова усилился приток людей из восточных районов страны. В родной город возвращались тысячи харьковчан. Люди нужны были — ведь приезжали инженеры, врачи, квалифицированные рабочие. Правда, хлопот горсовету прибавилось — надо было устраивать приезжающих, организовывать питание, готовить им жилье, а это было нелегкое дело. Но люди стойко переносили все трудности, работали не покладая рук, готовились к зиме.

Первые итоги проделанной работы по восстановлению города были подведены на сессии городского Совета депутатов трудящихся 9 декабря 1943 года.

К тому времени возобновила работу электростанция с турбиной мощностью 5000 квт, был введен в эксплуатацию водопровод, который подавал 17 тыс. кубометров воды в сутки, налажено трамвайное сообщение, восстановлены 13 мостов, отремонтировано и передано жителям 22 800 квадратных метров жилой площади.

В городе возобновили работу 77 неполных и полных средних школ, 17 больниц, 17 поликлиник, баня, детские сады и ясли, открылось 130 столовых, 289 промтоварных и продуктовых магазинов.

С радостью встретили собравшиеся сообщение о том, что прославленные заводы — тракторный, электромеханический, турбогенераторный, «Серп и молот» и другие приступили к выпуску продукции.

Сессия обязала Харьковский городской Совет и исполкомы районных Советов депутатов трудящихся повседневно заниматься восстановлением важных промышленных предприятий города, привлекать для осуществления этой цели всех трудящихся города.

Было намечено в январе 1944 года ввести в эксплуатацию еще одну турбину мощностью 8 тыс. квт, а в III квартале довести мощность электростанции до 90 тыс. квт. Сессия поручила исполкомам горсовета, Московского, Коминтерновского и Орджоникидзевского райсоветов всемерно помогать «Харэнерго» в создании энергетической базы, которая должна обеспечить работу промышленности и городского хозяйства.

Важные решения приняла сессия по дальнейшему восстановлению жилищно-коммунального хозяйства города, по мобилизации всех сил для нужд фронта, для быстрейшего разгрома врага.

Харьковчане с новыми силами взялись за восстановление города. Из руин поднимались все новые предприятия, больницы, школы. Быстро залечивались глубокие раны, нанесенные городу гитлеровскими варварами. Решения 13-й сессии были не только выполнены, но и перевыполнены. Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство высоко

оценили самоотверженный труд харьковчан. За успешное восстановление города и активную помощь фронту большая группа их была награждена орденами и медалями.

Выполнив решения 13-й сессии городского Совета, мы продолжали уделять большое внимание восстановлению жилого фонда, так как оставалось еще много разрушенных зданий, да и уцелевшие дома нужно было приводить в порядок. Ведь большинство окон были заделаны досками, кирпичом. Светились лишь маленькие оконца, форточки. Достать в те времена стекло было очень трудно.

Я несколько раз обращался за помощью в различные ведомства и организации. И вот в январе 1945 года город получил из Лисичанска 25 вагонов стекла. Это был нежданный подарок для города. А в марте мы начали открывать окна, стеклить больницы, школы, жилые дома. Светлее стало не только в зданиях, но и на душе. Войска наши стремительно продвигались к Берлину. По всему чувствовалось приближение долгожданного дня окончания войны.

И этот день настал. В два часа ночи 9 мая харьковчане узнали об окончании войны. Я приехал домой поздно, сразу уснул. Разбудили меня, слышу шум на улицах, стрельба. Включил радио: Победа!

В эту ночь никто уже не мог спать. Десятки тысяч людей пришли на площадь имени Дзержинского. В прилегающих к площади улицах, переулках — везде был народ. И старые, и малые — все вышли на улицу. Мы с большим трудом на грузовой машине пробрались к центру площади имени Дзержинского на митинг. Харьковчане праздновали победу над ненавистным врагом.

После окончания Великой Отечественной войны восстановление города пошло ускоренными темпами. Еще краше, чем до войны, стал родной Харьков.

А. П. ШАПОВАЛ
Бывший секретарь
Октябрьского райкома партии

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО

Никогда не забуду грозных дней 1941 года, когда бронированные фашистские полчища вторглись на советскую землю. Война застала меня в Харькове, где я работал секретарем Октябрьского райкома партии. И мне хочется рассказать, как трудящиеся района во главе со своим авангардом — четырехтысячной партийной организацией в едином строю со всем советским народом ковали победу над врагом.

Волна прокатившихся на фабриках, заводах и в учреждениях митингов показала, что трудящиеся района были готовы выполнить свой долг перед Родиной у станка и на фронте.

С первого же дня войны в райком партии начали поступать сотни заявлений трудящихся с просьбами о посылке их добровольцами на фронт. Писали старики и молодежь. Писали мужчины и женщины.

Особенно усилился поток заявлений после обращения партии и правительства к народу 3 июля 1941 года. Тысячи людей вступали в народное ополчение. Только в течение пяти дней в ряды ополчения записалось в Октябрьском районе 18 тысяч человек.

Перед лицом нависшей опасности, когда решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о свободе и независимости народов СССР, советские люди проявили высокое понимание своего патриотического долга, готовность сделать все для защиты социалистического Отечества.

Вскоре добровольцы начали уходить на фронт. Прощаясь, они неизменно просили остававшихся товарищей работать так, чтобы их отсутствие не отражалось на производстве. В эти дни на заводах района с новой силой развернулось социалистическое соревнование. Многие рабочие

стали обслуживать по два станка, овладевали двумя-тремя профессиями. Особый трудовой подъем наблюдался после приезда в Харьков Первого секретаря ЦК КП(б)У тов. Н. С. Хрущева, который призвал трудящихся ускорять и увеличивать выпуск военной продукции.

Остающиеся на фабриках и заводах клялись уезжающим на фронт, что они не уронят чести советского человека, отдадут все свои силы любимой Отчизне. Эту клятву труженики нашего района сдержали. Несмотря на частые бомбежки, все трудности и лишения, они продолжали работу, сохраняя выдержку и спокойствие.

В середине июля 1941 года меня утвердили заведующим орготделом обкома партии, но до последних дней пребывания в Харькове я не порывал связи с Октябрьским райкомом.

В конце июля 1941 года трудящиеся города приступили к строительству на границе трех областей (Днепропетровской, Харьковской и Полтавской) оборонительных сооружений. В этих работах приняло участие из Октябрьского района около 5000 человек, а в сентябре, когда нависла угроза и над Харьковом, в село Гудановку было направлено еще 5000 человек. На строительство оборонительных сооружений посылались главным образом ополченцы.

Отечественная война явилась грозным испытанием всех моральных и физических сил советского народа, испытанием прочности и жизнеспособности советского общественного и государственного строя, показавшего свое превосходство над капиталистическим строем. Это великое испытание советские люди выдержали с честью.

С первых дней Великой Отечественной войны и до начала временной оккупации города фашистскими захватчиками я не помню ни одного случая, чтобы кто-либо из трудящихся нашего района пытался уклониться от трудной и опасной работы или роптал на непосильность труда. Наоборот, чем труднее и опаснее была работа, тем больше харьковчан стремились принять в ней участие. В авангарде, как всегда и везде, шли коммунисты и комсомольцы.

Партийная организация области провела большую работу по перестройке народного хозяйства на военный лад, мобилизации трудящихся на помощь фронту, комплектованию подполья, партизанских отрядов. Этой работой непосредственно руководили А. А. Епишев, И. И. Профатилов, Г. Г. Петров, В. М. Чураев, П. Е. Шелест и другие.

По заданию обкома партии значительную работу по материальному обеспечению подполья и партизанского движения провел М. П. Рудько.

В августе началась эвакуация предприятий и населения города. Фашистская авиация пыталась помешать вывозу из города оборудования и ценностей, однако благодаря героическому труду рабочих, железнодорожников и ополченцев-дружинников эвакуация была проведена успешно.

В октябре в городе был создан ополченский полк. Его транспортная рота была сформирована в Октябрьском районе.

Остававшаяся в городе небольшая группа партийных работников выехала в Чугуев и Салтов. С чувством глубокой горечи восприняли мы весть о том, что 24 октября 1941 года фашисты вступили в наш любимый город. Часть партийных работников, прибывших из Харькова в Купянск, обком партии направил в действующую Красную Армию, другую небольшую часть — в неоккупированные районы Харьковской области. Меня избрали секретарем Волчанского райкома партии. Парторганизация Волчанского района, длительное время находившегося на линии фронта, обеспечивала систематическую помощь нашим частям. Бюро райкома партии, исполком райсовета депутатов трудящихся, первичные партийные организации сумели организовать в этих сложных условиях работу колхозов и совхозов, всех учреждений и местной промышленности, обеспечили выполнение заказов для фронта, строительство оборонительных рубежей, оказывали помощь госпиталям.

Проводилась широкая массово-политическая работа среди населения. Большую помощь сельским партийным и комсомольским организациям оказывал партийно-советский актив района. Активисты регулярно выступали с лекциями, докладами, проводили беседы с населением. Колхозники, рабочие совхозов и все трудящиеся работали не покладая рук, чтобы обеспечить воинские части хлебом, мясом, картофелем и овощами.

Первый секретарь райкома А. Д. Гончаров, члены бюро А. С. Симоненко, Г. С. Якушев, зав. отделом пропаганды и агитации райкома И. С. Пономаренко, работник райкома партии Е. С. Нежута, П. С. Солодовникова, М. И. Даниленко, председатели колхозов тт. Ф. С. Нежута, Г. Г. Радченко, М. Лобода, директор Белоколодязянского сахарного завода Н. В. Лаврук и многие другие всегда были на самых ответственных участках работы.

Райком партии сформировал из коммунистов и беспартийных партизанский отряд. Для организации борьбы в тылу врага были посланы И. А. Шепелев, И. П. Белецкий (работники райкома партии), Д. К. Лещенко, А. Я. Нижегородов, А. Я. Липчанский, М. В. Синельников, Б. Г. Дьяченко, В. Е. Голуб, Н. Ф. Серовотский, П. К. Дронов, В. Н. Рябчинский и многие другие. Действуя в исключительно трудных условиях, они оправдали доверие парторганизации. Большую помощь коммунистам района оказывали руководящие партийные и военные работники Харькова В. М. Чураев, У. И. Кизилов, А. И. Евсеев, И. И. Есипенко, Б. А. Коваль, К. Г. Сапогов, А. И. Селиванов, Г. М. Окладной, И. Д. Назаренко, М. М. Макаров, Г. Ф. Самойлов, И. А. Будянский, Г. П. Пинчук и другие. Они выступали с докладами, проводили беседы с населением, оказывали помощь в строительстве оборонительных рубежей.

После освобождения Харькова от немецко-фашистских оккупантов я вновь начал работать секретарем Октябрьского райкома партии.

С болью смотрели мы на разрушенный город. Каждый клочок земли хранил следы чудовищных преступлений фашистских людоедов. Все, что было создано трудом советских людей, немцы безжалостно разрушили. Они нанесли огромный ущерб хозяйству города и в частности Октябрьского района. До войны на территории района работало 10 заводов, в том числе такие крупные, как «Свет шахтера», «Красный Октябрь», несколько фабрик, коммунальных предприятий, до двух десятков артелей. Враг почти полностью разрушил заводы «Красный Октябрь», радиаторный, 2-й мыловаренный, фабрику «Текстильткань», вывел из строя водопровод. Фашисты разрушили также заводы «Свет шахтера», авторемонтный, мыловаренный и ряд других предприятий. В районе имелось 10 колодцев и 6 родников, из которых население брало воду.

Но не только разрушениями фашисты пытались подорвать мощь советского государства, они стремились отравить сознание наших людей, всячески восхваляя так называемый немецкий «новый порядок», охаивали все достижения трудящихся Советской Украины, распространяли среди населения лживые сообщения о Красной Армии, скрывали правду о положении дел на фронтах Отечественной войны, о жизни людей в советском тылу. Но ни силой, ни обманом не удалось фашистам покорить советских людей: рабочие, интеллигенция остались верными своей Родине. Всеми способами они оказывали сопротивление фашистским поработителям и с нетерпением ждали прихода своей освободительницы — Красной Армии. После освобождения города нам стали известны многочисленные факты, свидетельствующие о мужественном поведении харьковчан в страшные дни фашистской оккупации, об их высоком сознании своего патриотического долга перед Родиной. Расскажу только об одном из таких фактов.

На территории Октябрьского района в период второй временной оккупации Харькова немецкими захватчиками остались раненые бойцы и командиры Красной Армии. Жители района и особенно медицинский персонал 6-й поликлиники, рискуя собой, спасли жизнь многим из них. Врачи В. Ф. Никитинская, П. К. Давиденко, фельдшерицы А. В. Поддубная, Н. П. Протопопова и многие другие систематически оказывали медицинскую помощь раненым на квартирах, где их прятало население, снабжали воинов одеждой и едой.

Свою работу Октябрьский райком партии возобновил 23 августа 1943 года. Тогда в районе было лишь три руководящих работника, а в районной партийной организации — всего 15 коммунистов, прибывших из восточных областей или из партизанских отрядов. В их числе были П. Г. Руденко, Н. А. Коломацкий (завод «Красный Октябрь»), К. М. Момотенко, Е. М. Ширяев (завод «Свет шахтера»), И. С. Ермаков, Г. С. Макарова, С. Н. Григорьев, И. В. Цурков, А. Ф. Белопотапова, Ю. П. Терехов и др.

В тот же день райком партии и райисполком приступили к регистрации рабочих.

Для того чтобы быстрее восстановить хозяйство района — заводы, фабрики, культурно-бытовые учреждения — необходимо было проверить состояние производственных площадей предприятий, наличие агрегатов, оборудования, инструментов, запасов сырья, а также состояние медицинских учреждений и школ. К этой ответственной работе райком партии привлек инженеров, техников, учителей, врачей. Получив данные о состоянии хозяйства в районе, райком партии и райисполком направили своих уполномоченных на заводы, фабрики и в артели для проведения инвентаризации оборудования, инструментов, материалов и организации восстановительных работ. Все это делалось очень быстро, так как фронт требовал помощи в производстве некоторых видов оружия, снаряжения, в ремонте автомашин, производстве авиабомб и т. д. Необходимо было срочно наладить снабжение населения водой, топливом, начать ремонт жилого фонда. Шахтам Донбасса нужна была продукция заводов «Свет шахтера» и «Красный Октябрь».

Никита Сергеевич Хрущев, прибывший в Харьков вместе с частями Красной Армии, 26 августа провел в обкоме партии на Юрьевской улице совещание секретарей райкомов и председателей райисполкомов города. На совещании присутствовали члены Военного совета Степного фронта И. С. Грушецкий, секретари обкома партии И. И. Профатилов и Г. Г. Петров, секретарь горкома партии В. М. Чураев и другие. Участники совещания обменялись мнениями о положении дел в городе и в отдельных его районах. Выслушав наши информации, Н. С. Хрущев дал нам ценные советы, как и с чего начать свою работу.

Работы был непочатый край. Каждый трудился за двоих-троих. Этого требовали обстановка в городе, фронт, Донбасс.

Проводя большую организаторскую работу по восстановлению промышленных предприятий, школ, медицинских учреждений и жилищного фонда, мы ни на минуту не забывали о политической работе в массах.

Вся партийно-политическая работа в районе была подчинена одной цели — мобилизовать трудящихся на неуклонное усиление помощи Красной Армии-освободительнице в ее борьбе за изгнание фашистских захватчиков из пределов советской Родины, за полный разгром врага.

Для лучшей организации массово-политической работы среди самых широких слоев населения с первых дней освобождения города за заводами, артелями и за бывшими избирательными участками были закреплены работники райкома партии и исполкома райсовета депутатов трудящихся.

Тематическим планом предусматривались, например, такие лекции, доклады и беседы: «Текущий момент и наши задачи», «Разгром гитле-

ровской Германии неминуем», «Фашистские захватчики на Харьковщине», «Что принес фашизм украинскому народу», «Положение на фронтах Отечественной войны», «О дружбе народов СССР» и др.

Уже спустя две недели после освобождения города райком партии провел два семинара агитаторов по вопросам агитационно-пропагандистской работы в условиях освобожденного от оккупантов города.

За это же время мы провели на предприятиях и в учреждениях района 50 собраний, 87 групповых и 220 индивидуальных бесед, на которых присутствовало свыше 10 тысяч человек.

Особое внимание уделяли молодежи. Кинотеатр «Жовтень» за две недели нашего пребывания в городе дал 27 сеансов. Демонстрировались новые советские художественные и хроникально-документальные фильмы. На сеансах присутствовало свыше 15 000 человек. Кроме того, силами госэстрады и консерватории было организовано 6 концертов. Выступления артистов и демонстрация фильмов тепло встречались населением.

За эти же две недели было проведено одно комсомольско-молодежное районное собрание с участием бойцов и офицеров Харьковских дивизий и два комсомольско-молодежных массовых мероприятия с проведением концертов госэстрады и выступлениями самодеятельности воинских частей.

За короткий срок трудящиеся Октябрьского района добились возобновления работы на 7 заводах, 3 фабриках и в 6 артелях; был восстановлен водопровод, открылась баня, 4 больницы, 2 поликлиники, амбулатория, 17 магазинов, 2 кинотеатра, цирк, 2 госпиталя на 300 коек. В 8 школах и электротехникуме начались занятия.

Восстанавливая предприятия, районная партийная организация стремилась к тому, чтобы заводы как можно скорее наладили выпуск продукции для фронта. Результаты наших усилий сказались быстро.

Шиноремонтный завод приступил к изготовлению автопокрышек и автокамер.

Небольшой коллектив артели «Коопвалпром», не имея никаких средств, проделал своими силами большую работу по восстановлению цехов и в декабре 1943 года начал изготовлять валенки для воинов Красной Армии.

С 1 сентября 1943 года приступила к ремонту обмундирования бойцам Степного фронта и выполнению производственного плана артель «Швейник».

К 26-й годовщине Великой Октябрьской революции на заводе «Свет шахтера» вступили в строй механический, инструментальный, модельный, литейный и частично ламповый цех. Коллектив восстановил и отремонтировал 30 единиц станочного оборудования и 2 электроустановки на 70 киловатт. Завод дал шахтам Донбасса свою первую продукцию — транспортеры, перегружатели и бензиновые лампы. В то время на пред-

приятии уже трудилось свыше 1000 человек рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

На заводе «Красный Октябрь» был пущен в эксплуатацию литейный цех, восстановлена вагранка на 150 тонн металла в месяц, организован ремонт инструментов, моторов и оборудования. Завод приступил к изготовлению поршней для автомашин.

Наряду с восстановлением предприятий и оказанием помощи фронту партийная организация района решала и другие сложные задачи.

Близилась зима, населению необходимы были топливо, овощи, картофель.

До наступления зимы в Змиевском районе было заготовлено 17 тысяч кубометров дров. На заготовке дров и доставке их в наш район ежедневно работало около 400 рабочих и служащих. Кроме того, было завезено 814 тонн картофеля, 351 тонна овощей и заготовлено 100 тонн солений.

На 1 января 1944 года парторганизация Октябрьского района уже насчитывала в своих рядах 262 члена партии и 68 кандидатов, объединенных в 27 первичных партийных организациях. И хотя в районной партийной организации 1943 года было в 15 раз меньше коммунистов, чем до войны, это был крепкий и спаянный коллектив, которому были не страшны военные невзгоды и лишения. Каждый отдавал работе все свои силы.

Большую работу среди молодежи проводил райком комсомола, который возобновил свою деятельность также 23 августа 1943 года. К 1 января 1944 года в районной комсомольской организации состоял на учете 531 комсомолец; они были объединены в 24 первичных комсомольских организациях. За 4 месяца работы в ряды комсомола за счет лучшей части молодежи был принят 271 человек.

Учитывая, что к руководству партийными организациями пришло много товарищей, не имевших необходимого опыта партийной работы, райком партии в ноябре 1943 года провел семидневный семинар секретарей, на котором были обсуждены вопросы организационно-партийной и агитационно-пропагандистской работы и вопросы по руководству и контролю за работой промышленности, профсоюзных, комсомольских и общественных организаций. В этой работе райкому партии оказывал помощь заведующий отделом пропаганды и агитации обкома партии И. Д. Назаренко, секретарь горкома партии А. И. Смирнов, заведующий оргинструкторским отделом горкома КП(б)У М. Е. Ефименко, работники обкома и горкома партии П. Г. Гринчук, В. В. Кольченко и другие.

Так, преодолевая трудности, партийная организация Октябрьского района сумела мобилизовать трудящихся на восстановление промышленных предприятий и культурно-бытовых учреждений, наладить выпуск продукции для фронта и оказать посильную помощь в восстановлении Донбасса.

А. И. ЕВСЕЕВ
Бывший секретарь
Киевского райкома партии

ВПЕРЕДИ КОММУНИСТЫ

Никогда не изгладится в памяти день 22 июня 1941 года, когда фашистские полчища вероломно напали на нашу Родину.

Трудное было это время. Над страной нависла величайшая опасность. В навязанной нам войне решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам нашей страны свободными или попасть в рабство.

По зову Коммунистической партии и Советского правительства весь советский народ поднялся на защиту своей любимой Родины. Страна превратилась в единый боевой лагерь, подчинив всю свою деятельность одной цели: «Все для фронта! Все для победы!».

Партийная организация Киевского района Харькова, перестраивая работу в соответствии с указаниями партии и правительства на военный лад, направила свою деятельность на обеспечение нужд фронта, мобилизовала коммунистов и всех трудящихся района на разгром врага.

Помню, как в первые дни войны (я тогда работал секретарем Киевского райкома партии), на всех предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях проходили митинги и собрания под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!».

В принятых резолюциях трудящиеся объявляли себя бойцами трудового фронта, брали повышенные обязательства по выпуску оборонной про-

дукции, изъявляли желание добровольно пойти на фронт, чтобы с оружием в руках громить ненавистного врага. В первые же дни войны тысячи трудящихся района добровольцами ушли на фронт. Среди них в первых рядах были коммунисты.

В связи с налетами вражеской авиации на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, в домоуправлениях приводились в порядок бомбоубежища, население рыло окопы и щели.

Фронт приближался к Харькову. Создалась непосредственная угроза городу. По призыву Харьковского обкома и горкома КП(б)У трудящиеся города и области вышли на строительство оборонительных сооружений.

Свыше 10 тысяч рабочих, служащих, домашних хозяек, студентов и преподавателей Киевского района работало на дальних и ближних подступах к Харькову — они сооружали противотанковые рвы, доты и другие оборонительные сооружения.

Населением, работавшим на строительстве оборонительных сооружений, руководил штаб из опытных партийных, советских и хозяйственных работников во главе с членом бюро райкома партии И. Д. Назаренко. Его заместителем по политической части был П. М. Олещенко, а по производственным вопросам — М. И. Зозуленко.

Для работавших на строительстве оборонительных рубежей ежедневно читались доклады о международном положении и внутренней политике Советского государства, проводились беседы и информации о положении на фронте.

Враг стремился сорвать строительство укреплений вокруг Харькова. Авиация противника ежедневно по несколько раз бомбила и обстреливала из пулеметов оборонительные сооружения. Несмотря на все трудности, люди не дрогнули и еще с большим упорством и настойчивостью выполняли свой патриотический долг. Оборонительные рубежи вокруг Харькова были закончены досрочно. Они сыграли важную роль в защите города. Здесь были уничтожены сотни вражеских танков и десятки тысяч фашистских солдат и офицеров.

Большая работа была проведена по созданию народного ополчения, формированию истребительных батальонов и диверсионных групп, которые, обороняя Харьков, бесстрашно сражались с противником.

Завязались упорные бои на дальних подступах к городу. По приказу Государственного Комитета Обороны началась эвакуация предприятий, учебных и научных институтов, а также населения Харькова.

Нужно было создать подпольную организацию на случай оккупации города фашистскими войсками.

По решению обкома и горкома КП(б)У в районе был создан подпольный райком партии во главе с И. И. Бакулиным.

Мне хочется сказать несколько слов об этом замечательном человеке. До Отечественной войны Иван Иванович Бакулин работал исполняющим обязанности доцента кафедры математики Харьковского сельскохозяйственного института. Одновременно на протяжении ряда лет он бессменно был секретарем партийной организации института. Это был мужественный, очень скромный человек, до конца преданный делу партии. И. И. Бакулин пользовался большим уважением у преподавателей, студентов института, партийного актива района. Вот почему, когда необходимо было выдвинуть кандидатуру на пост секретаря подпольного райкома, а потом и подпольного обкома, выбор пал на Ивана Ивановича Бакулина.

К сожалению, ему не удалось полностью выполнить возложенную на него задачу. Подлый предатель, бывший профессор Харьковского сельскохозяйственного института М. И. Михайловский, донес на него гестапо. И. И. Бакулин был схвачен и брошен в тюрьму. Ни пытки, ни голод не смогли сломить волю этого мужественного человека. Он до конца своей жизни оставался бесстрашным большевиком, беззаветно преданным делу Коммунистической партии. Своим мужеством, непоколебимой верой в торжество правого дела он вдохновлял партийных и беспартийных патриотов на беспощадную борьбу с оккупантами. В своем предсмертном письме Иван Иванович Бакулин не ропщет на свою судьбу, он только сожалеет, что подлый предатель помешал ему до конца выполнить возложенное на него задание.

В конце октября 1941 года фашистские войска заняли Харьков. Начались черные дни оккупации города немецко-фашистскими захватчиками.

После того как город был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками, обком партии переехал в Купянск, где и находился до июля 1942 года, то есть до момента завершения оккупации врагом всей Харьковской области.

За время пребывания в Купянске, находившемся в прифронтовой полосе, мы, работники райкомов партии, по заданию обкома КП(б)У проводили агитационно-пропагандистскую работу среди населения неоккупированных районов области. В докладах и беседах партийные работники Б. А. Коваль, В. П. Иванов, Г. М. Окладной, Г. П. Пинчук, П. Г. Гринчук, К. И. Лисица, И. И. Есипенко и другие знакомили население с положением на фронтах, с трудовыми подвигами советских людей, разъясняли решения Коммунистической партии, призывающие советских людей отдавать все свои силы на разгром врага.

Трудящиеся Харьковской области, как и весь советский народ, горячо откликнулись на призыв Коммунистической партии и Советского правительства «Все для фронта! Все для победы!», вносили свой посильный вклад в дело борьбы с фашистскими оккупантами.

Труженики полей из своих запасов передавали воинским частям и госпиталям продукты питания — зерно, муку, картофель, мясо, молоко,

собирали теплые вещи для воинов Красной Армии, отдавали свои сбережения на строительство танков, самолетов. Находясь в прифронтовой полосе, трудящиеся Купянского, Двуречанского, Изюмского, Волчанского и других районов Харьковской области оказывали непосредственную помощь фронту. Вместе с бойцами воинских частей они рыли окопы, противотанковые рвы и траншеи, строили аэродромы.

В июле 1942 года, когда враг оккупировал всю Харьковскую область, большая группа партийных работников по указанию ЦК КП(б)У была направлена на военную и политическую работу в Красную Армию. Вместе с П. З. Войтовичем, Ю. П. Тереховым и другими партийными работниками я находился в оперативной группе Военного совета Воронежского фронта; мы занимались главным образом эвакуацией подбитых танков и других боевых машин с поля боя и организацией их ремонта в полевых условиях. Руководил нашей группой В. М. Чураев.

23 августа 1943 года Красная Армия освободила Харьков.

Жители города с огромной радостью встретили советских воинов-освободителей.

За время оккупации Харькову был нанесен огромный ущерб. Фашистские варвары уничтожили большинство предприятий и культурно-бытовых учреждений, разрушили тысячи жилых домов и общественных зданий.

В городе не было воды и электроэнергии, не работала городская канализационная сеть, вышел из строя транспорт.

Требовались огромные средства и героические трудовые усилия людей, чтобы поднять город из руин, восстановить былую славу Харькова — крупнейшего индустриального и культурного центра Советской Украины.

Вслед за войсками, освободившими Харьков, сюда приехали партийные, советские и хозяйственные руководители города и области. Никита Сергеевич Хрущев, прибывший в Харьков, провел совещание с руководящими партийными и советскими работниками. Выслушав сообщения секретарей городских райкомов и Харьковского горкома партии о состоянии фабрик, заводов, культурно-бытовых учреждений и жилищно-коммунального хозяйства, Н. С. Хрущев дал конкретные указания по восстановлению хозяйства города, разрушенного фашистскими оккупантами. Никита Сергеевич оказал большую помощь Харькову. Городу были выделены транспортные средства — автомашины, автобусы, трамвайные и троллейбусные вагоны, а также строительные материалы — лес, цемент, металл, крайне необходимые для восстановления города.

30 августа 1943 года у памятника Т. Г. Шевченко состоялся многолюдный городской митинг, посвященный освобождению Харькова от немецко-фашистских захватчиков, в котором приняли участие свыше трех тысяч трудящихся Киевского района. Люди пришли в приподнятом настроении, с букетами живых цветов, в руках у многих были лозунги, пла-

каты, транспаранты, в которых выражалась сердечная благодарность Коммунистической партии и Красной Армии за освобождение родного Харькова от фашистских оккупантов. Тепло встретили участники митинга Никиту Сергеевича Хрущева, который в своей большой речи призвал трудящихся в кратчайшие сроки восстановить разрушенные врагом предприятия и учреждения города и области, оказать максимальную помощь Красной Армии.

В Киевском районе также состоялся митинг трудящихся, посвященный освобождению города от немецко-фашистских захватчиков.

На митинге, в котором приняло участие свыше пяти тысяч человек, было принято приветственное письмо воинам Харьковских дивизий, освободивших город от гитлеровских войск и вызволивших его жителей из фашистской неволи. После митинга состоялся концерт артистов Харькова, прошедший с большим успехом.

В первые же дни после освобождения Харькова партийная организация Киевского района под руководством обкома и горкома КП(б)У развернула большую работу по ликвидации тяжелых последствий оккупации города. Был проведен осмотр фабрик, заводов, школ, вузов, научно-исследовательских учреждений и коммунальных предприятий района с целью установления размеров разрушений и принятия необходимых мер по восстановлению города.

На все предприятия, в учреждения и учебные заведения были направлены уполномоченные райкома КП(б)У и исполкома районного Совета депутатов трудящихся. В их обязанности входило проведение учета и инвентаризации уцелевшего имущества и оборудования, регистрация прибывавших рабочих, служащих и привлечение их к восстановлению разрушенных предприятий.

По призыву райкома и исполкома районного Совета депутатов трудящихся население района активно включилось в работу по очистке дворов и улиц от завалов, ремонтировало трамвайные пути, принимало участие в воскресниках по восстановлению фабрик и заводов. Так, за период с 1 сентября по 1 декабря 1943 года свыше 15 тысяч трудящихся приняло участие в работе по благоустройству района, около 4 тысяч человек трудилось на восстановлении ХЭМЗа.

Одновременно в уцелевших цехах налаживалось производство продукции для фронта и населения города. На учебном заводе бывшего механико-машиностроительного института была освоена отливка поршней для автомашин Степного фронта. На этом же заводе установили двигатель с генератором мощностью в 75 квт, который первый дал электроэнергию городу.

На заводе «Большевик» приступили к выделке кож, на заводе «Здоровье трудящихся» было налажено производство медицинских препаратов.

Особое внимание было уделено восстановлению предприятий и уч-

реждений материально-бытового и культурного обслуживания населения. На Журавлевке была открыта хлебопекарня, а на Лермонтовской улице начала работать баня. Постепенно открывались продовольственные и промтоварные магазины, детские сады и ясли, библиотеки, парикмахерские и другие культурно-бытовые предприятия и учреждения.

Большое число людей занималось заготовкой дров, овощей и картофеля для трудящихся города.

На всех восстановительных работах в первых рядах были коммунисты, они являлись настоящими организаторами и вдохновителями масс в решении всех задач по налаживанию хозяйства и оказанию всемерной помощи фронту.

Первое время после освобождения Харькова партийная организация района была малочисленной, и это возлагало на каждого коммуниста особую ответственность за выполнение того или иного поручения.

В канун войны в партийной организации Киевского района состояло на учете 5524 коммуниста, а спустя месяц после освобождения Харькова, на 19 сентября 1943 года, в районной парторганизации было всего 519 коммунистов.

По мере возвращения предприятий с востока росли ряды районной парторганизации. Так, к 1 декабря 1943 года она уже насчитывала 1915 коммунистов, а на 15 декабря 1944 года число коммунистов района достигло 3150.

Райком КП(б)У и первичные партийные организации проводили большую идейно-воспитательную и массово-политическую работу среди трудящихся района. На предприятиях и в учреждениях, школах и вузах, а также в домоуправлениях читались лекции и доклады, проводились беседы, информации. На людных местах устанавливались газетные витрины, вывешивались политические карты мира, по которым можно было следить за наступлением наших войск. Уже в начале декабря 1943 года в районе работало 63 агитколлектива, в которых насчитывалось свыше 500 агитаторов и докладчиков. На предприятиях и в учреждениях района выходило более 250 стенных газет.

К агитационно-пропагандистской работе были привлечены наиболее подготовленные и опытные партийные активисты, преподаватели школ и вузов, инженерно-технические работники.

Вся идейно-воспитательная и массово-политическая работа среди населения района была направлена на быстрейшую ликвидацию последствий оккупации, на разоблачение лжи и демагогии, которыми фашисты и их прихвостни отравляли сознание населения около двух лет, на приобщение трудящихся к активной хозяйственно-политической жизни.

Районная партийная организация мобилизовала трудящихся на борьбу за успешное выполнение всеми предприятиями и организациями производственных планов и всех заказов фронта.

Агитационно-пропагандистская работа среди трудящихся района способствовала повышению их сознательности и трудовой активности.

Население живо откликалось на все призывы партии и правительства, принимало активное участие в восстановлении города, вносило свои скромные сбережения в фонд обороны страны, на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий.

Героическими усилиями трудящихся поднимались из руин фабрики и заводы, школы и институты, коммунальные и культурные предприятия и учреждения, налаживалась нормальная жизнь города.

За короткое время были отремонтированы и пущены в эксплуатацию трамвай и троллейбус, жители города получили воду и электрический свет. Открылись десятки продовольственных и промтоварных магазинов. В школах и институтах начались занятия. Возобновил свою творческую деятельность русский драматический театр, был открыт музей изобразительного искусства.

Партия и правительство высоко оценили трудовые усилия харьковчан. 23 августа 1944 года, в первую годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, за большие успехи по восстановлению хозяйства и культуры Харькова и области Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу рабочих, колхозников, научных работников вузов и научно-исследовательских институтов, партийных, советских и хозяйственных работников орденами и медалями.

С. И. КЛИМКО
Полковник запаса

ПУТЬ СВОБОДЕН!

Через 35 часов после перехода войск Степного фронта в наступление строительство высоководного моста через реку Северный Донец у Белгорода было уже в основном завершено. Шла укладка настила и установка перил, а бойцы копровых подразделений, плотники, готовившие сваи, насадки и пролетное строение, напряженно трудившиеся без сна и отдыха более суток, теперь отдыхали. Ласковое августовское солнце, перешагнув полуденную линию, склонялось к закату, откуда непрерывно доносились раскаты артиллерийской канонады. Черные дымы пожарищ заволакивали горизонт.

Изредка в воздухе проносились эскадрильи штурмовиков.

На левом берегу реки у моста появились девушки-регулировщицы с флажками.

Член Военного совета Степного фронта полковник И. С. Грушецкий появился на строительстве незаметно. Он осмотрел работы, поговорил с бойцами и командирами. Здесь-то и произошла наша встреча.

Командир 124-го отдельного мостостроительного батальона капитан И. Г. Федоров доложил о ходе работ.

Член Военного совета отметил отличную работу дорожников: ведь только вчера на рассвете наши войска освободили Белгород, а уже на основной магистрали фронта сооружен мост длиной около 100 метров.

В беседе с нами И. С. Грушецкий подчеркнул, что восстановление мостов приобретает исключительно важное значение в связи с наступлением советских войск на Харьков.

— Что думают делать дорожники в этих условиях? — последние слова относились главным образом к автору настоящих строк.

Наступление на Харьковском направлении вносило много нового в план действия дорожных частей по обеспечению наступательной операции.

Предстояло срочно пересмотреть и уточнить задачи ряда частей.

На пути движения войск Степного фронта в Харьковском направлении протекал Северный Донец. От Белгорода до Чугуева на протяжении свыше 120 км не было ни одного моста, не считая только что восстановленного. Вся прибрежная полоса по обе стороны реки и особенно дороги и подходы к ранее существовавшим мостам были сильно минированы.

Надлежало срочно развернуть работы по строительству моста у Таволжанки, высвободить со второстепенных направлений и сосредоточить крупные силы для восстановления Писаревского моста, провести разведывательные и подготовительные работы по мостовым переходам у Старого Салтова, Хотомли, Мартовой, Печенег, Чугуева.

Командир 124-го отдельного мостостроительного батальона тут же получил приказ по завершении работ у Белгорода сосредоточить свою часть в Рубежной и приступить к восстановлению Писаревского моста. Аналогичные приказы были отданы другим частям дорожных войск.

Харьков! Родной Харьков! Там получил я путевку в жизнь. В этом городе начиналась моя солдатская жизнь. Здесь был положен в нагрудный карман гимнастерки партийный билет.

Когда, попрощавшись с командирами, И. С. Грушецкий садился в машину, была пришита последняя доска настила, и регулировщица, расправив свой новенький желтый флажок, просигналила: «Путь свободен!»

Поздно вечером, продумывая события дня, беседу с членом Военного совета, мне вспомнился один телефонный разговор, случайным свидетелем которого мне пришлось быть.

Явившись с докладом к И. С. Грушецкому, я застал его за телефонным разговором, который, очевидно, длился давно и приближался к концу:

— Да, плохо с боеприпасами. Очень даже плохо. Недостает транспорта. Пути подвоза растянуты и в плохом состоянии. Особенно плохо дело с мостами. Нас тоже беспокоит Харьков. Слушаюсь. Исполню. До свидания, Никита Сергеевич.

Бои за освобождение Харькова затянулись. Шла вторая половина августа. На Северном Донце дни и ночи стучали топоры, гремели удары копров, забивавших сваи в податливый грунт, визжали пилы. Уже стоял мост у Таволжанки. Подымался из руин Писаревский. Почти готовы были переправы у Старого Салтова, Хотомли, Мартовой. Это значительно

улучшало условия подвоза войскам материально-технических средств и облегчало маневр. Регулировщицы все чаще сигналили «путь свободен» там, где недавно вместо мостов лежали груды развалин, а на полотне дороги зияли воронки от разрывов бомб и фугасов.

Разведывательные данные и ежедневные визуальные наблюдения за городом не оставляли сомнения в том, что в нем придется встретиться с невероятными разрушениями, и уж, конечно, мостостроителям в первую очередь.

Общеизвестно, что Харьков всегда считался «безводным» городом. А то, что он обладает большим количеством рек, сосредоточенных в пределах одного населенного пункта, знают очень немногие. Последнее обстоятельство, а также пересечение города железнодорожными магистралями делают мосты и путепроводы одним из важнейших факторов в транспортной и экономической жизни города. Вывод из строя хотя бы группы мостов и путепроводов создает большие затруднения в движении транспорта, в условиях же массового движения воинских частей такое нарушение чревато далеко идущими неприятными последствиями.

Эта особенность города была хорошо известна руководству дорожной службы Степного фронта.

Решить стоящую перед дорожниками фронта задачу можно было только четким планированием работ и концентрацией наличных сил и средств на решающих участках. Предстояло обеспечить бесперебойное движение через город как минимум по трем сквозным, самостоятельным маршрутам. Каждой армии, участвовавшей в освобождении города, выделялся самостоятельный маршрут.

Трудность заключалась в том, что наши силы и средства были крайне ограничены. Половина дорожных частей представляла собой новые формирования, не имевшие опыта по восстановлению и строительству городских мостов, не хватало техники.

792-й день Великой Отечественной войны Харьков встретил в ярких лучах восходящего солнца, освобожденный от фашистских захватчиков.

Вместе с пехотинцами, артиллеристами, минометчиками, танкистами, инженерами в город вступили и дорожники. Каждая дорожная часть направлялась к заранее намеченному ей объекту. Уже в первой половине дня 23 августа почти у всех мостов хозяйничали дорожники.

Инженерные части наводили понтонные мосты и устраивали броды, обеспечивая продвижение боевых частей и подразделений, дорожники вели детальную разведку мостов и разворачивали подготовительные работы.

Принятая в практике дорожных войск система восстановления разрушенных мостов по типовым проектам оказалась неэффективной в городских условиях. По восстановлению каждого конкретного объекта, а их насчитывалось в городе несколько десятков, приходилось принимать само-

стоятельное решение. Строительство низководных мостов было не оправдано, так как оно вызывало необходимость разрывать набережные и создавало значительные затруднения в организации движения.

Чтобы успешно восстановить разрушенные мосты, нам нужно было иметь много строительного материала: прокат для прогонов, металл для изготовления скоб, гвозди. Но, увы, надежда добыть все это на месте оказалась тщетной. Разведывательные группы, обследовавшие все заводы и предприятия, доносили одно и то же — металла нет. Не хотелось верить, что в крупнейшем индустриальном центре нельзя достать самого простого гвоздя. Однако это было так. Я побывал на таких заводах-гигантах, как тракторный, паровозостроительный, электротехнический, «Серп и молот», «Свет шахтера», но все поиски оказались безрезультатными. В сохранившихся цехах заводов гулял ветер.

С лесоматериалами, потребность в которых исчислялась тысячами кубометров, дело обстояло не лучше. Несколько сот кубометров деловой древесины — вот и весь лес, который мы обнаружили в городе на Верещаковском и Ивановском лесопильных заводах. Сами заводы были выведены из строя. Вскоре, правда, благодаря активной помощи коллектива удалось наладить работу на одном из заводов.

Для решения организационных и проектных работ была выделена специальная группа из опытных командиров-дорожников, которая обосновалась в гостинице у Свердловского моста, ныне гостиница «Интурист».

Части, прибывавшие к намеченным объектам, сразу же приступали к разграждению и разборке разрушений, а в местах, не связанных со значительными подготовительными работами, непосредственно к восстановлению (мост через реку Немышля на Конюшенной, ныне улице имени академика Павлова).

Первоочередная задача дорожников в Харькове заключалась в том, чтобы обеспечить сквозной проезд по Московскому проспекту и Мариинской улице с выходом в сторону Мерефы, а также со стороны Липцев и Белгорода в направлении на Полтаву и Сумы.

Отступая, немцы взорвали мост через реку Харьков на Московском проспекте.

Восточная часть моста была полностью разрушена, а западная — частично повреждена. Интересная деталь! При взрыве пролетное строение восточной части моста не обрушилось в результате случайного заклинения перебитых балок. Случай довольно редкий. Это создавало благоприятные условия для быстрого и эффективного восстановления моста, но требовало смелого технического решения задачи и применения специального подъемного оборудования, которым дорожные части не располагали.

Работы по восстановлению моста были возложены на 5-й отдельный мостостроительный батальон, которым командовал молодой и энергичный капитан И. Е. Лушня.

— Как Вы думаете восстанавливать мост? — спросил я у него.

— Подымем пролетное строение и подведем опору.

— Но чем подымете?

— Народом подымем. Подымем, товарищи? — как бы прося поддержки, обратился он к командирам и бойцам батальона. И все в один голос ответили:

— Подымем!

— А времени сколько попросите?

— Трое суток.

— Только чтобы больше ни минуты.

Вечером на строительстве моста появились мачты-стрелы, краны-укосины. Бойцы крепили лебедки и мертвяки, система тросов и расчалок свисала над пролетным строением. Работали и командовали всем этим сложным хозяйством такелажники Харькова. Они уже указали И. Е. Лушне, где находилось нужное оборудование. Строители сдержали свое слово. На городской митинг в парк им. Шевченко харьковчане проследовали по возрожденному к жизни мосту.

Закончив работы на Московском проспекте в исключительно сжатые сроки, батальон И. Е. Лушни успешно трудился на восстановлении Филипповских мостов через реку Уды.

124-й отдельный мостостроительный батальон получил задание восстановить мост через реку Лопань. Еще до прибытия к месту работы по просьбе командира батальона Г. И. Федорова я рассказал ему все, что знал о конструкции моста.

Мост через реку Лопань на улице Свердлова был возведен в тридцатые годы, одновременно с реконструкцией набережных реки, одеваемых в гранит. Два пролета, опирающиеся на промежуточную опору, перекрывали всю ширину реки. Ширина моста с тротуарами соответствовала ширине улицы. Мост представлял собой парадный въезд на одну старейшую и наиболее людную площадь города и в то же время служил началом одной из основных магистралей, чудесный вид на которую открывается с Университетской горки.

К месту работы батальон прибыл одним из первых. В районе Холодной Горы и Новоселовки еще шли операции по уничтожению автоматчиков противника. Его минометы почему-то привлекал Благовещенский базар, и мины методически через каждые 5—10 минут плюхались в пустынных торговых рядах.

Всегда многолюдная Пролетарская площадь была теперь пустынна. На месте гостиницы «Спартак» высилась груда развалин. Перед нами предстали обугленные, зияющие провалами окон здания Дома офицеров и музея им. Сковороды. Нескончаемые ряды торговых учреждений и складов, от центра площади до спуска им. Халтурина лежали в руинах.

Опытный мостовик Г. И. Федоров мог по моему рассказу довольно точно представить себе картину возможных разрушений и, следовательно, объем, характер и степень трудности предстоящих работ. Но то, что мы увидели, поразило даже видавших виды дорожников.

Вместо искареженных взрывом цементно-бетонных конструкций и оголенной арматуры взору бойцов и командиров батальона предстала груда измельченной щепы из бревен и досок. Возвышаясь над гранитными берегами, вся эта масса древесины завалила русло реки от одного берега до другого.

Разрушая мост, немцы не пожалели взрывчатки. Все здания поблизости от мостов остались без единой оконной рамы и двери.

— Что будем делать, Георгий Иванович? — спросил я командира батальона.

— Убирать сначала щепу, а там и до сути доберемся. Если немцы и здесь рвали в треть пролета, как это было в Белгороде, то мост будет стоять через три дня. Вот только с балками придется повозиться.

— А как быть со щепой?

— На топливо пойдет.

Пока личный состав располагался в гостинице (ныне «Интурист»), командиры рот и взводов наметили участки. Из подъездов, улиц и переулков к мосту начали стекаться люди. Первыми, как и подобает в подобных случаях, появились мальчишки.

— Вот и помощь подоспела,— сказал капитан и отдал соответствующие приказания командирам рот.

Почти сутки продолжалась борьба со щепой. Только утром следующего дня начали извлекать из хаоса нагромождений материалы, которые могли быть использованы на строительстве моста. Предположения капитана подтвердились. Так инициативные и продуманные решения избавляли мостостроителей от многих лишних работ, исключали необходимость завоза новых материалов, способствовали сокращению сроков восстановления мостов.

Одновременно с возведением мостов на Московском проспекте и улице Свердлова развертывались работы и по строительству моста через реку Харьков у Рыбного базара (ныне этот мост разобран) напротив Банного переулка. Это было единственное сооружение в городе, возведенное дорожниками по типовому проекту. Работы выполнялись 131-м отдельным мостостроительным батальоном, которым командовал энергичный и инициативный инженер-майор В. К. Сенченко. Основная трудность здесь заключалась в том, что полностью отсутствовали необходимые лесоматериалы. Только благодаря энергии и находчивости, проявленной всем командным составом части, а также помощи местного населения, в частности рабочих Ивановского лесопильного завода, работа была закончена в намеченный срок.

Уже спустя 4 дня после освобождения города инженерные части снимали понтоны на реках Харьков и Лопань.

По основным магистралям города было восстановлено нормальное движение и созданы условия для налаживания трамвайного сообщения и развертывания работ по восстановлению городского хозяйства и промышленных предприятий.

«Узким местом» оставался выход на Холодную Гору. Все мосты и путепроводы, пересекающие железнодорожную магистраль и соединяющие этот район с центром города, были разрушены. Движение в эти дни здесь осуществлялось по железнодорожным путям, непосредственно у здания разрушенного вокзала. Но со дня на день должно было закончиться восстановление железнодорожных путей и на станцию Харьков-Пассажирский ожидалось прибытие первого поезда. Это означало, что прекратится движение по единственному удобному направлению выхода на Холодную Гору, а следовательно, на Полтаву и Сумы.

Наиболее приемлемым из пяти существовавших выходов на Холодную Гору был Усовский путепровод. Технические сложности этого варианта не остановили дружный коллектив 124-го отдельного мостостроительного батальона, усиленного другими частями. Здесь, как и при восстановлении других мостов, большую помощь оказали строителям такелажники-харьковчане.

К моменту прихода на станцию Харьков первого поезда путепровод был восстановлен. Так было обеспечено нормальное и бесперебойное движение войск и транспорта фронта в западном направлении, а город получил устойчивую транспортную связь с Холодной Горой.

В эти же дни дорожные части восстановили ряд других мостов: на спуске Халтурина, на Ивановке, у Залютино, у станции Новожаново.

Строительство моста по Мариинской улице было отнесено к работам второй очереди, что диктовалось необходимостью накопить определенный опыт по восстановлению крупных мостов городского типа. Этот опыт дорожники успешно использовали в дальнейшем при восстановлении мостов в городах Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Рассказывая о действиях дорожных частей, успешно восстанавливавших разрушенные противником мосты, я назвал командиров некоторых из них, например капитанов Г. И. Федорова и И. Е. Лушню.

Умело и энергично действовали тогда и многие другие командиры, в частности инженер-майор Я. И. Дорч, подполковник тов. Подоренко, инженер-майор А. В. Шедько, майор Н. И. Домбровский, инженер-капитан тов. Казаринов.

Шла вторая половина сентября 1943 года. Части Степного фронта устремились к Полтаве. Закончив работы в Харькове, дорожники восста-

новили мосты в Мерефе, Новой Водолаге, Красноградe, Валках и в других населенных пунктах.

В это же время на реке Северный Донец 5-й отдельный мостостроительный батальон завершил начатые другими частями работы по сооружению высоководного моста у Чугуева. Это был второй высоководный мост, построенный дорожниквми на территории Харьковщины.

Работа по восстановлению моста была высоко оценена в решении Харьковского областного Совета депутатов трудящихся, личный состав батальона получил многочисленные благодарности и подарки.

На территории Харьковской области военные дорожники построили и восстановили десятки мостов. Только в Харькове в течение 12 дней после его освобождения было восстановлено и построено 14 мостов.

Так своим самоотверженным трудом военные дорожники при активной помощи харьковчан обеспечили бесперебойное движение войск Степного фронта через город и внесли свой посильный вклад в восстановление разрушенного войной хозяйства Харькова и области.

Г. И. ВАЩЕНКО
Первый секретарь Харьковского промышленного обкома КП Украины

ХАРЬКОВ СЕГОДНЯ

Среди тех, кто недавно праздновал замечательную трудовую победу — пуск первой очереди Балаклейского цементного завода,— был и сменный мастер коммунист Илья Васильевич Гаркуша. Ему, прошедшему сквозь бури и грозы Великой Отечественной войны, исходившему в солдатской шинели здешние места, рождение гиганта советской стройиндустрии было вдвойне дорого и радостно. Не об этих ли днях, овеянных героикой мирного труда, мечтали воины, отстоявшие в жестоких боях свободу и независимость своей великой Родины!

Каждый советский человек с гордостью повторяет слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Как сказочная птица Феникс, возрождаясь из пепла, наша страна в исключительно короткие сроки подняла свою экономику, заново отстроила разрушенные города и селения и двинулась в своем экономическом развитии, в расцвете науки, культуры и техники еще более быстрыми темпами».

В этих ярких образных словах раскрыт великий подвиг советского народа, который под руководством Коммунистической партии, преодолев тяжелые последствия войны, вызвал к жизни небывалые производительные силы, добился всемирно-исторических успехов в мирном строительстве.

Бывшие воины, подобно Илье Гаркуше, сменив шинели на рабочие комбинезоны, взошли на леса новостроек, встали у станков, повели стальные машины по колхозным полям, вернулись в научные лаборатории. И все они, жадно прильнув к светлому роднику творчества, живут одной мыслью — сделать любимую Отчизну еще богаче и краше, внести весомый вклад в коммунистическое строительство.

Двадцать лет, минувшие со дня освобождения Харьковщины от немецко-фашистских захватчиков, неузнаваемо изменили ее облик. На примере Харьковской области можно увидеть плоды поистине титанической работы партии, направленной на неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства, на рост благосостояния советских людей, на полное удовлетворение их духовных запросов.

Укрепилась слава Харькова как одного из крупных центров советского машиностроения. Проникаются уважением к труду харьковчан сельский механизатор, которому доверен трактор, машинист тепловоза, инженер, управляющий мощными турбинами, рабочий, ставший за новый станок, горняк, ученый, ведущий исследования с помощью совершенных электронных приборов.

Немеркнущей славой овеян труд коллектива Харьковского тракторного завода. За ним утвердилось гордое название первенца первой пятилетки. Рождение гиганта отечественного тракторостроения знаменовало победу курса партии на индустриализацию страны. Великая ленинская мечта получила живое, конкретное воплощение. В предвоенные годы трудящиеся ХТЗ вписали много ярких страниц в летопись славных дел героического рабочего класса СССР.

Война нанесла колоссальный ущерб заводу. Отступая под ударами советских войск, гитлеровцы разрушили и сожгли механосборочный, кузнечный, чугунолитейный цехи, компрессорные станции, центральную лабораторию. На заводе буквально не было такого места, которого не коснулась бы варварская рука фашистских факельщиков и убийц. Был превращен в руины поселок тракторостроителей. В обломках лежало 138 жилых домов площадью 53 тысячи квадратных метров.

С первых дней освобождения Харькова начались работы по восстановлению ХТЗ. В этой битве за скорейшее возрождение гиганта советской индустрии с новой силой проявилась братская нерушимая дружба, народов СССР.

Еще более прекрасной стала вторая жизнь завода. Тракторостроители, опираясь на повседневную помощь Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства, в короткие сроки достигли довоенной мощности, а затем и значительно превзошли ее.

Тракторный завод сегодня — это предприятие высокой производственной культуры, где борьба за коренное обновление производства на базе новейшей техники сочетается с развитием передовых форм организации

труда, с настойчивыми поисками резервов роста выпуска продукции. Одним из таких резервов является осуществляемая на заводе в широких масштабах специализация производства.

В коллективе тракторозаводцев выросли замечательные люди. Широко разнеслась слава об умелом организаторе производства Герое Социалистического Труда мастере В. И. Чмиль, расточнике И. А. Куцыне, слесаре А. А. Бондаренко, токаре Н. Е. Мирошниченко, сталевare В. М. Борисове и о многих других строителях тракторов, чей самоотверженный труд ускоряет создание материально-технической базы коммунизма.

ХТЗ — гордость страны, гордость харьковчан — не уступает передовых позиций. С главного конвейера завода через короткие интервалы времени сходит скоростной гусеничный трактор Т-74 с унифицированным двигателем, а на очереди — подготовка к серийному производству мощных колесных тягачей Т-125, образцы которых проходят государственные испытания. Свыше 11 тысяч рабочих являются участниками соревнования за «украинский час», ежедневно выпускают сверхплановые детали. 513 передовиков производства сдают продукцию с личным контрольным знаком. По инициативе коллектива ХТЗ в республике развертывается соревнование за досрочное выполнение заданий пятого года семилетки.

Уже нельзя отделить от наших народнохозяйственных планов такие понятия, как шебелинский газ, балаклейский цемент, энергия Змиевской ГРЭС. География индустриальной мощи нашей области расширяется день ото дня, и это является составной, органической частью борьбы советского народа за построение материально-технической базы коммунизма.

В самом деле, еще недавно Шебелинка обозначалась на картах малоприметной точкой. А сегодняшняя Шебелинка — это кладовая голубого золота, связанная бесчисленными нитями с различными районами страны. На шебелинском газе работают тепловые электростанции, крупнейшие предприятия Москвы, Ленинграда, Запорожья, Днепропетровска, Белгорода, многих других городов. Не тот уже пейзаж! Насколько охватывает глаз видны стройные буровые вышки. Степное безмолвие уступило место натруженному рокоту дизелей. Стране нужно больше газа, и Герой Социалистического Труда буровой мастер Дмитрий Иванович Саенко со своей бригадой без устали ведет разведку подземных сокровищ, заставляя недра служить народу. Шебелинцы добывают сейчас столько газа, сколько было запланировано на конец семилетки.

Не многие заводы можно поставить рядом с Балаклейским цементным. Только при сооружении первой очереди было уложено около 180 тысяч кубометров бетона. Наследники боевой и трудовой славы своих отцов бригадиры Константин Бурлак, Юлия Тернопол, Дмитрий Андреев славно трудятся на строительстве завода-гиганта, оснащенного новейшей техникой, где главными помощниками человека являются автоматика и электроника. Впервые в стране решена проблема транспортирования

сырья из карьера на производство с помощью гидравлического шламопровода, что экономит в течение года шестьсот тысяч рублей.

Столбовой дорогой развития социалистической промышленности, создания материально-технической базы коммунизма является технический прогресс. Вот цифры, характеризующие размах этой работы. С начала семилетки на харьковских предприятиях в содружестве с учеными создано 1200 и освоено 1400 новых типов важных народнохозяйственных изделий. Властно входит в практику передовая технология — основа для достижения наивысшей производительности труда. За годы семилетки введено в действие 115 автоматических и полуавтоматических, 570 механизированных поточных линий. Прообразами завтрашнего дня нашей промышленности являются созданные на ряде предприятий опытно-показательные цехи комплексной механизации и автоматизации.

Трудящиеся нашей области поставили перед собой ясную, конкретную цель: выполнить семилетний план по уровню выпуска валовой продукции за пять лет и по производительности труда за шесть лет. Организаторами действенной борьбы за осуществление высоких обязательств выступают заводские коммунисты. Они показывают личный пример, воодушевляют словом и делом.

Много замечательных патриотических дел на счету у коллектива завода «Серп и молот». Соревнование за коммунистический труд, умело направляемое партийной организацией, ежедневно приносит обильные плоды. Сейчас на заводе ширится движение за массовое участие рабочих в упорядочении норм выработки. Инициативные вожаки первого участка цеха МХ-1 мастер Михаил Попов и партгрупорг Иван Киян, опираясь на творческую активность товарищей по работе, осуществили комплекс мероприятий, позволяющий значительно снизить трудоемкость изделий и благодаря этому ежегодно экономить 8100 рублей. Это только один участок! Нетрудно представить себе, что сулит заводу повсеместное распространение ценного начинания.

В коллективе серпомолотовцев выросли прекрасные производственники, являющие пример подлинно коммунистического отношения к труду. Их характеры закаляются в борьбе за осуществление великих начертаний партии, в борьбе за коммунизм. Федор Петрович Марков в совершенстве овладел скоростной штамповкой деталей и обучил прогрессивному методу большую группу производственников. Наладчик Анатолий Данилович Лемента первым освоил проектную мощность автоматической линии на изготовлении деталей дизеля. Так поступают коммунисты, идущие в авангарде великого трудового наступления.

И не случайно «Серп и молот» быстрыми темпами превращается в крупнейшее моторостроительное предприятие страны, становится одним из передовых по уровню механизации и автоматизации. На заводе действуют 32 автоматические линии, почти три четверти всего металлоре-

жущего оборудования в производственных цехах составляют автоматы, полуавтоматы, специальные и агрегатные станки. Только за один прошлый год серпомолотовцы увеличили в 1,7 раза выпуск унифицированных комбайновых и тракторных двигателей.

И когда сегодня мы перелистываем пожелтевшие от времени странички заводской газеты с призывом: «Поднимем из руин и пепла наш родной завод!» — и сравниваем недавнее прошлое с настоящим днем, перед нами встает во всем величии подвиг советского народа в мирном строительстве, равный подвигу военных лет.

Особенно яркие, значительные перемены произошли за последнее десятилетие, которое по важности событий составило целую эпоху в жизни партии и народа. Достигнуты грандиозные успехи в развитии всех отраслей социалистической экономики, науки, культуры, в подъеме благосостояния трудящихся. Эти годы ознаменовались бурным ростом творческой инициативы и активности народных масс. Ленинский курс нашей партии, намеченный XX и XXII съездами, новой Программой КПСС, торжествует и побеждает.

За минувшие десять лет трудящиеся нашей области вместе со всем советским народом сделали большой шаг вперед, порадовали Родину хорошими патриотическими делами. Самоотверженный труд харьковчан обеспечил ускоренное развитие промышленности области, которая выпускает ныне почти втрое больше валовой продукции, чем в 1953 году. Производительность труда возросла за десятилетний период в 2,2 раза.

На пустырях, подступавших к самому Харькову, сейчас возвышаются корпуса заводов, известных всей стране и далеко за ее пределами, и среди них «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина. Марка этого гиганта отечественной энергопромышленности быстро завоевала авторитет и признание. Первоклассные машины, изготовленные в его цехах, работают на мощных электростанциях, приводят в движение прокатные станы, дают силу и скорость магистральным тепловозам.

В 1954 году на этом заводе был собран турбогенератор мощностью 12 тысяч киловатт. Вместе с электротяжмашевцами мы радовались тогда этой производственной победе. Но прошло только семь лет, и тот же коллектив, опыт которого возмужал и окреп, выпустил машину в 300 тысяч киловатт. Впереди новый рубеж — турбогенератор мощностью полмиллиона киловатт. Вот они, характерные приметы последнего десятилетия! И это не единичный факт. Это типичные черты нашего героического времени, это темпы, с которыми советский народ вступил в период развернутого строительства коммунизма.

Под воздействием благотворных идей Программы КПСС формируется новый человек, который уже сегодня живет по моральному кодексу строителя коммунизма. Труд для такого человека — источник радости, наслаждения, первая потребность в жизни. Высокая сознательность и

живое творчество масс наиболее ярко проявляются в движении за коммунистический труд. 478 тысяч тружеников предприятий, строек и транспорта области участвуют в этом патриотическом движении. Около 131 тысячи передовиков производства уже завоевали почетное звание ударника коммунистического труда. Высокого звания коммунистических удостоены коллективы завода кондиционеров, около двух тысяч цехов и бригад.

Разведчики будущего, приняв эстафету из рук своих отцов, умножают славные трудовые традиции, стремятся быть достойными старшего поколения рабочего класса. Много примеров тому дает жизнь коллектива завода имени Малышева. Испытатель дизелей, руководитель бригады коммунистического труда Иван Кириллович Пономарь больше всего дорожит своей рабочей честью. Бывший моторист на торпедном катере, он сегодня с подлинным вдохновением несет мирную трудовую вахту.

Авторитет человека складывается из его практических дел. Это можно сказать и об Иване Пономаре. Чутко прислушиваясь к советам кадровых рабочих, он с завидным упорством овладевал мастерством и стал большим специалистом своего дела. Моторы, испытанные его бригадой,— это показала многолетняя практика — не нуждаются в последующей проверке. Они во всех отношениях безотказны. Именно поэтому Ивану Пономарю и его товарищам доверили сдавать готовую продукцию непосредственно представителю Министерства путей сообщения, минуя заводской контроль. Великое счастье выпало на долю коммуниста Пономаря — он был делегатом исторического XXII съезда КПСС, и это явилось наивысшим признанием авторитета советского рабочего, правофлангового семилетки.

Трудовые будни харьковчан наполнены кипучей творческой деятельностью. На предприятиях и стройках неуклонно растет число изобретателей и рационализаторов. Более 70 тысяч человек — целая армия тружеников — активно совершенствуют производственные процессы, вскрывают резервы производства и ставят их на службу народному хозяйству. За минувшие четыре года внедрено в производство 170 тысяч предложений, давших почти сто миллионов рублей экономии.

День ото дня укрепляется содружество работников науки и производства. Один из крупнейших вузов Харькова — политехнический институт имени В. И. Ленина — связан со 108 различными предприятиями и организациями страны. Более 1500 преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов вместе с производственниками решают важные народнохозяйственные задачи, двигают вперед технический прогресс.

При институте работает шесть проблемных лабораторий и шестнадцать базовых научно-исследовательских лабораторий, созданных совнархозом. Творческое содружество приносит замечательные результаты.

Политехнический институт и Харьковский электромеханический завод общими усилиями создали и внедрили в производство высокоэкономичные преобразователи тока. Только одна подстанция, оснащенная новыми механическими выпрямителями, сберегает в течение года 150 тысяч рублей.

Базовая лаборатория тепловозных и судовых двигателей совместно со специалистами завода имени Малышева разработала конструкцию нового четырехтактного двигателя. Опытные образцы успешно проходят заводские испытания. Народнохозяйственное значение этой работы подтверждает такой факт: эксплуатация 1000 тепловозов с новыми дизелями обеспечит в год 40 миллионов рублей экономии. Большой вклад в решение проблемы наиболее рационального использования природного шебелинского газа вносят химики института.

Ученые политехнического института принимают активное участие в работе института коммунистического труда, созданного на электромеханическом заводе. Занятия в этом институте проходят непосредственно в цехах, у рабочих мест. С помощью научных сотрудников изучаются и обобщаются передовые методы труда, наиболее экономичные и эффективные способы производства, которые затем внедряются в заводскую практику. Формы учебы самые разнообразные. Лекции сочетаются здесь с практическим показом новаторских приемов работы, с организацией внутризаводского и межзаводского обмена опытом. Издаются плакаты, листовки, которые в популярной форме рассказывают о путях достижения высокой производительности труда передовиками производства. Таким образом обеспечивается переход от отдельных рекордов новаторов к общему успеху всего коллектива.

Многие другие вузы Харькова также тесно связаны с производством.

Прочно входят в жизнь, в повседневную практику общественные начала. На предприятиях, стройках и транспорте области создано свыше 500 общественных конструкторских и технологических бюро, бюро экономического анализа. На общественных началах работают 19 научно-исследовательских институтов, групп и лабораторий, 3222 творческие комплексные бригады. Только на тракторном заводе работает 2[illegible] общественных конструкторско-технологических бюро, которые с успехом решают сложные задачи дальнейшей механизации и автоматизации производства. В нашей области около 38 тысяч рабочих, инженеров, техников участвуют в различных общественных объединениях, созданных на производстве.

При Харьковском совнархозе создан совет новаторов, объединяющий усилия передовиков промышленности в их борьбе за технический прогресс. Совет, возглавляемый известным токарем турбинного завода В. Д. Дрокиным, проводит большую работу по изучению и распространению передового опыта, помогает партийным, профсоюзным и хозяйственным

организациям широко внедрять в производство новейшие достижения науки и техники. Такие мастера высокой производительности труда, как токарь завода «Серп и молот» И. В. Курманов, слесарь ХЭМЗа И. И. Сергиенко, газорезчик турбинного завода Б. В. Рыжков, кузнец велозавода М. Ф. Рыкунов, сварщик завода «Свет шахтера» К. С. Жук, проявили себя активными пропагандистами прогрессивных методов работы, обеспечивающих неуклонный рост выпуска продукции с наименьшими затратами средств и времени.

Харьковчане заслуженно гордятся своим земляком Героем Социалистического Труда токарем турбинного завода Константином Сергеевичем Кисляковым, умножающим славу трудового Харькова.

Эти факты свидетельствуют о большой организаторской и воспитательной работе партийных и других общественных организаций, о возросшем умении тесно связывать пропаганду и агитацию с конкретными задачами производства. Массово-политическую работу на предприятиях, стройках, в учреждениях области проводят более 47 тысяч агитаторов, в том числе 21 тысяча руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, специалистов различных отраслей промышленности.

В одном из колхозных музеев хранится рисунок самодеятельного художника, запечатлевшего первый выход в поле сразу же после освобождения Харьковщины. Женщина погоняет коров, запряженных в плуг. Да, это характерная картинка того времени. Гитлеровцы, чуя свою гибель, стремительно откатываясь на запад, ничего не щадили, все уничтожали на своем кровавом пути, оставляли после себя руины и пепелища. Страшный смерч разорения пронесся над некогда цветущими селами. Но не суждено было сбыться расчетам врага. Партия, государство, рабочий класс пришли на помощь колхозному крестьянству. В деревню двинулась мощная отечественная техника. Бескрайние поля огласил рокот тракторов, комбайнов, машины стали надежными помощниками хлеборобов. Неразрывный союз рабочих и крестьян проявился в шефстве промышленных коллективов над колхозами и совхозами. Практическое свое выражение оно получило в широком размахе строительства на селе производственных помещений, механизации и электрификации колхозного производства, в налаживании водоснабжения животноводческих ферм.

Подлинно революционные меры, осуществленные партией, способствуют быстрому подъему сельского хозяйства. Это видно на примере колхозной Харьковщины, которая вносит достойный вклад в создание изобилия продуктов питания для населения и сырья для промышленности. Многие колхозы — имени Орджоникидзе Лозовского района, имени Горького Сахновщинского района, «Маяк» Чугуевского района — стали настоящими фабриками хлеба и мяса, добиваются устойчивых урожаев, дружат с передовой наукой, внедряют в практику все новое, прогрессив-

ное, открывающее дорогу к еще большему расцвету колхозного производства. Есть на кого равняться харьковским хлеборобам и животноводам, есть свои маяки. Герой Социалистического Труда Р. М. Пилипенко, депутат Верховного Совета СССР Е. И. Твердохлеб, знатная доярка В. Ф. Савельева, тракторист, руководитель механизированного звена по выращиванию высоких урожаев кукурузы А. Т. Замлелый, агроном В. Г. Долинская и многие другие запевалы замечательных патриотических дел на селе множат успехи, берут все новые рубежи. Сельское хозяйство нашей области неуклонно идет в гору.

Перед доблестными советскими воинами, вступившими двадцать лет назад в освобожденный Харьков, предстала картина чудовищных разрушений. На месте многоэтажных зданий стояли обугленные коробки, зиявшие черными провалами окон. В груды развалин были превращены целые кварталы. Еще дымились пожары, а в город уже входила новая жизнь. Уже взялся за кельму каменщик, чаще и чаще вспыхивали по вечерам электрические огоньки в отстроенных домах.

Строители — люди самой мирной профессии — находились на переднем крае огромного фронта восстановительных работ. Замаячили в небе ажурные стрелы башенных кранов, город оделся в леса строек, и с каждым днем зримее становился прекрасный облик возрождающегося Харькова.

По воле партии развернулось огромное жилищное строительство. За последние десять лет жилой фонд Харькова увеличился более чем в 1,6 раза. Только с начала семилетки в жилищное строительство вложено 160,8 миллиона рублей. Трудящиеся города и области получили новые жилые дома общей площадью более 1,2 миллиона квадратных метров.

Не проходит дня без радостных новоселий. Новое жилье сооружается скоростными методами. Комплексно застраиваются огромные массивы. В общий архитектурный ансамбль города влились новые жилые районы — Павлово Поле, Селекционная станция, Четырнадцатый квартал.

Быстрыми темпами идет газификация города. Для сравнения назовем такие цифры: в 1940 году было газифицировано только 6777 квартир харьковчан, а в начале 1963 года — уже свыше 80 тысяч. Общее потребление газа в Харькове возросло за эти годы с десяти миллионов до полутора миллиардов кубометров.

Улучшается медицинское обслуживание населения, вступают в строй новые клиники, больницы, число врачей на каждые 10 тысяч жителей области возросло с 19 до 29 человек.

Теплая, по-настоящему отеческая забота проявляется о наших самых маленьких гражданах. С большой любовью строители сооружают для них светлые, просторные детские сады и ясли. За период с 1944 года в области построены 654 школы, в том числе 21 школа-интернат.

Возрожденный Харьков — крупный научный и культурный центр. В двадцати двух высших учебных заведениях обучается 80,5 тысячи студентов, из них более половины занимается на вечерних и заочных отделениях, сочетая труд с учебой. Ежедневно распахиваются двери аудиторий сорока техникумов и училищ.

В 46 научно-исследовательских, 79 проектных и конструкторских институтах решаются важные народнохозяйственные проблемы. Десятитысячная армия научных работников отдает свои знания делу дальнейшего развития производительных сил страны, ускоренного технического прогресса, создания материально-технической базы коммунизма.

Развиваются и крепнут наши интернациональные связи. В шестьдесят стран мира идут промышленные изделия, изготовленные искусными руками харьковчан. В вузах города обучается 658 студентов, аспирантов и стажеров из 29 зарубежных стран.

Растут культурные запросы харьковчан, увеличиваются возможности для наиболее полного их удовлетворения. В Харькове работает 6 театров, государственная филармония. На сценах народных театров выступают талантливые участники художественной самодеятельности. Вечерами харьковчане с большим интересом посещают университеты культуры, созданные на общественных началах.

После XX и XXII съездов КПСС, когда советский демократизм получил новое мощное развитие, значительно повысилась роль местных Советов в мобилизации широчайших масс на решение задач коммунистического строительства. Советы депутатов трудящихся стали активнее влиять на все стороны хозяйственной и общественной жизни. Только по промышленной зоне в областной, городские, районные и поселковые органы власти избран у нас 5391 депутат, из которых 2577 рабочих. Советы, опираясь в своей деятельности на миллионы тружеников, служат для них хорошей школой выработки навыков управления делами государства.

Широкое распространение получают общественные начала. На предприятиях, в колхозах, совхозах, при клубах, школах Харьковской области действуют тысячи народных дружин, товарищеских судов, родительских комитетов, женских советов, квартальных и уличных комитетов.

Большую общественную и государственную работу ведут депутаты Верховного Совета СССР главный конструктор турбинного завода Л. А. Шубенко-Шубин, слесарь-сборщик завода имени Малышева Н. И. Башков, члены парламента Советской Украины слесарь завода «Свет шахтера» А. Я. Погорельцев, работница фабрики имени Тинякова Л. Т. Степаненко, солист оперного театра Е. И. Червонюк и другие народные избранники.

В широких масштабах осуществляется благоустройство Харькова. Площади и улицы одеваются в пышный зеленый наряд, пролегли новые маршруты троллейбусных, трамвайных и автобусных линий. Между круп-

ным индустриальным центром и его пригородами курсируют комфортабельные электрические поезда. Стали еще краше наши сады и парки. В области появились новые здравницы, туристские базы. Пройдет немного времени, и шумный прибой известит о рождении Печенежского моря — крупнейшего гидротехнического сооружения. Это не только решит проблему снабжения Харькова водой,— горожане получат чудесное, благоустроенное место для отдыха.

О бурном развитии Харькова красноречиво говорят цифры роста населения, которое уже превысило миллион человек. Интересно напомнить. что в конце августа 1943 года количество жителей составляло не более 190 тысяч человек.

Вместе со всей страной берет новый разбег орденоносная индустриально-колхозная Харьковщина. Трудящиеся нашей области самоотверженно борются за досрочное выполнение планов семилетки, за осуществление грандиозных задач коммунистического строительства, намеченных решениями XXII съезда партии, новой Программой КПСС.

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Предисловие		5

ОБОРОНА ХАРЬКОВА

А. А. Епишев.	В одном строю со всем народом	19
Н. Н. Гладков.	В упорных оборонительных боях	29
Н. К. Попель.	За Родину!	35
У. И. Кизилов.	Незабываемый год	48
П. П. Коноваленко.	Вместе с армией	51
В. П. Иванов.	Презирая смерть	53
Х. Р. Карасик.	На охране коммуникаций	57
Ф. К. Сыров.	Все силы на разгром врага	60
Л. Г. Гольдфарб.	На бронепоезде	65
П. З. Войтович.	Свой долг выполнили	70
В. А. Рыбалов.	Год тяжелых испытаний	74
П. А. Утин.	Боевые будни народных ополченцев	80

БОРЬБА ХАРЬКОВЧАН В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ ОБЛАСТИ

И. Г. Старинов.	Операция прошла успешно	93
А. В. Коваленко.	Народные мстители	108
П. А. Журавлев.	В боровском подполье	115
И. Н. Кулишов.	Рейд по тылам врага	128
А. Е. Резник.	Наш командир	134
Н. А. Соболев.	Спасибо, девушка Наташа!	138
	Любовь и мужество	141
Р. К. Седов.	Под страхом смертной казни	141
Н. П. Протопопова.	Подвиг	144
А. И. Мещанинов.	Долг врача	147
В. Ф. Труфанова.	Взрыв не состоялся	150

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ХАРЬКОВЩИНЫ

		Стр.
П. Н. Широнин.	Мы стояли насмерть!	157
И. Г. Вернигоренко.	Кровь недаром пролита.	160
И. П. Букаев.	Победа была нелегкой.	162
А. Н. Тюрин.	Верные Родине	167
А. В. Чапаев.	Прямой наводкой	169
Л. Свобода.	Боевое крещение	171
В. Эрбан.	Полковник Билютин	180
З. Кожпар.	Отакар Ярош	184
С. Майка.	Разведчики	188
М. Квашилова-Пишлева.	Женщины взялись за оружие	191
М. Браунова.	Мы никогда этого не забудем...	193
М. В. Захаров.	Воины Степного фронта в боях за Харьков	196
И. Е. Кулагин.	Нам помогали харьковчане	211
П. И. Буняшин.	Мужество, отвага, стойкость	217
И. К. Морозов.	Битва у стен города	228
С. И. Аршинский.	Слово о героях	237
А. П. Дикань.	Решающая битва за Харьков	243
Д. Г. Макаренко.	Связь работала бесперебойно	254
Н. А. Вишневский.	Салют Родины	263
П. Х. Гордиенко.	Легендарная дивизия	277
А. Д. Левашев.	Массовый героизм	284
Н. П. Константинов.	На Изюмском плацдарме	289
В. Г. Кальницкий.	Февраль, 1943	293
Г. И. Анисимов.	Харьковская Краснознаменная.	301
Б. К. Колчигин.	Блестящая победа советского оружия	310
М. Д. Соломатин.	Только вперед!	321
В. В. Семаков.	Освобожденный навсегда!	329
М. Х. Гольберт.	Знамя на заводской трубе.	337
А. И. Шишлянников.	Штурмовые группы	341
А. Ф. Козинский.	По тылам врага	343
В. П. Кособоков.	Бои за каждую улицу и дом	348
А. И. Селиванов.	Снова за творческий труд	351
А. П. Шаповал.	Из незабываемого прошлого	360
А. И. Евсеев.	Впереди коммунисты	367
С. И. Климко.	Путь свободен!	374
Т. И. Ващенко.	Харьков сегодня	382

В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВЩИНУ
Воспоминания участников
Великой Отечественной войны

Редактор И. Ф Щербинин
Оформление художника М. И. Народицкого
Художественный редактор Е. И. Любимов
Техвический редактор М. Г. Шевченко
Корректоры А. А. Осадчая, А. Д. Фоменко

Сдано в набор 14/VI 1963 г. Подписано к печати 17/VII 1963 г.
Бумага 70×90 1/16. Бум. лист. 12,37. Печ. лист. 24,75.
Усл.-печ. лист. 28,82. Уч.-изд. лист. 23,27+14 накидок. Изд. № 85.
Тираж 6000. БЦ 07820. Зак. № 3-261 Цена 78 коп.

Книжная фабрика им Фрунзе Главполиграфиздата
Министерства культуры УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Харьковское книжное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: Харьков, ул. Дзержинского, 3.

Митинг трудящихся турбогенераторного завода имени С. М. Кирова в связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз.

Харьковчане записываются в ряды народного ополчения.

Митинг на заводе «Свет шахтера» в связи с вероломным нападением фашистской Германии на нашу страну.

Сооружение баррикад на площади имени Дзержинского в октябре 1941 года.

Один из плакатов, выпущенных в Харькове в первые дни Великой Отечественной войны.

1941 год. Баррикады на улицах Харькова.

Харьковчане возводят проволочные заграждения на подступах к городу.

Южный вокзал Харькова, разрушенный фашистами. Октябрь 1941 года.

Харьков горит.

Партизанский отряд Волчанского района.

УЧАСТНИКИ ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЫ НА ХАРЬКОВЩИНЕ.

Слева направо вверху: И. И. Бакулин, секретарь подпольного обкома КП(б)У, замучен гестаповцами в тюрьме в сентябре 1942 года. А. М. Китаенко, секретарь подпольного Железнодорожного райкома КП(б)У, расстрелян гестапо в мае 1942 года.

Слева направо внизу: М. Ф. Дубенко, запасной секретарь подпольного Заводского райкома КП(б)У, расстрелян гестапо в мае 1942 года. А. П. Коротун, парторг ЦК КП(б)У, арестован немцами в мае 1942 года.

Слева направо вверху: братья Першины Александр и Николай арестованы гестапо при выполнении спецзадания и расстреляны в мае 1942 года.

Слева направо внизу: мать Першиных Татьяна Михайловна, содействовавшая подпольщикам в их работе, Е. С. Барановская, связная подпольного обкома КП(б)У, расстреляна гестапо в 1942 году.

Слева направо вверху: подпольщики С. И. Буценко, Е. С. Буценко с внуком.

Слева направо внизу: А. Г. Зубарев, секретарь подпольного обкома ЛКСМУ, расстрелян захватчиками в январе 1942 года, Г. А. Никитина, член подпольного обкома ЛКСМУ, расстреляна в январе 1942 года.

Слева вверху: А. Г. Бузника, член подпольной парторганизации Алексеевского района, замучен гитлеровцами в январе 1942 года. Участники антифашистской группы в г. Красноградe, расстрелянные гитлеровцами в 1942 году, справа вверху: П. К. Семеренко (руководитель), слева направо внизу: К. С. Ермак и И. Г. Дзябура.

ПРИСЯГА ПАРТИЗАНА

Я, красный партизан, даю партизанскую клятву перед Родиной, своими боевыми товарищами — красными партизаиами, что буду смел. днсциплинирован. решителен и беспощаден к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комнссаров и товарищей-партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизнн.

Я буду до конца жизни верен своей Родине, партии.

Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара.

Подпись [illegible]

Имя, отчество и фамилия Сало Александр [illegible]

Наименование части, управления, учреждения [illegible]
[illegible]

Текст «Присяги партизана».

УЧАСТНИКИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

Слева направо вверху: А. И. Брауде, комиссар Харьковского партизанского отряда, погиб в 1941 году в боях за Киев. А. М. Салов, командир партизанского отряда № 2 имени Хрущева Изюмского района, погиб в 1942 году. И. А. Дзюба, комиссар партизанского отряда Харьковского района, погиб в бою.

Слева направо внизу: Н. А. Шаповалов, командир группы отряда № 65 Змиевского района, повешен гитлеровцами в 1942 году. А. Н. Шаповалова и Е. Д. Листопад, партизанки этого же отряда, погибли в 1942 году.

Слева направо вверху: И. П. Гуторов, командир партизанского отряда Алексеевского района, А. А. Крамской, партизан этого отряда, замучены гитлеровцами. П. Я. Чурилов, комиссар партизанского отряда Печенежского района, погиб в бою.

Слева направо внизу: Ф. Т. Андрус, И. И. Далуда, партизаны Печенежского района, погибли в 1942 году. Володя Гапон, пионер, разведчик этого отряда, погиб при выполнении задания в 1942 году.

Слева направо вверху: С. О. Лыба, командир партизанского отряда Нововодолажского района, погиб в бою. Е. П. Иванов, комиссар этого отряда, погиб в бою. П. Г. Ковалепко, партизан отряда № 52 Савинского района, погиб в бою.

Слева направо внизу: А. П. Корытный, Д. П. Петух, Я. С. Шавкун, бойцы партизанского отряда № 52 Савинского района, погибли в бою.

Слева направо вверху: А. В. Чернобай, партизан Коломакского отряда, расстрелян фашистами в 1941 году. Ф. С. Коваль, командир Высокопольского партизанского отряда Коломакского района, расстрелян гитлеровцами в 1941 году. Слева направо внизу: партизаны — бывшие рабочие ХЭМЗа Е. И. Проценко и О. И. Виноград.

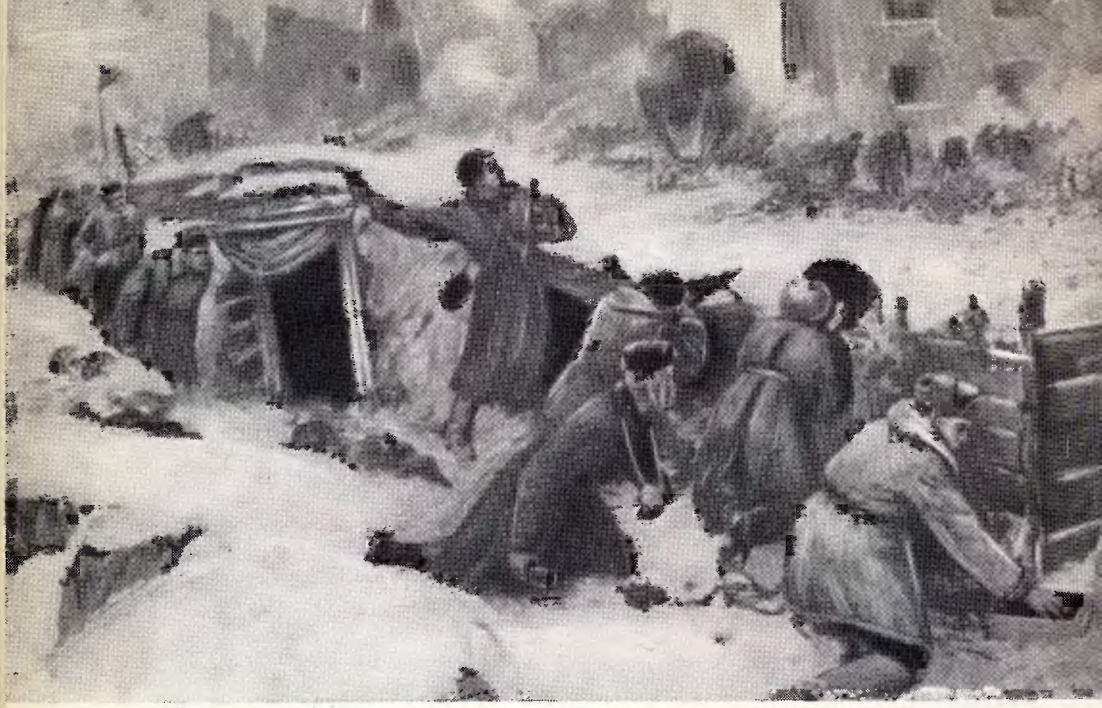
Здания Харьковского дома Красной Армии и «Старого пассажа», взорванные фашистами в 1943 году.

Внизу: Харьковская поликлиника № 6, разрушенная гитлеровцами.

Патриоты, повешенные оккупантами на улицах города.

Трупы раненых советских воинов, сожженных фашистскими убийцами при отступлении.

Группа Героев Советского Союза — широнинцев.

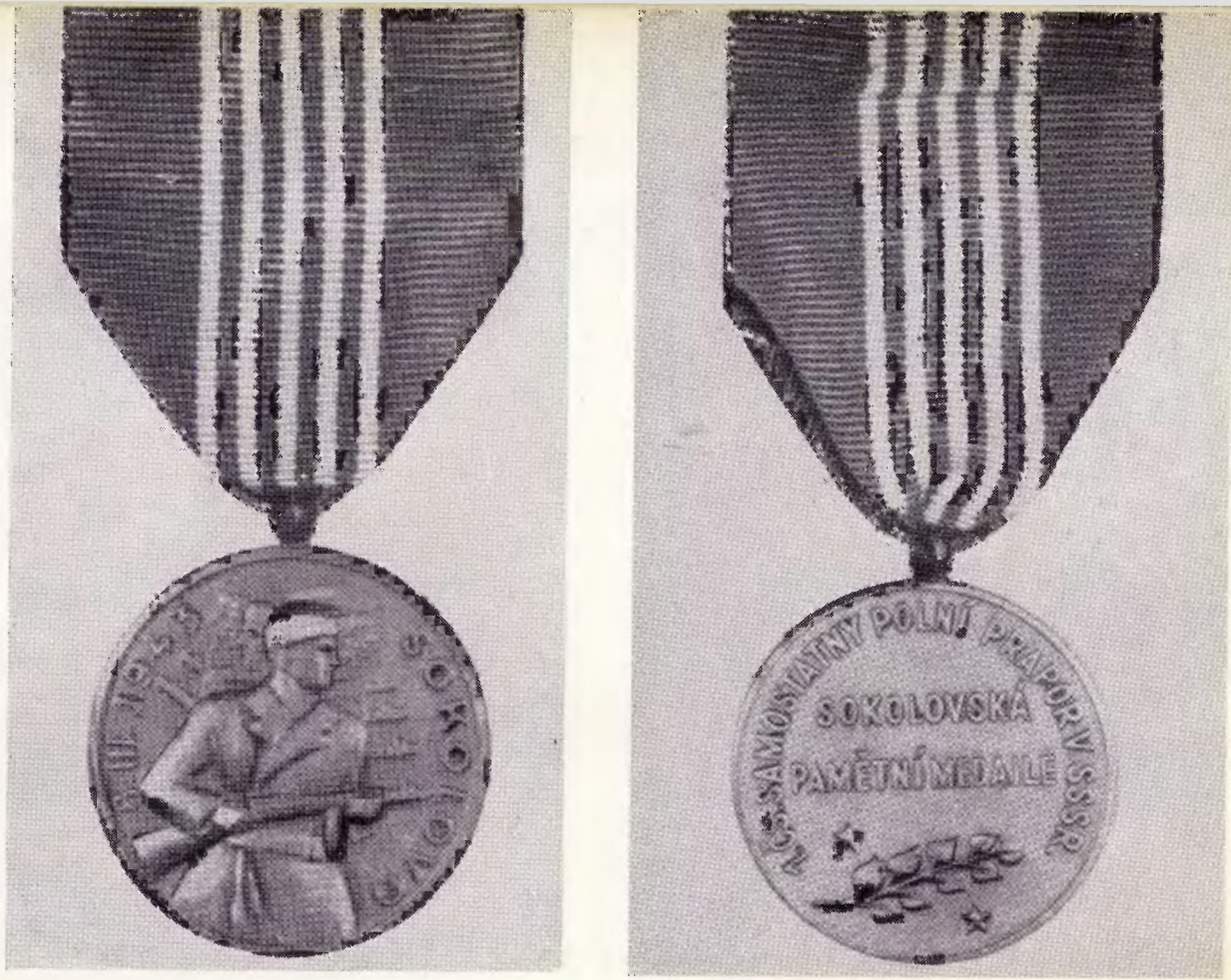


«Стоять насмерть!». *С картины художника Будникова.*

Бойцы 15-й гвардейской дивизии штурмуют укрепления оккупантов на подступах к Харькову.

Герой Советского Союза Антонин Сохор.

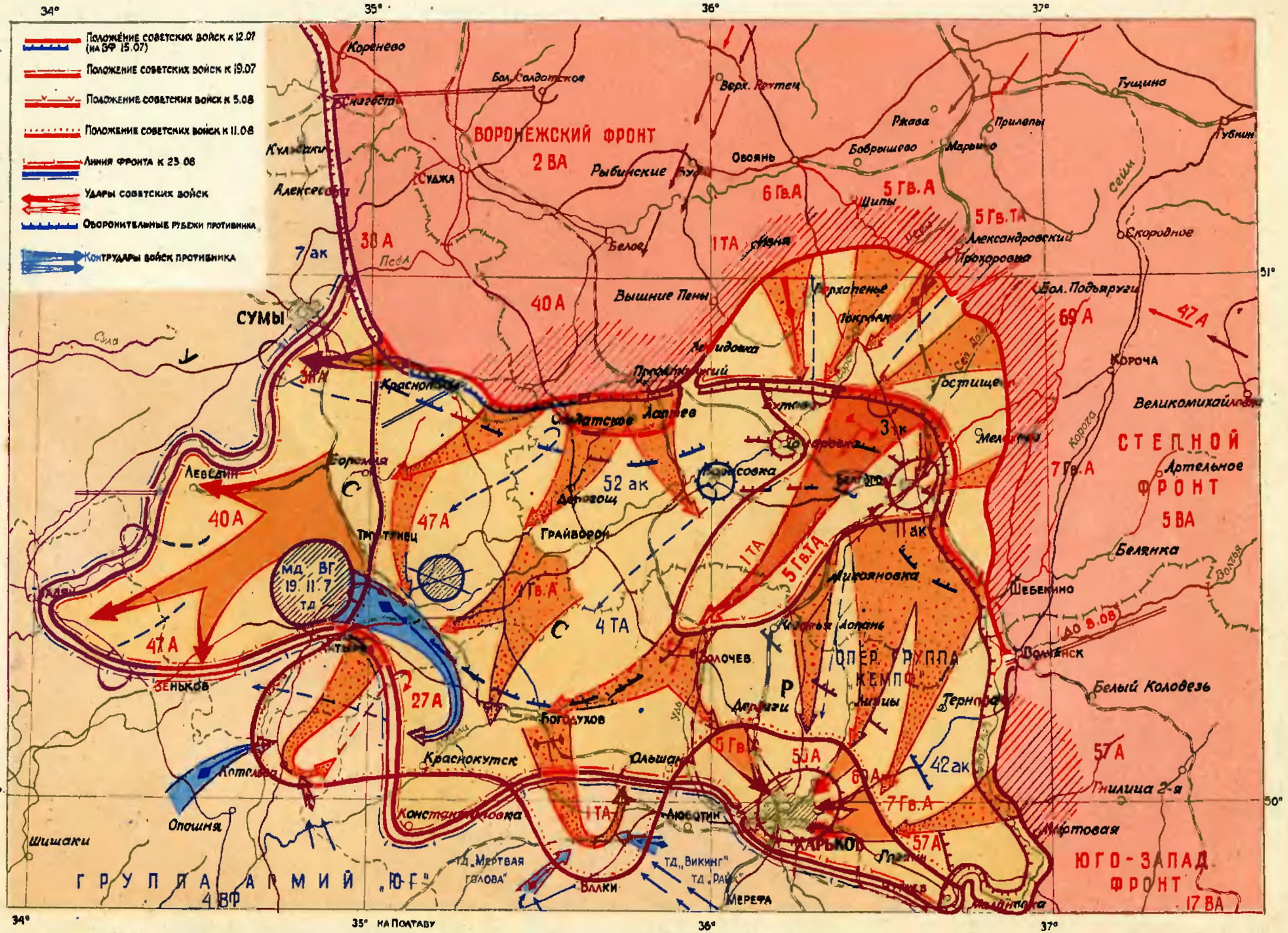
Герой Советского Союза Отакар Ярош.



Памятная медаль, которой правительство Чехословакии наградило участников боя за село Соколово на Харьковщине.

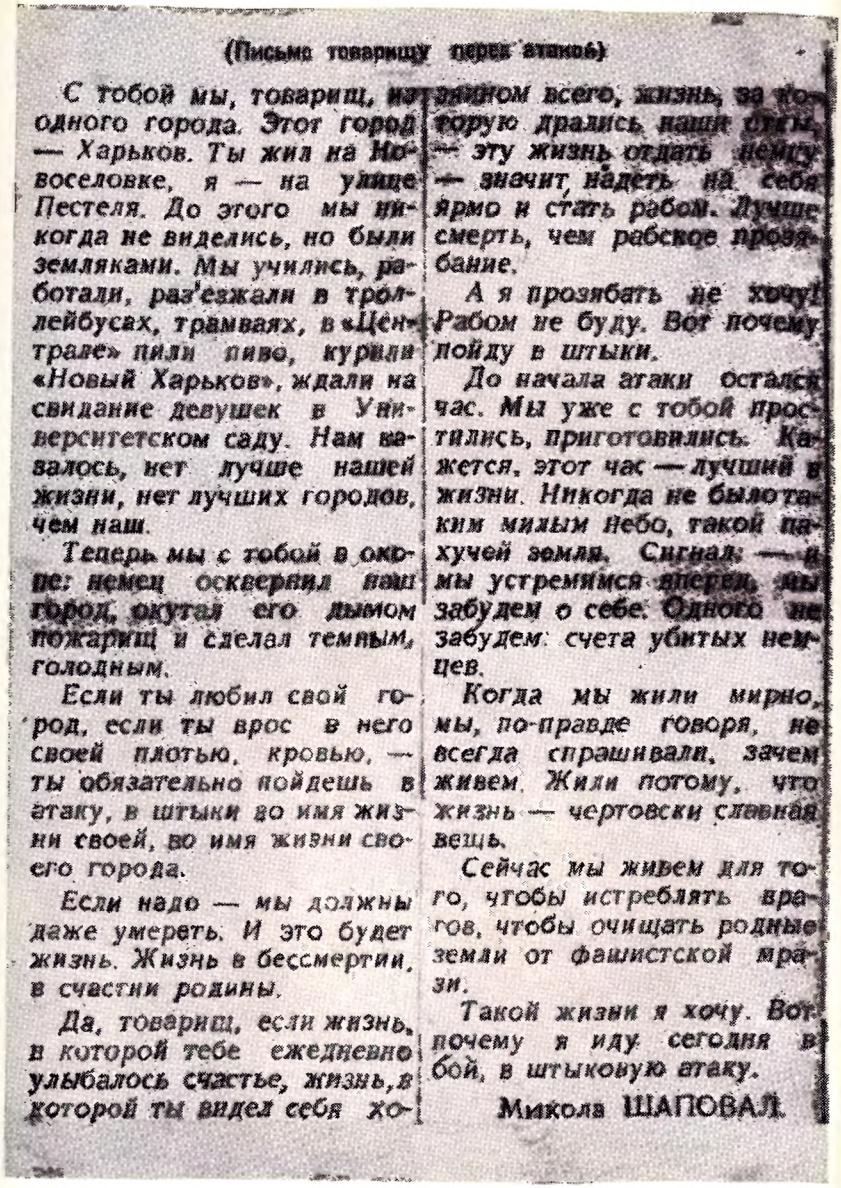
Встреча товарища Н. С. Хрущева с трудящимися освобожденного Харькова.

БИТВА ЗА ХАРЬКОВ



КАЛЕНДАРЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1943 год.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ ПЕРЕД АТАКОЙ



(Письмо товарищу перед атакой)

С тобой мы, товарищ, из одного города. Этот город — Харьков. Ты жил на Новоселовке, я — на улице Пестеля. До этого мы никогда не виделись, но были земляками. Мы учились, работали, раз'езжали в троллейбусах, трамваях, в «Централе» пили пиво, курили «Новый Харьков», ждали на свидание девушек в Университетском саду. Нам казалось, нет лучше нашей жизни, нет лучших городов, чем наш.

Теперь мы с тобой в окопе: немец осквернил наш город, окутал его дымом пожарищ и сделал темным, голодным.

Если ты любил свой город, если ты врос в него своей плотью, кровью, — ты обязательно пойдешь в атаку, в штыки во имя жизни своей, во имя жизни своего города.

Если надо — мы должны даже умереть. И это будет жизнь. Жизнь в бессмертии, в счастии родины.

Да, товарищ, если жизнь, в которой тебе ежедневно улыбалось счастье, жизнь, в которой ты видел себя хозяином всего, жизнь, за которую дрались наши отцы, — эту жизнь отдать немцу — значит, надеть на себя ярмо и стать рабом. Лучше смерть, чем рабское прозябание.

А я прозябать не хочу! Рабом не буду. Вот почему пойду в штыки.

До начала атаки остался час. Мы уже с тобой простились, приготовились. Кажется, этот час — лучший в жизни. Никогда не было таким милым небо, такой пахучей земля. Сигнал: — и мы устремимся вперед, мы забудем о себе. Одного не забудем: счета убитых немцев.

Когда мы жили мирно, мы, по-правде говоря, не всегда спрашивали, зачем живем. Жили потому, что жизнь — чертовски славная вещь.

Сейчас мы живем для того, чтобы истреблять врагов, чтобы очищать родные земли от фашистской мрази.

Такой жизни я хочу. Вот почему я иду сегодня в бой, в штыковую атаку.

Микола ШАПОВАЛ.

С особым волнением читали эту листовку воины-харьковчане...

Бои за Харьков. Советские войска форсируют Северный Донец в районе Волчанска.

Танковый экипаж 1-й гвардейской танковой бригады перед наступлением на Харьков.

Группа офицеров и солдат 5-го танкового корпуса, отличившегося в боях за освобождение Харькова. В центре — генерал-майор А. Г. Кравченко.

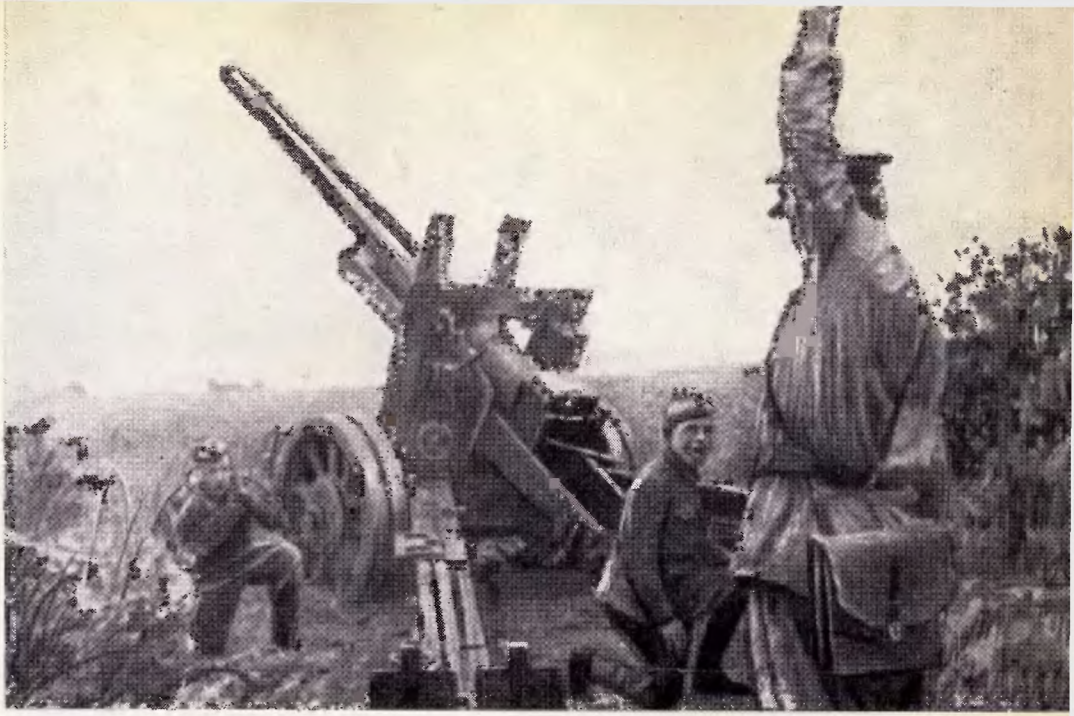
Бои за Харьков. Танковая атака.

Советские воины идут в бой.

На наблюдательном пункте 7-й гвардейской армии накануне решающей битвы за освобождение Харькова. Второй справа — командующий армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Август 1943 года.

Танки и пехота на подступах к городу. Август 1943 года.

Советские бойцы на окраинах Харькова.



В боях за Харьков. Советские артиллеристы ведут огонь по врагу.

Дивизионная партийная комиссия принимает в ряды Коммунистической партии пулеметчика Мухаметчина. Песочин, Харьковской области. 1943 год.

Зенитчики ведут огонь по немецким самолетам после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Харьков. 23 августа 1943 года.

Водружение красного знамени на площади имени Дзержинского.

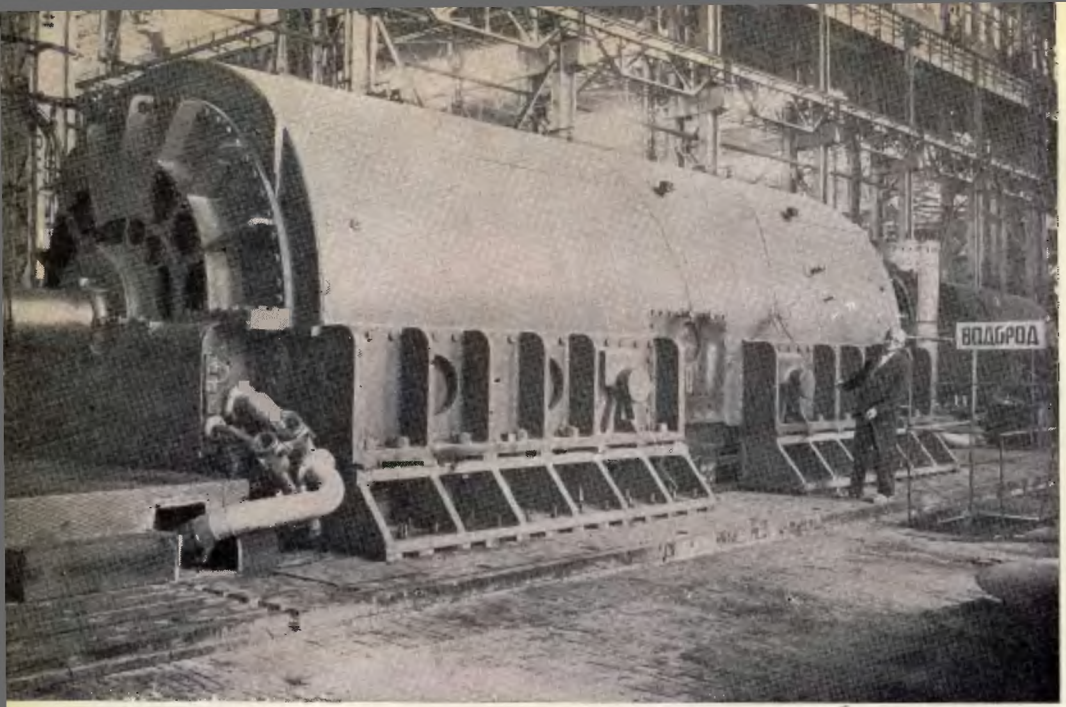
Секретарь Харьковского горкома партии В. М. Чураев (слева)
и командующий 69-й армией генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин среди офицеров
на площади имени Дзержинского. Харьков. 23 августа 1943 года.

Советские части вступают в Харьков.

Площадь Тевелева.

Каждый день харьковчане
[illegible]зднуют новоселье.
Строительство крупноблочных
домов на Павловом Поле.

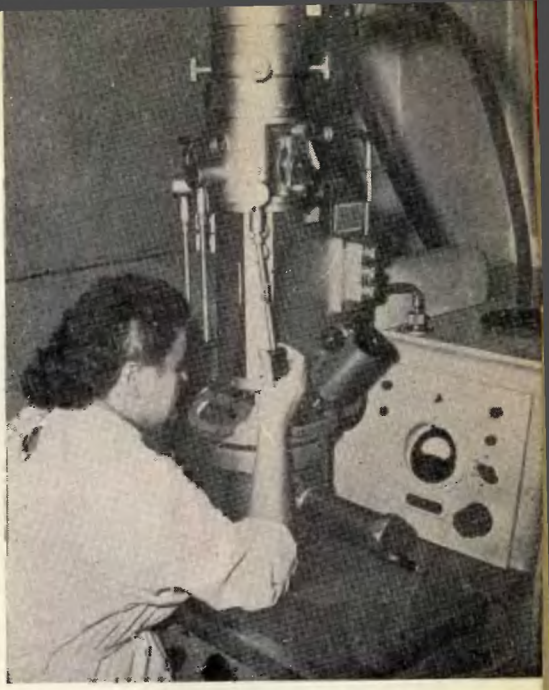
Всегда живые цветы
у памятника тем,
кто отдал жизнь
за власть Советов.



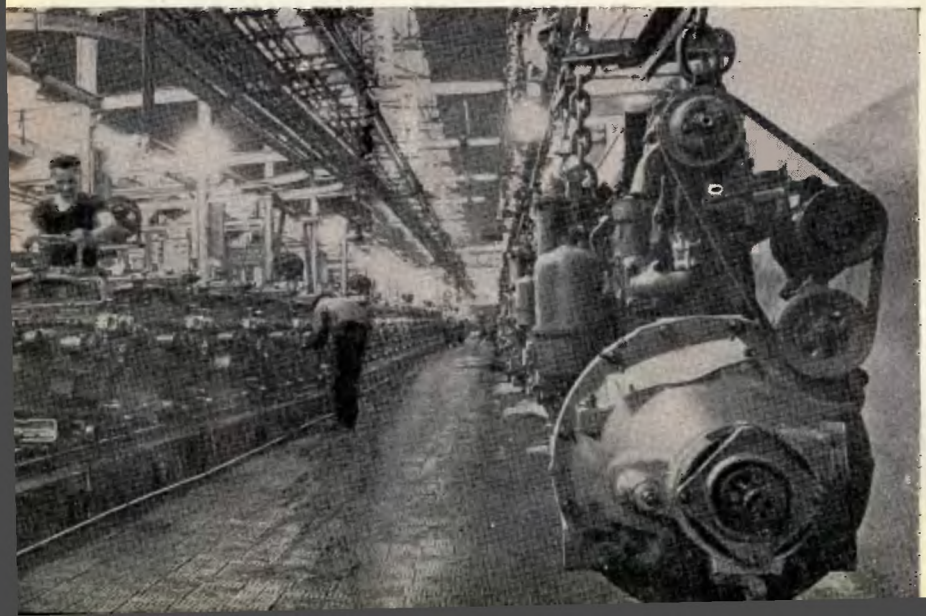
Трехсоттысячный турбогенератор собран! Еще одна победа коллектива завода «Электротяжмаш» имени В. И. Ленина.

Главный конвейер завода «Серп и молот». Идет сборка моторов СМД-14.

Горячим был предпусковой период на Балаклейском цементном заводе. Сегодня гигант отечественной стройиндустрии дает высококачественную продукцию.



Харьков — крупный научный центр. Заведующая лабораторией института им. Мечникова О. И. Овчаренко ведет исследование с помощью электронного микроскопа.



Чугуевский колхоз «Маяк» славен не только своими трудовыми делами. По вечерам здесь звучат задушевные украинские песни, исполняемые самодеятельным хором.

На полях Харьковщины. Междурядная обработка плантации сахарной свеклы в колхозе «Украина» Богодуховского района.

9 (с)27
В11

ЗА ХАРЬКОВЩИНУ